

63.3(0)3
K56

ДРЕВНИЙ РИМ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Под редакцией
Д. П. КАЛЛИСТОВА и С. Л. УТЧЕНКО

3-е ИЗДАНИЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ» МОСКВА • 1969

Д-73 **Древний Рим.** Книга для чтения. Под ред. Д. П. Каллистова и С. Л. Утченко. 3-е изд., доп. и перераб. М., «Просвещение», 1969.

390 с. с илл.

Книга для чтения дополняет учебник по истории древнего мира. В ней содержится более сорока очерков. Их содержание охватывает историю Рима от его основания до гибели Римской империи.

Книга может быть использована как на уроках, так и для внеклассной работы дома, а также в исторических кружках.

ОСНОВАНИЕ РИМА

В одном из римских музеев стоит бронзовое изображение волчицы.

Учёные говорят, что этой волчице скоро будет две с половиной тысячи лет. В те далёкие времена она стояла на площади древнего Рима и напоминала каждому римлянину о легенде, связанной с основанием его родного города.

Рим к этому времени уже стал столицей обширного и могущественного государства, большим, многолюдным и красивым городом. В самых отдалённых уголках Европы, Азии, Африки чувствовалось влияние Рима или, по крайней мере, люди слыхали о нём. Жители Рима гордились тем, что они римские граждане.

Римляне хотели понять, как появился их город. Они ничего не знали о его возникновении. Даже тогда, более двух тысяч лет тому назад, история возникновения города Рима затерялась в глубине веков.

В наше время, когда уже давно нет ни древнего Рима, ни огромной Римской империи, мы знаем о возникновении города Рима больше, чем сами древние римляне. У нас есть данные современной исторической науки. На помощь ей пришла археология. На протяжении столетий много раскопок велось на территории нынешнего города Рима. Эти раскопки помогли нам понять, как возник и начал развиваться этот город.

Мы знаем теперь, что город Рим возник не сразу. Он складывался на протяжении длительного времени. Город зародился на высоких, удобных для обороны холмах,

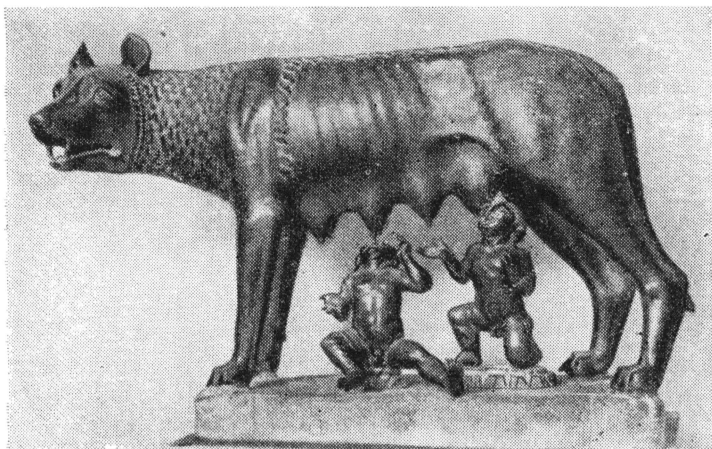

Рис. 1. Волчица, кормящая Ромула и Рема. (*Изображения Ромула и Рема сделаны в XVI в.*)

на берегу судоходной реки Тибра, неподалёку от её впадения в море. Это было удобное и безопасное место. Удобное потому, что река и близость моря помогали развитию торговли и связывали город со странами Востока и Грецией. В то же время и морские разбойники (пираты) не могли неожиданно нападать на город.

Раскопки учёных-археологов показали, что первые поселения появились на Палатинском холме около 1000 г. до н. э. Позднее заселяются холмы Авентинский, Капитольский и другие. Эти поселения постепенно разрастались, сближались друг с другом и, наконец, слились в одно. Когда это произошло, точно установить нельзя. Учёные предполагают, что это было в VIII в. до н. э.

Так в результате длительного исторического развития возник древний город Рим.

Интерес к своему прошлому появился у римлян, как и у других народов, тогда, когда они достигли довольно высокой ступени культурного развития. Но настоящей истории своего города римляне не знали. Подлинное знание им заменила легенда. Она возникла с целью объяснить появление города Рима и происхождение его

названия. В этой легенде вымысел переплетается с воспоминаниями об отдалённых достоверных исторических событиях.

Вот какую легенду мог рассказать каждый римский школьник о волчице и о двух маленьких мальчиках...

Когда погибла древняя Троя¹, некоторым защитникам города удалось спастись. Во главе их стоял Эней. Корабли беглецов долго носились по морским волнам. Наконец ветер пригнал их к берегу. Беглецы увидели широкую реку, впадавшую в море. Берега реки были покрыты лесами, рощами, кустарником. Солнце освещало плодородную равнину, ясное, голубое небо отражалось в водах реки и небольших озёр. Измученные беглецы высадились на берег и решили поселиться здесь. Это был берег Италии, а область называлась *Лацием*. Сын троянца Энея основал в Лации город и назвал его Альба-Лонга.

Прошло много десятилетий. В городе Альба-Лонге правил потомок Энея — Нумитор. Младший брат его — Амулий был коварный и жестокий человек. Амулий ненавидел своего брата Нумитора. Амулий сам хотел стать правителем. Чтобы достичь этой цели, он не останавливался ни перед чем.

В конце концов ему удалось свергнуть Нумитора и сесть на его место. Своего старшего дряхлого и слабого брата Амулий не боялся и оставил его в живых. Он только боялся мести детей и внуков свергнутого брата. Чтобы уберечь себя от этой опасности, жестокий Амулий приказал убить сына Нумитора, а его дочь Рею Сильвию заставил сделаться жрицей богини Весты² — *весталкой*. Вскоре у Реи Сильвии родились два мальчика-близнеца. Их отцом, как рассказывает легенда, был бог войны Марс.

Когда Амулий узнал об этом, он разгневался и испугался. Он боялся, что близнецы — внуки свергнутого им Нумитора — вырастут и будут мстить ему, за деда. Амулий приказал казнить Рею Сильвию, а детей её бросить в Тибр.

¹ О гибели города Трои можно прочитать в книге для чтения «Древняя Греция», изд. З. М., Учпедгиз, 1963.

² Веста — у древних римлян богиня домашнего очага. Жрицы её не могли вступать в брак.

Раб положил детей в корзину и понёс к реке. В это время Тибр разлился, и вода ещё продолжала прибывать. Огромные волны с белыми гребнями ходили по реке. Раб побоялся войти в воду. Он поставил корзину на берег у самой воды и ушёл. Раб думал: вода поднимется выше, подхватит корзину с близнецами, унесёт их и они утонут.

Вода действительно поднялась, но корзины с детьми не унесла: она зацепилась за ветви растущего на берегу дерева.

Вскоре половодье кончилось. Вода спала, а близнецы выпали из корзины на землю и стали кричать. Этот крик услыхала волчица, пришедшая к реке напиться. Волчица подошла к детям, ласково облизала их и напоила своим молоком.

Затем близнецов увидел царский пастух, подобрал их и воспитал. Одного из близнецов он назвал Ромулом, а другого Ремом. Братья выросли и превратились в стройных юношей. Они занимались гимнастикой, охотились, стали ловкими и сильными воинами. Постепенно они заслужили всеобщее расположение и приобрели широкую известность. Их уважали и любили за то, что они помогали бедным и защищали слабых. Слава о Ромуле и Реме разнеслась далеко, и к ним стали приходить бедные крестьяне и даже беглые рабы. Каждый из братьев составил себе небольшой отряд. В одной из стычек с пастухами Нумитора Рем попал в плен. Его привели к Нумитору. Тот был поражен мужественным видом юноши и заинтересовался его происхождением. На вопросы Нумитора Рем отвечал:

«Раньше мы, близнецы, считали себя сыновьями царского пастуха, но теперь, когда решается вопрос о нашей жизни и смерти, я могу сообщить тебе нечто очень важное. Наше рождение окутано тайной. Невероятные вещи слышал я о нашем воспитании и раннем детстве: нас выкормили звери и птицы, на съедение которым нас бросили, волчица давала нам своё молоко, дятлы носили нам пищу, когда мы лежали на берегу большой реки».

Нумитор стал догадываться, что перед ним его внук, один из детей Реи Сильвии. Скоро его догадка превратилась в уверенность. Пастух, воспитывавший близнецов, узнав, что Рем попал в плен к Нумитору, раскрыл Ро-

мулу тайну их рождения. Ромул поспешил на помощь брату. Он двинулся со своим отрядом к Альба-Лонге. По пути к нему стали сбегаться многие жители города, ненавидевшие жестокого, коварного Амулия. В Альба-Лонге вспыхнуло восстание, во главе которого стали Ромул и Рем. Восставшие убили Амулия. Братья вернули власть своему деду Нумитору. Сами они не пожелали остаться в Альба-Лонге. Вместе со многими собравшимися вокруг них людьми братья решили основать новый город. Они выбрали для нового города то место, где когда-то были выброшены Тибром,— Палатинский холм.

Однако вскоре между братьями произошла ссора. Спор возник из-за того, чьим именем назвать новый город, где начать его строить и кому из них править в нём. Они условились выяснить волю богов гаданием по полёту птиц и сели отдельно друг от друга, ожидая благоприятного предзнаменования. Рем первым увидел шесть пролетающих коршунов. Но через несколько мгновений мимо Ромула, при блеске молнии и грохоте грома, пролетело двенадцать коршунов. Братья заспорили. Рем утверждал, что раз к нему первому явились вещие птицы, то преимущество остаётся за ним. Ромул же доказывал, что царём должен быть он: ведь он увидел вдвое больше птиц.

Спор разгорелся с новой силой. Когда Ромул начал копать ров, которым он хотел окружить стену будущего города, Рем, насмехаясь, перескочил через ров и насыпь. Разгневанный Ромул убил брата и над его трупом воскликнул: «Так будет со всяким, кто осмелится переступить стены моего города!»

Затем Ромул приступил к обряду основания города. Он запряг быка и корову в плуг и, погоняя их, провёл глубокую борозду — границу города. Здесь должна была быть воздвигнута городская стена. На месте предполагаемых ворот Ромул приподнимал плуг, поэтому борозда имела перерывы. После этого обряда вся стена считалась священной. Город был назван именем своего основателя, а Ромул стал его первым царём — *рёксом*...

Такова древняя легенда, рассказывающая об основании города Рима.

Позднее римские учёные уверяли, что они смогли точно высчитать и определить дату основания города Рима. Это событие, по их словам, произошло 21 апреля 753 г.

до н. э. Древние римляне ежегодно праздновали этот день.

Мы знаем, что Рим получил своё название не от Ромула, а сама легенда была выдумана, чтобы объяснить возникновение и название города. В этом предании отразились также воспоминания о достоверных, но отдалённых исторических событиях, например о приблизительном времени возникновения Рима, о связи первых римских поселенцев с городом Альба-Лонгой.

Город Альба-Лонга существовал в действительности. Его жители обычно сжигали трупы своих умерших. Раскопки показали, что такой же обычай существовал и у первых поселенцев Палатинского холма. На этом основании учёные считают, что в то время на месте будущего Рима поселились выходцы из Альба-Лонги. По легенде, Ромул основал город на Палатинском холме, то есть именно там, где в действительности появились первые поселенцы. Так, в вымышленном, легендарном рассказе проступают следы подлинных событий римской старины. Сам рассказ об основании Рима — легенда, а Ромул и Рем — мифические личности.

Таким же легендарным является рассказ и о дальнейшей жизни, деятельности и смерти Ромула после основания Рима.

По преданию, Ромул, основав город, стал его царем. Он окружил себя телохранителями — *ликторами*. Они ходили с пучками прутьев, в которые была воткнута секира. Такие пучки назывались *фасции*. Ими наказывали тех, кто провинился перед правителем.

Население Рима было ещё немногочисленно. Чтобы увеличить население города, Ромул охотно принимал к себе беглецов и изгнанников из других городов.

Римляне были воинственны. Они часто совершали набеги, из которых возвращались с добычей и пленными. Город рос. Однако в нём было мало женщин. Тогда Ромул направил посольства к соседним племенам с просьбой разрешить их девушкам выходить замуж за римлян. Все соседние племена отказались от этого. Они отвечали, что не хотят иметь никаких дел с беглецами и разбойниками.

Ромул решил прибегнуть к хитрости. Он объявил этим племенам, что вскоре в Риме будут происходить празднества. К торжествам делались роскошные приготовления.

Предстоящее зрелище привлекло массу людей. Особенно много пришло из соседнего племени — *сабинян*. Они явились со своими жёнами и детьми. Вскоре начались игры, и, когда внимание присутствующих было отвлечено, Ромул подал заранее условленный знак. По этому знаку римские юноши бросились в толпу гостей. Каждый из римлян схватил на руки девушку-сабинянку и унёс её в свой дом. Оскорблённые сабиняне удалились с праздника, поклявшись отомстить вероломным римлянам. Между сабинянами и римлянами завязалась ожесточённая борьба.

Через некоторое время большое войско сабинян под предводительством их царя Тита Тация подступило к Риму. В узкой долине, расположенной между двумя холмами, произошло решительное сражение. Падали под ударами мечей и стрел убитые и раненые. Вдруг обе сражающиеся стороны услышали громкие крики и плач женщин. Битва приостановилась — и глазам воинов представило необычайное зрелище. С воплями и рыданиями, прижимая к себе грудных детей, с распущенными волосами сбегали с холмов похищенные некогда сабинянки. Они бросились в ряды воинов, умоляя своих отцов и мужей прекратить побоище и не делать их сиротами или вдовами. Слезы и мольбы женщин тронули сердца воинов, и они прекратили кровопролитие. Оба предводителя — Ромул и Тит Таций — выступили на середину и заключили мир. Отныне оба племени объединялись под совместным управлением правителя сабинян и правителя римлян. Некоторое время Ромул и Тит Таций (до смерти последнего) правили вместе...

Так легенда о похищении сабинянок отразила слияние на территории древнего Рима различных племён. Конечно, это не произошло так быстро, как рассказывает предание, а продолжалось длительное время. Раскопки показали, что наряду с поселенцами на Палатинском холме, сжигавшими, как мы уже знаем, умерших, поселенцы на соседних холмах хоронили мертвецов иначе — зарывали трупы в землю. Многие учёные полагают, что это и были сабиняне, о которых говорят старые римские предания.

Таковы легенды, связанные с основанием Рима. Вот почему в одном из римских музеев стоит бронзовое изображение волчицы.

РИМ ПРИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЯХ

В столице Италии — Риме много памятников старины. Некоторые из них ещё хорошо сохранились, от других осталось очень немногое.

На Палатинском холме видна груда больших, грубо отёсанных камней. Вид их говорит о величайшей древности бывшего здесь сооружения. Римляне называли его стеной Ромула. По преданию, это часть городской стены, построенной легендарным основателем Рима. Кое-где в городе видны остатки другой стены. Она тоже сложена из крупных, плотно пригнанных друг к другу камней. На наш вопрос каждый житель ответит: «Это стена Сёрвия Туллия».

Спустимся к реке Тибр и пройдем вдоль берега. Вскоре мы увидим широкое отверстие, похожее на вход в каменную пещеру. Но это не пещера, а искусно сделанная огромная каменная сточная труба — настоящий подземный канал, весь выложенный твёрдым известняком. Вот уже больше двух тысяч лет бегут по нему канализационные воды и вливаются в Тибр. «Это Большая клоака», — говорят римляне и приписывают постройку её Тарквинию Древнему.

Все эти сооружения сохранились с древнейших времён, но мы не знаем, кто в действительности их строил.

История первых столетий существования Рима неизвестна. Многие события, имена героев, правителей придуманы были позднее, когда римлянам захотелось узнать своё прошлое. Не умея объяснить подлинные причины происхождения тех или иных учреждений и обычаев, римляне соединяли их с деятельностью первых легендарных царей.

Свои религиозные обычаи они, например, связывали с именем второго царя Нумы Помпилия. Предание изображает Нуму Помпилия в отличие от воинственного Ромула миролюбивым правителем. Он старался смягчить суровые, грубые нравы древних римлян и приучал их к мирным занятиям: земледелию и ремеслу.

В Риме был храм Януса, некогда главного бога римлян, который считался охранителем мира. По обычаю, когда начиналась война, тяжёлые двери храма Януса отворялись настежь и оставались открытыми до заключения мира. При Нуме Помпилии ворота храма Януса все-

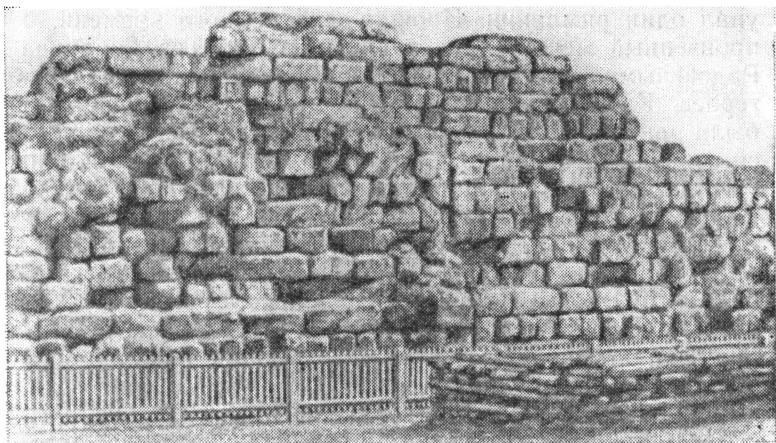

Рис. 2. Стена Сервия Туллия.

гда оставались закрытыми, так как в государстве царил мир.

Старых обычаев в Риме было много, но о том, как и когда они возникли, римляне почти ничего не знали. Осуждённый на смерть мог обратиться к народному собранию с жалобой — *апелляцией*. Возникновение этого обычая римляне связывали с именем Горация. Вот как рассказывает об этом старинная римская легенда...

При воинственном царе Тулле Гостилии началась война Рима с городом Альба-Лонгой, откуда некогда вышли сами римляне.

Когда два враждебных войска стояли друг против друга, альбанский вождь предложил решить войну единоборством и тем избежать общего кровопролития.

«Пусть наиболее достойные альбанцы и римляне, — сказал он, — сразятся между собой. Их поединок решит, кому подчиниться, а кому властвовать».

Римляне согласились и выставили трёх братьев-близнецов Горациев. В войске противника также оказалось три брата-близнеца, одного возраста с Горациями. Это были братья Куриции.

По данному знаку юноши обнажили мечи и бросились друг на друга. С напряжённым вниманием оба войска следили за поединком. После короткой яростной схватки

упал один римлянин. Прошло ещё немного времени, и, пронзённый мечом, пал второй из братьев Горацев. Радостными криками альбанцы приветствовали своих героев. Казалось, победа была близка. Хотя Куриации были ранены, но их было трое против одного, оставшегося невредимым, Горация. Римляне угрюмо молчали. Они уже не надеялись на благоприятный исход поединка. Вдруг ропот негодования прошёл по рядам римских воинов. Они увидели, что последний из Горацев обратился в бегство. Насмешки послышались из рядов воинов Альба-Лонги. Братья Куриации бежали за врагом. Преследуя его, они, забыв осторожность, отделились друг от друга на большое расстояние. Неожиданно Гораций остановился и, повернувшись, яростно напал на первого из подбегавших к нему братьев. Схватка длилась недолго, и Куриаций пал под ударом меча. Такая же участь постигла и второго Куриация. Когда же третий брат, тяжело раненный, едва переводя дыхание, подбежал к Горацию, то римлянин легко одолел и его. К победителю восторженно, с радостными приветствиями бросились его сограждане. Альбанцы, согласно условию, подчинились власти римлян.

Гордо впереди войска возвращался в Рим победитель Гораций. Он с торжеством нёс свои боевые доспехи и трофеи: вооружение и платье трёх Куриациев. В воротах города его приветствовала толпа римлян. Среди толпы находилась и родная сестра Горация. Она с тревогой ждала брата. Её волнение понятно: она была не только сестрою Горацев, двое из которых только что пали на поле битвы, но и невестой одного из братьев Куриациев.

Увидев среди трофеев брата платье своего жениха, она поняла, что его нет в живых. Распустив волосы и ломая руки, она стала громко рыдать, повторяя имя своего любимого. Это возмутило её сурового брата. Гораций стал упрекать сестру, но та продолжала рыдать. Тогда Гораций в гневе пронзил её мечом, ещё не высохшим от крови побеждённых им противников. «Ступай к своему жениху,— воскликнул он,— ты забыла убитых братьев, забыла своё отечество. И так впредь будет с каждым римлянином, который станет оплакивать врага!»

За убийство сестры, по закону, Гораций был приговорён к смерти. Ликтор подошёл, чтобы связать руки осуждённому. Но Гораций обратился к народу, за кото-

рым было последнее слово. Отец Горация выступил в защиту сына. «Дочь моя, — сказал он, — забыла родину, которую спас её брат. Если бы этого не совершил сын, я сам бы убил её...»

Не удивляйтесь, что отец Горация говорил так. Ведь он был глава семьи, а в римской семье власть отца не знала ограничений. Семьи в древнем Риме не были похожи на современные. Семья состояла из нескольких десятков (а то и больше) человек. В неё входили сыновья, жёны сыновей, незамужние дочери. Над всеми властвовал отец семейства. Он имел право продать своих детей в рабство и даже казнить их. Поэтому, если бы отец сам убил свою дочь, то за это никто не мог бы осудить его. Он использовал бы своё законное право.

Народное собрание оправдало Горация, оружие которого только что спасло город от рабства и дало победу над врагом.

В старинной легенде о Горациях и Куриациях отразились разные стороны жизни древнейшего Рима.

В ней видна роль, которую уже в глубокой древности играло народное собрание в Риме. Оно могло отменить смертный приговор, вынесенный римскому гражданину. Народное собрание принимало или отвергало законы, избирало всех высших должностных лиц, в том числе и царя (рекса), верховного правителя Рима.

Царь в древнем Риме носил одежду, отличающую его от других: красную высокую обувь, красный плащ. Перед ним шли двенадцать ликторов-телохранителей. Он сидел на особом кресле — троне. И всё же это не был настоящий самодержавный властитель, какими были восточные деспоты.

Власть царя не переходила по наследству. Он избирался народным собранием, состоящим из мужчин-воинов. Народное собрание выбирало племенного вождя, который становился военачальником, жрецом и судьёй.

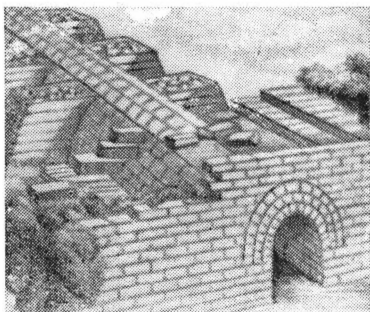

Рис. 3. Выход Большой клоаки в Тибр.

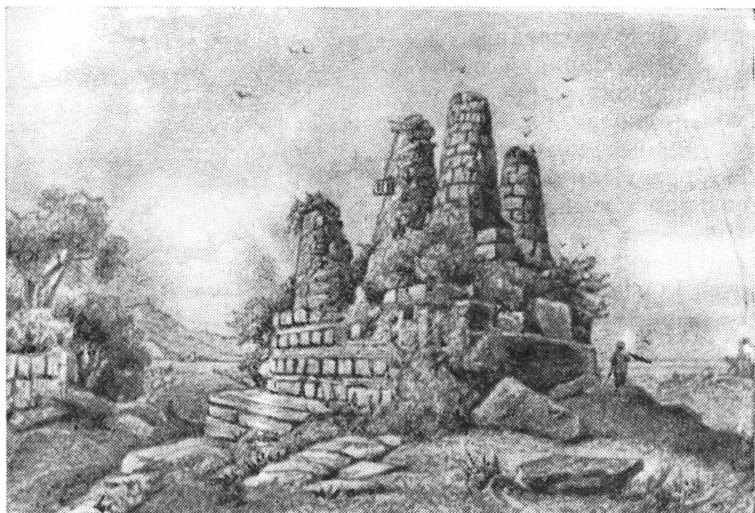

Рис. 4. Гробница Горациев и Куриациев.

Такие вожди (рексы, басилеи) были везде, где ещё не появились классы, а люди жили родовым строем. Общество древнейшего Рима тоже не было классовым обществом. Римляне жили родовым строем.

По преданию, всё население древнейшего Рима состояло из трёхсот родов. Члены каждого рода сообща владели землёй, справляли общие религиозные праздники, имели общее кладбище. Общее имя указывало на принадлежность к одному роду. Следы этого сохранялись долго. Когда римляне говорили: «Публий Корнелий» или «Квинт Гораций», то все знали, что Публий происходит из рода Корнелиев, а Квинт из рода Горациев. Кроме этих двух имён, часто прибавлялось ещё третье — прозвище, которое переходило по наследству и превращалось в семейное имя. Например, когда говорили: «Публий Корнелий Сципион», это значило: Публий из рода Корнелиев, из семьи Сципионов¹.

Во главе рода стоял старейшина. Он избирался всеми

¹ Личных мужских имён у римлян было немного, а женщины вообще носили только родовые имена — Корнелия, Юлия, Семпрония и т. д.

членами рода. Постепенно вошло в обычай выбирать старейшин из одной и той же семьи рода. Так начала складываться в Риме родовая аристократия.

Каждые десять родов объединялись в *курии*, которых насчитывалось тридцать. Каждые десять курий объединялись в *трибу*. Следовательно, было три трибы. Каждая из них представляла собой особое племя. Некоторые учёные считают, что одна из триб являлась объединением латинских родов, другая — сабинских, а третья — *этрусских*¹.

Совет старейшин родов (*сенат*) ведал важнейшими делами римского народа. Сенаторы следили за соблюдением обычаев и были советниками царя. Кроме того, для решения некоторых дел собирались патриции по куриям.

Таким образом, триста родов, объединённых в конечном счёте в три трибы, составляли римский народ. Значит, к римскому народу мог принадлежать лишь тот, кто был членом рода, а через свой род — членом курии и трибы. К ним могли принадлежать только коренные, старые жители Рима. Таких называли *патрициями*. Только они были полноправными гражданами Рима.

Между тем население Рима росло. Покорённые соседние племена насильственно переселялись в Рим. Приезжали и оставались в городе и жители окрестностей (и более далёких областей) и даже чужестранцы. Они становились постоянными жителями Рима; такими же были их дети, внуки. Они не были рабами. Это были свободные люди. Но они не входили в состав родов, курий и триб, а потому не принимали участия в народном собрании, не могли занимать общественных должностей, иными словами, они не имели никаких политических прав. Они назывались *плебеями*. Плебеев становилось всё больше и больше. Они занимались хлебопашеством, ремеслом, торговлей. Многие из них богатели. В момент опасности плебеи защищали отечество. Однако патриции относились к ним пренебрежительно, они не вступали с ними в браки, не допускали ни на какие должности.

Среди плебеев росло недовольство своим положением, недовольство господством патрицианских родов. Чем

¹ *Этруски* — племя, жившее в западной части Апеннинского полуострова, к югу от Галлии.

больше становилось плебеев, тем решительнее они добивались прав для себя. Отзвуки этой длительной борьбы плебеев с первоначальным населением Рима — патрициями, борьбы, завершившейся победой плебеев, разрушившей древний родовой строй, отразились в рассказе о знаменитой реформе, которая приписывалась царю Сэrvию Ту́ллию.

Эта реформа была первым этапом борьбы плебеев с патрициями. Всё население Рима было отныне разделено на пять имущественных разрядов (классов). Римские граждане входили в эти разряды уже не по родовому признаку, а в зависимости от имущественного положения. Самые богатые составляли первый разряд. Беднейшее население значилось вне разрядов. Это были неимущие, у которых ничего, кроме детей, потомства, не было. «Потомство» по-латыни — *про́лес*. Поэтому они стали называться *пролетáрии*.

Римская армия тоже стала строиться в зависимости от нового деления на разряды. Первый разряд выставлял 18 *центу́рий* (сотен) всадников и 80 центурий пехотинцев, второй, третий и четвёртый разряды — по 20 центурий пехотинцев и последний, пятый разряд — 30 центурий пехотинцев. Кроме того, выставлялись ещё пять нестроевых центурий, одна из них — пролетариями.

Рим, разделённый внутри на патрициев и плебеев, не имевший внутренней сплочённости, мог легко стать жертвой своих воинственных соседей. Реформа Сервия Туллия укрепила римское войско и создала необходимые условия для дальнейшего усиления Рима.

Кроме того, плебеи отныне были включены в состав граждан. Это отразилось на общественной жизни Рима. Прежние собрания по куриям потеряли своё значение. Они были заменены народными собраниями по центуриям. Каждая центурия имела один голос. Всего центурий было 193. Первый разряд имел 98 центурий, то есть более половины. Это всегда давало ему большинство голосов в собрании¹.

Разделение римской общины на имущественные классы означало конец родового строя и начало классового рабовладельческого государства в древнем Риме.

¹ О разрядах и центуриях см. рассказ «Собрание на Марсовом поле».

Центуриатные собрания существовали в Риме долго, и в их достоверности нельзя сомневаться. Можно только сомневаться в том, что они были введены Сервием Туллем. Их появление — результат длительной и упорной борьбы плебеев.

Во всяком случае, плебеи в дальнейшем считали царя Сервия Туллия своим первым заступником и чтили его память. Патриции же ненавидели Сервия за проведённую им реформу. Они говорили: «Этого человека нельзя считать настоящим царём! Он сын рабыни, низкого происхождения, поэтому и действовал в пользу низших!» Легенда рассказывает, что патриции составили заговор против Сервия Туллия и убили его.

УСТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ

Среди любимых преданий римлян об их далёком прошлом был рассказ о последнем царе. Его имя было Луций Тарквиний. Это был очень честолюбивый и жестокий человек. Такой же была и его жена Туллия — дочь старого царя Сервия Туллия. Луций Тарквиний стремился сам сделаться царем. Когда патриции, ненавидевшие Сервия Туллия, составили против него заговор, Луций и его жена стали во главе заговорщиков. Однажды Луций, считая, что уже настало время действовать, ворвался во главе вооружённых заговорщиков на *фóрум* — центральную площадь города. Луций был в одежде царя. Он прошёл в здание сената и сел на трон. Сервий Туллий поспешил на форум:

— Что это значит, Тарквиний? — спросил он. — Как ты смел при моей жизни садиться на трон?

Старик попытался столкнуть с трона дерзкого захватчика, но у него не хватило на это сил. Тогда Луций Тарквиний схватил старика и сбросил с каменных ступеней. Окровавленный Сервий Туллий попытался встать. На него набросились заговорщики и дббили его, а труп выбросили на улицу. Луций Тарквиний стал царем.

Его жена Туллия первая поздравила его. Когда Туллия возвращалась на колеснице домой, возница вдруг задержал лошадей. Он с испугом указал своей госпоже на лежавший посреди улицы труп Сервия Туллия. Злобно смеясь, Туллия велела погонять лошадей и переехала

через труп отца. В память об этом преступлении римляне долго называли эту улицу «Злодейской».

Так рассказывает предание о воцарении последнего царя Тарквиния.

Тарквиний стремился управлять Римом как неограниченный властелин, без одобрения сената и народа. Даже с самыми знатными людьми, сенаторами, он обращался гордо и надменно. За это он был прозван Гордым. Овладев властью при помощи заговора и убийства, Тарквиний стал подозрительным. Он боялся заговоров и старался запугать своих врагов. Не задумываясь, казнил он неугодных ему людей. Старые обычаи нарушались. Жестокости и несправедливости следовали одна за другой.

Чтобы прославить своё имя и сделать свою власть ещё более крепкой, Тарквиний вёл войны с ближайшими соседями Рима. Ему удалось укрепить положение государства. Тарквиний украшал Рим величественными постройками — храмами, общественными зданиями. Народ был недоволен непрерывными войнами и тяжёлым трудом на строительстве. Но царь и его сыновья, надеясь на свою войско, на свою силу, ничего не боялись.

Вместе с царскими сыновьями рос один юноша. Его имя было Луций. Он был сыном одного из знатнейших патрициев Рима — Марка Юния. Тарквиний казнил Марка Юния. Чтобы обезопасить себя от мести его родичей, Тарквиний лишил жизни и его старшего сына. Но младшего, ещё совсем маленького Луция он пощадил и воспитал вместе со своими сыновьями.

Когда юный Луций подрос, он узнал о судьбе своего отца и брата. Чтобы избежать такой же участи, он притворился слабоумным. Луций так хорошо играл эту роль, что ему все поверили и прозвали его Бру́том, что значит «глупец». Однако в глубине души Луция зрела ненависть к убийце отца и брата.

Легенда рассказывает, что дурные сны стали тревожить совесть Тарквиния. Он решил обратиться за советом к знаменитому *Дельфийскому оракулу*¹ и послал

¹ *Оракул* — у древних греков и римлян предсказания, дававшиеся жрецами и якобы исходившие от бога. Оракулом называли также место, где давались предсказания. О Дельфийском оракуле читай очерк в книге для чтения «Древняя Греция», изд. 3. М., 1963.

в Грецию двух своих сыновей. С ними вместе отправился и товарищ их детства Луций Юний.

Прибыв в Дельфы, сыновья принесли богу Аполлону драгоценные дары. Брут же пожертвовал свою дорожную палку. Но это была не простая палка. Внутри она была выдолблена, и в неё была вставлена другая — из чистого золота. Этот подарок должен был обозначать, что как внутри простой дорожной палки содержался золотой стержень, так под внешним обликом и поведением глупца — Брута — таится высокий и благородный ум.

Выполнив поручение отца, юноши пожелали спросить оракула, кто из них станет управлять Римом. В ответ раздался голос оракула: «Верховную власть в Риме получит тот из вас, кто первый поцелует мать».

Братья заспешили, стремясь первыми вернуться домой. Брут же иначе истолковал смысл этого изречения. Сделав вид, что споткнулся, он упал и незаметно поцеловал землю — общую мать всех людей.

Вскоре последнее преступление царя истощило терпение римлян. Сын Тарквиния нанёс смертельное оскорбление одной из самых знатных женщин Рима — Лукреции. Вспомнились при этом все старые обиды, своеволие, жестокость Тарквиния. Римляне взялись за оружие и восстали против царя. Брут перестал притворяться слабоумным и стал одним из вожakov восстания. На народном собрании в Риме он выступил с пламенной речью. Он говорил о насилиях Тарквиния, о страданиях и тяжёлом труде народа. Он вспомнил убийство Сервия Туллия и преступление его дочери, проехавшей в колеснице по трупу отца. Народное собрание приняло решение лишить Тарквиния власти и изгнать из Рима со всей семьёй. Тарквиния тогда не было в Риме. Он находился в Ардее, в лагере при войске. Услыхав о волнениях, Тарквиний отправился в Рим. В то же время Брут с отрядом вооружённых добровольцев двинулся в лагерь к войску. Войско присоединилось к народному решению.

Римляне не пустили Тарквиния в город. Он нашёл ворота города закрытыми и узнал решение народного собрания о своём изгнании. Ему пришлось подчиниться. Изгнанный царь вместе со всей семьёй удалился в Этрию...

Так рассказывает предание об изгнании последнего римского царя (рекса) — Тарквиния Гордого.

Древние авторы с этого события начинали историю Римской республики. Римские историки считали, что изгнание Тарквиния Гордого произошло в 510 г. до н. э.

Конечно, всё это было придумано позднее. Настоящая история древнейшего Рима малоизвестна, и не всегда возможно отделить истинные события от легенд и мифов. Бесспорно то, что власть царя в Риме была отменена и там установился республиканский образ правления. Учёные справедливо считают, что римская аристократия (патриции) сыграла решающую роль в уничтожении царской власти. Об этом говорит аристократический характер Римской республики.

После изгнания Тарквиния Гордого патриции решили взять правление в свои руки и не выбирать более царя. Само слово «рекс» стало ненавистным. Стремление к единоличной власти было объявлено самым тяжким преступлением. Оно каралось смертью.

Вместо царя стали ежегодно выбираться два высших должностных лица. Они позднее стали называться *кónсулами*. Власть консулов была очень велика. Они были правителями и судьями в римском государстве в дни мира и главнокомандующими римской армией на войне.

Должность консулов считалась самой почётной. Римляне даже каждый год своего календаря называли именами обоих консулов. Вспоминая что-либо, римский гражданин говорил: «Это было в год Пизона — Габиния», то есть когда консулами были Публий Пизон и Авл Габиний. Консулов окружали различными почестями. Они носили *тóгу*, обшитую пурпуром. При исполнении своих обязанностей они восседали на креслах из слоновой кости. Их постоянно сопровождали почётные телохранители — ликторы.

Хотя власть консулов не уступала власти царя, но она была ограничена. Консулы не правили единолично. Их было двое, и управляли они совместно. Один консул всегда мог отменить распоряжение другого. Власть консулов была непродолжительна — их выбирали всего на один год. По истечении года консул становился частным гражданином, и, если он за время своего правления допустил злоупотребления, его можно было привлечь к ответственности. Любое распоряжение консула, если с ним

не были согласны, можно было обжаловать в народном собрании.

Такими мерами римляне ограничивали власть консулов и мешали им превратиться в единоличных правителей.

Наряду с консулами в Римской республике по-прежнему большую роль играл сенат. Сенат пополнялся бывшими консулами и другими должностными лицами. Всего сенаторов было триста. Сенат ведал государственными финансами, внешней политикой, управлением завоёванными территориями, утверждал все законы и руководил выборами должностных лиц.

Заседания сената созывал консул. Он же председательствовал в сенате.

Наконец, в Римской республике существовало народное собрание (*комйции*). На нём выбирали должностных лиц, обсуждали законы, вопросы объявления войны и заключения мира, принимали судебные решения по важнейшим преступлениям. Народное собрание не играло решающей роли. Фактически вся власть принадлежала аристократам. Сенат состоял только из патрициев. Консулы выбирались также из патрициев. Рим превратился в аристократическую республику.

Строй Римской республики, её учреждения и порядки сложились не сразу. Легенды рассказывают про то, как боролась римская республика с врагами, хотевшими её уничтожить и восстановить власть царя.

В героических преданиях прославлялись доблесть, мужество, дисциплина, любовь к отечеству, которое древние римляне ставили выше всего.

Пример преданности отечеству, неподкупности и силы воли показал первый консул республики Юний Брут. Много сделав для свержения власти царя, он твёрдо теперь стоял на страже интересов республики.

Изгнанный из Рима Тарквиний Гордый не желал примириться с потерей своей власти. Он поселился неподалёку от Рима, в одном этрусском городе. Оттуда он через своих сторонников подстрекал знатную римскую молодёжь к заговору против республики. Тайным послам Тарквиния удалось добиться успеха. Против республики составилась заговор. Его участниками были знатные римские юноши, недовольные уничтожением царской власти. Они обещали открыть ворота Рима Тарквинию, когда он

Рис. 5. Этрусский воин.

подойдёт с вооружённым отрядом. Среди заговорщиков были два сына Юния Брута и два племянника второго консула.

Простые граждане не хотели возвращения рекса. Их бдительность помогла раскрыть заговор. Заговорщики были схвачены.

Консулы собрали народ на форуме. Они должны были в присутствии народа судить изменников. Юний Брут допросил своих сыновей об участии в заговоре, выслушал их признание и сам вынес приговор: смертная казнь за преступление против республики.

По знаку Брута ликторы развязали свои прутья, жестоко высекли осуждённых, а затем отрубили им головы. Брут сидел спокойно и смотрел на казнь, ни разу не отвернувшись. Второй консул не обладал суровым мужеством Брута. Он попытался спасти жизнь своих племянников и предложил изгнать их из Рима. Брут был непоколебим и настоял на смертной казни. А консул, который не проявил достаточной твёрдости в борьбе с врагами отечества, по предложению Брута, должен был удалиться в изгнание.

Так были разрушены планы Тарквиния вернуться в Рим с помощью заговора. Узнав о крушении своих надежд, Тарквиний не успокоился. Полный ненависти к Риму, он стал возбуждать против него соседние города. Тарквиний надеялся с их помощью восстановить свою власть. «Если вы не поможете мне вернуться на трон и наказать тех, кто свергает царей, то и вам грозит такая же опасность!» — говорил Тарквиний правителям соседних этруских городов.

Ему удалось склонить к войне с римлянами правителя города Клúзия — Порсénну. Порсенна уже давно искал случая нанести удар усиливающемуся Риму.

Большое войско Порсенны двинулось в поход на Рим. Вскоре он появился вблизи города и окружил его. Река Тибр защищала город. Через реку был переброшен единственный мост, который охранял небольшой отряд римлян. При виде огромных сил врага римляне обратились в бегство. Только один воин, по имени Гораций Кóклес, остался на мосту. Он решил умереть, но не пропустить врагов. Воодушевлённые примером героя, некоторые римские воины, устыдившись своего бегства, остановились и повернули против неприятеля. Гораций Коклес приказал им как можно быстрее разрушить мост, а сам напал на врага. От его сокрушительных ударов этруски падали один за другим. А в это время за его спиной римские воины разбирали мост. Вскоре раздался треск, грохот. Мост рухнул. Гораций Коклес в полном вооружении прыгнул в воды Тибра и под градом неприятельских стрел невредимым добрался до своих. Сograждане восторженно встретили героя.

Разрушение моста не позволило Порсенне взять Рим сразу, одним ударом. Порсенна перешёл к осаде города. Осада была длительной. В городе начались болезни и голод. Тогда один молодой римлянин, по имени Мúций, решился на отчаянный шаг. Спрятав под плащом кинжал, он один отправился в неприятельский лагерь, чтобы убить Порсенну. Ему благоприятствовала удача, и, никем не задержанный, он пробрался в палатку Порсенны. В это время там раздавали жалованье воинам. Это делал писарь, и воины то и дело подходили к нему с вопросами. Муций не знал Порсенну в лицо и, приняв писаря за царя, бросился на него и поразил кинжалом. Этрусские воины схватили Муция, обезоружили и привели к Порсенне.

— Кто ты такой? — спросил Порсенна.

Юноша бесстрашно ответил царю:

— Я римский гражданин. Зовут меня Мúций. Я хотел убить тебя — врага моего отечества. Я ошибся, и ты уцелел. Но всё равно дни твои сочтены. Триста римских юношей составили заговор на твою жизнь. Первый жребий пал на меня. То, что не удалось мне, удастся кому-нибудь из остальных.

Порсенна потребовал, чтобы Муций назвал имена заговорщиков и раскрыл их планы. Муций молчал. Разгневанный Порсенна угрожал сжечь его живым на костре и приказал развести огонь. Муций, не сказав ни слова, подошёл к стоявшей рядом жаровне и положил правую руку на пылающие угли. Муций стоял не дрогнув, пока его рука медленно обугливалась. Присутствующие были поражены ужасом, а больше всех — их предводитель, когда он увидел, с каким презрением относится римский юноша к физическим страданиям. Порсенна вскочил, приказал оттащить юношу от жаровни и вскричал:

— Ступай отсюда безнаказанно. Ты с собой поступил более жестоко, чем со мной. Желал бы я, чтобы и за меня сражались такие бесстрашные люди!

Изумленный храбростью римлян и опасаясь за свою жизнь, Порсенна не только отпустил Муция, но и снял осаду с Рима.

Благодарные римляне высоко оценили подвиг Муция. Ему дали прозвище Сцевола (что значит «левша»). Прозвище это стало почётным именем потомков Муция, напоминая всем о великой самоотверженности героя, который, не колеблясь, пошёл на страшные мучения ради своей родины. Имя Муция Сцеволы стало нарицательным, и сейчас оно встречается в литературе для обозначения бесстрашного героя, жертвующего всем для отечества.

Таковы некоторые из героических легенд, относящиеся к первым годам существования Римской республики. Конечно, многое в них преувеличено, но они ярко рассказывают о мужественной борьбе римлян за установление республики, при которой Рим достиг своего могущества и процветания.

СОБРАНИЕ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Глашатаи объявили: завтра на Мёрсовом поле состоится народное собрание по центуриям. Граждан, толпившихся на форуме, оповещали об этом уже третий раз. Дважды народное собрание откладывалось. И на этот раз тоже ни у кого не было уверенности, что оно состоится.

Жизнь древних римлян была полна суеверий. Не умея объяснить большинства явлений природы, римляне на-

селили мир сотнями богов, главных и второстепенных, добрых и злых, от которых будто бы зависело всё в жизни человека. Без одобрения этих таинственных сил римляне ничего не начинали. Поэтому не так-то просто было выбрать день для народного собрания. Его нельзя было назначить в праздники, каких было немало. Нельзя было его назначить и в некоторые будние дни. Ведь суеверные римляне многие дни в году считали несчастливыми. Жрецы поддерживали эти суеверия и пользовались ими в своих интересах. Несчастливыми считались дни, посвящённые почитанию умерших, и годовщины великих бедствий народа. Несчастливым был последний день каждого месяца и ряд других. Во все такие дни нельзя было назначать народные собрания.

Когда же наконец после долгих поисков и колебаний выбирали день, «угодный богам», то всё-таки даже накануне никто не мог сказать, будет ли собрание завтра. Впереди была целая ночь. Она могла принести много изменений. Эту ночь, с полночи до восхода солнца, должностные лица проведут под открытым небом на Марсовом поле. Там вместе со специальными гадалками — *авгурами* — они должны будут наблюдать явления природы, следя за хорошими и дурными предзнаменованиями. Авгуры гадали по полёту и крику птиц. При этом всё принималось во внимание, всё имело особое значение: и то, куда летит птица, и высоко ли она летит, и как машет крыльями, и где садится, и как кричит. Дурным знаком считался глухой, сдавленный крик ворона, появление болтливой вороны, а ещё того хуже, если её карканье слышалось с правой стороны. Много знали авгуры иных зловещих предзнаменований. А если уж появилось плохое знамение, то нельзя было созывать граждан и народное собрание откладывалось до лучшего, более благоприятного дня.

Вот почему, когда глашатаи прокричали на форуме, что завтра состоится народное собрание, граждане не были убеждены, что так и будет.

День был базарный, и на форуме толпилось много народу: крестьяне, привёзшие в город для продажи и обмена хлеб, молоко, масло, вино; ремесленники, предлагавшие свои изделия; случайные прохожие, любопытные — мужчины, женщины, дети. В группе неподалёку от места, где находился глашатай, стояло двое людей. Один

из них был пожилой мужчина, одетый в длинную рубаху без рукавов, которую римляне называли *туникой*. Его крепкие мозолистые руки, в которых он держал небольшой медный кувшин, говорили, что это ремесленник, по видимому, член объединения медников. В Риме издавна уже существовало несколько объединений ремесленников: медников, плотников, валяльщиков, горшечников, башмачников, красильщиков, золотых дел мастеров и музыкантов.

Второй — совсем юноша, хотя одет он был как взрослый мужчина. Вероятно, совсем недавно он снял свою школьную *буллу* (медальон, висевший на шее римских школьников) и повесил её у домашнего очага в знак того, что стал *квиритом*¹. Выслушав объявление глашатая, юноша обратился к своему спутнику:

— Жаль мне будет, Күрций, если и завтра отменят собрание, как в прошлый раз.

— Всё может случиться, Марк, — ответил Курций. — Я только не помню, что явилось причиной отмены предыдущего собрания.

— Разве ты забыл? В ночь накануне собрания авгуры слышали, как зелёный дятел, священная птица бога Марса, прокричал с правой стороны. Это очень дурной знак. Не правда ли?

— Спору нет, это дурной знак, — согласился Курций, — только он очень уж на руку пришёлся патрициям. Прошлый базарный день слишком много крестьян пришло в город. Это не понравилось патрициям. Крестьяне снова жаловались на то, что они сражаются, проливают кровь, добывают для Рима новые общественные земли, а эти земли потом захватывают только патриции. А вот сегодня, как видишь, мало крестьян на форуме. Завтра их будет ещё меньше. Уже начались полевые работы. Кто захочет бросить их, чтобы прийти в Рим? Сегодня ночью авгуры не увидят дурных предзнаменований, это им невыгодно. Могут побиться об заклад.

Говоривший был очень близок к истине. Жрецы и должностные лица держали сторону знати, и, если день

¹ *Квиритами* называли себя полноправные римские граждане. Это слово происходит от имени сабинского бога войны Квирина. Впоследствии Квирин стал одним из главных богов Рима и его культ слился с культом Ромула, основателя Рима.

собрания был почему-либо неудобен для патрициев, они, пользуясь одним из бесчисленных суеверий, объявляли его неблагоприятным. А благоприятные предзнаменования авгуры часто добывали искусственным путём. Посадят, например, священных кур в клетку и не кормят несколько дней. Потом выпускают, когда настанет час гадания, из клетки. Ясно, что голодные птицы жадно набрасываются на рассыпанное для них зерно. Если же священные куры клюют с такой жадностью, что зерно падает из клюва на землю, это — хорошая примета.

Медник Курций оказался прав. На этот раз ночь прошла благополучно, и ранним утром со стен римской крепости раздался звук рога. Солнце ещё не вставало, и резкий, протяжный звук далеко разносился в чистом предрассветном воздухе. Рог этот созывал квиритов — римских граждан — на народное собрание.

Народные собрания происходили на Марсовом поле. Это была большая равнина, расположенная вне городской стены, между холмами и рекой Тибром. Там, где стоял древний алтарь бога войны Марса, происходили центуриатные народные собрания. Это были собрания вооружённых людей, войска. Раньше на собрания приходили все в полном вооружении. Поэтому собрание происходило не в стенах города, где хозяином были гражданские власти, а за его пределами. Там вступали в свои права военные.

Толпы граждан бесконечной вереницей шли на Марсово поле. Среди них был и знакомый нам юноша, по имени Марк. Он шёл радостно и весело. Ведь это было первое собрание, в котором ему предстояло принять участие. Совсем недавно ему исполнилось семнадцать лет, и он, по римским обычаям, стал совершеннолетним и полноправным гражданином. Его отец и он неподалёку от Рима владели маленьким участком земли. Это давало ему право быть причисленным к гражданам пятого разряда. Уже подходя к городским воротам, Марк увидел у стены дома медника Курция. Он глядел на толпу и, видимо, не очень спешил к ней присоединиться.

— Эй, Курций! — крикнул Марк. — Чего стоишь? Разве тебя не призывает звук рога? Разве ты не гражданин Рима и не состоишь в центурии медников?

— Конечно, я квирит, — отвечал Курций, — только не хочется идти. Знаю я, что не придётся мне голосовать.

Не дойдёт до нас. Вот они всё решат,— указал он на нескольких граждан в богатых одеждах, которые не спешили к воротам.— Они решат,— продолжал Курций,— всадники и граждане первого разряда. Ведь у них центурий больше, чем у всех остальных, вместе взятых. Не дойдёт дело до нас, причисленных ко второму разряду, не говоря уже о тебе, гражданине пятого разряда, или о них,— при этом Курций кивнул головой в сторону проходивших мимо трёх мужчин, одетых в рваные, старые туники. Это были беднейшие граждане.

Всё же Курций присоединился к идущим на Марсово поле и зашагал рядом с Марком. Вскоре они вышли за ворота и очутились за пределами города.

Площадь Марсова поля уже была заполнена народом. Рядом с жертвенником стояли должностные лица, наиболее почётные граждане, жрецы и гадатели. Ближе всех к алтарю стоял председатель собрания. На нём был пурпурный плащ, высокие сапоги. Возле него стояло двенадцать ликторов со связками прутьев, из которых устрашающе торчали лезвия секир.

На стене римской крепости взвилось красное знамя. Это означало, что собрание началось. Красное знамя в древнем Риме было военным знаменем. Вид его напоминал собравшимся, что они воины и могут, если это потребуется, сразу с собрания отправиться в поход.

Как обычно, собрание началось жертвоприношением. Жрец омыл руки водой, принесённой из находящегося на Марсовом поле священного источника. Глашатай громким голосом потребовал тишины. Площадь смолкла. Служитель повёл к алтарю жертвенное животное — белого барана, украшенного лентами и венками из цветов. Барашек шёл спокойно. Вдруг в нескольких шагах от жертвенника он остановился. Толпа заволновалась. Ведь если жертва упрямится и её силой приходится тащить к алтарю, значит, боги не желают её принимать. Но, постояв несколько секунд, баран покорно двинулся дальше к алтарю. Толпа облегчённо вздохнула. Жрец окропил жертвенное животное священной водой, срезал со лба барашка клочок шерсти и бросил его в огонь. Пламя жертвенника на мгновение вспыхнуло ярче. Жрец передал животное служителю, и тот нанёс ему смертельный удар. Пока кровь убитого барана, смешанную с вином,

выливали на алтарь и жрец читал молитву, специальные гадалышки — *гаруспики* (гадающие по внутренностям животных) — осторожно извлекали из разрезанного туловища барана печень, лёгкие, сердце. Они внимательно рассмотрели их и затем объявили, что внутренности расположены благоприятно. Сейчас уже ничто не препятствовало собранию.

Председатель обратился к народу с обычными словами, которыми открывали собрание: «Да будет наше собрание счастливо, успешно, благополучно и во благо всем!»

Вслед за этим председатель начал свою речь. Он говорил о том, что Риму угрожает враг, что необходимо, не дожидаясь нападения, самим напасть на неприятеля и что сейчас для этого наилучшее время. Затем он стал перечислять те выгоды, которые римляне получают после победы: «Квиристы! Вы получите и богатую добычу, и новые земли, и военную славу и прочный мир. Римский крестьянин сможет спокойно трудиться на своём поле...»

Оратор знал, чем привлечь внимание своих слушателей. Римские крестьяне мечтали о земле, которую до сих пор расхватывали патриции. «И вот, граждане,— закончил свою речь председатель,— с согласия сената я предлагаю вам решить: утверждаете и одобряете вы войну или нет?»

Во время речи все собравшиеся на обширной площади молчали. Никто не произнёс ни слова, когда оратор закончил речь. В древнее время римляне обсуждали интересовавшие их вопросы на случайных сходках, при встречах с друзьями, на форуме в базарные дни и т. д., но на собрании они только молча слушали и ничего не говорили. Они могли лишь, голосуя, принять или отвергнуть предложение целиком. Поэтому последние слова оратора означали, что предложение внесено и надо приступить к голосованию. Действительно, сразу же раздалось слова команды: «По центуриям стройся!»

Огромная площадь всколыхнулась. Граждане стали собираться в группы. Каждый шёл к своей центурии. Расстались и стоявшие до этого рядом Курций и Марк.

Центурии одного разряда становились вместе. Впереди всех встало восемнадцать центурий, состоявших из

самых богатых граждан, которые должны были в случае войны являться на коне. Поэтому их называли *всадниками*. Как и все другие, центурии всадников были двух родов: в одних находились граждане от 17 до 45 лет, эти центурии назывались «молодыми»; другие центурии — «старшие» — объединяли граждан в возрасте от 46 до 60 лет.

За всадническими центуриями выстроились восемьдесят центурий первого разряда, то есть наиболее богатых граждан, владевших полным земельным наделом. Они обязаны были являться на войну в полном тяжёлом вооружении: шлем, большой круглый щит, меч, копье, поножи, защищающие ноги, и бронзовый панцирь.

За ними стали граждане, причисленные ко второму и третьему разрядам (по двадцать центурий в каждом). Они были победнее, и их вооружение отличалось от вооружения первого класса тем, что у них не было дорогого бронзового панциря, а щит был меньших размеров. К гражданам второго разряда присоединились две центурии ремесленников — медников и плотников. В одной из них был и Курций.

Двадцать центурий четвёртого разряда состояли из ещё более бедных граждан, имеющих небольшой надел земли в пять *югеров*¹. Их бедность сказывалась и в вооружении, которым они пользовались в случае войны. Оно состояло из меча и копья. Вместе с ними стали две центурии музыкантов. Позади них выстроились центурии пятого разряда. Это были беднейшие граждане, владевшие одной восьмой частью полного надела земли, то есть от двух до трёх югеров. Вооружение всех тридцати центурий пятого разряда было лёгкое: лук и стрелы, праща и запас камней к ней.

Наконец, позади всех стала одна центурия из граждан, не имеющих никакой собственности, из тех, кого называли пролетариями.

Вскоре все сто девяносто три центурии были готовы к голосованию. Каждая центурия имела один голос независимо от того, сколько в ней было людей. Хотя центурия — сотня, но в одних было больше ста человек, а в других гораздо меньше. Не все пришли на Марсово

¹ Югер — единица для измерения полей, равен приблизительно $\frac{1}{4}$ га.

поле. Самые богатые люди — всадники и граждане первого разряда — пришли в наибольшем числе. Их центурии были многолюдными. Граждане второго разряда явились не все. Ещё меньше было граждан третьего и четвёртого разрядов, а среди пятого разряда в некоторых центуриях насчитывалось по несколько человек. Одни не пришли потому, что не смогли оставить своё хозяйство, другие не желали терять времени, зная, что их мнение всё равно значения иметь не будет.

Когда все построились и площадь снова успокоилась, началось голосование. Оно происходило сразу в нескольких местах. Длинные вереницы граждан потянулись к особым, огороженным плетнём, местам. Эти загородки напоминали загоны для овец. Римляне и называли их «овечьи закуты». В плетнях были проходы, к которым вели узенькие мостики. По такому мостику мог пройти только один человек. В конце каждого мостика стоял специальный контролёр. Он спрашивал каждого проходящего о его мнении: начинать войну или нет? В руках у контролёра была табличка, на ней он делал отметки. Таким образом, голосование происходило открыто. Многие поэтому не решались высказывать свои убеждения, боясь вызвать неудовольствие влиятельных лиц или идти против общего мнения. Человек, который проголосовал, уже до конца собрания оставался в своём «овечьем закуте». Это делалось для того, чтобы никто не мог голосовать дважды.

Как обычно, первыми голосовали всадники. Все восемнадцать центурий всадников высказались за войну. За ними двинулись центурии первого разряда. Один за другим подходили граждане и говорили своё мнение. Вот уже прошло десять центурий. Все они высказались за войну. Идущие за ними центурии держались того же мнения. Прошло ещё десять, пятнадцать, двадцать, тридцать, сорок центурий. Солнце уже было высоко, когда последние три центурии первого разряда высказались за войну.

Итак, из ста девяноста трёх девяносто восемь центурий всадников и граждан первого разряда вынесли своё решение. Это было большинство, и дальнейшее голосование ничего не могло изменить.

Когда контролёры, а за ними глашатаи объявили этот результат, председатель собрания прекратил голосова-

ние. С крепости было снято красное знамя, развевавшееся там в течение дня. Народное собрание было закрыто.

Толпа расходилась. Не торопясь возвращались в город и знакомые нам медник Курций и Марк.

— Ты был прав, Курций,— сказал юноша,— богатые центурии решили всё сами. Нас даже не спросили. А ведь воевать будем мы. Впрочем, не всё ли равно, раз война принесёт выгоду всем: патрициям и плебейам, богатым и бедным, горожанам и сельским жителям.

— Это верно, Марк: будет победа, будет и добыча, будет земля. Её превратят в общественную землю. Кому же она достанется? Её, как и раньше, получают патриции. Плебеи до сих пор ничего не получали из общественной земли, хотя их много было в войске, одерживавшем победы. Разве у плебеев есть права? Плебеи добились только того, что могут участвовать в центуриатных собраниях, где, как ты убедился, верховодят богатые центурии. В этих центуриях хотя и есть плебеи, но большинство там патрициев. Нет, не всё ещё завоёвано, только начало сделано со времён Сервия Туллия и его реформы.

На углу одной из узких римских улиц Марк и Курций простились. Было ещё не поздно, но ведь война была решена, и, может быть, завтра придётся выступить в поход. Надо к нему подготовиться и отдохнуть...

* *
*

Действительно, реформа, которую римляне приписывали Сервию Туллию, нанесла удар старой родовой аристократии, покончив с её господством, она нанесла смертельный удар родовой римской общине и положила начало классовому рабовладельческому государству. Но ещё долго продолжалось господство патрициев и бесправие плебеев, добившихся только права участия в центуриатных собраниях. Это был их первый успех. Чтобы добиться полного равноправия с патрициями, плебейам понадобилась ещё длительная и упорная борьба, растянувшаяся более чем на два столетия.

УХОД ПЛЕБЕЕВ НА СВЯЩЕННУЮ ГОРУ

В этот день в Риме царило большое возбуждение. Толпы людей спешили на форум. Стало известно, что одно из соседних племён готовится напасть на Рим. Предстояла война. Но на этот раз среди римлян не было обычного единства.

Между патрициями и плебеями давно уже шла борьба, и сейчас она достигла крайнего напряжения.

Плебеи составляли большинство населения Рима. Несмотря на это, они не имели многих прав. Все права принадлежали патрициям. В их руках находилась вся политическая власть. Только патриции избирались на все высшие должности в республике. Патриции владели лучшими землями. К плебеям они относились с пренебрежением.

Среди плебеев было много богатых и влиятельных людей. Они очень тяготились своим неравноправным положением. Богатые и знатные плебеи хотели стать такими же крупными землевладельцами и иметь такие же политические права, как и патриции. Но основная масса плебеев были бедняки. Плебеям не хватало земли, и они были обременены долгами. Беднейшее население боролось против засилья патрициев. Реформа, приписываемая Сервию Туллию, была первым успехом плебеев. Плебеи получили право служить в римском войске. Теперь войско римского государства состояло в основном из плебеев. Но все политические права по-прежнему принадлежали патрициям. Из бесправных плебеи превратились в неполноправных граждан.

Бесконечные войны, которые вёл в то время Рим, отрывали плебеев от их клочков земли. Однако из завоёванных земель они ничего не получали: все земли захватывали патриции. За время войны хозяйство плебеев приходило в упадок. По возвращении домой, чтобы не разориться окончательно, они вынуждены были обращаться за помощью к патрициям, превращаясь в их должников. Должники не в силах были выплачивать проценты, и с каждым годом их долг возрастал. Положение становилось безвыходным. Массы обедневших плебеев терпели жесточайшие страдания. Среди плебеев росло недовольство. Всё чаще и чаще оно прорывалось в открытых возмущениях.

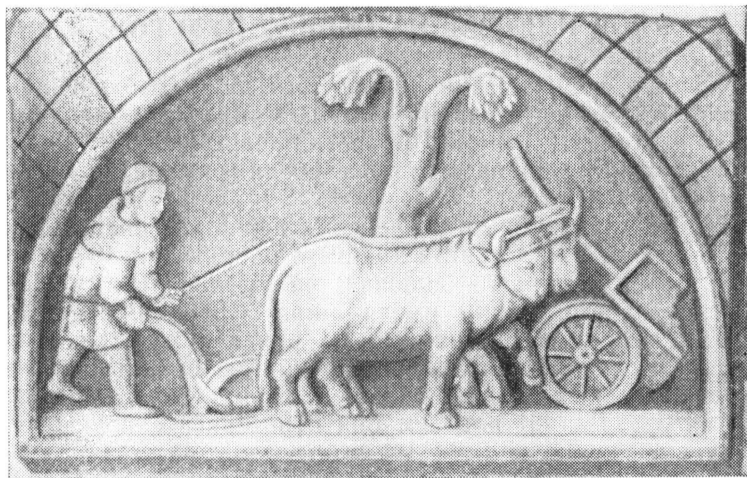

Рис. 6. Крестьянин за плугом.

Вот почему, когда враг угрожал Риму, среди его граждан не было обычного единства.

— Для чего мне идти воевать? — громко говорил высокий, уже немолодой римлянин. — Чтобы добыть патрициям новые земли? Я уже достаточно сражался. Что же я получил? Вот это, — он указал на глубокий рубец от зажившей раны, проходивший почти через всё лицо. — Дома у меня оставались жена и дети. Когда я возвратился из похода, оказалось, что жене, чтобы не умереть с голода, часто приходилось брать в долг. Я теперь не знаю, как расплатиться. А что будет со мною и моей семьёй, если я не отдам долга?!

— Известно, что с тобой будет! — крикнул кто-то из толпы, внимательно слушавшей высокого римлянина. — Попадёшь в рабство. Разве ты не знаешь законов?

Толпа, окружавшая говорившего, глухо зароптала. Последние слова задели людей за живое. Всем очень хорошо были известны жестокие римские законы о долгах. Если должник не мог заплатить долга и процентов, которые всё росли и росли, он становился рабом. Его держали в колодках и цепях. Он должен был всю жизнь отрабатывать свой долг. Несостоятельного должника можно было продать за пределы Рима.

Да, обедневшие римские плебеи на себе испытали действие этих жестоких законов. Поэтому толпа враждебно встретила речь нового оратора. Судя по одежде, по независимым, гордым жестам, это был патриций.

— Квириты! — сказал он. — На земле должны существовать богатые и бедные. Иначе не может быть. Конечно, наши долговые законы строги, но они справедливы. Долги надо платить. Так велят боги.

Тот же голос, который прежде напомнил о долговых законах, снова раздался из толпы:

— А разве боги одобряют, когда свободного римского гражданина превращают в раба?

Толпа заволновалась. Послышались крики:

— Нет! Нет! Так не должно быть!

— Это несправедливо!

— Пусть сами патриции воюют!

Выступавший патриций пытался продолжать речь. Он успел только произнести слова о том, что война приносит выгоду всем и даёт землю плебеям и патрициям, как его прервали. Высокий римлянин, со шрамом через всё лицо, отстранил говорившего патриция и громко произнёс:

— Как же, даст война землю плебеям! После того как мы, плебеи, своею кровью завоюем эту землю, нам дадут нищенский надел в два югера или чуть побольше. Только тот, кто уже совсем не в состоянии кормиться на старом участке, захочет поселиться на этом новом клочке земли. А всей завоёванной землёй завладеют патриции!

В толпе снова слышались одобрительные возгласы:

— Правильно! Они растащут её, как волки добычу!

— А на нашу долю достанется долговая кабала!

— Вы правы, квириты, — продолжал оратор, — на вашу долю останутся долги и...

Внезапный шум прервал говорившего. Шум нарастал, приближался. Сквозь расступившуюся толпу бежал старик. Его рваная одежда была запачкана грязью. Сквозь дыры на тряпках, которые когда-то были туникой, просвечивало бледное, худое тело, более похожее на скелет. Ноги его были босы и побиты о камни. Каждый шаг оставлял кровавый след. Давно не стриженные, спутанные волосы придавали ему дикий вид. Старик подбежал к оратору и остановился. Дыхание со свистом вырывалось из его искажённого страданием рта. Он под-

нял руку в знак того, что хочет говорить. Толпа молча смотрела на старика.

— Римляне! — сказал старик. — Вы смотрите на меня с удивлением. Вы не узнаете меня? И ты тоже не узнаёшь меня, Луций? — обратился он к человеку со шрамом на лице. — Да, меня трудно узнать! Страдания изменили меня. Я — Гней Помпий, центурион...

Крики изумления раздались в толпе.

— Ты ли это, Гней? — вскричал Луций. — Я служил под его начальством, — сказал он, обращаясь к народу. — Он был храбрый и сильный воин. У него было почётное копье и венок за то, что он первым взойшёл на стену неприятельского города.

— Помолчи, — сказали из толпы, — пусть он сам расскажет.

— Луций сказал правду, — произнёс старик. — Я был храбрым воином. Я участвовал в двадцати восьми походах; сотни раз сражался с врагами Рима. На моём теле много рубцов от ран, и ни одного рубца на спине. Я всегда смотрел врагам в лицо. Глядите, римляне! — старик обнажил грудь. — Я устаивался многих наград. Но только одна награда оставила следы. — Старик поднял руки вверх, и все увидели на запястьях обеих рук красные полосы.

— Римляне, это не следы золотого браслета, полученного за храбрость. Эти следы оставили цепи, в которые меня заковали. Когда я возвратился из похода, то увидел, что моя жатва уничтожена. Мой скот увели. Мой дом сожгли. И всё же с меня потребовали уплаты долга. Денег у меня не было. Вся добыча досталась патрициям. Проценты росли и росли. Вскоре я потерял всё. У меня ничего не осталось, кроме одежды на моём теле. Когда я не заплатил очередного взноса, меня заковали в цепи. Я лишился самого ценного — свободы. Я, римский гражданин, перестал быть человеком. Я стал вещью. Стал рабом. У меня нет ничего — ни семьи, ни имущества. Мой господин меня всего лишил. Он бьёт меня! Если захочет, он может меня, участника двадцати восьми походов, продать на чужбину. Если захочет, он может меня убить. Собаку больше жалеют, чем старого воина! Мой господин сказал мне: пока не заплатишь долг, иди в каменоломню и, если не успеешь за день обтесать восемь каменных глыб, получишь сто плетей. Римляне, подзем-

ное царство Айд, где мучаются умершие, ужасно. Но ещё ужаснее эти каменоломни. Работа там изнуряет тело. Я слабел, а меня били. Я знал только труд и плеть. Я пытался бежать — меня наказали и заклеямили. Вот что сделали со мной. Вот что у меня теперь на теле, рядом с почётными ранами, полученными в борьбе за республику. Смотрите, римляне!

Старик поднял свои лохмотья. Крик ужаса вырвался у толпы: вся спина старика была покрыта багровыми следами от бесчисленных ударов плетей.

— Позор! Позор!

— Довольно терпеть!

Волнение распространилось по всему городу. Со всех сторон на форум бежали сотни людей. Одежды их были изодраны, лица бледны, на ногах у многих звенели цепи. Это несостоятельные должники, вырвавшиеся от своих хозяев, обращались за помощью к народу.

— Взгляните на наши оковы! — кричали одни.

— Взгляните на наши язвы! — кричали другие.

Возмущение народа достигло предела. Народ требовал созыва сената.

Вдруг раздался конский топот. Несколько всадников осадили своих взмысленных коней. Всадники принесли грозное известие: враг приближается к городу. Опасность нависла над Римом. Но даже это не повлияло на настроение народа.

— Пусть патриции воюют сами, — говорили в толпе.

— Зачем нам воевать? Чтобы стать такими, как эти несчастные должники?

На возвышение поднялся человек. Он был в белой тоге, окаймлённой внизу широкой пурпурной полосой. Все узнали консула Публия Сервилия.

— Римляне, — сказал консул, — неужели перед лицом врага мы будем продолжать свои раздоры? Требования народа справедливы. Сенат это знает. Но ничего нельзя сделать до тех пор, пока враг не отражён. Иначе погибли мы все — и патриции и плебеи. Вы можете быть спокойны, — продолжал консул, обращаясь к слушавшим его должникам, — сенат уже принял постановление — *эдикт*, охраняющий права римского гражданина.

Консул громко читал слова эдикта: «Никто не может держать в цепях или кабале римского гражданина, желающего вступить в ряды войск. Пока римский граж-

данин находится в войске, никто не может отнять его землю или другое имущество».

В толпе раздались одобрительные крики. Радость народа ещё более выросла, когда консул обещал, что в дальнейшем, после войны, все народные требования будут выполнены.

Слова консула Публия Сервилия сделали своё дело. Тысячи плебеев, ещё недавно отказывавшихся защищать Рим, сейчас записывались в ряды войска. Особенно охотно шли в армию должники. Они разбивали свои колодки и спешили к местам записи. Среди записавшихся в войско были и ветеран центурион Гней Помпилий, и высокий Луций, и многие другие.

Римляне не только отбили вражеское нападение, но преследовали врагов и вторглись на их территорию.

Победоносное войско возвращалось в Рим. Среди воинов шагал и Луций. Счастье сопровождало его в сражениях. Он напряжённо вглядывался в толпу, встречавшую войско. Луций искал своих родных, жену, детей. Он не нашёл их. Дойдя до узенькой улочки, подымавшейся вверх по холму, Луций вышел из рядов и свернул по ней. Здесь стоял его домик. Он быстро шёл по знакомым местам. Но не успел он дойти до своего жилища, как кто-то окликнул его. Луций узнал своего соседа.

— Здравствуй, Луций,— сказал сосед,— тебе нет нужды так спешить. Разве ты не знаешь, что дом твой и имущество проданы за долги?

— А где жена моя? Где дети? — вскричал Луций.

Сосед грустно покачал головой. Луций узнал, что его семья продана в рабство. Слезы выступили у него на глазах.

— Ничего не изменилось,— продолжал сосед свой печальный рассказ,— всё как было. Все обещания оказались обманом. В Риме остались старые порядки. Ничего не поделаешь, вся власть в руках у патрициев.

Ярость овладела сердцем Луция. Он почти бегом бросился на форум. Всё войско плебеев расположилось на форуме в боевом порядке. Среди воинов царило возбуждение. Они уже знали, что обмануты патрициями. Плебеи решились на крайнюю меру.

— Уйдём отсюда,— решили они,— уйдём из этого города, который не хочет считать своих защитников гражданами!

Плебейское войско в полном составе вышло из ворот города и двинулось по направлению к Священной горе, неподалёку от Рима. Там, на Священной горе, оно расположилось укреплённым лагерем.

— Мы покинули Рим и никогда не вернёмся обратно. Мы создадим свой, плебейский, город, — заявили плебеи.

Известие об уходе плебеев из Рима и об их намерении не возвращаться чрезвычайно взволновало римский сенат и патрициев. На самом деле: если плебеи выселятся из Рима, кто будет обрабатывать землю и служить в войске? Рабов тогда в Риме ещё было мало, да им никогда бы и не доверили службу в войске. Поэтому патрициям пришлось пойти на серьёзные уступки плебеям.

Был заключён «священный договор» между патрициями и плебеями. Вероятно, по условиям этого договора несостоятельным должникам прощались их долги, а попавшим в долговое рабство возвращалась свобода. Но самым главным условием этого договора было решение о создании новой республиканской должности — *народных трибунов*. Должность эта была учреждена для защиты плебеев и их интересов.

Вскоре народные трибуны приобрели огромное значение в государстве.

Каковы были права и обязанности трибунов?

Трибуны избирались из плебеев сроком на один год в количестве сначала двух, затем пяти и, наконец, десяти человек. Их личность считалась священной и неприкосновенной. Главное право народных трибунов заключалось в том, что они могли оказывать помощь и покровительство каждому обращающемуся к ним плебею, а впоследствии и любому гражданину. Кто искал защиты трибунов, тот мог во всякое время дня и ночи обращаться к их помощи. Поэтому трибуны не имели права отлучаться из Рима и двери их дома должны были оставаться открытыми даже ночью.

Трибуны не подчинялись консулам и сенату. С течением времени они получили право отменять любое распоряжение других должностных лиц, даже постановления сената. Это было так называемое право «*вёто*». Трибуну нужно было только произнести слово «*veto*», что значит «запрещаю», — и любое распоряжение становилось недействительным.

Трибуны имели большую судебную власть. Они могли вызвать к себе любого гражданина, любое должностное лицо, даже консула. Они могли подвергнуть аресту и денежному штрафу всех, кто им противодействовал. Наряду с этим трибуны имели право прекращать следствие и освобождать из тюрьмы должников.

Власть трибунов была ограничена тем, что распространялась только на территорию города Рима и его ближайшие окрестности на полтора километра.

Мало-помалу трибуны приобрели право созыва народного собрания. Но они не могли созывать собрания по центуриям, так как не обладали военной властью. Трибуны собирали только народные собрания по округам. Весь город Рим и прилегающая к нему область были разделены на округа — *трибы*. Сначала была двадцать одна триба, потом их число возросло. Народные собрания по трибам постепенно приобрели огромное значение, так как там голосовали независимо от имущественных разрядов.

Таковы были права и обязанности народных трибунов, этих новых должностных лиц Римской республики, впервые появившихся после попытки плебеев уйти на Священную гору.

ГАЙ МАРЦИЙ КОРИОЛАН

Свергнутый римский царь Тарквиний много раз пытался вернуть себе власть. Однако заговоры, которые он устраивал, срывались, а его вероломные нападения отражались молодой республикой.

Тарквиний в последний раз решил попытать счастья. Он собрал своих сторонников и снова поднял против Рима несколько италийских племён. Римляне двинулись навстречу врагам. У Регильского озера завязалась ожесточённая битва. Она длилась долго, но исход её всё ещё оставался нерешённым.

В разгар сражения полководец Рима Авл Постумий заметил, как один из римских воинов упал, поражённый ударом копья. Подле раненого не было никого, и враги устремились к нему, чтобы добить. Гибель воина казалась неминуемой. Вдруг навстречу врагам ринулся юноша, почти мальчик. Он успел прикрыть раненого щитом, а своим мечом сразил одного из нападавших и ра-

нил другого. Остальные отбежали. Раненый римлянин был спасён.

— Кто этот юный воин, не уступающий в искусстве боя и в храбрости ветеранам? — спросил Авл Постумий.

— Это Гай из рода Марциев, — ответили полководцу, — это его первая война.

Битва закончилась полной победой римлян. После сражения военачальник награждал храбрейших воинов. Среди них был Гай Марций.

— Ты спас своего соотечественника в бою, — сказал ему Авл Постумий. — Такой подвиг достоин высокой награды.

Под одобрительные крики воинов кудрявая голова юноши была увенчана дубовым венком. Это была первая боевая награда Гая Марция. С тех пор он участвовал во многих войнах, сражался во многих битвах. Он стал смелым, ловким, сильным и опытным воином и возвращался из походов увенчанный лаврами.

Гай Марций принадлежал к старому богатому патрицианскому роду. Отец Гая умер рано, и мальчика воспитала мать, которую он всю жизнь нежно любил. Гай вырос стройным, сильным юношей, больше всего увлекавшимся военными играми и упражнениями. Много противоречивого было в характере Гая Марция. Он сочетал в себе глубокую любовь к матери, привязанность и уважение к друзьям из благородных римских фамилий с презрением к тем, кто не родился патрицием. Отчаянная храбрость сочеталась в нём с безмерным честолюбием, и, чем больше гремела слава о его военных подвигах, тем надменнее он становился. Твёрдость его взглядов легко оборачивалась упрямством. Он был горяч и быстро переходил от одного настроения к другому, от дружбы к вражде, от великодушия к жестокости, от спокойствия к необузданному гневу. Взгляды его не изменились с возрастом. Гай Марций был аристократом и по рождению и по своим убеждениям. Он считал, что только патриции достойны управлять государством. В борьбе, которая тогда шла между богатыми — патрициями и бедняками — плебеями, Марций безоговорочно стоял на стороне патрициев и не скрывал своих чувств. Он был в числе тех, кто противился каким бы то ни было уступкам народу.

— Надо успокаивать толпу, — говорил он, — не уступками, а силой. Казните нескольких зачинщиков, остальные сами подчинятся. Чем больше им уступать, тем больше они будут требовать!..

Эти речи Гая Марция заставили народ относиться к нему настороженно, несмотря на его военные подвиги и заслуги перед Римом.

После того как плебеи добились уступок, был заключён «священный договор» и созданы должности народных трибунов, казалось, что борьба между патрициями и плебеями пришла к концу. Римский народ с надеждой глядел в будущее. Но только необходимость заставила патрициев протянуть руку плебеям, а в глубине души они продолжали считать их своими врагами. Не изменил своих убеждений и Гай Марций. С особой неприязнью он относился к народным трибунам, защитникам прав плебеев.

Соседние народы были враждебны Риму. Особенно сильными и непримиримыми врагами были вольски. Несколько раз они поднимались против Рима. Надеюсь, что Рим ослаблен раздорами, они снова начали войну.

Договор, заключённый между патрициями и плебеями, позволил римлянам выставить сильное войско, во главе которого стал консул республики Коминий. Война началась удачно для Рима. Войско Коминия вторглось во владения вольсков, захватило несколько городов. Но когда римляне подошли к городу Кориобы, им пришлось остановиться. Мощные стены города нельзя было взять штурмом. Пришлось начать осаду.

Постепенно сопротивление осаждённых слабело. В это время лазутчики донесли римскому полководцу, что на выручку Кориол движутся большие силы вольсков. Коминий разделил своё войско на две части. Меньшую часть он оставил под стенами города, который, как он полагал, уже не мог долго сопротивляться. С главными силами он двинулся навстречу армии вольсков, идущих на помощь своим соотечественникам. Гай Марций остался под стенами Кориол.

Осаждённые заметили, что число их врагов уменьшилось, и решили воспользоваться этим и сделать вылазку, чтобы вырваться из кольца осады.

Раскрылись городские ворота. Вольски неожиданно напали на римские линии. Удар был внезапным, и воль-

ски дрались с таким мужеством,— ведь от исхода вылазки зависела их жизнь,— что римляне не устояли. Ряды их дрогнули. Вскоре римляне обратились в бегство.

Навстречу бегущим воинам бросился Гай Марций.

— Стой! Стой! — закричал он. — Кто истинный римлянин, тот станет рядом со мной! Встретим врага как воины! Только трус не стыдится позорной раны в спину!..

Немного воинов остановилось и сгрудилось подле Марция. С этой горсткой людей он бросился навстречу неприятелю, и завязалась ожесточенная схватка. Меч Гая Марция разил вольсков, так же ожесточённо сражались и другие римляне. Для них сейчас не было иного выхода, кроме победы или смерти.

Бегущие римские воины заметили этот неравный бой. Стыд охватил их, когда они поняли, что оставили в опасности товарищей. Сначала один, другой, затем все римские воины повернулись лицом к врагу. Битва разыгралась с новой силой. На этот раз вольски не смогли противостоять натиску римлян, начали отходить, а затем их отступление превратилось в бегство, вольски бежали к городу, чтобы укрыться за его толстыми стенами.

Ворота города открылись, чтобы принять беглецов. Это увидел Марций, сражавшийся впереди других. Он крикнул:

— Римляне! Это для нас открыли ворота! Войдём в город!..

Солдаты заколебались. Ведь их было немного, а в городе укрывались все силы вольсков. Однако Марций даже не оглянулся. Не медля ни мгновения, он бросился вперёд и вместе с беглецами ворвался в город. За ним последовали другие римские воины.

В городе началась паника. Вольски были испуганы и растеряны — они не знали, что с Гаем Марцием только горсть людей прорвалась в городские ворота.

У Марция был грозный и устрашающий вид. Кровь струилась из нескольких полученных им в бою ран. Его глаза горели. Он издавал воинственные крики, подбадривая римлян, и его меч разил всех, кто пытался схватиться с ним. Когда он приблизился к первому дому, он поджёг его. Так же поступили и другие римляне. Ветер переносил огонь с крыши на крышу, от строения к строению. Вскоре большую часть города охватило пламя. Пожар увеличил панику. Пользуясь общим смятением, римляне открыли

все ворота, и римское войско вошло в город. Судьба Кориол была решена.

Отважный Гай Марций не удовольствовался этой победой. Он обратился к воинам:

— Римляне! Мы покорили Кориолы, но это ещё полдела! Поспешим на помощь тем, которые в открытом поле, может быть, уже бьются с врагами...

Небольшой отряд Марция быстрым маршем двинулся туда, где воины Коминия стояли против вольсков.

Римляне увидели, что к ним приближаются несколько десятков человек в запалённых, изорванных, покрытых кровью одеждах.

— Великие боги!— воскликнул консул.— Мы разбиты под Кориолами! Печальную весть принёс ты, Гай Марций...

Но Марций прервал Коминия:

— Пусть тебя, Коминий, не пугает наш вид. Мы не беглецы, мы победители. Кориолы пали!..

Римское войско восторженно приветствовало эти слова. Консул обнял Марция и поцеловал его.

— Скажи, Коминий, где расположены лучшие воины врага? — спросил Гай Марций, указывая на вольсков.

— Они стоят в центре, — ответил консул.

— Прошу тебя, исполни моё желание — поставь мой отряд против центра вольсков!

— Ты смел и неутомим, Марций, — сказал Коминий.— Пусть будет так.

В новом сражении Марций показал свою храбрость и искусство. Когда разбитые вольски побежали, спасаясь от мечей римлян, многие воины говорили Гаю Марцию:

— Победа уже завоёвана; иди, Марций, в лагерь и отдохни. Кровь течёт из твоих ран. Ты заслужил отдых...

— Нет!— решительно возразил Марций.— Победитель не должен знать усталости! — и бросился преследовать врагов.

Победа была полной. Римляне захватили огромную добычу и много пленных.

На другой день войско построилось на поле. Как того требовал обычай, полководец принёс благодарственные жертвы богам. Затем он обратился к Гаю Марцию:

— Доблестный воин, ты показал высокое мужество. Твоя доля в победе велика. Пусть же будет велика и твоя доля в добыче. Но прежде возьми этого коня.— Коминий

приказал подвести к Марцию прекрасного боевого коня в великолепной сбруе и продолжал: — А себе, Марций, возьми десятую часть всех ценностей, всего золота, десятую часть пленников, десятую часть лошадей, захваченных у неприятеля. Одобряете ли вы моё решение? — обратился Коминий к воинам.

Раздались удары мечей о щиты и крики:

— Слава доблестному Марцию!..

Марций поднял руку и попросил тишины.

— Благодарю тебя, о консул, за похвалы, — сказал Марций. — Я приемлю эту хвалу. Благодарю тебя за боевого коня. Я приму его. Но я не приму большей доли добычи, чем другие. Все должны получить равные части. Я прошу только дать мне одного пленника, я хочу, в благодарность богам, дать ему свободу...

Бескорыстие Гая Марция удивило всех не меньше, чем раньше его храбрость в сражении. Приветствия раздались с ещё большей силой. Когда толпа умолкла, консул сказал:

— Нельзя, римляне, заставить человека взять больше добычи, чем он желает. Но есть награда, от которой нельзя отказаться. Пусть отныне он будет называться Гай Марций Кориолан. Это имя всегда будет напоминать римлянам о его доблести, о его подвиге!

Со славой вернулся Гай Марций в Рим, в дом своей матери, где он по-прежнему жил. Он стал самым известным человеком в городе.

Но ни награды, ни слава не изменили взглядов Кориолана. Он оставался одним из самых крайних приверженцев патрициев, и не скрывал свои чувства. Простых людей раздражала надменность Кориолана, хотя слава о его подвигах ещё очень многих привлекала к нему.

Между тем в Риме настали трудные времена. Война принесла много бедствий. Разоряла страну борьба между патрициями и плебеями. Много полей оставалось необработанными. Стало не хватать хлеба. В Риме начался голод. Народ роптал и требовал, чтобы были приняты меры. Консулы отправили во все стороны гонцов, чтобы узнать, где можно купить хлеб. Соседние народы были настроены враждебно и отказались продать хлеб. Они радовались тому, что в Риме наступили тяжёлые времена. Только в далёкой Сицилии удалось купить и получить в дар зерно. Но путь из Сицилии был долг и труден. Надо было до

того, как придёт сицилийский хлеб, распорядиться теми небольшими запасами, какие собрали с римских полей. Народ волновался. Он не доверял патрициям. Народные трибуны бдительно охраняли интересы плебеев. Они произносили резкие речи против эгоизма и бездушия богатых патрициев. На улицах Рима доходило до вооружённых схваток.

В разгар событий в Рим прибыли послы от города Велитрия. Там пронеслась чума, и много жителей города умерло. Город обезлюдел. Уцелевшие избрали послов и направили их в Рим, чтобы просить сенат о покровительстве. Велитрийцы просили также прислать им переселенцев-колонистов.

Сенат решил отправить часть плебеев в опустошённый чумой город. Патриции надеялись разом достичь двух целей: и заселить новые владения, и удалить из Рима часть беспокойных плебеев. Одним из ярых сторонников этого плана был Гай Марций Кориолан.

Поведение Кориолана возбуждало недовольство народа. Многие сторонники отошли от человека, который был недавно любимейшим героем Рима. Всё реже говорили о его военных подвигах. Популярность Кориолана падала. Это скоро стало ясно всем.

Наступило время избирать новых консулов республики. Кориолан выставил свою кандидатуру. Её поддерживали патриции. Но многие жители Рима уже открыто говорили:

— Кориолан не любит народ. Если он станет консулом, он будет консулом только для патрициев...

На форуме, куда должен был явиться кандидат в консулы, чтобы его видел народ и знал о его намерениях, Кориолан вёл себя надменно. Он резко и враждебно говорил о плебейх.

Народ не избрал Кориолана консулом республики.

В ярости Кориолан удалился с форума. Его неприязнь к народу превратилась в ненависть.

Наконец из Сицилии прибыло зерно — подарок сиракузского царя Гелона. Сенаторы собрались, чтобы решить, как распорядиться этим хлебом. На улицах города, на форуме ликовали радостные толпы. Ожидали решения, которое положит конец нужде и голоду.

После долгих споров сенаторы согласились, чтобы часть хлеба поступила в продажу, а часть была бесплат-

но роздана беднейшим римлянам. Уже большинство сенаторов присоединились к этому решению, как с места поднялся Кориолан и сказал:

— Сенаторы! Отчего возник голод в Риме? Он возник из-за лени тех, кто своим бунтом привёл страну на край пропасти. Эти же люди делали потом всё, чтобы отечеству было труднее. Кто же эти люди, сенаторы!? Это те, кого вы хотите теперь за их вражду к отечеству наградить бесплатным зерном! Нет, не так надо поступать. Сейчас настало время не подарков, а расплаты. Они говорят, что цена на зерно очень высока. Что же, верните древние права патрициев, уничтожьте должность этих болтунов, народных трибунов, безоговорочно подчинитесь нам, если хотите набить свои желудки! Вот как надо говорить с этими людьми, сенаторы. Народ должен у наших ног просить милости, а не награды...

Так говорил Кориолан. Его речь вызвала одобрение патрициев.

Народные трибуны, выслушав Кориолана, покинули сенат и обратились к народу, собравшемуся на форуме:

— Всеми нашими силами мы будем противостоять патрициям. Скорее мы согласимся голодать, чем откажемся от того, что добыли в долгой борьбе. Те, кто хочет отнять наши права, — враги своего народа. Среди них первый враг — Кориолан!

Гнев народа был так силен, что трибуны едва могли продолжать свои речи.

— К суду Кориолана! — кричала толпа.

— Судить Кориолана за оскорбление народа!..

— Судить за измену!..

Перед единодушием народа сенаторы были беспомощны. Они были вынуждены согласиться на суд, который состоялся на следующий день. Кориолану тоже пришлось подчиниться...

Народный трибун огласил обвинение:

— Мы обвиняем Гая Марция, прозванного в те годы, когда его дела ещё служили славе Рима, Кориоланом, в том, что он хотел восстановить прежнее положение, разорвать «священный договор» и себя превратить в диктатора. Он враг народа римского и по закону заслуживает смерти...

— Смерть ему! — закричала толпа.

— Сбросить его с Тарпейской скалы!

Тщетно просили сенаторы и друзья Кориолана пощадить человека, которому столь многим обязано отечество. Народ требовал смерти Кориолана.

Тогда один из народных трибунов попросил тишины и, когда она наступила, сказал:

— Ты видишь теперь, Гай Марций, что народ, который ты презираешь, который ты так поносил, всегда прав и за ним остаётся последнее слово. Ты достоин казни. Но в память прежних твоих подвигов мы просим не смерти, а вечного твоего изгнания из Рима. Уйди из нашего города и в изгнании задумайся о своём падении...

Народ утвердил это решение.

Тогда вскочил Кориолан и, не помня себя от гнева, крикнул голосом, дрожавшим от ярости и злобы:

— Позор, что в Риме вершит всё тёмная толпа! Вы изгоняете меня?! Да, я уйду в изгнание! Но настанет день, когда Кориолан снова как победитель явится перед вами, и тогда он с отвращением будет слушать ваши просьбы о милосердии. Я стыжусь, что я римлянин!

Он быстрыми шагами удалился с форума.

Народ ликовал, как после большой победы. Он нанёс новый удар патрициям. В тот день легко было распознать по выражению лиц, кто патриций, а кто плебей. Патриции были грустными, а плебеи весёлыми, радостными.

В сопровождении своих аристократических друзей Кориолан отправился к своему дому. Он простился с матерью, женой, детьми и покинул город. Несколько дней прожил он в своём загородном имении, обдумывая планы мести. Только этим были заняты его мысли. Он решил вовлечь Рим в тяжёлую войну с одним из соседних государств. Его презрение к народу давно уже превратилось в ненависть, а жгучая ненависть к народу привела его к измене.

Из своего имения Кориолан отправился к вольскам, злейшим врагам Рима. Он прибыл в город Антий, где жил предводитель вольсков Тулл Аттий, старый и доблестный противник Кориолана. В дом к Туллу Аттию и явился Кориолан. Войдя, он не назвал себя, а молча, покрыв голову плащом, сел у очага. По обычаю это означало, что он отдавал себя под защиту домашних богов (лáров) и что ему должно быть оказано гостеприимство.

— Что надобно тебе, незнакомец? Кто ты и откуда? — спросил Тулл Аттий.

Не произнося ни слова в ответ, Кориолан отбросил плащ. Тулл узнал своего давнего врага.

— Ты не веришь собственным глазам, — сказал Кориолан. — Да, это я, Тулл. Я, Гай Марций, причинивший столько бед вольским. Моё прозвище — Кориолан — говорит за себя. Сейчас я у тебя как проситель. Наглый народ изгнал меня. Я хочу отомстить своим гонителям. Я буду сражаться с вами против римлян...

В знак мира Кориолан протянул руку. Тулл Аттий обрадовался неожиданной возможности. Он усадил беглеца на почётное место. Вместе с другими вождями вольсков они обсудили план похода на Рим. Вольски удивлялись ненависти Кориолана к родному городу.

Вскоре всё было готово к войне. Вольски собрали большое войско и во главе его поставили Кориолана. С вольсками шли также многочисленные римские изгнанники, подобно своему предводителю, мечтавшие о мести.

Кориолан послал ультиматум Риму, требуя возвращения всех отнятых у вольсков городов и земель. Не получив ответа, он вторгся в пределы Римской республики. Война шла удачно для вольсков. Они захватили несколько городов и приближались к Риму. Воины Кориолана грабили жилища и опустошали поля плебеев, но щадили имущество патрициев. Это вызвало подозрения в Риме, и народ стал настороженно относиться к патрициям, полагая, что они в сговоре с врагами. Раздоры внутри Рима усилились.

Войско Кориолана подошло к Риму и остановилось у того места, где когда-то бились Горации с Куриациями. Кориолан расположился лагерем, стягивая силы перед решительным ударом.

В Риме воцарился страх. Там не были готовы к войне. Даже непосредственная опасность, грозившая городу, не примирила патрициев и плебеев. Оказалось невозможным быстро собрать большое войско, чтобы противостоять Кориолану. Не приходилось рассчитывать и на помощь союзников.

Тогда сенат послал нескольких патрициев, друзей Кориолана, чтобы просить его о мире. Они должны были обещать Кориолану возвращение всех прежних прав и

свободное возвращение в Рим. Послы думали, что Кориолан встретит их как друзей, однако он принял их сухо и надменно. Выслушав их, Кориолан твёрдо заявил, что он предводитель вольсков и может вести переговоры только как вождь вольсков. Он снова потребовал, чтобы Рим возвратил все города, и земли, захваченные в разное время у вольсков. Для исполнения этих требований он дал тридцать дней срока.

Сенат сделал ещё попытку умиловить Кориолана. К нему послали жрецов и прорицателей — авгуров. Но и это посольство не добилось смягчения суровых условий и вернулось безрезультатно. Кориолан дал римлянам ещё три дня на размышление.

Рим был в смятении. Храмы были переполнены молящимися...

Тогда одна из римских женщин, по имени Валерия, обратилась к другим и вместе с ними пошла к дому Марция, где жили мать Кориолана Волумния и его жена Вергилия.

— Почтенная Волумния! — сказала Валерия. — Никто нас не посылал к тебе. Мы пришли как женщины к женщинам, потому что настал час грозной опасности для родины. Кориолан отклоняет посольство мужчин. Мы, женщины, пойдём в лагерь вольсков. Пойдёмте с нами, Волумния, и ты, Вергилия. Возможно, речи матери и мольбы супруги смягчат сердце Кориолана...

Мать и жена Кориолана присоединились к другим женщинам, и процессия двинулась в лагерь вольсков. Когда вольски увидели шествие, они немало удивились. Кориолану сообщили о приближении римских женщин.

— Я привык иметь дело с мужами, а не с женщинами, — сказал Кориолан.

— Среди них твоя мать и твоя жена...

— Я не знаю сейчас ни матери, ни жены, я знаю только месть, — ответил Кориолан.

Но, выйдя из палатки, Кориолан увидел свою мать, которую всегда глубоко любил. Он не выдержал и бросился к ней навстречу. Он хотел обнять её, но Волумния отшатнулась и, твёрдо глядя на него, сказала:

— Прежде чем обнять меня, скажи мне, к кому я пришла? К врагу Рима или к своему сыну? Я хочу знать, кого произвела я на свет? Неужели предателя, который

из низкой мести хочет разрушить своё отечество?! Подумай, Марций, об этом, подумай о том, что ты должен будешь пройти по трупам твоих друзей, твоей матери, жены и твоих детей! Я не могу представить себе, что это мой сын стоит под стенами Рима во главе вражеского войска! Неужели мне сулили боги дожить до позора и видеть сына изменником, врагом родного города! Как мог ты, Гай, пойти на это! Если ты не можешь иначе, убей меня сразу!..

С этими словами она упала перед Кориоланом на колени и, склонив голову, ждала его ответа. С рыданиями упали на колени жена и сыновья Кориолана. Они обняли его ноги, словно не хотели отпустить от себя.

Ничего не ответил Кориолан. Он был взволнован и закрыл лицо руками. Затем со слезами на глазах обнял мать, прижал её к груди и сказал:

— О маты! Ты спасла Рим, но ты потеряла своего сына!

Затем он заключил в объятия жену и детей, словно навек прощаясь с ними.

Поздно ночью вернулись женщины с радостным известием в город. Сенат хотел наградить их, но женщины отвергли награду. Они просили только, чтобы им дозволили соорудить храм, посвященный Женскому счастью, на том месте, где гордость и воля Кориолана были побеждены его матерью.

Кориолан приказал вольскам отойти от Рима. Вольски, которые надеялись на победу и добычу, были недовольны, и они не простили этого Кориолану. Он был обвинён в нарушении своего слова, в измене и убит.

Так погиб римский полководец, который, вступив на путь борьбы с народом, стал изменником; хотя по своим достоинствам мог быть героем своего народа.

* *

*

В драматической легенде о Гае Марции Кориолане отразились подлинные события седой древности Рима: его борьба с соседними народами за преобладание в Лации и не прекратившаяся после введения должностей народных трибунов борьба патрициев и плебеев внутри республики.

НАШЕСТВИЕ ГАЛЛОВ

Шумная толпа запрудила улицу, ведущую с Капитолия на форум. Десятки самых различных языков слышны в толпе. Мелькают пёстрые одежды. Кого только здесь нет! Вот крестьяне, приехавшие в город. Они стоят на своих тяжёлых, запряжённых мулами телегах, опираясь на мешки с зерном. Им сверху всё хорошо видно. Рядом с телегой чёрный раб-нубиец вытягивает шею, вглядываясь вдаль. Мелкий торговец с лотком не забывает предлагать свои товары. Мужчины и женщины, юноши и старики, римляне, иностранцы, рабы, свободные... Несколько в стороне, окружённый рабами, стоит знатный римлянин. Слабый ветер играет концами его тоги с широкой пурпурной полосой. Слышны весёлые, возбуждённые голоса школьников. Педагог тщетно пытается уговорить детей. Маленький Квинт — он только первый год ходит в школу — тронул учителя за одежду. Но он не успел задать вопрос, как раздались крики: «Идут! Идут! Несут!»

С Капитолийского холма медленно спускается процессия. Она всё ближе подходит к форуму. Над процессией высится большой деревянный крест. На таких крестах обычно в Риме казнили преступников. Сейчас на кресте была распята большая собака. Крики толпы заглушали её жалобный визг. Толпа улюлюкала, свистела, бросала в собаку остатки пищи, гнилые фрукты.

Сразу же вслед за позорным крестом несколько человек несли просторную деревянную клетку. Они высоко поднимали её, и клетка видна была издалека. В ней сидел большой белый гусь. Клетка покачивалась над толпой, и гусь переваливался на своих красных лапах. На шее птицы висело пёстрое ожерелье. Перья гуся были украшены цветными лентами. Такие же ленты и гирлянды цветов обвивали прутья клетки. Увидев гуся, толпа разразилась приветственными криками.

Когда процессия прошла и часть толпы хлынула за нею, а остальные разошлись, учитель сказал маленькому Квинту:

— Это гусь, посвящённый богине Юноне¹ Капитолий-

¹ Юнона — у древних римлян богиня, покровительствовавшая семье.

ской. Ему воздают почести за то, что его предки спасли Рим. Ты слышал об этом поговорку?

— Да, — ответил Квинт. — Говорят: «Гуси Рим спасли». Но я не знаю больше ничего.

— Так слушай же.

Вот что рассказал учитель маленькому Квинту и другим ученикам, собравшимся вокруг него. Это был рассказ о далёком прошлом, и, как обычно, истинные события смешались там с вымышленными, правда — с легендой.

* *

*

...Быстро росло могущество Рима. Успешными войнами он подчинил себе значительную часть Средней Италии. Рим становился крупнейшим государством на Апеннинском полуострове. Никто не рисковал с ним соперничать. Многие племена вынуждены были признать его власть.

И вдруг пронёсшаяся над Римом буря чуть не смела его навсегда с лица земли. Этой бурей было нашествие *галлов*.

Племена галлов ещё в древнейшие времена появились на севере Италии. Они пришли из-за Альп.

Это были воинственные племена. Обработка земли считалась у галлов второстепенным занятием. Мирной жизни они предпочитали походы, сражения. Небольшого роста, коренастые, крепкого сложения, с длинными косматыми волосами и свисающими вниз усами, галлы были прирождёнными воинами. Они кичились своей храбростью и в бой шли, как на праздник: надевали пёстрые, украшенные яркими вышивками одежды, шею украшали золотым ожерельем. Они не носили шлемов и шли в бой с непокрытой головой. Оружием служили им длинный меч, кинжал и пика. Всё это было отделано золотом. Галлы презирали боль и опасность. Раненый галл не покидал рядов. Сражались они преимущественно в пешем строю.

Как бешеные, бросались галлы на врага, оглашая воздух страшными боевыми криками и оглушительными звуками бесчисленного количества рожков и свирелей. Даже римские историки признавали их храбрость и военное искусство.

В начале IV в. до н. э. галльские племена вторглись на территорию Этрурии. Галлы дошли до города Клу́зия, расположились под его стенами и начали опустошать земли, принадлежавшие жителям города. Клузианцы стали просить Рим о помощи. Римский сенат направил в Клузий трёх послов. Это были члены знатного римского рода Фабиев. Им было поручено склонить галлов к добровольному отступлению. Послы Рима передали вождю галлов Брэнну просьбу римского сената не нападать на клузианцев, старинных союзников и друзей римского народа, не причинивших галлам никакого вреда. На это Бренн ответил, что хоть он никогда не слышал имени римлян, но согласен покончить с клузианцами делом миром, если те уступят галлам часть своих богатых земель.

— На основании какого права галлы считают возможным отнимать земли у их владельцев? — спросили римские послы.

— Наше право, — надменно отвечал Бренн, — мы носим на острие мечей; сильным принадлежит мир!

На другой день между галлами и клузианцами произошло сражение. Римские послы нарушили обычаи войны и приняли участие в бою. Квинт Фабий, сражаясь впереди, поразил своим копьём одного из галльских предводителей. Когда он снимал оружие с убитого, галлы узнали в нём римского посла. Они сразу же прекратили битву против клузианцев и стали угрожать римлянам.

Галлы направили посольство в Рим с требованием выдать Фабиев, нарушивших законы войны. Сенат предложил решение этого вопроса народу. Народное собрание отказалось их выдать. Более того, все три Фабия были избраны *военными трибунами* на следующий год. Галлам сказали:

— Личность военного трибуна неприкосновенна, и поэтому вопрос о выдаче их может быть решён только через год. Римляне надеются, что через год гнев галлов уляжется.

Этот насмешливый ответ привёл галлов в ярость, и семидесятитысячная армия их двинулась на Рим.

У небольшой речки Аллии, при её впадении в Тибр, неподалёку от Рима, встретились галлы с римским войском. Заиграли тысячи рожков, раздались оглушительные боевые клики галлов. Атака галлов была так стреми-

тельна, что они сразу же опрокинули в реку левое крыло римского войска. Остальные войска обратились в паническое бегство. Страх беглецов был настолько велик, что они сбивали с ног и топтали друг друга. Римляне гибли под ударами длинных галльских мечей и пик. Они тонули в своём тяжёлом вооружении в водах Тибра.

Часть римских солдат бежала в Рим, в панике забыв даже запереть городские ворота. Другие, считая, что галлы сегодня же войдут в Рим, укрылись в соседнем городе Вейях.

Такого разгрома ещё никогда не знала римская армия. День поражения при Аллии — 18 июня 390 г. до н. э. — в дальнейшем в Риме считался траурным днём.

Галлы сами не ожидали такой лёгкой победы. Они, по обычаю, сняли с убитых врагов доспехи, оружие и затем двинулись на Рим. Незадолго до захода солнца они подступили к городу. Высланные вперёд разведчики донесли, что городские ворота не заперты, нигде нет ни римских караульных постов, ни вооружённых людей на стенах. Однако галлы не рискнули войти в город. Они опасались засады и решили дожидаться следующего утра.

Тем временем в Риме стали оправляться от паники. Воспользовавшись передышкой, часть населения удалась из Рима на безопасное расстояние. Оставшиеся в городе приняли решение укрепиться на Капитолии. Это была крепость, расположенная на высоком холме с крутыми и обрывистыми склонами.

Старейшие сенаторы не захотели пережить падение Рима. Их было около ста человек. Они не укрылись за стенами Капитолия, а вышли на форум. В праздничных одеждах они сели на свои кресла из слоновой кости и стали спокойно ожидать дальнейших событий.

Галлы через Коллийские ворота вступили в Рим, не встретив никакого сопротивления. Улицы были пусты, двери домов наглухо закрыты. Город казался вымершим. Так галлы дошли до форума. Они остановились, поражённые видом почтенных старцев, неподвижно сидевших в креслах с длинными жезлами в руках.

Увидя неприятеля, ни один из сидевших не встал с места и не изменился в лице. Галлы долгое время не решались подойти к ним, считая их какими-то высшими существами. Наконец один из галлов решил проверить, живые ли это люди или изваяния. Он подошёл к римско-

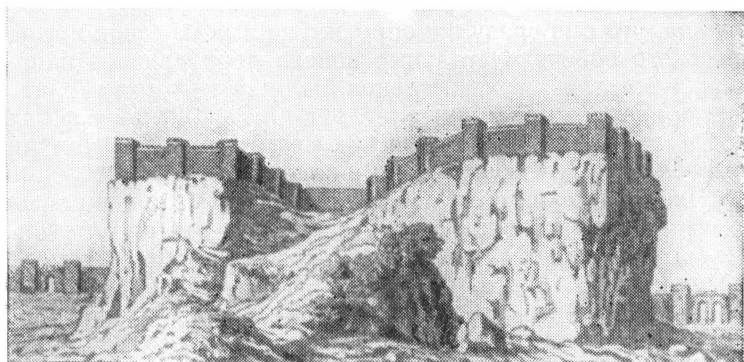

Рис. 7. Капитолийский холм в древнейшее время.

му сенатору Марку Папирию и осторожно потрогал его за подбородок, затем, осмелев, дёрнул за длинную бороду. Рассерженный сенатор ударил его своим жезлом по голове. Галл в бешенстве выхватил меч и убил старика. Точно по сигналу, галлы бросились на остальных сенаторов и умертвили всех. После этого они стали грабить и жечь город. Через несколько дней город превратился в груду обгорелых развалин.

Галлы попытались взять штурмом Капитолий, но были отбиты с большими потерями. Тогда они решили голодом принудить римлян к сдаче и перешли к осаде.

Вождь галлов Бренн разделил своё войско на две части. Одни продолжали осаждать Капитолий, а другие в поисках пищи рыскали по окрестностям. Вскоре опустошены были все окрестности Рима. В галльском войске стало не хватать продовольствия. Начались голод и болезни. Этому способствовал палящая летняя жара, к которой галлы не привыкли. В разрушенном городе негде было укрыться от зноя.

Один из галльских отрядов в поисках продовольствия и добычи подошёл к городу Ардее. Там в это время жил Марк Фурий Камилл. Он был героем недавней победоносной борьбы с этрусским городом Вейями. Трижды избирали его военным трибуном, а один раз — неограниченным *диктатором*.

Узнав о приближении галлов, Камилл собрал из ардейской молодёжи крупный отряд. Он напал на неприя-

тельский лагерь. Галлы не приняли никаких мер предосторожности, и нападение явилось совершенно неожиданным. Большинство галлов погибло во время сна. Немногие успели вступить в бой и погибли с оружием в руках.

Известие об этой победе быстро распространилось по всем городам Лация. Оно придало бодрости римлянам. Со всех сторон к Камиллу начали стекаться люди, способные носить оружие. Римляне, спасшиеся после сражения при Аллии, откликнулись особенно горячо. Они тоже напали на отряд галлов и уничтожили его. Римляне стали просить Камилла принять начальство над ними и идти на помощь родному городу. Камилл ответил, что он даст своё согласие, если сенаторы и граждане, находящиеся в Капитолии, утвердят это назначение законным путём.

Но как проникнуть в осаждённый Капитолий? Кто осмелится пройти через лагерь врагов? На подобный подвиг отважился юноша незнатного происхождения, по имени Пóнтий Коми́ний. Вниз по течению Тибра он спустился до Рима. Ночью, обманув бдительность галльских часовых, он подкрался к Капитолию со стороны крутой, обрывистой скалы. Считая это место недоступным, галлы оставили его без охраны. С большим трудом, ежеминутно рискуя сорваться, взобрался Пóнтий Коминий по скале. Римские часовые отвели его к своим начальникам.

Немедленно собрались сенаторы. Коминий сообщил им о победе Камилла и передал желание войска. После краткого совещания сенаторы согласились с мнением армии.

Коминий тем же опасным путём вернулся в Ардею. Решение сената было с восторгом принято всеми находившимися здесь римлянами. Марк Фурий Камилл был провозглашён диктатором.

Между тем новая опасность нависла над осаждённым Капитолием. Несколько галлов случайно подошли к тому месту, где Понтий Коминий взобрался на скалу. Кое-где была примята росшая в расщелинах трава, кое-где осыпалась земля. Это были следы рук и ног Коминия. Галлы сразу же сообщили обо всём своему военачальнику Бренну. Он пришёл и осмотрел указанное место. Вечером Бренн собрал отряд из наиболее ловких и отважных воинов и обратился к ним со следующей речью:

— Неприятель сам показал нам дорогу, до сих пор неизвестную. Она трудна, но вовсе не неприступна. Величайшим позором для нас будет отступить от крепости теперь, когда неприятель учит нас, как овладеть ею. Куда легко взобраться одному, поодиночке могут взобраться и многие. Каждому из вас я обещаю богатые подарки и награду.

Слова Бренна воодушевили галлов. Около полуночи они стали бесшумно взбираться на скалы. Воины поддерживали друг друга, подтягивали один другого за руки, подсаживали, передавали оружие. С большим трудом некоторым из них удалось достигнуть вершины холма. Перебив сонных часовых, галлы уже готовились овладеть крепостью. Не только стража, даже собаки, такие чуткие ко всякому ночному шороху, ничего не слышали. Вдруг в ночной тишине загоготали и шумно захлопали крыльями находившиеся при храме Юноны гуси, посвящённые этой богине. Хотя римляне, несмотря на недостаток пищи в крепости, сохранили священных гусей, они не могли кормить их вдоволь. Голодные гуси стали особенно пугливыми и беспокойными. Они слышали приближение галлов и подняли тревогу.

Первым навстречу врагу бросился храбрый воин Марк Мánлий. Ударом щита он свалил с крутизны галла, успевшего подняться на самый верх. Другой галл замахнулся секирой. Манлий ударил его мечом и сбросил вниз. Мёртвый галл увлёк за собой в своём падении ещё несколько человек. В это время на помощь Манлию сбежались римские воины. Мечами, копьями, камнями, дротиками, руками и щитами они сваливали в пропасть врагов. Те галлы, которые не погибли, отступили. Капитолий был спасён.

На рассвете сигнальная труба собрала защитников Капитолия. Смелый Манлий получил награду. Это была своеобразная награда: каждый воин отдал ему свой одnodневный паёк хлеба и вина. Позднее ему было присвоено почётное прозвище «Манлий Капитолийский». Начальник караула, едва не допустивший врага в крепость, был приговорён к смерти. Его сбросили со скалы.

С этих пор и возникла поговорка: «Гуси Рим спасли». И каждый год, в определённый день, по улицам Рима торжественно несут богато украшенного гуся и распятую на кресте собаку...

— За что же казнят собаку? — удивлённо перебил учителя один из школьников.

— Я знаю, — сказал маленький Квинт, — это за то, что её предки плохо сторожили Капитолий и едва не пропустили туда врага.

— Ты прав, — произнёс учитель и, немного помолчав, продолжал свой рассказ.

— Предание говорит далее, что после неудачной попытки взять Капитолий галлы усилили осаду. Они плотным кольцом окружили крепость. Осаждённые начали испытывать жестокий голод. Они давно съели скудные запасы провизии и вынуждены были употреблять в пищу кожу своих щитов и сандалий. Помощь всё ещё не приходила. Сами галлы тоже были измучены тяготами осады, голодом и болезнями. Силы обеих сторон истощились, и они решили вступить в переговоры. Галлы соглашались очистить город и римские владения за выкуп в тысячу фунтов¹ золота. Римляне приняли условия галлов. Принесли золото и стали взвешивать. Галлы пытались обмануть римлян. Возмущённые римляне запротестовали. Тогда военачальник галлов Бренн сорвал с себя тяжёлый меч и бросил его на чашу весов, где лежали гири.

— Что это значит? — воскликнули римляне.

— Это значит — горе побеждённым! — ответил Бренн.

Слова галльского вождя стали впоследствии пословицей...

— Но врагам не удалось унести с собой римское золото, — добавил учитель, увидав огорчённые лица своих юных слушателей. — Пока галлы и римляне спорили между собой, в воротах города появилось долгожданное войско Камилла. Узнав о том, что происходит, он поспешил с отборным отрядом к месту, где взвешивали золото. Римляне почтительно расступились перед ним и приняли его как диктатора. Камилл приказал снять золото с весов и заявил галлам:

— Римляне привыкли спасать свое отечество не золотом, а железом.

Камилл объявил недействительным договор, заключённый с галлами, так как право заключать договоры от имени государства принадлежало только ему — диктатору.

¹ Римский фунт равнялся приблизительно 327 г.

На улицах Рима произошла кровопролитная схватка. Галлы были разбиты и оставили город.

На следующий день под Римом состоялось ещё одно сражение. Галльское войско потерпело полное и окончательное поражение.

Камилл торжественно вступил в город. Благодарное население называло его «вторым Ромулом», «отцом отечества» и как бы новым основателем Рима...

Вот что рассказал о нашествии галлов мальчикам римский учитель. Он рассказал им то, что знал из сочинений римских историков. Но в этих сочинениях было многое преувеличено. Очень не хотели гордые римляне признать, что они были когда-то побеждены, да ещё «полудикими» галлами. Поэтому впоследствии и сочинили историю о том, как Марк Фурий Камилл спас римское золото.

Скорее всего галлы беспрепятственно вернулись на родину с отнятым у римлян золотом.

Во всяком случае, бесспорно то, что завоевание Рима галлами не оставило большого следа в римской истории. Римляне довольно быстро оправились от галльского нашествия. Рим вскоре отстроился и снова превратился в крупный, могущественный город.

Лишь траурный день 18 июня — в память о поражении при Аллии, своеобразный обычай прославлять капитолийских гусей-спасителей да несколько народных поговорок напоминали впоследствии римлянам о галльском нашествии, едва не погубившем гордый Рим.

ПИРРОВА ПОБЕДА

В Рим прибыли послы из греческого города Фúрий, расположенного на юге Италии, на берегу Тарéнтского залива. Послы прибыли просить у Рима помощи против *лукáнцев*¹, которые осадили их город. Отразить врага своими силами фурийцы не могли. Доведённый до крайности город обратился за помощью к Риму.

Римский сенат благосклонно встретил послов Фурий и быстро откликнулся на их просьбу. Это ведь был удобный предлог для вмешательства в дела Южной Италии.

¹ *Луканцы* — одно из племён, живших на юге Италии.

До этого Рим уже подчинил себе всю Среднюю Италию. Поддержка Фурий давала возможность римским войскам вступить и в Южную Италию.

На помощь осаждённым фурийцам в 282 г. до н. э. римляне отправили своё войско. Римляне разбили луканцев, отогнали их от Фурий и ввели в город свои войска.

Эти события привели к важным последствиям. На юге Италии находился крупный греческий город Тарент. Усиление римского влияния вызвало большое беспокойство в Таренте, боявшемся за свою самостоятельность. Поэтому, когда десять римских военных кораблей по дороге из Фурий в Адриатическое море зашли в гавань Тарента, римляне подверглись неожиданному нападению тарентинской толпы. Это послужило поводом для войны между Римом и Тарентом.

В 281 г. до н. э. римское войско двинулось на юг. Вскоре римляне подошли к границам владений Тарента. Первая же битва показала военное превосходство римлян. Войско тарентинцев было разбито.

Правительству Тарента не оставалось ничего другого, как искать себе союзников. Оно обратилось с просьбой о помощи к эпирскому¹ царю Пирру.

Эпирский царь Пирр был смелым полководцем. Народное восстание свергло с эпирского престола его отца, и Пирр воспитывался при чужеземном дворе. Ещё в юношеском возрасте он обнаружил такие блестящие способности к военному делу, что когда одного из полководцев и соратников Александра Македонского спросили, кто, по его мнению, является теперь наиболее выдающимся полководцем, он ответил: «Пирр, когда станет взрослым».

Стяжав славу первоклассного полководца, Пирр вернулся на родину. Вскоре ему удалось восстановить свою власть в Эпире. Но ему этого было недостаточно. Маленькая горная страна, повелителем которой он был, казалась ему слишком тесной.

Вот к этому-то смелому полководцу и обратились послы Тарента с просьбой о помощи. Пирр принял предложение тарентинцев. В его голове роились грандиозные

¹ *Эпир* — государство, располагавшееся в западной части Северной Греции.

Рис. 8. Царь Пирр.

планы. Он думал о создании великой западной державы, подобной той, которую на Востоке в своё время создал Александр Македонский.

При дворе Пирра жил грек из Фессалии, по имени Кинеас, ученик знаменитого оратора Демосфёна. Современники говорили, что Кинеас в красноречии не уступал своему учителю. Кроме того, Кинеас был ловким и хитрым человеком. Пирр чрезвычайно ценил его услуги. «Кинеас покорил мне больше городов своим языком, чем я сам оружием», — говорил Пирр.

Рассказывают, что, когда Пирр согласился помочь тарентинцам, Кинеас обратился к нему со следующим вопросом:

— Римляне, — сказал он, — народ храбрый и воинственный; если боги пошлют нам победу, то как мы её воспользуемся?

На это Пирр ответил:

— Если мы победим римлян, то вся Италия окажется у наших ног.

После некоторого молчания Кинеас снова спросил:

— Ну, а когда Италия окажется в нашей власти, что мы будем делать после этого?

Пирр отвечал:

— По соседству с ней находится Сицилия, плодородный и богатый остров, который завоевать совсем не трудно, так как там не прекращаются народные волнения и всякие беспорядки.

— Прекрасно, — сказал Кинеас, — но является ли завоевание Сицилии пределом наших стремлений?

— Нет, — подтвердил Пирр, — это лишь начало более обширных предприятий. Ведь из Сицилии нетрудно достигнуть Африки и Карфагена и овладеть ими.

— Бесспорно,— продолжал Кинеас,— располагая такими средствами, мы затем легко подчиним себе Македонию, а вместе с тем и Грецию. Но вот что мне неясно: когда мы выполним все эти планы, что мы будем делать тогда?

— Тогда,— отвечал Пирр, смеясь,— мы будем жить в мире и спокойствии, будем проводить время в пирах, веселье и дружеских беседах за чашей доброго вина.

— В таком случае,— сказал Кинеас,— что же нам теперь мешает выполнить эту главную цель всех стремлений и к чему эти войны, опасности и кровопролитие, когда уже и теперь ты располагаешь всеми условиями, чтобы жить в мире и спокойствии и проводить время в пирах и дружеских беседах за чашей вина?

Но, конечно, подобные беседы не могли охладить воинственного пыла царя.

В начале 280 г. до н. э. Пирр переправился в Италию со своими основными силами. Войско Пирра насчитывало 20 тысяч тяжеловооружённых воинов и 3 тысячи всадников. Кроме этого, у него было двадцать боевых слонов, впервые попавших на итальянскую землю. Армия Пирра была наёмной; она была очень хорошо организована и вооружена.

Римлянам впервые предстояло столкнуться с таким сильным противником. Однако к этому времени их собственная военная организация весьма окрепла. Старое римское ополчение по центуриям давно уступило место разделённому на *манипулы легиону*¹, обладавшему высокими боевыми качествами. Таким образом, если предстоящее столкновение с первоклассными войсками Пирра сулило римлянам серьёзное испытание, то и Пирру ещё не приходилось воевать с пехотой, подобной римской.

Весной 280 г. до н. э. начались военные действия. Главные силы римлян, состоящие из четырёх легионов, двинулись навстречу Пирру. Переправившись через реку Сирис, римляне вышли к городу Гераклее и завязали схватку с передовыми отрядами противника. Вскоре в бой вступили остальные силы Пирра, и у стен Гераклеи произошло первое большое сражение.

¹ *Легион* — боевое подразделение римского войска, состоявшее из 30 манипул. Численность легиона была различной и колебалась от четырёх до шести тысяч воинов.

Оно было очень ожесточённым. Семь раз римские легионы сталкивались с фалангой Пирра, но исход битвы не определился. Тогда Пирр бросил в бой своих слонов. Огромные, невиданные дотоле в Италии животные испугали лошадей римских всадников и обратили их в бегство. Вслед за тем Пирру удалось расстроить ряды римской пехоты. Под напором тех же слонов, конницы и повторных атак пехоты Пирра римское войско дрогнуло и побежало обратно к реке Сирис. Преследуя бегущих, воины Пирра овладели римским лагерем. Семь тысяч убитых и раненых римлян осталось лежать на поле сражения. Две тысячи римлян было захвачено в плен. Но потери Пирра тоже оказались велики. Сам Пирр был ранен в этой битве.

После поражения римлян на сторону их врагов перешли многие местные племена и почти все южные греческие города. Остатки римской армии вынуждены были отступить в Апулию. Путь для дальнейшего продвижения Пирра в глубь страны оказался открытым.

Не встречая серьёзного сопротивления, Пирр двинулся на Лаций и Рим. По преданию, он вскоре оказался в непосредственной близости к Риму. Однако римляне не растерялись. Они проявили исключительную энергию. В Кампанию пришёл со своими войсками консул Публий Валерий Левин и заслонил Пирру путь на юг. Другой консул двинулся навстречу Пирру с севера. В Риме было объявлено чрезвычайное положение и был назначен диктатор. Город деятельно готовился к обороне. Пирр не решился дать сражение и отошёл. Он очистил всю занятую им в Средней Италии территорию и отвёл свои войска на зиму в Тарент. До весны следующего года военные действия затихли.

Весной 279 г. до н. э. Пирр двинулся в новое наступление на Апулию. Римляне за это время успели там сосредоточить семидесятитысячное войско. В Апулии, близ города Аускула, произошло второе за эту войну крупное сражение.

К этому времени обе стороны успели произвести некоторые изменения в военном устройстве. Пирр ввёл в своей армии разделение на отдельные отряды, подобные римским манипулам, а римляне изобрели особые колесницы, с жаровнями, длинными копьями и другими приспособлениями, рассчитанными на борьбу со слонами.

Два дня длилось упорное сражение при Аускуле. Первый день принёс успех римлянам, но на второй день Пирр заставил их перенести военные действия с крутых и болотистых берегов реки на равнину. Это дало ему возможность развернуть фалангу и полностью использовать слонов и конницу. Римляне снова потерпели поражение, хотя на этот раз Пирру не удалось овладеть их лагерем.

Победа под Аускулом досталась Пирру дорогой ценой.

Армия Пирра понесла огромные потери. Говорят, что когда после сражения его стали поздравлять с успехом, Пирр воскликнул:

— Ещё одна такая победа, и я останусь без войска!

С тех пор выражение «Пиррова победа» употребляется, когда речь идёт о такой победе, которая на самом деле близка к поражению.

Так было и под Аускулом. На поле битвы осталось до пяти тысяч воинов Пирра. Это были отборные воины, пришедшие вместе с ним из Эпира. Среди убитых было много его полководцев и близких друзей. В Италии Пирр не мог восполнить этих потерь. В Таренте и других городах в связи с постоянными поборами и вмешательством в их внутренние дела против Пирра росло недовольство. Война грозила затянуться. В это время к эпирскому царю прибыло посольство из города Сиракуз в Сицилии. Воевавшие с карфагёянами Сиракузы обратились к Пирру за помощью. Перспектива овладеть богатым и плодородным островом Сицилия показалась Пирру гораздо более заманчивой, чем длительная, упорная война, какую ему ещё предстояло выдержать, прежде чем добиться победы над Римом.

Пирр вступил с римлянами в переговоры о мире. Он направил в Рим своего уполномоченного, оратора Кинеаса.

Явившись в Рим, Кинеас пустил в ход различные приёмы, чтобы добиться мира. Он виделся с самыми влиятельными из римских политических деятелей. Он привёз с собой от имени царя подарки их жёнам и детям. В сенате Кинеас говорил долго и вежливо, выдвигая очень мягкие условия мира. Римские сенаторы его внимательно слушали. Многие из них под влиянием речей и подарков Кинеаса, а ещё больше под влиянием печального для римлян опыта двухлетней войны склонялись к тому, чтобы заключить мир с Пирром на условиях признания его

господства над Южной Италией. Но когда уже, казалось, большинство сенаторов высказались за мир, в зал заседаний внесли дряхлого, ослепшего от старости, но всеми уважаемого сенатора Аппия Клавдия. По преданию, Аппий Клавдий обратился к сенату с пламенной речью.

— Зачем вы, сенаторы, всегда ходившие прямо, избрали сейчас кривой путь? Своими решениями вы уничтожаете и губите славу сената и римского народа. Римляне! До сих пор я роптал на судьбу, лишившую меня зрения, теперь, слепой, жалею, что я не глух, ибо тогда я бы не слышал постыдных советов и решений, уничтожающих славу Рима!

Аппий Клавдий закончил свою речь призывом продолжать борьбу, и римский сенат отверг мирные предложения Пирра.

Римское правительство решило продолжать войну, опираясь на помощь могущественного Карфагена — города, расположенного в Северной Африке. Карфагенская республика с тревогой следила за успехами Пирра, которые представляли опасность и для неё. Пирр в любой момент мог появиться в Сицилии, а карфагеняне сами хотели овладеть этим богатым и плодородным островом. Поэтому Карфаген предложил Риму союз и военную помощь. В римскую гавань Остию вошёл карфагенский флот.

Таким образом, несмотря на две крупные победы, положение Пирра не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Поэтому Пирр решил отправиться в Сицилию, чтобы вести военные действия против карфагенян. Однако после первых успехов дела его здесь сложились неудачно, так как греческие города не поддерживали его. Пирр вынужден был вернуться в Италию.

В 275 г. около города Беневента произошло последнее сражение Пирра с римлянами. Исход боя снова решили слоны, но на этот раз не в пользу Пирра. Осыпанные градом огненных стрел, пущенных из римских лагерных укреплений, слоны в бешенстве ринулись обратно, топча свои же войска и обращая их в стремительное бегство. Пирр потерпел страшное поражение. Окружённый несколькими всадниками, он скрылся в Тарент.

Тем временем изменилась обстановка не в пользу Пирра и на его родине в Эпире. Эпирское царство оказалось под угрозой нападения со стороны Македонии. Вско-

ре Пирр был вынужден вовсе оставить Италию. А через три года во время уличной схватки в греческом городе Аргосе Пирр погиб. По преданию, Пирр был убит брошенной в него с крыши черепицей.

В том же году (272 г. до н. э.), когда погиб Пирр, римляне подчинили большинство его союзников в Южной Италии, в том числе и город Тарент. Несколько лет спустя Рим сломил сопротивление остальных племён, ещё сохранявших свою независимость. Таким образом, вся Италия оказалась в руках Рима.

РИМ И КАРФАГЕН

После подчинения всей Италии государство римлян стало одним из самых сильных в западной части Средиземного моря. Из небольшого крестьянского посёлка на берегу Тибра Рим превратился в большой и богатый город — центр всей Италии. Конечно, господство над Италией обогатило в первую очередь не римских крестьян, а римскую знать. Земли, которые были отобраны у побеждённых, попадали прежде всего ей в руки. На этих землях всё больше стал применяться труд рабов. Но римская правящая знать мечтала о большем. Плодородная Сицилия была отделена от южного берега Италии всего лишь узким проливом. Для закалённых в походах и сражениях римских войск переправиться через этот пролив и овладеть островом казалось не так уж трудно. Вряд ли ослабленные постоянными раздорами города сицилийских греков могли оказать им сильное сопротивление. Но в Сицилии римлянам предстояло столкнуться не только с греками, но и с Карфагеном — сильным и большим государством, которому принадлежала западная часть острова.

Карфаген был самым сильным соперником Рима в западном Средиземноморье. Сам город Карфаген был расположен на северном берегу Африки, в плодородной местности, как раз напротив Сицилии. По преданиям, Карфаген был основан в 814 г. до н. э. выходцами из Финикии¹. Это были отважные моряки и торговцы, бо-

¹ *Финикия* — страна, расположенная на восточном побережье Средиземного моря.

роздившие на своих кораблях во всех направлениях воды Средиземного моря. На его берегах они основали не меньше колоний, чем греки.

Основанный ими в Северной Африке Карфаген рос и богател. Население его пополнялось новыми переселенцами из Финикии. Развивались ремёсла и торговля. Окрестные племена ливийцев были вскоре покорены карфагенянами. Земли их перешли к карфагенской знати и стали обрабатываться рабами.

Постепенно Карфаген превратился в столицу большого государства. В отличие от Рима владения карфагенян не были сосредоточены в пределах одной страны, а были разбросаны по островам и побережьям западного Средиземноморья. Торговля была основным источником богатства карфагенян. Из Центральной Африки в Карфаген шли через пустыню караваны. Они доставляли золото, слоновую кость, шкуры животных, а также рабов. Из Сардинии на кораблях привозили хлеб, серебро, соль и другие товары. Из Испании везли олово и железо. Даже с берегов далёкого Балтийского моря карфагеняне получали высоко ценившийся тогда янтарь. Прибывавшие в Карфаген товары перепродавались, снова грузились на корабли и переправлялись в самые различные страны Средиземноморья.

В погоне за наживой карфагенские купцы иногда отваживались и на более далёкие путешествия. Карфагенянин Ганно́н, например, с целым флотом (свыше 60 кораблей) вышел из Средиземного моря в Атлантический океан и обогнул западный берег Африки.

По сравнению с торговлей земледелие имело для Карфагена меньшее значение. Однако мало в какой другой стране древнего мира так широко использовался труд рабов, как в расположенных вокруг столицы имениях карфагенских богачей. Карфагенские рабовладельцы славились своим умением извлекать из подневольного труда наибольшую выгоду.

По своему государственному устройству Карфаген был рабовладельческой республикой. Считалось, что верховная власть принадлежит в нём собранию всех полноправных граждан. На самом деле народное собрание не обладало большой властью и влиянием. Настоящими хозяевами города и правителями государства были карфагенские богачи. Из них состояли и сенат и совет, вклю-

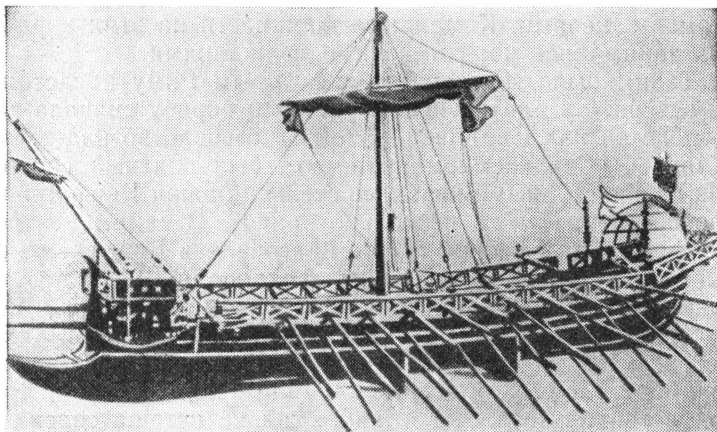

Рис. 9. Римский военный корабль.

чавший 30 человек; из них выбирались на один год и оба правителя (подобные римским консулам). Во все эти органы власти попадали только очень богатые люди.

Карфаген имел большую армию и сильный флот. Армия была наёмной. В её рядах можно было встретить и уроженцев Азии, и греческих искателей приключений, и жителей Испании, и ливийских подданных Карфагена — кочевников африканской пустыни. Карфагенские граждане призывались в армию только в случае крайней опасности. В обычное время в войске, за исключением высших командиров, карфагенян не было. Наёмники-чужеземцы служили за деньги и ради военной добычи. Карфаген не был их родиной, и поэтому они сражались хуже, чем римляне, защищавшие землю своих отцов. Однако карфагеняне могли не бояться потерь. Денег в карфагенской казне было много, и убыль воинов в ходе военных действий всегда могла быть пополнена вербовкой новых наёмников.

В сражениях карфагеняне, как и некоторые другие древние народы, применяли боевых слонов. Карфагенский флот считался лучшим во всём Средиземном море. Он состоял из больших кораблей с пятью рядами вёсел, которые были расположены ряд над рядом. Гребцами на этих судах были главным образом рабы, прикованные к

скамьям цепями. Командные должности на этих кораблях занимались карфагенскими гражданами.

Таким было государство, с которым Риму предстояло вступить в длительную и упорную борьбу сначала за господство над Сицилией, затем за господство над всем западным Средиземноморьем. Это был опасный соперник. Непрístupными казались стены и башни Карфагена, опоясывавшие его в несколько рядов. В самом центре Карфагена на высоком холме красовалась Бирса — видный далеко с моря карфагенский акрополь. Днём и ночью кипела жизнь на узких улицах города между высокими, многоэтажными домами. А ещё оживлённее было в карфагенской торговой гавани. Рядом с ней находился военный порт, где стояли боевые корабли. При взгляде на город и гавань казалось, что никогда не истощатся силы Карфагена в борьбе с самым сильным врагом. Но произошло иначе.

Первая война между Римом и Карфагеном — она вошла в историю под именем первой Пунической (потому что римляне называли карфагенян пунами) — началась в 264 г. до н. э. и продолжалась до 241 г. до н. э., то есть 23 года. Борьба развернулась за Сицилию. На суше римляне, используя преимущества своей пехоты, воевали успешно и уже очистили значительную часть Сицилии от карфагенян. Но на море безраздельно господствовал карфагенский флот. Пользуясь этим, карфагеняне подвозили в Сицилию и военное снаряжение и людские пополнения. Карфагенские корабли стали появляться у берегов Италии. Высаживаясь с них, карфагеняне жгли и опустошали прибрежные поселения и снова уходили в море. Тяжёлая для римлян война затянулась. И вот тогда римский сенат принял историческое решение: построить свой боевой флот. С энергией принялись римляне за строительство кораблей. В течение года было выстроено 120 пятипалубных судов (пентеры).

Одновременно с постройкой флота велось и обучение матросов. На берегу были расставлены скамьи и на них посажены гребцы. Их приучали по команде поднимать и опускать вёсла. Таким образом, когда флот был готов, римляне уже располагали обученными гребцами.

В древности морской бой состоял в том, что при встрече двух враждебных эскадр суда начинали маневрировать

Рис. 10. Морское сражение.

вать с таким расчётом, чтобы своим носом, окованным металлом, нанести удар в корму или в борт вражеского корабля и вывести его из строя или даже потопить. Эти манёвры требовали большой ловкости и опыта от всей команды корабля. Конечно, в этом искусстве римляне не могли соперничать с такими опытными моряками, как карфагеняне. Поэтому они придумали новое техническое приспособление, которое изменило характер морского боя. Это были так называемые «вороны», которые представляли собой перекидные мостики, снабжённые перилами и острым крюком (похожим на клюв вороны) на конце. Эти мостики устанавливались на носу римских кораблей и в вертикальном положении привязывались к мачте. Когда корабль с таким вороном подходил на близкое расстояние к вражескому судну, мостик отвязывали. Он падал и впивался крюком в палубу вражеского корабля. Римляне быстро перебежали по мостику и начинали бой на палубе вражеского корабля, как на суше. А в подобных боях римская пехота не знала себе равной.

Благодаря этому нововведению молодой римский флот в 260 г. до н. э. одержал крупную победу над карфагенским. В честь первой морской победы в Риме была воздвигнута мраморная колонна, к которой прикрепили отрубленные носы захваченных карфагенских кораблей, а консул Гай Дуилий, выигравший это сражение, удостоился неслыханной почести: сенат постановил, чтобы его всегда сопровождал глашатай и два флейтиста. Глашатай прославлял победителя, и голосу его вторили две флейты. Сograждане уже издали знали, кто к ним идёт.

Окрылённые этими успехами, римляне решили организовать морской поход в Африку, чтобы овладеть самим Карфагеном. Этот поход был предпринят под руководством консула Атилия Регула. Сначала дела римлян шли блестяще. Регул не только разбил ещё раз карфагенский флот, но, благополучно высадившись в Африке, занял более 70 городов и наконец подступил к самому Карфагену. Карфагеняне вынуждены были просить мира, но Регул, опьянённый своими успехами, не только отказался вести мирные переговоры, но, заранее уверенный в победе, отпустил значительную часть войск домой, в Италию. Между тем карфагеняне, используя беспечность Ре-

гула, сумели на вербовать боеспособное наёмное войско и наголову разбили римлян, остававшихся вблизи Карфагена. Первый морской поход римлян окончился полным провалом. Регул попал в плен. Остатки его войска бежали к кораблям. Но тут римлян постигла новая беда. На пути в Италию их флот попал в сильную бурю и почти целиком погиб.

Неудача этого похода затянула войну на долгие годы. Военные действия снова сосредоточились в Сицилии и шли с переменным успехом. В это время в Карфагене вспыхнуло восстание наёмников, к которому присоединились и рабы. Карфаген, истощённый 23-летней войной, вынужден был просить мира. Так как силы римлян тоже были почти исчерпаны, то сенат охотно пошёл на заключение мира. По мирному договору карфагеняне заплатили Риму большую сумму денег и уступили Сицилию, которая, таким образом, стала первой римской провинцией, то есть внеиталийской покорённой страной. Вскоре римляне, пользуясь ослаблением Карфагена, явно нарушив условия договора, захватили острова Корсика и Сардиния.

КАРФАГЕНЯНЕ В ИСПАНИИ

В первой Пунической войне Карфаген потерпел поражение, но его могущество не было сломлено. Вопрос, кто будет господствовать над западным Средиземноморьем, эта война не разрешила. И римляне и карфагеняне понимали, что новая война неизбежна.

Самым влиятельным человеком в Карфагене в то время был талантливый полководец Гамилькар Бάρка. Участник войны с Римом, он потом прославился подавлением восстания наёмников. Гамилькар не только понимал неизбежность новой войны с римлянами, но и стал деятельно готовиться к ней. Карфагеняне после первой Пунической войны потеряли Сицилию, Сардинию и Корсику. Доходы, которые раньше шли из этих стран, перестали поступать в карфагенскую казну. Чтобы возместить своему государству потерю этих владений, Гамилькар предпринял завоевание Ибэрии (как тогда называлась Испания). Эта страна была богата железом, серебром и строевым лесом. Он надеялся, что богатства Испании дадут ему средства для дальнейшей войны с Римом.

В течение девяти лет Гамилькар сумел покорить большую часть Иберии, несмотря на отчаянное сопротивление местных свободолюбивых племён. Огромные доходы, поступавшие теперь в Карфаген, позволили забыть утрату Сицилии. Приближалось время, когда, казалось, можно будет расплатиться с римлянами за прошлое поражение. Но сам Гамилькар Барка не дожил до возобновления войны. Он был убит в 229 г. до н. э. в одном из сражений с иберийцами. После его смерти командование карфагенскими силами в Иберии перешло к Гасдрубалу — зятю Гамилькара. Гасдрубал, как и Гамилькар, продолжал подготовку к войне с Римом. Он ещё больше расширил владения Карфагена. На иберийском побережье Средиземного моря при нём был основан Новый Карфаген — крупный торговый порт и сильная крепость.

Успехи карфагенян вызвали большую тревогу в Риме. Римский сенат отправил послов с требованием, чтобы карфагеняне не захватывали в Испании земель, лежащих к востоку от реки Эбро. Гасдрубал согласился на это требование и заключил в 226 г. до н. э. с римлянами договор, по которому карфагенские войска обязались не переходить на восточный берег Эбро. Договор этот был выгоден Карфагену, так как отдавал ему большую часть Испании, лежащую к западу от реки.

Гасдрубал упрочил господство карфагенян в уже завоёванной ими части Испании. Местное население было обложено огромными налогами.

Через пять лет после заключения договора с римлянами Гасдрубал был убит на глазах у своих воинов одним иберийцем. Убийца был схвачен. Однако самые жестокие пытки не смогли заставить его выдать своих сообщников. Он смело пошёл на казнь: радость мести за своих угнётённых соплеменников пересилила в нём страх смерти. Этот случай свидетельствует о лютой ненависти, которую питало местное иберийское население к своим поработителям.

После гибели Гасдрубала вождём карфагенских войск в Испании был провозглашён сын Гамилькара — молодой Ганнибал.

Рассказывали, что, когда Гамилькар отправлялся завоёвывать Испанию, Ганнибалу было девять лет. Мальчик просил отца, чтобы тот взял его с собой. Гамилькар внял его просьбе, но прежде заставил Ганнибала по-

клясться перед жертвенником, что он всю жизнь будет ненавидеть римлян и бороться с ними. Ганнибал действительно выполнил эту клятву: до самой смерти он всеми средствами боролся с Римом.

Ганнибал вырос в военном лагере. С самых юных лет он принимал участие в походах и сражениях. Рассказывают, что он умел одинаково хорошо и приказывать другим, и повиноваться тем, кто стоял над ним. Солдаты охотно шли за ним в бой. Будучи полководцем, он вёл образ жизни простого солдата. Его можно было увидеть спящим прямо на голой земле, среди воинов передовых отрядов. Он первым бросался в бой и отступал последним. Римляне обвиняли его в жестокости и вероломстве, но из того, что мы о нём знаем, можно заключить, что он был не более жесток, чем другие полководцы того времени. Правда, он был коварен: никто не умел подстроить врагу ловушку и заманить его в засаду лучше, чем Ганнибал.

Сделавшись главнокомандующим, Ганнибал продолжал дело своего отца. Он окончательно подготовил всё для войны с Римом. Однако Ганнибал знал, что правительство Карфагена нелегко согласится на эту войну: слишком свежо ещё было воспоминание о недавних поражениях. Поэтому он повёл дело так, чтобы его правительство не могло не принять решения о войне с Римом. Для этого нужно было заставить римлян первыми объявить войну Карфагену.

Добиваясь этой цели, Ганнибал напал на богатый город Сагунт. Сагунт был расположен к югу от устья реки Эбро, в той части страны, которая по договору Гасдрубала с римлянами отходила к Карфагену. Но Сагунт, находившийся в союзе с Римом, сохранял свою независимость. Именно потому, что Сагунт был союзником Рима, Ганнибал и напал на него. Он рассчитывал, что римляне не оставят своего союзника в беде и встанут на его защиту. Однако римляне, как и карфагеняне, боялись новой войны. Поэтому, вместо того чтобы сразу двинуть легионы на помощь сагунтянам, римский сенат отправил к Ганнибалу послов с требованием прекратить военные действия против Сагунта. В том случае, если Ганнибал откажется это сделать, послам было приказано ехать в Карфаген и там требовать прекращения военных действий против Сагунта и наказания Ганнибала как зачинщика нападения.

Когда послы прибыли в Испанию, Ганнибал уже осадил Сагунт. Разноплеменное карфагенское войско окружило город со всех сторон. Многочисленные тараны ломали его крепкие стены. Жители Сагунта защищались с отчаянным мужеством. Не раз они производили удачные вылазки. Во время одного из приступов сам Ганнибал был серьёзно ранен дротиком в ногу. Один раз от ударов карфагенских таранов рухнули сразу три башни и большой кусок стены между ними. Карфагенские воины уже считали город взятым. С воинственными криками устремились они в пролом. Но, ворвавшись в город, они наткнулись на сильное сопротивление. Завязалась ожесточённая битва. Карфагеняне в узких улицах не могли использовать своё численное превосходство. Со всех крыш и стен их поражали камнями, стрелами, дротиками, лили кипяток, кипящую смолу и масло. Страшным для карфагенян было особое оружие сагунтян — фаларика.

Это было метательное копьё с железным наконечником. Часть копья, где железное остриё соединялось с древком, обматывалась верёвкой и обмазывалась смолой. Перед тем как метнуть его в неприятеля, воин поджигал пропитанный смолой клубок верёвки. От полёта копья пламя разгоралось, и, когда такое копьё попадало в щит вражеского воина, он загорался. Приходилось бросать его и сражаться незащищённым.

Почти весь день продолжалось кровопролитное сражение на улицах города. Карфагеняне не выдержали и были вынуждены отступить в свой лагерь. За ночь сагунтяне снова укрепили разрушенную часть стены. Осада продолжалась.

Римские послы явились прямо в лагерь Ганнибала под Сагунтом. Они передали карфагенскому полководцу требования римского сената. Но Ганнибал решил уклониться от всяких переговоров. Поэтому он ответил послам, что он слишком занят военными действиями и у него нет свободного времени, чтобы вести переговоры с ними. Кроме того, он велел передать римлянам, что здесь идёт война и он не может принять на себя ответственность за полную безопасность римских послов. После этого послам ничего не оставалось, как прекратить переговоры с Ганнибалом. Они сели на корабли и отплыли в Карфаген, чтобы изложить свои требования карфагенскому правительству. Но посланный Ганнибалом гонец опередил римское посоль-

ство. Ещё до прибытия римлян в Карфаген он передал друзьям Ганнибала в карфагенском сенате письмо: они должны были действовать так, чтобы карфагенский сенат отклонил римские требования.

Когда послы Рима прибыли в Карфаген, большинство правительства было уже на стороне Ганнибала. Один Ганнон, сторонник мира с Римом, призывал карфагенян к уступчивости. Послам был дан ответ, что жители Сагунта сами начали войну и у римлян нет оснований в неё вмешиваться.

Таким образом, римские послы вернулись в Италию, ничего не добившись.

Между тем, несмотря на отчаянную храбрость защитников, осада Сагунта подходила к концу. Ганнибал обещал наёмникам в случае победы предоставить город им на разграбление. В надежде на добычу карфагенские воины упорно штурмовали Сагунт. Они проломили стену ещё в нескольких местах, проникли в город и постепенно, захватывая квартал за кварталом, приближались к последним укреплениям в центре города.

Среди жителей Сагунта начался голод. Положение их было отчаянным. Враг был внутри города, и рассчитывать на чью-либо помощь теперь уже не приходилось. Тут от Ганнибала явился посол и предложил условия мира. Старейшины города спешно созвали народное собрание. Посол изложил требования Ганнибала. Карфагенский полководец предлагал сдать город со всеми находящимися в нём ценностями. Жители без оружия, захватив с собой только одежду, должны были покинуть город и поселиться там, где им укажет победитель. На этих условиях им обещали сохранить жизнь и свободу.

Когда жители Сагунта услышали такое предложение, многие из них тотчас же покинули собрание и стали сносить на главную площадь всё ценное, что у них было. Здесь был разведён огромный костёр, в который сагунтяне стали бросать свои сокровища. Некоторые сагунтяне бросались в этот костёр и сами, не желая попасть живыми в руки врагу.

В это время одна из крепостных башен, расшатанных тараном, рухнула со страшным грохотом. В проломе появились наступающие карфагеняне. Без всякой надежды на спасение сражались оставшиеся в живых сагунтяне. Многие поджигали свои дома и гибли в пламени. Ганни-

бал отдал приказ без всякой пощады истреблять всех жителей города вне зависимости от их пола и возраста. Скоро всё было кончено. На месте богатого и многолюдного города дымилась груда развалин.

Так пал Сагунт. Война между Римом и Карфагеном была теперь неизбежна.

ПОХОД ГАННИБАЛА В ИТАЛИЮ

Карфагенский сенат собрался в храме Ва́ала — древнего финикийского бога. Когда городу угрожала большая опасность, Ваалу в этом храме приносились даже человеческие жертвы. В храме царила напряжённая тишина. Все с затаённым дыханием ожидали момента, когда введут римских послов. Что скажут римляне? Что поручил им передать римский сенат?

Римские послы сразу по прибытии в город потребовали, чтобы их как можно скорее провели в сенат. Тщетными оказались попытки самых ловких и пронырливых карфагенян заранее узнать, какие поручения привезли с собой послы из Рима. Римляне решительно заявили, что изложат суть дела только карфагенскому сенату. Пришлось спешно созывать сенаторов на заседание. Все понимали, что нависла угроза войны с Римом. Однако многие карфагеняне полагали, что римляне ещё не готовы к войне. Они не помогли Сагунту и позволили Ганнибалу овладеть этим городом. У карфагенян же в Испании прекрасная, испытанная в боях наёмная армия. Она ждёт только знака, чтобы начать войну. Карфагеняне сейчас подготовлены к войне лучше, чем римляне. Им, стало быть, нечего бояться римских угроз.

Двери храма широко распахнулись — и вошли римские послы. Во главе их был Квинт Фабий Ма́ксим — римский сенатор.

Фабий заявил, что сенат поручил ему задать карфагенянам один только вопрос: самовольно ли Ганнибал захватил Сагунт или это сделано по решению карфагенского сената?

После краткого совещания встал один из карфагенских сенаторов. Он ответил римлянам, что разбирать вопрос о том, действовал ли Ганнибал самовольно или нет, — это дело самих карфагенян. Карфаген — независи-

мое государство. Римляне не имеют права вмешиваться в его внутренние дела.

Сказав это, карфагенский сенатор сел на место под бурное одобрение присутствующих. Тогда Фабий Максим, свернув полу своей тоги так, как будто он нёс в ней что-то, сказал, обращаясь к карфагенским сенаторам: «Здесь я принёс вам и войну и мир. Выбирайте любое». Сенаторы ответили: «Выбирай сам!» Тогда Фабий распустил полу тоги и воскликнул: «Война!» После этого римские послы удалились и в тот же день отбыли из Карфагена. Это произошло ранней весной 218 г. до н. э. Война была объявлена.

Обе стороны начали к ней подготовку. Римляне задумали одновременное вторжение в Испанию и в Африку. Один консул должен был, собрав большое войско и флот в Сицилии, переправиться на африканское побережье, напасть на самый Карфаген. Другому консулу поручили высадить войска в Испании. Он должен был там начать войну с Ганнибалом, чтобы связать его и тот со своей сильной армией не мог прийти на помощь родному городу. Рассчитывая на превосходство своей пехоты над наёмниками Карфагена, римляне надеялись на быструю победу.

План Ганнибала поражает своей смелостью. Карфагенский полководец собирался вторгнуться в Италию, чтобы вести войну на территории врага. Осуществить вторжение в Италию с моря было рискованно. Со времени первой Пунической войны Карфаген больше не господствовал на море. Переправляя армию морем, можно было встретить на пути сильный римский флот. Неудачное для карфагенян морское сражение могло повлечь за собой гибель значительной части или даже всей их армии. Поэтому Ганнибал предпочёл путь через Альпы — самую высокую в Европе горную цепь. Этот путь был хорош тем, что римляне никак не могли ожидать нападения с этой стороны на свою страну. Римляне были уверены, что Альпы совершенно непроходимы для вражеских войск. Их флот оберегал побережье, а римская армия сосредоточивалась на юге Италии для вторжения в Африку.

Всю зиму, последовавшую за взятием Сагунта, Ганнибал готовился к походу. Зная, что римляне не начнут военные действия в зимних условиях, он дал отдых значительной части своих воинов, чтобы завоевать их благодарность и привязанность. Весной в назначенное время

Ганнибал сообщил своим воинам, что они отправляются в поход, который сулит им богатую добычу. Одновременно Ганнибал завязал сношения с галльскими племенами, через земли которых он должен был пройти. Незадолго перед тем так называемая Предальпийская Галлия, то есть нынешняя Ломбардия, была завоёвана римлянами. На собственном горьком опыте галлы уже успели узнать, что представляет собой римское господство. Поэтому галльские вожди охотно обещали Ганнибалу всемерную поддержку.

Чтобы обезопасить от вторжения римлян Карфаген и его африканские владения, Ганнибал отправил в Африку 20 тысяч воинов. В Испании он оставил своего брата Гасдрубала с двенадцатитысячным войском. Распределяя эти силы, Ганнибал стремился, чтобы испанские воины служили в Африке, африканские — в Испании. Он делал это для того, чтобы наёмники, попав в чужую страну и не зная её языка и обычаев, не могли завязать дружбу с местным населением. В случае какого-либо восстания чужеземные наёмники, не имеющие никакой связи с населением, будут расправляться с восставшими беспощаднее, чем местные уроженцы.

Наконец всё было готово и Ганнибал выступил в поход, располагая 80 тысячами пехоты, 12 тысячами конницы и несколькими десятками боевых слонов. Армия Ганнибала обладала прекрасными боевыми качествами. Его войска в основном состояли из отборных и опытных воинов, участников многих походов, веривших в полководческий талант своего вождя и его победу.

Перейдя реку Эбро, карфагенское войско встретило упорное сопротивление со стороны местных иберийских племён. Ганнибал разбил их в нескольких сражениях. Однако, понимая, что после ухода его войск иберийцы могут восстать, он оставил здесь сильный отряд, чтобы удерживать эти племена в повиновении.

Здесь Ганнибалу пришлось встретиться ещё с одним затруднением. Некоторые из его воинов, испуганные трудностями предстоящего похода, отказались идти дальше. Ганнибал легко мог с ними расправиться так, чтобы никому в его войске и в голову не пришло следовать их примеру. Но он этого не сделал. Ганнибал не только не стал насильно удерживать колеблющихся и распустил их по домам, но велел объявить всему войску, что каждый, кто

не верит в успех предпринятого им похода и грядущую победу, может беспрепятственно возвращаться на родину. После этого в войске Ганнибала остались только самые сильные и надёжные воины, готовые идти за своим вождем всюду, куда он их поведёт.

Таких оказалось немало: 50 тысяч пехоты и 9 тысяч конницы с боевыми слонами. С ними Ганнибал без особых затруднений перешёл через Пиренейские горы и двинулся вдоль морского берега по направлению к Альпам и Италии. В конце лета 218 г. до н. э. войско Ганнибала достигло берегов быстрой и многоводной Роны. Предстояла переправа.

Тем временем римляне были заняты осуществлением своего военного плана. Один из консулов 218 г. — Тиберий Семпроний Лонг — собирал в Сицилии армию и флот и готовился к вторжению в Африку, второй — Публий Корнелий Сципион — погрузил свои войска на корабли и отплыл в Испанию. По пути он зашёл в гавань большого греческого города Массалии (на месте нынешнего Марселя), расположенного в устье Роны. Только здесь Сципион узнал, что Ганнибал давно уже перешёл через Пиренейские горы и находится у Роны на расстоянии четырёхдневного перехода. Стало ясным, что Ганнибал двигается на Италию. Римский план ведения войны рухнул. Задача Сципиона теперь состояла в том, чтобы задержать Ганнибала у Роны, помешать ему переправиться через водный рубеж. Но он опоздал. Когда посланный Сципионом отряд, двигаясь вверх по реке, достиг того места, где стояли лагерем войска Ганнибала перед переправой, пепел от костров, у которых грелись и варили себе пищу карфагенские воины, ещё не остыл, но войска Ганнибала были уже на другой стороне реки.

Переправа через Рону была для Ганнибала делом нелёгким и опасным. Союзные римлянам кельтские племена заняли с оружием в руках противоположный берег Роны. Ганнибалу предстояло переправить свои войска — пехоту, многочисленную конницу, слонов и обозы — через стремительную реку на глазах у противника, при этом до того, как к нему на помощь подоспеют римляне из Массалии. Каждый час был дорог.

Ганнибал приказал, не считаясь с ценой, скупить у местных жителей все их лодки. Воины стали сколачивать из тут же срубленных деревьев плоты. В то же время

Ганнибал направил сильный отряд своей конницы вверх по течению к другой переправе. Переправившись через реку вплавь и на наспех сколоченных плотках, этот отряд зашёл в тыл к кельтам. Как только Ганнибал увидел на противоположном берегу условленный сигнал — столб дыма, он приступил к переправе главных своих сил. Внимательно следившие за действиями Ганнибала кельты сразу же с оружием в руках кинулись к берегу. Но в это самое время отряд карфагенской конницы ударил по ним с тыла, и за спиной у них запылал их собственный, подожжённый воинами Ганнибала лагерь. Кельты растерялись и обратились в беспорядочное бегство. После этого главные силы Ганнибала уже без особых затруднений переправились через реку. Войска Ганнибала двинулись к Альпам. Переход через эти высочайшие в Европе горы был исключительно труден. Воины Ганнибала в массе своей были южанами. Теперь эти южане попали в альпийские снега — в совершенно непривычные для них климатические условия. Многие из них замерзали на заснеженных горных вершинах, другие срывались с обледенелых круч в пропасти. Погибла большая часть вьючных животных. Местные горцы оказывали непрошеным пришельцам сильное сопротивление. Не раз казалось, что никому из участников этого беспрецедентного похода не избежать гибели. Но всё же Альпы были преодолены. Переход этот занял 33 дня. Ганнибал потерял больше половины своей пехоты и около трети конницы, но цель его была достигнута.

Расчёты Ганнибала оправдались. Когда истомлённые походом войска Ганнибала спустились в плодородную долину реки По, незадолго перед тем покорённое римлянами местное галльское население стало массами к нему присоединяться. За счёт галлов Ганнибал пополнил своё поредевшее войско и дал ему продолжительный отдых, так как оно было здесь вне опасности. Дело в том, что появление Ганнибала по эту сторону Альп в непосредственной близости к Италии было для римлян полной неожиданностью. Пришлось срочно отзывать войска из Сицилии и набирать новые в Италии.

Но прошло больше месяца, прежде чем римляне оказались в состоянии начать военные действия против восставших галлов и Ганнибала. В первом же сражении с Ганнибалом их постигла неудача. Сражение это произо-

шло на равнине у небольшой речки Тицина, впадающей в По. Здесь римская конница, возглавленная Сципионом, встретила с конницей Ганнибала. Разгорелось жаркое сражение. Ганнибал атаковал римлян и с флангов и с тыла. Римляне были наголову разбиты и Сципион тяжело ранен. Спастись он только благодаря смелости своего семнадцатилетнего сына, вытащившего его с поля боя.

Горький опыт этого сражения наглядно показал римлянам, с каким грозным противником им предстоит иметь дело. Они отошли за реку По, соединились здесь с прибывшим из Италии подкреплением под командованием второго консула Тиберия Семпрония Лонга и сосредоточили свои силы в хорошо укрепленном лагере на берегу небольшой реки Требии — правого притока По. Ганнибал подошёл к ним вплотную и расположился лагерем на другом берегу Требии.

В холодный дождливый декабрьский день здесь произошло второе крупное сражение. Рано утром, только ещё взошло солнце, всадники Ганнибала появились у самого римского лагеря. Римляне вывели из лагеря свою конницу. Завязалось сражение, в ходе которого римляне обратили в бегство всадников Ганнибала и устремились их преследовать. Этот успех так воодушевил римлян, что они вывели из лагеря и свою пехоту и двинулись к Требии. Декабрь в 218 г. до н. э. выдался для этих мест на редкость холодным, и мелкая Требия покрылась тонкой кромкой льда. Голодные римские воины — сражение у лагеря началось до того, как они успели позавтракать, — по грудь в ледяной воде стали переправляться через Требию. Усталыми и промокшими до костей построились на том берегу Требии в боевой порядок. В это самое время они были атакованы свежими, хорошо отдохнувшими войсками Ганнибала. Завязалось ожесточённое рукопашное сражение. Римляне были не в состоянии ни на шаг продвинуться вперёд, но стойко держались. В этот момент в тыл римлянам из засады ударил отборный карфагенский отряд из тысячи человек пехоты и стольких же всадников под командованием брата Ганнибала — Магона. Эта атака против искусно заманенного Ганнибалом на свою сторону реки врага решила исход сражения. Карфагеняне врезались в ряды римских воинов, римские боевые порядки были смяты. Из сорокатысячного римского войска только

около 10 тысяч прорвались сквозь ряды карфагенян и вышли из окружения. Остальные были почти полностью перебиты. Путь на Италию для Ганнибала был теперь расчищен.

БИТВА ПРИ КАННАХ

Наступил 216 год до н. э. — третий год войны. Положение в Италии было угрожающим. В течение 218 и 217 гг. в нескольких ожесточённых сражениях Ганнибал разбил римлян и теперь опустошал поля римских граждан в Италии. Крестьяне требовали самых решительных военных действий против Ганнибала. На консульских выборах они отдали свои голоса Гаю Теренцию Варрону. Он обещал положить конец войне в тот же день, когда увидит врага. Римская знать, состоявшая из крупных землевладельцев, гораздо меньше ощущала на себе бедствия войны и потому голосовала за Луция Эмилия Павла. Он считал, что в войне прежде всего нужно соблюдать осторожность. С интересами крестьян он не собирался считаться.

Таким образом, консулами на 216 г. были избраны два человека, придерживавшиеся совершенно различных взглядов на дальнейшее ведение войны. Обоим им было поручено командовать вновь набранным войском, невзванным (по тому времени) по численности: 80 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников. Приняв командование над этим войском, оба консула поступили в духе римских обычаев, но вопреки здравому смыслу. Они поделили командование по дням, то есть один день главное командование принадлежало Теренцию Варрону, другой день — Эмилию Павлу. Под командой обоих консулов римское войско двинулось навстречу врагу.

Вскоре произошло знаменитое сражение при Каннах.

Канны представляли собой небольшой городок в области Апулии, вблизи побережья Адриатического моря. Когда Ганнибал вступил в Апулию, он овладел Каннами и укрепил их. В начале 216 г. его войска расположились лагерем на широкой равнине, которая отделялась от Канн небольшой рекой Ауфид. Сюда же подошло и расположилось неподалёку от противника римское войско. Между командовавшими консулами по-прежнему были разногла-

сия. Эмилий Павел оставался решительным противником сражения, тогда как Теренций Варрон с такой же решительностью настаивал на его необходимости. У римлян был большой перевес над противником в численности пехоты. Пехота Ганнибала насчитывала всего 40 тысяч воинов. Зато Ганнибал располагал конницей, состоявшей из 14 тысяч всадников, в то время как у римлян было только 6 тысяч.

Воспользовавшись очередным днём своего командования, Теренций Варрон решил дать сражение Ганнибалу.

Римские войска вышли в поле и построились в боевой порядок. В центре плотным строем расположилась вся 80-тысячная масса римской пехоты. Она была построена в 70 рядов. Конница была выстроена справа и слева от пехоты. Правый фланг примыкал к реке Ауфиду.

На другой стороне широкого и ровного поля, разделявшего противников, построил свои войска Ганнибал. По форме его боевой строй напоминал полумесяц, обращённый своей выпуклой стороной к противнику; центр в этом полумесяце состоял из галльской и иберийской пехоты численностью около 20 тысяч человек. Это была худшая часть пехоты Ганнибала.

Лучшие отряды пехоты, состоявшие из ливийцев, были несколько отодвинуты назад. Свою конницу, как и у римлян, разделённую на две части, Ганнибал построил на обоих концах полумесяца. Впереди обеих армий, как и всегда, были расположены легковооружённые отряды, которые должны были завязать сражение.

И вот начался бой. Сначала двинулась вперёд масса римской пехоты. Как и следовало ожидать, она оттеснила назад атакованный ею 20-тысячный отряд галлов и иберийцев. Полумесяц прогнулся. Продолжая теснить противника и продвигаясь вперёд, римская пехота оказалась в изгибе, образовавшемся в результате отступления галлов и иберийцев. Тем самым она вступила в глубину расположения войск противника. Справа и слева от римлян находились ливийцы — лучшая пехота Ганнибала. В это время карфагенская конница устремилась в атаку в тыл римской пехоте. Пехота остановилась. Задние ряды должны были повернуться, чтобы защитить себя от неожиданного нападения. Тогда справа и слева в атаку на римлян устремилась ливийская пехота. Большое римское войско оказалось окружённым со всех сторон войском меньшей

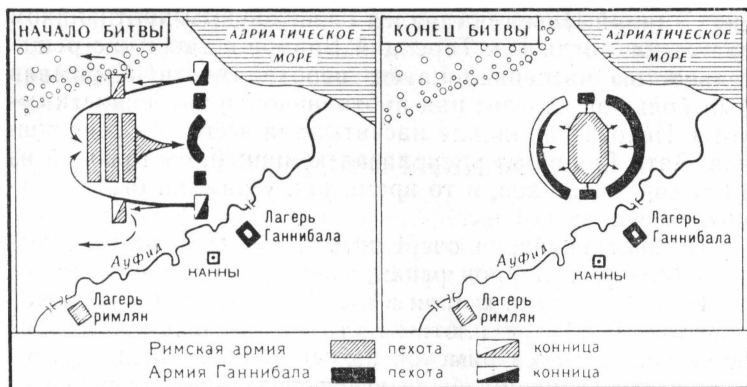

Рис. 11. Схема битвы при Каннах.

численности. Ряды римлян смешались. Началась паника. Под градом ударов, сыпавшихся на них со всех сторон, римляне почти полностью утратили способность к сопротивлению. Началось жестокое избиение. К концу битвы из 80-тысячной римской армии на поле сражения осталось убитых 54 тысячи; 18 тысяч римлян было взято в плен.

Среди убитых было много знатных римлян. Погиб в этом сражении и консул Эмилий Павел; начавший же это сражение Теренций Варрон остался в живых.

Ганнибал потерял под Каннами всего 6 тысяч убитыми.

Жестокое поражение римлян и блестящая победа Ганнибала под Каннами произвели на всех сильное впечатление. После Канн на сторону Ганнибала стали переходить один за другим города Южной Италии.

Римляне утратили в Южной Италии почти всех своих союзников и подданных. Им остались верны лишь несколько греческих прибрежных городов.

В Сицилии на сторону Ганнибала перешли Сиракузы. Римляне рисковали совсем потерять этот остров. Казалось, что война была близка к окончанию. Римляне потерпели страшное поражение, и их большое войско перестало существовать. Заветные планы Ганнибала были близки к своему осуществлению. Но Средняя и Северная Ита-

лия продолжала сохранять верность Риму и готова была поддерживать его и дальше.

Чем объяснить верность Риму этой части населения Италии? Северная и Средняя Италия были завоёваны и подчинились Риму раньше, чем Южная. В этих частях Италии проживало немало старых римских союзников. Веками сражались они бок о бок с римлянами, вместе с ними терпели военные невзгоды и делили добычу в случаях побед. Переход на сторону Ганнибала не сулил им никаких особенных выгод и даже казался рискованным. Карфагенское владычество могло оказаться не лучше римского.

Благодаря всему этому римляне скорее, чем можно было думать, оправились от тяжёлого поражения. Вначале, когда весть о Каннах дошла до Рима, страшная тревога охватила жителей столицы. Ожидали, что Ганнибал немедленно же двинется в поход на Рим. Но растерянность продолжалась недолго. Римский сенат сразу же принял необходимые меры к защите города. Когда же в Рим с остатками разбитого войска вступил виновник этого поражения Теренций Варрон, весь сенат в полном составе вышел ему навстречу: сенаторы благодарили его и уцелевших воинов за то, что они не утратили веру в спасение отечества.

Вскоре был проведён новый набор в войско. К военной службе были привлечены римские граждане, начиная с юношей 17 лет и кончая всеми ещё способными держать оружие в руках. Римляне решились также на крайнюю меру — дать оружие в руки рабов. На государственные деньги было выкуплено 8 тысяч молодых рабов. Они получили свободу и также были зачислены в ряды войск. Ко всем римским союзникам, сохранившим верность, были направлены послы с просьбой о помощи. Такими мерами Риму в короткий срок удалось восстановить своё войско.

Горький опыт поражений научил римлян многому. Они стали теперь действовать гораздо осторожнее. В Италии они уклонялись от крупных сражений с врагом, ограничиваясь обороной ещё не занятых им мест. Главную свою задачу они видели теперь в том, чтобы помешать Ганнибалу получать подкрепления и помощь от его новых союзников, чтобы затруднять снабжение войск продовольствием, постепенно истощать его силы.

ПОРАЖЕНИЕ КАРФАГЕНА

После битвы при Каннах военные действия переносятся за пределы Италии — в Сицилию и Испанию. Большое римское войско и флот были направлены в Сицилию против города Сиракуз, перешедшего в 216 г. до н. э. на сторону Ганнибала. Сиракузяне были разбиты в открытом поле, и римляне начали осаду самого города. Борьба была тяжёлой. Сиракузяне сопротивлялись отчаянно. Живший в то время в Сиракузах великий греческий физик и математик Архимед отдавал всё своё время и талант обороне родного города. Он построил невиданные до тех пор боевые машины, которые наносили огромный ущерб римлянам. Полтора года с суши и с моря осаждали римляне Сиракузы. Наконец в 211 г. до н. э. Сиракузы пали. Рассказывали, что, когда римляне ворвались в город, они увидели пожилого человека, который сидел возле своего дома и, не обращая внимания на происходившее кругом побоище, что-то чертил на песке. Воины приняли его за помешанного. Один из них наступил на чертёж ногой. Пожилой человек воскликнул: «Не тронь мой чертёж!» Тут же он был убит. Это и был Архимед¹.

В то же время римляне вели упорную борьбу с карфагенянами в Испании. Римские войска находились там с 218 г. до н. э. Консул Сципион, узнав о походе Ганнибала через Альпы, вынужден был вернуться из Галлии, не дойдя до Испании. Но он взял с собой в Италию только часть находившегося с ним войска. Другая часть, вторгшись в Испанию, препятствовала карфагенянам посылать оттуда Ганнибалу подкрепления. Борьбой с римлянами в Испании руководили братья Ганнибала.

Теперь по особому постановлению народного собрания в Испанию был направлен молодой и талантливый римский полководец Публий Корнелий Сципион (сын того консула Сципиона, который пытался перехватить армию Ганнибала при переправе через Рону). Молодому Сципиону удалось привлечь на сторону римлян некоторые иберийские племена, ненавидевшие карфагенян как захватчиков и угнетателей. При помощи своих новых союзников Сципион одержал ряд побед и даже овладел глав-

¹ Об Архимеде читай очерк «Война машин» в книге для чтения «Древняя Греция», изд. З. М., 1963.

ным городом карфагенян в Испании — Новым Карфагеном. Этот успех ободрил римлян. Теперь всем стало ясно, что римляне после битвы при Каннах не только не пали духом и не ослабили сопротивления, но сумели добиться ряда успехов. Ганнибал же не смог воспользоваться плодами своей победы.

Почему после Канн Ганнибал не предпринял поход на Рим, прежде чем римляне успели оправиться от страшного поражения?

Один из соратников Ганнибала сразу же после каннского сражения, поздравляя его с победой, сказал: «Не пройдёт и пяти дней, как ты будешь победителем пировать в Капитолии». Но Ганнибал, всегда предприимчивый и смелый, в данном случае не рискнул идти прямо на Рим. Карфагенское войско было слишком малочисленно, чтобы овладеть хорошо укреплённым городом. Кроме того, нельзя было приступать к осаде Рима, пока большая часть Италии была против Ганнибала. С самого начала похода целью Ганнибала было поднять против Рима всю Италию. Но даже после Канн только часть римских союзников перешла на его сторону.

Добившись больших успехов в Сицилии и Испании, римляне теперь начинают планомерную борьбу с Ганнибалом и в самой Италии. Они стремятся постепенно вернуть перешедшие на сторону Карфагена области и города, вытеснить Ганнибала из Италии, лишить его всякой поддержки в стране.

Карфагенское правительство мало помогало Ганнибалу подкреплениями. Ганнибал, находясь в Италии, получал пополнения, необходимые для ведения войны, главным образом от перешедших на его сторону итальянских городов. Именно против них и обратились римляне.

Для нанесения решительного удара римляне выбрали богатый и многолюдный город Капуе. Узнав об этом, Ганнибал поспешил на помощь Капуе. Римляне принуждены были снять осаду. Но едва Ганнибал со своими войсками отошёл назад, на юг, римляне снова осадили город. На этот раз они возвели сильные укрепления против Ганнибала, войско которого спешило с юга. Когда же карфагенский полководец вновь пришёл на помощь Капуе, его войско не смогло выбить римлян из осадных укреплений.

Ганнибал понимал, что вся Италия с величайшим вниманием следит за судьбой Капуи. Сумеют ли карфагеня-

не защитить доверившегося им союзника или римляне овладеют городом и накажут жителей за измену? От того, как решится судьба Капуи, зависело, на чью сторону перейдут те города, жители которых ещё колебались. Сумеет Ганнибал отстоять город — к нему примкнут новые союзники, уверенные в его силе. Овладеют римляне Капуйей, — значит, они сильнее, тогда сохранившиеся у них в Италии союзники станут более надёжными, а города, перешедшие на сторону Ганнибала, вернутся под их власть, чтобы не понести тяжёлого наказания.

Всё это Ганнибал прекрасно понимал. Но знал он также, что его армия слишком слаба и малочисленна, чтобы освободить Капую от осаждающего её римского войска. Тогда Ганнибал предпринял свой знаменитый и единственный поход на Рим. Он надеялся, что, как только римляне узнают о его движении на Рим, они тотчас же снимут осаду Капуи и поспешат к своей столице. Но римляне были уверены, что Рима Ганнибалу не взять, и спокойно продолжали осаду Капуи. В самом же Риме находилось сильное войско, вполне достаточное для защиты города. И всё же жители Рима были встревожены, когда стало известно, что карфагенский полководец идёт к городу. Раздался клич: «Ганнибал у ворот!»

Многие годы прошли с тех пор, и война с Ганнибалом стала далёким прошлым. Однако в минуты грозной опасности римляне всегда повторяли эти ставшие поговоркой слова: «Ганнибал у ворот!»

Но Ганнибал не собирался штурмовать Рим. Стоило только увидеть крепкие стены города, многочисленных воинов, расположившихся на стенах, чтобы сразу понять, что с его войском город взять невозможно. Это была бы пустая трата сил, которых и так было недостаточно.

Некоторое время Ганнибал постоял перед стенами Рима, всё ещё надеясь, что римляне снимут осаду Капуи, а затем, поняв, что манёвр его разгадан и ожидание бесполезно, отступил.

Вскоре после этого пала Капуя. Жители её были жестоко наказаны. На всю Италию это произвело огромное впечатление. Все поняли теперь, что Ганнибал слабее римлян и на него нельзя полагаться. Область за областью, город за городом стали возвращаться под власть Рима. А из Карфагена по-прежнему не присылали ни денег, ни солдат...

Тогда Ганнибал решил испытать последнее средство. Он обратился за помощью к своим братьям, находившимся с карфагенскими войсками в Испании. Один из них, Гасдрубал, поспешил к нему на выручку.

Снова карфагенские войска под командой Гасдрубала, повторяя путь Ганнибала, переправились через Альпы и вступили в Северную Италию. Если бы войска обоих братьев соединились, римлянам пришлось бы плохо.

Римляне стали спешно стягивать войска в Северную Италию.

Благодаря бдительной охране всех путей и дорог римлянам удалось перехватить письмо Гасдрубала к брату. В нём Гасдрубал подробно сообщал, каким путём он намерен идти. Это письмо попало в руки римского консула Гая Клавдия Нерона. Он тотчас же двинулся на соединение с войсками второго консула — Марка Ливия. Ганнибал между тем бездействовал. Он ничего не знал о намерениях Гасдрубала и ждал его письма.

В Северной Италии соединённые войска обоих консулов встретили армию Гасдрубала у реки Метавра. На стороне римлян был подавляющий численный перевес. Когда Гасдрубал увидел, что его войска терпят поражение и надежда помочь брату потеряна, он бросился в первые ряды своих воинов и погиб, храбро сражаясь. Его войско было целиком уничтожено.

Ганнибал ничего не знал о судьбе брата. Однажды, находясь вблизи римского лагеря, он очень близко подъехал к валам. Из-за частокола ему бросили какой-то предмет. Это была голова Гасдрубала.

Так Ганнибал узнал о том, что случилось с братом и его войском.

Ещё целых пять лет после битвы при Метавре продолжались военные действия в Италии. Другой брат Ганнибала, Магон, также сделал попытку оказать ему помощь. Но и эта попытка кончилась неудачей. Ещё не один удар нанёс Ганнибал римлянам и не мало их погибло в этой жестокой борьбе. Но у Ганнибала теперь не было уже никаких надежд на победу. Его изгнание из Италии было вопросом времени, а время работало на римлян.

К концу 205 г. Ганнибал был оттеснён в самую южную часть Италии. Кольцо римских войск всё теснее сжималось вокруг него.

Римляне перешли в решительное наступление. Победитель карфагенян в Испании — Публий Корнелий Сципион отправился с сильным войском в Африку. Римляне угрожали уже самому Карфагену. У карфагенского правительства не оставалось иного выхода, как вызвать Ганнибала из Италии. После пятнадцатилетнего пребывания в Италии, не потерпев сам ни одного поражения, Ганнибал должен был оставить эту страну. Дело всей его жизни — все его попытки уничтожить римское государство окончились крахом.

Весной 202 г. у города Замы, южнее Карфагена, произошло последнее и решающее сражение второй Пунической войны. Встретились войска Ганнибала и Публия Корнелия Сципиона.

Дело решили всадники нумидийских племён, перешедшие на сторону римлян. Ганнибал был разбит в первый и последний раз в своей жизни. Его победитель — римский полководец Сципион получил почётное прозвище Африканского и стал самым знаменитым человеком в Риме.

В следующем году был заключён мир. Его условия были очень тяжелы для карфагенян. Карфаген терял все свои владения, кроме находившейся вокруг него области. Без разрешения римлян карфагеняне не имели права вести войну даже с соседними племенами. Они должны были заплатить Риму огромную сумму денег, выдать весь свой флот и боевых слонов. Так кончилась вторая Пуническая война.

Римляне на этот раз окончательно сломили могущество Карфагена. Сам город Карфаген был разрушен римлянами после трёхлетней осады в 146 г. до н. э. в результате третьей Пунической войны. Все городские строения были снесены до основания, и место, на котором находился некогда цветущий город, было предано проклятию. Земли же Карфагена римляне превратили в провинцию, которую они называли Африкой.

ТРИУМФ

Несмотря на то что был сентябрь, солнце светило ярко, по-летнему. Густые толпы празднично разодетого народа заполнили всё пространство от храма римской боги-

ни войны Беллоны на Марсовом поле до самого Капитолия.

Третий день Рим праздновал триумф консула Луция Эмилия Павла, покорителя Македонии, захватившего в плен самого македонского царя Персея. С раннего утра по римским улицам проходили колонны войск. Выступавшие впереди трубачи играли всё один и тот же грозный воинственный марш, под звуки которого обычно легионы шли в битву. Звуки труб перемешивались с радостными криками, которыми толпы народа приветствовали проходящие войска. «Юо! Триумф!» — не переставая, кричал народ¹.

Казалось, со дня основания Рима никогда ещё не было такого ликования. Войска консула захватили невиданно богатую добычу. Даже привычные к таким пышным зрелищам римляне были изумлены. Первого дня триумфа едва хватило на то, чтобы провезти на 250 повозках все произведения искусства, статуи и картины, захваченные у неприятеля. На следующий день везли оружие, доставшееся победителям: золочёные щиты и длинные македонские копья — *сариссы*, оружие *фракийцев* и конскую сбрую, мечи, панцири, шлемы... Дальше следовали 3 тысячи человек, нёсших 750 сосудов, наполненных серебряными монетами. В каждом сосуде было по 3 *таланта*² — около 80 кг серебра. Поэтому каждый сосуд несли 4 человека. 750 воинов пронесли богато украшенные, тонкой работы чаши и вазы. Последний, третий день триумфа должен был быть самым интересным и блестящим.

Как только под грозный марш и крики толпы прошли войска, вслед за ними двинулись юноши в праздничных, богато расшитых одеждах. Они вели 120 белых быков, предназначенных для жертвоприношения. Их сопровождали мальчики с золотыми и серебряными сосудами для жертв — *патёрами*. За ними шли люди, которые несли 77 сосудов с золотыми монетами, по 3 таланта золота в каждом.

Толпа ожидала самого интересного зрелища: пленников, идущих перед колесницей триумфатора.

Вот наконец пронесли священную чашу из золота, украшенную драгоценными камнями, предназначавшую-

¹ Восклицание «юо» у римлян соответствовало нашему «ура».

² Талант — мера веса около 30 кг.

ся в дар Юпитеру, и из-за поворота улицы показалась вереница пленных. Они шли, понутив головы, с унылыми, скорбными лицами. Среди них были женщины и совсем маленькие дети, взятые в плен вместе с родителями. Толпа стихла. Слышалось только бряцание цепей: все пленники были в оковах. Но вот снова оглушительно грянули торжественные крики: римляне увидели в толпе пленных царя Персея. Казалось, он был настолько погружён в свои горестные размышления, что совершенно ничего не видел вокруг себя. Рядом с ним шли его дети: два мальчика и девочка. Они были ещё слишком малы, чтобы понимать происходящее вокруг, и только пугливо озирались по сторонам, удивлённые громкими криками и огромным стечением народа. Македонский царь уже скрылся за поворотом, когда показались ликторы — телохранители консула — с пучками прутьев, обвитых лавровыми ветками. За ними двигалась золотая триумфальная колесница, запряжённая четвёркой белых коней.

Консул Луций Эмилий Павел, согласно обычаю, сидел в кресле, а сзади него стоял государственный раб, который держал над его головой золотой венок, украшенный драгоценными камнями. Консул был в пурпурном плаще, затканном золотыми пальмовыми листьями. В одной руке он держал жезл из слоновой кости, украшенный золотым орлом, а в другой — лавровую ветвь. Лицо триумфатора было выкрашено ярко-красной краской. Древние говорили, что это делалось для того, чтобы не было видно, как выступала краска радости от оказанных ему почестей. Раб, державший венок, время от времени выкрикивал, обращаясь к триумфатору: «Не гордись! Помни, что ты только человек!» К колеснице были привязаны звонок и бич, которые должны были напоминать триумфатору, что судьба переменчива и, несмотря на сегодняшние почести, в будущем он может подвергнуться самым суровым наказаниям (звонок в Риме вешался на шею осуждённому на смерть). Несмотря на эти мрачные напоминания, лицо полководца выражало нескрываемую гордость.

— Странно, что солдаты не поют песен, прославляющих полководца, — говорил в толпе человек в грубой некрашеной тоге простолюдина.

— Ещё бы, — отвечал ему сосед в коротком военном плаще, — едва ли найдётся другой полководец, которого

бы так ненавидели воины. Ради сегодняшнего триумфа каждому рядовому воину дали по сто *денариев*¹. Триумфатор выдал бы им втрое больше, если бы они согласились прославлять его, но они даже не хотели сначала участвовать в его триумфе.

— Как могло случиться, что воины были против участия в таком почётном для них шествии? — удивился человек в тёмной тоге, вероятно приезжий крестьянин, незнакомый с последними городскими новостями.

— Ты же знаешь, что право праздновать триумф предоставляется победоносному полководцу сенатом, — начал своё объяснение человек в военном плаще, очевидно бывший воин. — Получивший это высокое отличие до конца дней своих носит почётное звание императора. Вот почему решение сената должно утверждаться народным собранием. Чтобы полководец, пользуясь своей военной властью, не мог через подчинённых ему воинов влиять на решение народного собрания, он должен распустить свою армию и сам до решения вопроса о триумфе находиться вне черты города. Воины Эмилия Павла также были распущены по домам и получили право участвовать в народном собрании. Аристократы думали, что решение сената о триумфе, как всегда, легко будет утверждено народом. Но когда народные трибуны внесли предложение утвердить постановление сената, мы решили показать аристократам, что победа — дело рук не только полководца. Ведь битвы выиграны нашими мечами, и только воины должны решать, достоин ли полководец почестей. Пусть он не ждёт нашей благосклонности, если он её не заслужил.

— Чем же плох Эмилий Павел? Такой богатой добычи Рим ещё не видал от самого основания города, — сказал удивлённый крестьянин.

— Но мы ничего не получили из этой добычи, мы, которые завоевали её своей кровью! — с озлоблением закричал воин. — Взять хотя бы случай в Эпире. Было уничтожено 70 городов, 150 тысяч человек продано в рабство, а нам, воинам, досталась такая ничтожная награда, как будто и не мы вели войну.

— Но главное даже не в этом, — мрачно продолжал он. — Никто из римских полководцев не издевался так

¹ *Денарий*—древнеримская серебряная монета (около 20 копеек).

Рис. 12. Триумф.

над солдатами. Он даже отбирал у идущих в караул солдат щиты. Сколько воинов погибло потому, что при-
нуждено было вступить в бой без щитов!

— Ну, конечно, вашим часовым было очень удобно дремать на посту, опираясь на щиты. Павел правильно делал, что отбирал их, — усмехнулся какой-то аристократ в белой тоге из тонкой шерсти, внимательно слушавший весь разговор.

— А что было в Амфиполе? — не отвечая ему, продолжал возмущаться воин. — Наш военный трибун решил снимать черепицы с городских зданий, чтобы покрыть зимние помещения для войска. Эмилий Павел приказал отнести черепицы на место.

— Ты забыл, какой это полководец! — заговорил аристократ. — Он сам водил легионы против македонской фаланги. Как он мудро поступил в ночь перед боем, удерживая вас от битвы и предоставляя македонянам первым напасть! Он знал, что, наступая по неровной местности, фаланга расстроит свои несокрушимые ряды и будет разбита. Вспомни, что по его поручению вам сообщили накануне боя о предстоящем затмении луны. Как спокойны были вы, предупреждённые об этом предусмотрительным вождём, и в какой ужас повергло затмение македонян! Полководец, сумевший покорить для Рима великое македонское царство и ведущий в своём триумфальном шествии самого царя, наследника Александра Македонского, достоин всяческих почестей. Правильно, что сенат заставил всё-таки народное собрание утвердить этот триумф. На весь римский народ пал бы позор, если бы в угоду своеволию и корыстолюбию воинов великий полководец был бы лишён заслуженной награды.

Крестьянин и воин недоверчиво прислушивались к словам аристократа.

Колесница триумфатора скрылась за триумфальной аркой. Толпа медленно двигалась вслед. Аристократ, не попрощавшись, свернул в сторону, а воин продолжал говорить крестьянину:

— Почему, думаешь ты, этот Эмилий Павел сдал всю добычу в государственную казну? Ведь этой казной распоряжается сенат, те же аристократы. Они для того и боролись за триумф Эмилия Павла, чтобы лишний раз показать, что мнение народа, простых солдат мало что значит в нашем государстве.

РАБСТВО В РИМЕ

На римском форуме только что закончилась распродажа большой партии рабов. Это были люди, захваченные римским войском во время успешной войны на Востоке. В стороне стояла большая группа проданных сирийцев, ещё не уведённых покупателем. Среди них были не только воины, взятые в плен на поле боя, но и старики, женщины, дети, угнанные из разграбленных городов и деревень. Вокруг них толпились досужие римляне. Они шумно обсуждали достоинства купленных людей и отпускали злые шутки о хилых и больных, которых было немало.

Вдруг толпа расступилась, давая дорогу высокому римлянину. Это был человек, купивший с публичного торгога всю партию рабов. Он подвёл к робко жавшимся друг к другу рабам ещё двоих: молодую девушку и пожилого, крепкого ещё на вид человека с красивой седой бородой. Пожилой сириец был известным учёным. Его имя было Зимри́д. По его книгам в Сирии учились дети и взрослые. Многие приходили издалека, чтобы воспользоваться его советами. Молодую девушку звали Ликóрис. Она была дочерью известного актёра, искусством которого сирийцы наслаждались в дни праздников. Приветливый нрав и услужливость Ликóрис были большим утешением для партии пленников во время томительного путешествия в трюме корабля, на котором их везли сюда с Востока. После прибытия в Рим партию разделили. Основную массу рабов прямо с корабля повели к высокому помосту на форуме и выставили для продажи. Рабов было много, и расчётливые работоторговцы считали для себя более выгодным продавать их целыми группами. В партию сильных, пригодных для любого труда рабов они включили стариков и больных, продать которых поодиночке не было никакой надежды.

Зато более ценных рабов выгоднее было продавать отдельно. Зимрида, Ликорис и ещё нескольких человек, отделив от остальной партии, отвели в лавку, находившуюся на Священной дороге, неподалёку от форума. Сюда, в заднюю комнату, заходили только богатые римляне, имевшие средства купить дорогостоящего раба. Они могли не торопясь, внимательно осмотреть приглянувшегося им человека, побеседовать с ним, выяснить,

что он умеет. Здесь продавали рабов, выделявшихся красотой, силой или знаниями: искусных поваров, парикмахеров, музыкантов, танцовщиц или учёных.

Зимрид и Ликорис попали в руки того же самого богача, который купил и партию их спутников. Когда римлянин подвёл старика и девушку к охраняемым надсмотрщиками сирийцам, послышались радостные восклицания. Людям казалось большим счастьем, что они вновь встретились со своими соплеменниками, с которыми успели подружиться за время долгого пути.

Особенно радовался Шейл, высокий худой сириец, с измождённым лицом. У себя на родине он был бедным крестьянином. Его вместе с женой, ребёнком и стариком отцом продали за долги в рабство. Свои же соотечественники перепродали его римлянам, а те присоединили Шеила с семьёй к партии пленных, которых они везли в Италию. В пути Зимрид делился хлебом с вечно голодным крестьянином, а Ликорис помогала его жене ухаживать за больным ребёнком.

Рабов повели к дому их хозяина, Гостилия Манци́на. Он был очень богатым человеком и владел большими имениями-латифундиями на юге Италии.

Уже темнело, когда рабы подошли к дому. У дверей их встретил *прокуратор*. Это был главный управляющий и надсмотрщик за всеми рабами. Он тотчас стал распределять новоприбывших; здоровых мужчин и женщин он назначил к отправке в деревню на сельские работы. Несмотря на ночь, прокуратор приказал надсмотрщикам немедленно вести отобранных людей в усадьбу — *виллу*¹ Гостилия Манцина. Шеила и его жену прокуратор тоже включил в эту партию. Маленькая дочка Шеила сама пошла вслед за отцом и матерью. Заметив это, прокуратор схватил девочку за руку и оттащил её назад. Он считал, что на полевых работах от девочки будет мало пользы, а в городском доме ей всегда найдётся работа. Жена Шеила только сейчас поняла, что навсегда лишается своего ребёнка. Она бросилась было назад, но два рослых надсмотрщика схватили её и потащили за остальными.

Оставшихся во дворе рабов прокуратор распределил на различные работы по дому. Одних он передал дворцовому (*атриенсу*), ведавшему уборкой дома, других на-

¹ Виллой римляне называли усадьбу богатых рабовладельцев.

правил на конюшню, третьих отдал в распоряжение главного повара. Туда же попала и маленькая дочь Шеила. Ей предстояло работать судомойкой. Ликорис должна была прислуживать самой хозяйке дома. Когда очередь дошла до трёх дряхлых и больных стариков, среди которых был и отец Шеила, прокуратор на минуту задумался. Никто из них не знал никакого ремесла, а для физической работы они не годились. Прокуратор решил, что они даже не смогут оправдать расходы, необходимые на пропитание. Осмотрев стариков ещё раз, прокуратор приказал отправить их на остров бога врачевания — Эскулапа. Этот остров находился возле самого Рима, посреди реки Тибр. По древнему обычаю римляне отвозили туда рабов, которые не в состоянии были работать. Здесь их ожидало не лечение, а медленная голодная смерть.

Зимрид остался один, разлучённый со всеми своими соотечественниками. Прокуратор сказал, что хозяин предназначил его для учёных занятий, и отвёл в верхний этаж дома. В тесной камерке Зимриду указали место на полу, где уже спали вповалку несколько рабов. Здесь он и провел ночь.

На следующее утро Зимрид начал жизнь раба в городском доме богатого римлянина. Его прежде всего поразило множество прислуги, часть которой казалась ему совершенно бесполезной: привратники, камердинеры, подавальщики блюд и вин, носильщики и скороходы заполняли огромный дом. Над каждым десятком рабов был поставлен старший, который в свою очередь подчинялся прокуратору. Рабы были на кухне, в бане, на конюшне и в пекарне, снабжавшей дом хлебом. При доме были своя сапожная, портняжная, столярная и другие мастерские. Все они тоже обслуживались рабами. Когда хозяин или хозяйка выходили из дому, их сопровождала целая свита красивых и здоровых рабов-слуг. Во время пиров хозяев и гостей также развлекали рабы: танцоры, музыканты и акробаты. Многочисленность домашних слуг должна была свидетельствовать о богатстве. Знатные римляне любили выставлять своё богатство напоказ.

Сам Гостилий Манцин не вникал ни в какие хозяйственные дела. Устройством пиров, хранением продуктов, закупкой всего необходимого для хозяйства ведали специальные рабы. Даже казначей, у которого хранились ключи от кассы хозяина, был рабом. Зимрид очень уди-

вился, когда узнал, что и прокуратор, управляющий домом и всеми именьями, принимавший вчера их партию, сам был рабом. Ему объяснили, что такие должности занимали самые подлые из рабов. Эти люди, выслуживаясь перед господами, старались улучшить своё положение за счёт своих товарищей. Хозяин мог вполне полагаться на рабов-управляющих.

Основная масса домашних рабов влачила жалкое существование. Выполняя тяжёлые работы, они никогда не знали отдыха, даже по праздничным дням. Строгий Гостилий Манцин не разрешал рабам не только разговаривать в присутствии господ, но даже шевелить губами. За произвольный кашель или икоту немедленно налагались жестокие наказания. Виновный должен был стоять навывтяжку без пищи сутки, а иногда и более.

Зимрид надеялся, что учёные занятия, для которых его предназначил господин, помогут ему забыть унижительность положения раба. Но скоро он понял, что для того, чтобы обеспечить себе сколько-нибудь сносное существование, нужно прежде всего забыть всякое достоинство и во всём стараться угождать хозяевам. С первой же встречи со своим господином Зимрид был неприятно поражён тем, что Гостилий не пожелал запомнить его прославленное имя, а стал звать его просто «Сирій», по имени страны, откуда он был родом. Господин предупредил его, что Зимрид должен будет помогать ему писать воспоминания о войнах, в которых Гостилий Манцин участвовал в дни своей молодости. Кроме того, он будет следить за тем, чтобы сын Гостилия аккуратно готовил уроки для школы. В оставшееся время Зимрид должен читать вслух госпоже. Хозяин пообещал, что иногда будет разрешать Зимриду присутствовать на пирах. Там порою гости заводят беседу о науке, а Гостилий не помнит имён учёных и героев. Нужно подсказывать ему имя или событие, о котором идёт речь.

Прошло несколько недель, и Зимрид многое узнал о жизни рабов в Риме. Рабовладельцы считали, что невольников можно удерживать в подчинении только побоями. «Господин имеет над рабом право жизни и смерти», «Раб не человек», — повторяли они постоянно. Издевательства над попавшими под их власть людьми были многообразны и отвратительны. Привратника, сторожившего дом, держали на цепи, как собаку, чтобы он

не мог отлучиться от дверей. Если он засыпал, его жестоко избивали. Однажды привратник сказал Зимриду: «Трудно решить, к какой породе животных относят меня теперь господа. Я сижу на цепи, как собака, выносливостью к побоям стал подобен ослу, а кожа моя от ударов стала пятнистой, как шкура пантеры». Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из рабов не били плетью или прутьями, оставлявшими занозы в коже. Пощёчины хозяин и управляющий раздавали направо и налево. Рабу не разрешалось уклоняться от ударов. Он должен был покорно подставлять лицо. Даже господские дети позволяли себе бить и таскать за волосы слуг, всячески над ними издеваться.

Обязанности Зимрида оказались гораздо более унижительными, чем он предполагал. Гостилий Манцин уже забыл о том, что он собирался писать воспоминания. Вместо этого он заставлял Зимрида сопровождать его носилки, когда он отправлялся из дому. Занятия с сыном Манцина тоже не ладились. Мальчишка не желал слушаться Зимрида. «Ты забываешь, кто из нас раб?» — отвечал он на все его увещевания. Однажды этот десятилетний римлянин ударил Зимрида в лицо навощённой дощечкой для письма. Когда Зимрид сообщил об этом госпоже, разгневанная матрона обещала приказать вырвать ему бороду, если он осмелится ещё раз жаловаться на её сына. Но самой тяжёлой для Зимрида была необходимость ежедневно являться к госпоже для чтения ей вслух. Жена Гостилия Манцина совершенно не интересовалась книгами. Она вызывала Зимрида утром, когда рабыни наряжали её, трудясь над её затейливой причёской. Госпожа поминутно отрывала Зимрида от чтения, приказывая ему то что-нибудь принести, то подать. Когда хозяйка бывала в дурном настроении, она нарочно старалась унижить Зимрида.

Зимриду было тяжело смотреть на мучения девушек-рабынь, причёсывающих госпожу. Среди них была и Ликорис, к которой он привязался за время их совместного пути в Рим. Бедной Ликорис приходилось укладывать жидкие волосы хозяйки так, чтобы причёска казалась густой и пышной. Это было необычайно трудно. Хозяйка, сидевшая на высоком стуле, то и дело требовала поднести ей золочёное зеркало из полированной бронзы. Если хотя бы один волосок был уложен не так, она таскала

Ликорис за волосы, рвала на ней платье, била по щекам, а иногда приказывала хлестать плетью из воловьих жил.

Однажды Ликорис, подавая госпоже драгоценный стеклянный флакон с благовониями, уронила его. Хозяйка пришла в ярость. Схватив со столика острую длинную булавку, она вонзила её в тело девушки. Ликорис вскрикнула от острой боли. Зимрид не мог больше сдерживать себя. Бросившись вперёд, он оттолкнул руку хозяйки и вытащил булавку из тела Ликорис. Хозяйка пронзительно закричала. Через несколько секунд четверо рабов вытащили Зимрида из комнаты. Вскоре он потерял сознание под свистящими бичами надсмотрщиков.

Спустя несколько дней, когда Зимрид начал поправляться, его с партией других провинившихся рабов отослали в деревню, на полевые работы. Зимрид даже обрадовался этому новому наказанию. Он хорошо знал, что жизнь раба в деревне ещё тяжелее, чем в городе, но его утешала мысль, что он там по крайней мере будет избавлен от унижений.

Проведя целый день в пути, рабы подошли наконец к вилле Гостилия Манцина. Это была огромная усадьба. Чтобы обойти её, не хватило бы целого дня. Лишь меньшая часть земли была предназначена для посевов. Большая использовалась под пастбища. На них паслись тысячи быков, коров и овец. Двести пятьдесят рабов работали здесь. Зимрида и его спутников привели во двор виллы. Здесь стоял построенный из известняка дом хозяина, лишь изредка посещавшего свои огромные владения. Вблизи дома находились кладовые, где хранились зерно, масло, вино и другие продукты. Отсюда их направляли в Рим, в городской дом Гостилия Манцина или на продажу.

В усадьбе Зимрид неожиданно встретил Шеила. Сириец с трудом передвигал закованные ноги и был больше похож на скелет, чем на живого человека. Шеил рассказал Зимриду, что он только недавно вернулся из каменоломни. Его отправили туда за то, что он вступился за свою жену, работавшую на мельнице. Женщина погибала от непосильной работы. Вместе с мужчинами, впряжённая, как животное, в упряжку, она должна была вращать тяжёлый жёрнов. Чтобы вечно голодные рабы и рабыни не могли съесть пригоршню муки, на шею им надевали большой деревянный хомут. Его называли «со-

бакой» за то, что он верно сторожил хозяйское добро. Из-за этого лежащего на плечах колеса невозможно было дотянуть поднятую руку до рта. Спрятать пищу прикованным к упряжке людям тоже было негде. Когда сириец увидел, что надсмотрщик избивает его измождённую жену кнутом, он не выдержал и бросился на надсмотрщика с кулаками. В наказание его отправили в каменоломни. Там, закованный в цепи, несчастный сириец работал в тесном руднике по 16 часов в день. Надсмотрщики не давали ни минуты передышки. «Я много слышал о мучениях в подземном царстве, — сказал Шеил, — но такого ужаса я не мог себе представить. Труд изнурял тело до последних пределов. Если бы я не привык к тяжёлой работе с детства, я бы не вышел оттуда живым».

Весной Шеила вернули на виллу. Приближалось время посева, и был дорог каждый человек. Жену он уже не застал в живых. Она не вынесла непосильного труда и мучений. Умерли ещё несколько человек из тех, с которыми они прибыли в Рим.

Управляющего виллой — *вѳлика* — не беспокоило, что рабы умирали так скоро. Они были дешёвы и своим трудом уже за два месяца возмещали расход, необходимый на их покупку. Содержание раба в деревне обходилось недорого. Одежда не стоила почти ничего; раз в два года выдавали деревянные башмаки домашнего изготовления, рубаху-тунику из некрашеной грубой шерсти и тёмный плащ для защиты от непогоды. При получении одежды раб должен был вернуть свои старые лохмотья, которые шли на изготовление лоскутных одеял. Питание состояло в основном из хлеба. Закованным рабам ежедневно давали печёный хлеб в количестве, достаточном, чтобы они не слабели и могли продолжать работу. Остальные получали зерно на месяц. После работы они растирали его в ступе и варили себе жидкую кашу или пекли лепёшки. Лепёшки были редким лакомством для рабов, так как масла выдавали только один *секстáрий* (половину литра) в месяц. В качестве питья им давали отвратительное пойло из невыбродившего виноградного сока. Иногда в рабочую пору из опавших оливок приготавливали жидкую похлёбку.

Трудовой день рабов длился от зари до зари. Даже когда все полевые работы были закончены, рабов заставляли плести корзины, чинить дороги или наводить

чистоту в имении. «Раб должен работать или спать», — говорили римляне. Они опасались, что досуг даст возможность рабам сговариваться и объединяться для совместной борьбы.

Когда вилик — управляющий имением — переговорил с надсмотрщиком, приведшим Зимрида, он сразу же приказал отправить вновь прибывшего в кузницу. Там ему заковали ноги в кандалы. Все наказанные рабы должны были ходить в оковах. Вилик сразу же направил Зимрида на работу. Ему дали мотыгу и послали копать землю вместе с другими рабами. Зимрид сперва удивился, почему при обилии рабочих быков не всю землю пахали плугами. Но когда он увидел, как один из невольников жестоко избивал заупрямившегося вола, он понял, почему хозяева стараются не поручать рабам дорогостоящих животных. Дешевле и выгоднее было заставлять рабов ковырять землю мотыгами. День за днём работал закованный Зимрид в имении Гостилия Манцина. Пахота сменилась посевом, посев — жатвой, а для рабов всё оставалось по-прежнему. Непривычный к сельским работам Зимрид часто отставал в работе и подвергался за это жестоким поркам. Силы его постепенно убывали. Мысль о побеге всё чаще приходила ему в голову. Однако убежать было нелегко. Днём рабов ставили на работу длинными рядами, а надсмотрщики наблюдали, чтобы никто не покидал своего места и не стоял без дела. На ночь закованных отводили в *эргастул* — помещение, в котором жили рабы, — и запирали на ключ. Узкие окна эргастула были расположены так высоко, что до них даже нельзя было достать рукой. Но как ни старались рабовладельцы и их надсмотрщики найти средства, чтобы сделать побеги невозможными, рабы всё-таки находили способы бегства. Зимрид день и ночь думал о побеге. Твёрдого плана у него не было, но он надеялся на счастливый случай. Однажды ему удалось подобрать на дороге острый камень, напоминающий по форме маленький топорик. Ночью в эргастуле он сообщил об этом Шеилу, и они сговорились попытаться счастья.

На следующий день рабов заставили чинить горную дорогу на окраине имения. Зимрид и Шеил забрались в расщелину между скалами, где их никто не мог увидеть. Разбив кремнем друг другу колодки на ногах, они звериными тропами выбрались из имения Гостилия и заню-

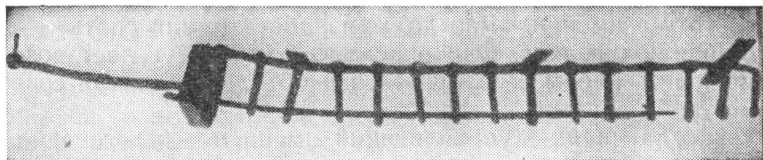

Рис. 13. Железные ножные колодки для рабов.

чевали в горах. Наутро их стал мучить голод. Обратиться к крестьянам они не решались. На ногах у них были видны следы кандалов, головы наполовину выбриты. Сирийцы знали, что любой римлянин немедленно их задержит. Может быть, какой-нибудь бедный крестьянин, сжалившись, и взял бы их в работники, но по римским законам за это грозил штраф, равный двойной стоимости укрытого раба. Время для побега было выбрано неудачно. Летом или осенью они нашли бы какую-нибудь еду на полях или огородах, но сейчас все плоды и овощи были собраны и жатва уже свезена в охраняемые амбары. Для нападения на сторожей у них не было ни сил, ни оружия. На пятый день Шеил совсем пал духом. Он решил возвращаться. Он надеялся, что добровольное возвращение смягчит его участь. Зимрид не отговаривал его. Сам он решил лучше умереть голодной смертью на свободе. Но и этому последнему его желанию не суждено было сбыться.

Гостилий Манцин решил посетить своё имение как раз в день возвращения Шеила. По приказу господина сирийца стали пытаться, чтобы узнать, где находится второй беглец. Для таких случаев в имении содержался палач. Шеил не выдержал страшной пытки и назвал место, где прятался его друг. В горы, на поимку Зимрида, был направлен целый отряд. Из последних сил отбивался Зимрид своим остроконечным камнем, но был связан и приведён к хозяину. В присутствии вилика и всех домочадцев Манцин произнёс целую речь о неблагодарности людей. Он говорил, что доверил Зимриду собственного сына, хотел поставить его в наилучшие для раба условия. «Правильна древняя поговорка: «Сколько рабов, столько врагов», — говорил он. Теперь он покажет пример строгости. Все должны видеть, какая судьба ждёт раба, решившегося на побег. Он приказал вырезать

Шеилу язык, чтобы тот уже ни с кем не мог сговориться о бегстве, и выжечь раскалённым железом на лбу слово «беглец». Зимрида же Гостилий решил казнить. Во дворе собрали всех рабов виллы. Зимрида вывели и подвергли бичеванию. Потом его руки развели в стороны и привязали к тяжёлой балке. Балку взвалили ему на спину. Подгоняемый бичами и сгибаясь под её тяжестью, Зимрид вышел за ворота виллы. Там уже стоял вкопанный в землю высокий столб. Поперечную балку вместе с привязанным к ней Зимридом высоко подняли и привязали к столбу. Свисавшие ноги прибили гвоздями. Распятый Зимрид был обречён на медленную, мучительную смерть от голода и заражения крови. Но мучения его длились недолго. Голод и бичевание сделали своё дело — и уже на другой день Зимрид умер. Труп долго не снимали, чтобы рабы помнили о жестокой расправе.

Но не покорность, а возмущение рождал вид распятого в сердцах рабов. Многие мечтали о мести, и мысль о восстании всё чаще приходила им в голову.

ПЕРВОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ В СИЦИЛИИ

Обычный дневной шум постепенно затихал. Скоро вся вилла богатого сицилийца Фокиона погрузилась в глубокий сон. Лишь изредка кое-где слышен был лай собак. Люди и животные отдыхали от тяжёлых дневных трудов. В эргастуле большая часть людей также спала. Только в самом дальнем углу два раба, лежавшие рядом на грязной соломе, вели тихую беседу.

— Мне особенно тяжело, потому что я попал сюда из города, — жаловался более молодой раб. — Ведь всем известно, что жизнь городских рабов куда легче, чем жизнь работающих в деревне.

— Как ты мог заметить, Сирий, жизнь рабов вообще не легка, — усмехнулся старик раб, тело которого покрывали многочисленные рубцы от побоев, а через всё лицо шёл ужасный шрам. — На каждом шагу раба ждут жестокое обращение, невыносимые наказания и даже смерть. Я не говорю уже о плохой пище, тяжёлой работе, скверной одежде... Самое страшное — это то, что раб целиком зависит от произвола хозяина. Раб, по мнению господина, не человек, а вещь. Двадцать с лишним лет

веду я такую жизнь и хорошо знаю, что значит быть рабом.

— Говорят, что не всегда ты был рабом, — сказал Сирий, робко глядя на собеседника. — Я слышал, что когда-то ты был советником и военачальником мудрого и могущественного царя.

Старик внимательно посмотрел на Сирия и потом опустил голову, глубоко задумавшись о чём-то.

— Много слухов ходит здесь о твоём прошлом, — продолжал Сирий, — но никто не знает ничего определённого. Ты сам называешь меня своим другом. Почему же ты не хочешь рассказать о себе?

— Здешние рабы сделали бы лучше, если бы помалкивали, — пробормотал старик. — Но ты человек надёжный и болтать не будешь... Кто знает, может быть, мой рассказ послужит тебе на пользу. Может быть, вам, молодым, удастся совершить то, чего не сумели сделать мы, старики. Слушай...

— Это было много лет назад. Я тогда был молод и силен и так же, как сейчас, был рабом. Мой хозяин жил в прекрасном городе Энне, в самом центре Сицилии. Здесь пролегла большая дорога, ведущая из порта Катаны на восточном берегу в город Агригент, расположенный на юго-западе острова. Ты ведь знаешь, что Энна представляет собой крепость, совершенно неприступную для нападающих.

Какой великолепный театр был в Энне! Много людей из Греции и Италии приезжало любоваться красотой города. Склоны гор там покрыты виноградниками и садами. На зеленеющих пастбищах паслись огромные стада. На тучных нивах ветер колыхал золотую пшеницу и ячмень.

Но наша жизнь — жизнь невольников — в этом счастливом городе была ужаснее, чем где бы то ни было. Жадные хозяева не хотели тратить ни одного лишнего *асса*¹ на содержание раба. Поэтому ночью, по окончании работ, они отпускали нас на большую дорогу, чтобы мы разбоем добывали себе одежду и пропитание. Нигде господа не были так жестоки, как в Сицилии: много несчастных погибло в рудниках, каменоломнях и просто под ударами бичей за самую ничтожную провинность.

¹ *Асс* — мелкая медная монета.

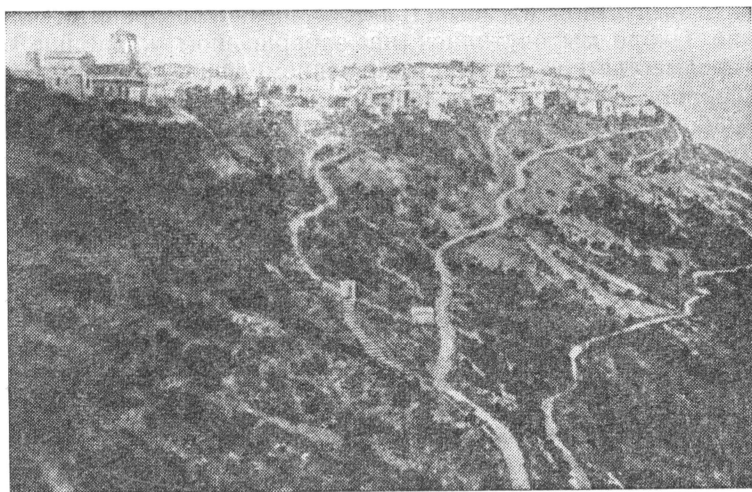

Рис. 14. Город Кастроджиованни (древняя Энна).

Наступило время, когда стало уже невозможно терпеть долее издевательства господ.

Среди рабов особенно выделялся сириец Евн, принадлежавший Антигону, одному из самых влиятельных жителей Энны. Говорили, что Евн владеет тайнами волшебства и чародейства, что он может беседовать с богами и предугадывать будущее. Его всегда окружали люди, на которых он имел огромное влияние и которые так были ему преданы, что по первому его приказанию охотно бросились бы в огонь. К его предсказаниям прислушивались сами хозяева.

Однажды вечером, когда, утомлённый тяжёлым дневным трудом, я уже собирался заснуть, ко мне пробрался раб Ахей, человек, которого я безмерно уважал за его ум и мужество. Он сообщил мне, что Евн желает меня видеть по очень важному делу. Я не любил Евна и считал его ловким обманщиком, дурачащим наивную толпу невежественных рабов ради самой низкой корысти. Я не раз открыто давал ему понять это. Поэтому мне стало очень любопытно, зачем я мог понадобиться Евну, и я охотно последовал за Ахеем. Благодаря жадности господ ночные отлучки рабов были тогда обычным явлением, и

нас выпустили из поместья совершенно беспрепятственно. Скоро мы очутились на заброшенном кладбище в предместье города. Я с удивлением увидел, что здесь собралось несколько человек, в которых без труда узнал рабов, принадлежавших богатым гражданам Энны. Как только я подошёл, Евн направился ко мне, прекратив беседу с человеком, в котором я сразу признал пастуха.

— Хорошо, что ты пришёл, Пóллукс, — обратился он ко мне, — это будет полезно для нашего общего дела.

Я ничего не понял, но промолчал.

Подошли ещё люди, которых я не мог узнать в темноте.

— Теперь все пришли! — сказал Ахей, когда на старом кладбище собралось около 20 человек. — Можешь начинать, Евн!

— Братья! — обратился Евн к присутствующим. — Все вы, кроме Поллукса, хорошо знаете, для чего мы здесь. Не случайно я собрал сегодня самых смелых и умных рабов со всего округа Энны. Уже несколько лет, как, напрягая все силы, готовим мы ниспровержение жестокой и несправедливой власти господ и освобождение рабов. Наступает решительный час, которого мы так долго ждали. Обстоятельства складываются сейчас как нельзя более благоприятно. Всё зависит от нашего мужества и решимости...

Евн стал доказывать, что нельзя откладывать восстание. Сейчас в Сицилии благодаря жадности хозяев рабы, добывая себе пропитание грабежом на больших дорогах, пользуются относительной свободой, которая позволит им собраться и вооружиться для выступления. Он говорил, что ему удалось добиться поддержки рабов-пастухов, которых хозяева сами вооружают, чтобы они могли охранять стада от диких зверей.

— Самое важное — начать! — говорил он. — Нам сейчас дорог каждый человек! Поэтому я и пригласил сюда Поллукса, который благодаря своей образованности пользуется большим влиянием среди греческих невольников.

Евн говорил очень горячо и убедительно. Однако его речь подействовала далеко не на всех. Начались споры. В это время к нам подошли ещё два человека, закутанные в плащи. Один из них передвигался с трудом, другой его всё время поддерживал. Судя по тому, что охра-

на, выставленная Евном вокруг кладбища, пропустила их беспрепятственно, это были также участники заговора. Более молодой и сильный из пришедших подвёл своего спутника ближе и обнажил его спину. При ярком свете взошедшей луны мы увидели следы жесточайших побоев.

— За что наказали Гёрмия? — спросил Евн.

— Вы все знаете нашего хозяина Дамофíла, — ответил только что пришедший молодой раб. — Нет в Энне человека более богатого, жестокого и жадного... Сегодня утром мы пришли к нему просить, чтобы нам выдали новую одежду, так как старую мы носим уже три года и от неё остались лишь жалкие лохмотья. Дамофил рассвирепел. «Разве путешественники ездят по Сицилии голыми? — вскричал он. — Разве они не предоставляют готового снабжения всем, кто нуждается в одежде?» После этого он приказал привязать нас к столбам и жестоко бичевать. Мы пришли сюда, потому что невозможно более выносить всё это!

Все были возмущены рассказом раба.

— Нечего раздумывать! — воскликнул Ахей. — Вы все слышали, что рассказал нам Зевксís. Нельзя более откладывать восстание! Сами бессмертные боги за нас!

Едва Ахей произнёс эти слова, изо рта Евна внезапно вылетели искры и пламя. Многие из присутствующих были поражены и пали ниц. Я же знал этот фокус, его часто применяли бродячие сирийские артисты. Они берут в рот пустой высверленный орех, в который кладут уголёк, и, дуя, изрыгают искры и пламя. Но я молчал, так как знал теперь, что Евн применяет эти фокусы не для корыстных целей, а для того, чтобы сплотить и ободрить разноплемённые толпы забитых и запуганных рабов, которых хозяева нарочно держали в темноте и невежестве.

Рассказ Зевксиса, вид спины Гёрмия и фокус Евна произвели на окружающих огромное впечатление. Решено было выступить, как только подвернётся удобный случай, для того чтобы захватить город врасплох.

Наконец ранним утром четыреста рабов под руководством Евна ворвались в город. Они были вооружены топорами, серпами, кольями и дубинами. Лишь только повстанцы показались на улицах, рабы, бывшие внутри города, как было условлено ранее, начали избивать своих хозяев и присоединяться к восставшим. Так соединён-

ными усилиями рабы скоро овладели городом. Особенно нам хотелось захватить Дамофила и его жену Мегаллиду, известных своей жестокостью, но их в Энне не оказалось.

После того как всякое сопротивление было сломлено, Евн через глашатаев приказал восставшим собраться в городском театре, чтобы решить, что делать дальше. Когда все собрались, прибежал запыхавшийся раб и сообщил, что Дамофил и Мегаллида находятся в своем загородном парке. Тотчас туда были посланы люди, которые и доставили их в театр. Евн потребовал, чтобы этих злодеев судили по закону, как перед лицом народного собрания. Так и поступили. Когда слово для защиты было предоставлено Дамофилу, он стал грозить восставшим могуществом Рима, который не потерпит, чтобы в его владениях рабы чинили расправу над свободными. Он грозил жестокими карами и предсказывал всем восставшим страшную смерть. Многие нерешительные и робкие были испуганы его словами. Видя это, Ахей подал знак рабам Дамофила, Гермия и Зевксису, особенно ненавидевшим своего хозяина после недавнего жестокого и несправедливого наказания. В тот же миг Зевксис вонзил свой меч в бок Дамофилу, а Гермий ударил его по шее топором. Жена Дамофила, Мегаллида, была отдана её рабыням-служанкам, которые тут же расправились с ней.

Когда с ними было покончено, с большой речью выступил Евн. Он говорил, что сила римлян заключается в их организованности и дисциплине. Рабам необходимо сплотиться и избрать себе царя. Создав своё царство, рабы могут надеяться на успех в борьбе с Римом. Бурные крики одобрения были наградой за его речь. Все собравшиеся в театре единогласно выбрали Евна царём. При вступлении на царство он получил распространённое в Сирии имя Антио́ха. После этого был избран совет, который должен был решать важнейшие дела. В совет выбрали умнейших и храбрейших повстанцев. Во главе его поставили Ахея.

После провозглашения его царём Евн приказал собрать всех свободных оружейных мастеров Энны и, заковав их в кандалы, заставить изготавливать вооружение для войска рабов. Благодаря усилиям и стараниям Евна и Ахея в три дня был организован отряд в шесть тысяч

человек, который должен был пройти по всей Сицилии, захватывая поместья рабовладельцев и призывая к восстанию рабов.

...Ранним солнечным утром выступали мы из Энны в далёкий поход. Мы были свободны, в руках у нас было оружие, а впереди сияла надежда освободить тысячи таких же несчастных, какими ещё недавно были мы сами.

Я не буду рассказывать о подробностях нашего похода. Достаточно сказать, что рабы стекались к нам со всех сторон и наше войско росло с каждым днём. Мы овладели многими городами, и в том числе важным приморским городом Тавромением и Моргантиной, расположенной в необычайно плодородной местности. На юго-западе Сицилии, узнав о наших успехах, также восстали рабы во главе с конюхом-киликийцем Клеоном. Римские и сицилийские богачи надеялись, что Евн и Клеон поссорятся между собой из-за власти, вступят в борьбу и тем самым ослабят силы восставших. Но Клеон оказался умным и благородным человеком. Ради успеха общего дела он подчинился Евну и со своими пятью тысячами воинов овладел всей областью вокруг города Агригента. Мы разбили присланного из Рима Луция Гипсея с его превосходно вооружённым восьмитысячным отрядом. Число рабов, примкнувших к восстанию, дошло до двухсот тысяч. Многие крестьяне-сицилийцы действовали с нами заодно. Это было время блестящих успехов...

Размеры восстания испугали римское правительство. Против нас были брошены консульские легионы. Римляне превосходили нас выучкой и вооружением. Консул Тихон взял один из наших опорных пунктов — Моргантину. При штурме погибло восемь тысяч наших товарищей, а захваченных в плен римляне распяли на крестах. Благодаря предательству одного сицилийского богача, оставленного в живых, консул Рупилий овладел Тавромением. После страшных пыток захваченных в плен рабов сбрасывали со скал в пропасть. Наши отряды были плохо вооружены и поэтому терпели поражения. Робкие и боязливые покидали нас.

В конце концов римские войска во главе с консулом Рупилием обложили наш последний оплот — крепость Энну. С каждым днём валы римлян всё теснее охватывали город. Видя безвыходность положения, Клеон, который командовал теперь всем войском рабов, предложил на

военном совете сделать попытку прорваться через укрепления римлян и уйти из осаждённого города. Я разделял его мнение, но все так упали духом, что мы лишь с трудом набрали небольшой отряд добровольцев. С ними мы ночью и устроили вылазку. Страшная вещь — ночной бой... Только несколькими счастливым, по большей части сильно израненным, удалось прорваться. В их числе оказался и я. Остальные частью были перебиты, частью взяты в плен. Клеон погиб смертью героя...

Как мне потом удалось узнать, город Энна скоро был захвачен Рупилием также благодаря предательству. При взятии было перебито двадцать тысяч рабов. Многие сами покончили с собой, чтобы не попасть в руки врагов. Евн был схвачен и некоторое время спустя заключён в темницу, где и погиб. Так закончило своё существование государство рабов.

— А как же ты спасся? — спросил Сирий.

— Я долго скитался в горах, а затем был пойман одним из римских отрядов, которые консул разослал по всей стране, чтобы покончить с уцелевшими участниками восстания. Из-за раны, полученной во время ночной вылазки (тут Поллукс указал на страшный шрам, пересекавший всё его лицо), меня нельзя было узнать. Сначала солдаты хотели разделаться со мной, но начальник убедил их, что теперь, после восстания, когда было истреблено столько людей, рабы стоят дорого и что выгоднее продать меня. Так я попал сначала к купцу, следовавшему за этим отрядом, а затем был продан сюда, на виллу Фокиона.

— А теперь, — помолчав, заметил Поллукс, — нужно спать. Завтра нас опять ждёт тяжёлая работа.

С этими словами старик завернулся в свой изношенный плащ, и скоро в эргастуле было слышно только ровное дыхание спящих. Один Сирий долго ещё лежал с открытыми глазами, размышляя об удивительной судьбе старого раба и о государстве угнетённых.

ТИБЕРИЙ ГРАКХ

Во II в. до н. э. для Рима, для Италии и для римских провинций наступило тяжёлое время. Римское крестьянство разорилось; рядом с мелкими участками крестьян

выросли огромные имения римских богачей. Земли в этих имениях обрабатывались трудом сотен и тысяч рабов, захваченных во время многочисленных победоносных войн. Возвращаясь из далёких походов, крестьяне находили свои хозяйства в полном запустении. А крупные имения, где землевладельцы использовали дешёвый труд рабов, процветали. Рынки были наводнены сельскохозяйственными продуктами, которые производились в этих имениях. Крестьянские хозяйства не могли выдержать борьбы с крупными землевладельцами и массами разорялись. Крестьяне продавали свои участки и уходили в города, прежде всего в Рим. Среди крестьян зрело недовольство, и всё чаще и чаще звучало требование деления крестьян земель.

Разорение крестьянства сильно снижало боеспособность римского войска, которое набиралось из крестьян. А для подавления таких мощных восстаний рабов, каким было восстание в Сицилии, была необходима сильная армия. Господство Рима над покорёнными народами держалось только на военной силе. Каждый римский гражданин хорошо понимал, что и его благополучие и будущее всего государства зависят от войска.

Приблизительно в это время в Риме вокруг полководца Сципиона Эмилиана сгруппировались наиболее передовые римские деятели, философы и учёные-греки. Они часто собирались вместе и горячо обсуждали наиболее важные политические вопросы, прежде всего, конечно, вопрос о том, как выйти из того тяжёлого положения, в каком очутилось римское государство. С особенным жаром здесь обсуждался вопрос о войске. На военной службе были только те из граждан, которые обладали имуществом. Всякий разорявшийся и терявший свою землю римский крестьянин выбывал из числа военнообязанных. Таким образом, разорение крестьянства самым пагубным образом отражалось и на численности войск. Следовательно, рассуждали в кружке Сципиона, чтобы спасти войско, необходимо возродить крестьянство.

К кружку Сципиона Эмилиана принадлежал Тиберий Гракх, который в обстановке всё усиливающейся борьбы крестьян за землю выдвинул проект передела общественной земли.

Ещё в ту далёкую пору, когда римляне шаг за шагом завоёвывали Италию, они обычно отбирали у побеждён-

ных одну треть их земель. Отобранная земля поступала в распоряжение государства. Это была так называемая «общественная земля». Римское правительство сдавало её в аренду за небольшую плату. Многие знатные римские семьи столетиями пользовались этой землёй и стали считать её как бы своей собственностью. Часть этой общественной земли и хотел передать крестьянам Тиберий Гракх.

Рассказывали, что мысль о переделе общественной земли зародилась у Тиберия, когда он возвращался после одного из походов. Проезжая через Северную Италию, он видел на пашнях, на которых ещё недавно сеяли и пахали римские крестьяне, рабов, работающих в цепях под надзором надсмотрщиков. Это произвело на него глубокое впечатление.

Но больше всего побуждал Тиберия выступить сам народ. Разоряющиеся римские крестьяне жаждали земли и выражали свои желания в многочисленных надписях на стенах храмов и общественных зданий.

Тиберий Гракх происходил из знатного плебейского рода. Многие представители этого рода занимали крупные государственные должности в Римской республике. Его отец дважды занимал должность консула, был удостоен двух триумфов. Женившись на дочери победителя Ганнибала Корнелии, он породнился с влиятельной семьёй Сципионов. Умная и образованная Корнелия всю жизнь свою посвятила воспитанию детей.

Выдающиеся способности, хорошее образование и родственные связи позволили Тиберию рано начать политическую деятельность. Он вступает на путь, с которого обычно начинали знатные римляне его времени. В 147 г. до н. э. мы видим его в войсках Сципиона Эмилиана, осаждавших Карфаген. Во время штурма этого города Тиберий первым поднялся на неприятельскую стену. В армии его считали мужественным и дисциплинированным человеком.

Вскоре после окончания войны Тиберий был избран на должность *квэстора*. С этой должности начиналась лестница высших государственных должностей в Риме. Избрание в квесторы, таким образом, открывало перед Тиберием путь к дальнейшему продвижению.

В 134 г. до н. э. Тиберий по обычаю, существовавшему в Римской республике, сам выдвинул свою кандида-

туру на выборах в народные трибуны и был избран на эту должность на 133 г. Немедленно же по вступлении в должность он начал осуществление своего плана.

Выступив перед согражданами, Тиберий произнёс речь. Он говорил о доблести римлян и о тех римских крестьянах, которые проливали кровь за отечество, а теперь лишились земли. Упомянул он и о недавнем восстании рабов на острове Сицилия и о той опасности, какая нависла над государством римлян. После этого он выдвинул предложения. Во-первых, он предложил ограничить право пользования общественной землёй 500 югерами на самого арендатора и ещё по 250 югеров на двух его взрослых сыновей (если они имелись). Таким образом, одна семья не должна была владеть участком больше чем в тысячу югеров.

Во-вторых, Тиберий предложил, чтобы вся общественная земля, сверх этой нормы, была отобрана у владельцев. Полученные таким путём излишки земли он хотел разделить между безземельными и малоземельными крестьянами участками по 30 югеров. Участки давались крестьянам за небольшую арендную плату и без права продажи. Смысл этих условий ясен: иначе богатые землевладельцы снова скупили бы эту землю у крестьян и реформа, задуманная Тиберием, ничего бы не изменила.

Наконец, в-третьих, Тиберий предложил создать особую комиссию из трёх лиц и поручить ей провести земельный закон в жизнь.

Когда распространилась весть о предложениях Тиберия, в Рим со всех сторон начали стекаться крестьяне. В короткий срок Тиберий стал вождём народного движения. Окружённый толпами сторонников, он обращался к ним с речами. Несколько фраз из таких речей Тиберия дошло до нашего времени. «И дикие звери в Италии, — говорил он, — имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, бродят повсюду, как кочевники, с жёнами и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов гробницы и храмы. Ведь у множества римлян нет ни отчего дома, ни гробниц предков, а они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а они сами не имеют и клочка земли». Легко можно себе представить, какое впечатление производили эти

слова на римских крестьян, потерявших свои земельные участки.

Но не менее сильное впечатление они производили и на крупных землевладельцев. Знать увидела в предложениях Тиберия прежде всего посягательство на её имущество и поэтому отнеслась к нему с нескрываемой враждебностью. Предстояла жестокая борьба. В ходе этой борьбы роль вождя народного движения ко многому обязывала Тиберия. Крестьянские массы толкали его к более решительным действиям.

Препятствия на пути к проведению земельного закона стали возникать перед Тиберием сразу же после обнародования им своих предложений. Тогда же его врагами был пущен по городу слух, будто Тиберий предложил переделить землю только с той целью, чтобы возмутить народ и внести расстройство в жизнь государства. Римский сенат был против Тиберия, и это не удивительно: ведь сенаторы были самыми крупными землевладельцами.

Сенаторы подговорили выступить против Тиберия одного из народных трибунов — Окта́вия, выбранного на эту должность одновременно с Тиберием. По указке сената Октавий воспользовался правом всех народных трибунов налагать запрет (вето) на отдельные действия должностных лиц и наложил его на предложения Тиберия. Тиберий оказался в очень затруднительном положении. Выступить прямо против наложенного Октавием запрета, будучи сам народным трибуном, он не мог. Тогда он стал действовать иначе. Воспользовавшись в свою очередь своими трибунскими правами, он наложил запрет на деятельность должностных лиц республики впредь до того дня, когда его предложения будут поставлены на голосование в народном собрании. Кроме того, он запечатал храм Сату́рна¹, в котором помещалась часть римской казны. Тиберий, таким образом, приостановил всю государственную деятельность.

Все эти меры вызвали сильное раздражение противников Тиберия. Одни из них в знак протеста стали появляться на улицах в траурных одеждах, другие тайно готовили покушение на его жизнь, но никто не решался

¹ *Сатурн* — у древних римлян бог времени, посевов, покровитель плодородия.

прямо выступить против запретов Тиберия или поставить вопрос о лишении его полномочий народного трибуна.

Тиберий созвал народное собрание. Предстояло решить, что делать, так как на предложения Тиберия оказался наложенным трибунский запрет Октавия. Вначале Тиберий попытался подействовать на Октавия увещаниями. Он просил его уступить справедливым требованиям народа и снять свой запрет. Зная, что Октавий сам является крупным землевладельцем и должен пострадать от закона, Тиберий предлагал ему возместить убытки из собственных средств. Октавий остался глухим ко всем просьбам и наотрез отказался снять запрет.

Тогда Тиберий пошёл на крайнее средство. Он заявил в присутствии всех собравшихся, что если два трибуна, имеющие одинаковую власть, столь резко расходятся во взглядах на такой важный вопрос, то дело может закончиться либо вооружённым столкновением между их сторонниками, либо один из двух должен быть отрешён от должности. Он предложил Октавию в этом же народном собрании поставить на голосование вопрос о смещении с должности его, Тиберия, и обещал, если народ выскажется против него, немедленно вернуться к жизни частного человека. Октавий отклонил и это предложение. Тогда Тиберий объявил, что в таком случае он поставит на голосование вопрос о смещении с должности Октавия. «Народный трибун, — говорил Тиберий, — есть лицо священное и неприкосновенное, ибо деятельность его посвящена народу и он призван защищать интересы народа. Но если трибун причиняет народу вред, умаляет его власть, препятствует ему голосовать, то он сам отрешает себя от должности, так как не исполняет своего долга».

Таким образом, Тиберий поставил интересы народа выше старых римских обычаев и порядков. Если народный трибун пренебрегает этими интересами, он должен быть смещён со своей должности, хотя, по римским обычаям, любое выборное должностное лицо считалось несменяемым и не могло быть лишено должности до новых выборов.

Тут же Тиберий внёс в народное собрание предложение об отстранении Октавия. Началось голосование. В народном собрании римские граждане голосовали по трибам, к которым все они были приписаны по месту своего проживания. Каждая триба голосовала отдельно.

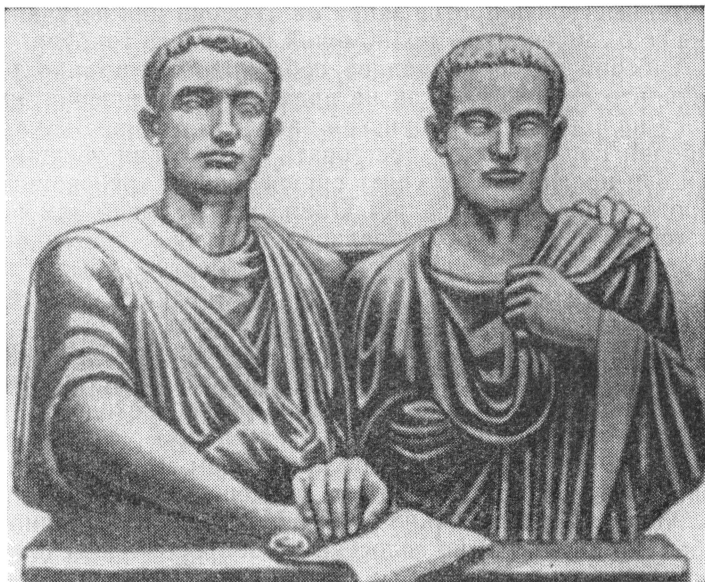

Рис. 15. Братья Гракхи.

Конечный результат голосования определялся подсчётом голосов всех 35 триб.

Уже проголосовало 17 триб, и все высказались за отстранение Октавия. Тогда Тиберий приостановил голосование. Он снова, и в последний раз, обратился к Октавию. Он убеждал его не подвергать себя бесчестию и не заставлять его, Тиберия, нарушать закон. Октавий молчал. Очевидцы рассказывали, что глаза его наполнились слезами, но он твёрдо заявил, что Тиберий может поступать с ним как хочет. Для Октавия отношение к нему римской знати было важнее и дороже.

Голосование продолжалось. Все трибы голосовали против Октавия. Тиберий приказал свести Октавия с трибуны, на которой тот стоял. Народ заволновался. Если бы подоспевшие вовремя сторонники сената не вывели Октавия из толпы, он был бы растерзан.

Октавий перестал быть народным трибуном. Следовательно, потерял свою силу и запрет, наложенный им на предложения Тиберия. Тиберий поставил их теперь на

голосование. Они прошли голосами всех 35 триб и стали законом. Тут же для проведения нового закона в жизнь была избрана комиссия. В состав её попали: сам Тиберий, его тесть Аппий Клавдий и младший брат Гай Гракх.

Комиссия начала свою работу. Ей предстояло решить множество дел, связанных с изъятием общественной земли и распределением её между крестьянами. Не всегда было легко решить, какая часть земельных владений должна быть изъята. Как уже говорилось, многие знатные римские семьи веками пользовались общественной землёй. За это время границы между собственными землями и землёй арендованной во многих случаях уже стёрлись. Кроме того, на общественной земле за счёт владельцев возводились постройки, осушались болота, разводились виноградники и т. п.

Крупные владельцы отчаянно сопротивлялись. Обстановка накалялась. Теперь даже прежние сторонники реформы, когда речь шла об изъятии находившихся у них земель, переходили в лагерь её противников. Но комиссия действовала. Сам Тиберий, встав на путь решительных действий, смело пошёл дальше. Он выдвинул новые законы, касавшиеся выдачи крестьянам, получившим земельные участки, денег из государственной казны на обзаведение, сокращения срока военной службы, обжалования судебных решений перед народным собранием и т. д.

Между тем время шло и приближался срок окончания пребывания Тиберия в должности народного трибуна. Осуществление реформы было ещё только начато. Тиберий хорошо понимал, какие затруднения возникнут для дальнейшего её проведения, если он потеряет власть трибуна. Тогда он решился вторично выставить себя на предстоящих выборах в народные трибуны.

В истории Римской республики было немало случаев, когда на должность народного трибуна выбирали одного и того же человека подряд два раза и больше. Теперь враги реформы заговорили о том, что повторное избрание в трибуны незаконно. Им важно было любыми средствами сорвать повторное избрание Тиберия и провести на эту должность своих сторонников.

Время трибунских выборов было для Тиберия неблагоприятным. Они происходили летом, когда сочувствую-

щие ему крестьяне были заняты полевыми работами и не могли прийти в Рим. Горожане были ненадёжны — знать могла подкупить их.

В день выборов на римском форуме собралась огромная толпа. Сторонники Тиберия встретили его радостными криками, но не менее шумно вели себя и его противники.

Одному из приверженцев Тиберия, Фúльвию Флáкку, стало известно, что враги Тиберия сговорились между собой пойти на крайнее средство. Они решили убить Тиберия. Для этого у них уже было наготове большое число вооружённых сторонников и рабов.

С трудом протиснулся Флакк через толпу к тому месту, где стоял Тиберий, и предупредил его об опасности. Когда Тиберий сообщил близстоящим о заговоре на его жизнь, они тут же стали разламывать скамейки и, вооружившись обломками, приготовились к защите. В задних рядах толпы ничего не понимали из того, что происходило впереди. Поднялся страшный шум. Тиберий приподнялся и хотел сказать собравшимся о том, что происходит. Но голос его не был слышен из-за шума. Тогда он коснулся рукой своей головы, желая этим дать понять, что голове его, то есть его жизни, угрожает смертельная опасность. Враги Тиберия истолковали этот жест иначе. Тиберий, кричали они, показывает на свою голову в знак того, что она должна быть увенчана царской короной.

В это время римский сенат заседал в находившемся неподалёку храме. Туда был послан вестник. Он сообщил сенаторам, что Тиберий якобы собирается покончить с республикой и объявить себя царем. Сенаторов охватило страшное возбуждение. Престарелый сенатор Сципион На́зика вскочил со своего места и громко закричал: «Кто хочет спасти отечество, пусть следует за мной!» С этими словами Назика устремился во главе сенаторов и их сторонников к форуму.

В бушевавшую уже здесь толпу влилась новая толпа, вооружённая дубинами, палками, обломками скамеек и т. п. Началась свалка. Сторонники сената устремились на тех, кто защищал Тиберия. Кто-то схватил его за одежду. Тиберий споткнулся и упал на лежащих перед ним людей. Когда он поднялся, один из врагов нанёс ему скамейкой удар по голове. Затем удары посыпались один за другим — и Тиберий был убит. Вместе с ним погибло

более трёхсот его сторонников. Трупы убитых ночью сбросили в Тибр.

Так погиб Тиберий Гракх, веривший в возможность возродить римское крестьянство путём земельной реформы.

АРИСТОНИК

В осенний день 133 г. до н. э. к римскому форуму подъехал сильно уставший чужестранец. Это был Евдем — посланец из Пергам¹, который привёз в Рим известие о смерти пергамского царя Аттала III и его завещание.

В Риме быстро распространился слух о приезде Евдема, и скоро все заговорили о том, что богатое Пергамское царство было завещано Риму умершим царём.

Заседание сената, на котором разбирался вопрос об этом завещании, было очень бурным. Так, Тиберий Гракх требовал, чтобы пергамские сокровища были отданы для проведения его реформ и для приобретения сельскохозяйственных орудий и скота беднейшими крестьянами. Конечно, сенаторы — богатые землевладельцы — были против этого предложения.

Аттал III не имел наследников, и на первый взгляд его завещание в пользу Рима могло показаться не таким уж неожиданным. Однако в Риме было известно странное поведение пергамского царя в последние годы правления. Оно даже давало повод считать его безумцем. Кроме того, все знали, что у Аттала был сводный брат — Аристони́к, рождённый эфесской рабыней, который пользовался большой любовью среди пергамской бедноты. Говорили, что Аттал III передал своё царство Риму из боязни, что оно иначе попадёт в руки Аристоника. Другие же говорили, что пергамское завещание, привезённое Евдемом, подложно. Как бы то ни было, римский сенат принял завещание Аттала.

Между тем в Пергамском царстве развёртывались бурные события. Там давно уже было неспокойно, и часто царские войска, состоявшие из наёмников, направлялись на усмирение взбунтовавшейся бедноты или рабов. Всё пятилетнее правление Аттала III прошло в постоян-

¹ *Пергам* — государство в северо-западной части Малой Азии.

ном страхе перед этими всё более и более разраставшимися восстаниями.

Последний год своей жизни Аттал, охваченный тревогой и мрачными подозрениями, искал полного уединения. Он стал носить траурное платье, отрастил длинные волосы и бороду, начал заниматься садоводством, заинтересовался лепкой из воска, производством изделий из бронзы и ковкой меди. Он писал сочинения по ботанике и сельскому хозяйству. Наконец, Аттал решил воздвигнуть гробницу своей матери и лично наблюдал за её сооружением. Увлечённый этими занятиями, он почти совсем удалился от государственных дел.

Однако ему всё чаще и чаще сообщали о серьёзных волнениях рабов в стране, о многочисленных убийствах знатных военачальников и наместников. Будучи не в силах удержать быстро разрастающееся в стране недовольство, он приказывал казнить каждого по малейшему подозрению. Он сам пробовал на своих приближенных действие различных ядовитых растений, выращенных в его садах. Деспотизм и безумие царя переходили всякие границы.

Особенно сильно возненавидел Аттал III своего сводного брата Аристоники. Аристоник не мог появляться в пергамском дворце и жил вдали от царя, среди рабов и пергамской бедноты. Это заставило Аристонику задуматься над причинами несправедливости в жизни общества. Почему его брат Аттал, сын его же родного отца царя Евмёна, владеет Пергамским царством, а он, Аристоник, вынужден делить судьбу пергамских рабов? Почему не могут они быть равны между собой? Его поражали страшные условия существования рабов и бедноты, в которых он сам теперь оказался. Он приходил в ужас от царившего в стране произвола и насилия, от нищенской жизни пергамского населения. Вместе с тем он прекрасно знал, что Пергамское царство очень богато, что казна пергамских царей полна сокровищ, что великолепные сооружения из мрамора, украшавшие пергамскую столицу, стоят баснословных средств.

Сам Пергам в это время был цветущим городом с широкими мощёными улицами, фонтанами и водопроводом. В нём были и бани и красивые рынки. Город украшали выдающиеся произведения искусства, прекрасный храм Афины, театр и знаменитая Пергамская библиотека.

Трудно было поверить, что только полтора столетия назад этот роскошный город был всего-навсего небольшой крепостью. Через Пергамское царство, границы которого простирались от Пропонтиды (Мраморное море) до Каппадокии и Киликии, шли торговые пути, которые соединяли страны Востока с Западом и обеспечивали Пергаму большие торговые доходы. Плодородная почва приносила богатые урожаи, а прекрасные пастбища давали возможность заниматься скотоводством. Получаемая в изобилии высокосортная шерсть перерабатывалась в ткацких мастерских и служила предметом торговли с другими государствами.

Богатства Пергамского царства давно уже привлекали внимание римского сената, римских рабовладельцев, торговцев и ростовщиков, которые всеми силами стремились распространить римское влияние на Пергам.

И вот наконец, как казалось, осуществлялись замыслы римлян. Внезапно, от солнечного удара, умер Аттал III, и Рим получал в наследство богатую страну.

Римский сенат срочно организовал посольство в Пергам. Оно состояло из пяти уполномоченных. Но Аристоник заявил, что не допустит передачи Риму своего царства.

Весть об этом быстро облетела Пергам, близлежащие города и области. К Аристонику массами потянулись рабы, ремесленники, крестьяне, весь обездоленный и угнетённый пергамский люд, все, чьими руками, потом и кровью были созданы богатства. Они давно уже слышали об Аристонике и считали его близким себе, зная о притеснениях, которым он подвергался при покойном царе. Кроме того, Аристоник привлёк на свою сторону и значительную часть пергамского войска.

Он мечтал об организации своего царства на совершенно новых началах. При его правлении, думал Аристоник, исчезнет несправедливость, царившая в Пергаме. В памяти вставляли прочитанные им в юношеские годы различные сочинения, особенно известный фантастический роман «Путешествия на остров солнца» писателя Ямбула. Аристоник считал, что жизнь в Пергамском царстве можно будет сделать такой же, как на этом выдуманном острове. Все жители «счастливого острова» вели трудовой образ жизни, по очереди выполняя различ-

ные работы: ловили рыбу, занимались ремёслами, выполняли сельские работы, помогали друг другу, занимали государственные должности. От этих обязанностей были свободны только старики. Жители острова были разделены на группы по 400 человек в каждой, во главе со старейшиной. Главным божеством у них считалось солнце. Солнцу слагали они гимны и пели их на своих празднествах.

По этому образцу задумал Аристоник преобразовать своё царство, решив заранее, что назовёт его царством солнца, а жителей — гелиополитами («солнце» — по-гречески «гэлиос»), что и будет означать — «жители солнечного царства». Всё это рассказывал Аристоник своим сторонникам. Эти рассказы быстро распространялись по всему царству, и многочисленные толпы рабов и бедняков прибывали к Аристонику. К ним присоединилась и часть пергамского флота.

Однако большинство богатых греческих городов Малой Азии было сильно встревожено развивавшимся восстанием и начало готовиться к решительному сопротивлению.

Первым выступил против восставших город Эфёс. У власти там стояли богачи и аристократы, они мобилизовали для военных действий свой сильный торговый флот. Аристоник не был готов к серьёзному сражению. Его флот только формировался, он состоял из плохо обученных гребцов и воинов, не имел необходимого вооружения и был значительно меньше эфесского. В бою, который произошёл около города Кймы, флот Аристоники потерпел поражение. Тогда он понял, что у него ещё недостаточно сил для осуществления своих планов, что необходима усиленная подготовка и, главное, хорошо вооружённое и обученное войско.

Римский сенат был очень доволен разгромом Аристоники, так как не мог в то время направить свои войска в Пергамское царство. Рим был занят подавлением большого восстания рабов в Сицилии и затянувшейся войной в Испании.

Между тем Аристоник стал собирать новые силы. К нему в это время приехал известный философ Блоссий, бывший советником и учителем Тиберия Гракха. Аристоник был очень обрадован приездом Блоссия, рассчитывая найти в нём сторонника своих намерений. И он не

ошибся. Советы Блоссия вдохновили его на то, чтобы ещё энергичнее бороться за осуществление своей мечты. Восставшие быстро увеличивали свои силы и готовили оружие. В рядах Аристоники можно было встретить и рабов из различных стран, и пергамских ремесленников и крестьян. Вся пергамская беднота потянулась к Аристонику, услышав, что в его царстве не будет несправедливости и угнетения. Во многих городах рабы перебили своих господ и сообщили Аристонику, что он больше не встретит здесь сопротивления. Первыми восстали рабы и беднота прибрежных городов Лёвки, Фокёя и Колофёны. Окрылённые успехом и хорошо вооружённые гелиополиты овладели ещё рядом городов.

Весть об успешном продвижении Аристоники стала распространяться на севере Малой Азии, достигла фракийского побережья и соседних с Пергамом государств. Везде находились сторонники гелиополитов, движение быстро разрасталось. Шёл 132 год; римских войск в Малой Азии по-прежнему не было. Перепуганная греческая аристократия не могла больше своими силами организовать сопротивление мощно развернувшемуся движению гелиополитов.

Широкий размах восстания Аристоники и быстрый успех претендента на царский трон в таком необычайном государстве, каким рисовалось будущее царство солнца, очень обеспокоили соседних с Пергамом малоазийских царей. Они решили не допустить возникновения в Малой Азии царства гелиополитов. Когда к ним обратилась за помощью греческая аристократия больших городов Пергамского царства, то они быстро начали готовить свои войска для подавления восстания.

Самое большое войско собрал царь Понта Митридат V и, став во главе его, направился прямо к столице Пергамского царства, городу Пергаму, где было особенно много сторонников Аристоники. Митридат рассчитывал, что римляне высоко оценят его услугу, если он очистит Пергам от гелиополитов.

Понтийский царь Митридат V быстро дошёл до столицы и сразу же бросил свои войска против мятежников, отдав приказ быть беспощадными и истреблять всех гелиополитов вместе с их семьями. Но гелиополиты не сдавались. Вооружившись топорами, секирами, пращами, серпами, используя любой предмет, могущий служить

средством защиты, они отчаянно оборонялись. Но силы были слишком неравны, и сопротивление их было подавлено.

Митридат жестоко расправился с восставшими: ни один гелиополит не ушёл живым. Несколько тысяч трупов покрыли улицы города. В каждом доме были убитые, замученные гелиополиты. По улицам Пергама ходили наёмники понтийского царя и добивали раненых.

Но восстание продолжалось в других местах. Против восставших выступил царь Каппадокии Ариарат V, но был разбит и погиб в кровопролитном сражении. Весть о гибели Ариарата дошла до Рима, и сенату стало ясно, что в Пергам необходимо послать свои войска, что одни малоазийские цари не справятся с гелиополитами и что возглавить войско должен опытный римский полководец. На этот пост был назначен консул 131 г. Публий Лициний Красс Муциан, который в то же время был и верховным жрецом.

Красс прибыл в Малую Азию на кораблях и высадился недалеко от города Левки, в котором находился Аристоник. Красс располагал хорошо обученным войском, испытанным уже при подавлении сицилийского восстания рабов. Тотчас по прибытии он стал тщательно готовиться к предстоящему сражению с Аристиком.

И вот всё было готово. Красс предвкушал скорую победу над осаждёнными. Но военные действия затянулись.

Был конец зимы 131 г. Красс полгода стоял уже под стенами города. Неожиданно он получил сообщение, что большой отряд хорошо вооружённых гелиополитов напал на его войска между городами Элэей и Смирной. Он поспешил им на помощь. Однако гелиополиты так яростно нападали на римлян, что вскоре сам римский консул оказался окружённым воинами Аристоники и, несмотря на сопротивление, был взят в плен. В панике римляне обратились в бегство, гелиополиты преследовали их и почти полностью истребили.

Победители с пением и шутками шли к Левкам, вели пленных римлян, во главе которых был сам римский консул Публий Лициний Красс Муциан.

Охрана выдающегося пленника была поручена отличившемуся в бою отряду фракийцев. Красс с ужасом

представил себе, как он, римский консул, будет с позором передан вождю восставших рабов. Он хорошо знал, что в Риме никогда не простили бы ему такого позора, и решил лучше умереть. Но каким образом? Вдруг он сообразил... Быстро схватив виноградную лозу, Красс с силой ударил ею по глазам охранявшего его огромного фракийца. Вzbешённый от боли воин, не поняв замысла Красса, пронзил его мечом. Таким образом Красс избежал плена. Голова его была доставлена Аристонику, а тело, подобранное его друзьями, похоронено в Смирне.

Известие о разгроме войск Красса произвело в Риме очень сильное впечатление и заставило римский сенат ещё более серьёзно отнестись к войне с Аристонику. Теперь назначение вести войну с Аристонику получил римский консул Марк Перперна. Он поспешно направился в Малую Азию.

Аристоник не рассчитывал на быстрое появление римлян вновь и решил отпраздновать свою победу над Крассом. Поэтому, когда Аристонику сообщили о высадке в полной боевой готовности римских легионов, это было для него полной неожиданностью. Гелиополиты были захвачены врасплох. Перперна напал на них с превосходящими по количеству и вооружению войсками и в неравном бою разгромил восставших.

Аристоник с оставшимися войсками скрылся на юге Малой Азии, в городе Стратоникее. Поспешность бегства не дала возможности обеспечить оставшиеся войска и население Стратоникее необходимыми запасами продуктов. Вскоре в Стратоникее начался голод, так как город оказался полностью окружённым. Римские легионы плотным кольцом окружили осаждённых и не допускали никакой связи с ними. Аристоник не мог надеяться на помощь извне, а находящиеся с ним войск было так мало, что о прорыве не могло быть и речи. Гелиополиты и всё население Стратоникее мужественно переносили голод и трудности осады, но в конце концов вынуждены были сдаться.

Перперна приказал заковать Аристоника в цепи, перевести его на корабль, отправляющийся в Рим, и поддерживать его жизнь, едва теплившуюся после сильнейшего истощения от голода. Сам Перперна был вынужден задержаться в Пергаме для окончательной ликвидации восстания, но внезапно умер.

Это было очень кстати новому римскому консулу Манию Аквиллию, завидовавшему победе Перперны над Аристоником. Военные корабли под его предводительством вышли из Рима. Новый консул торопил свой флот, спеша захватить не прибывшие ещё в Рим пергамские сокровища и Аристонику. Однако расчётам Аквиллия использовать успехи своего предшественника не суждено было оправдаться.

Новая волна восстания разлилась по огромной территории Пергамского царства. Сторонники Аристоники, оправившись от ударов римских легионов, опять поднялись на борьбу против Рима. Прибывшему в Пергам Манию Аквиллию пришлось срочно набирать новые войска в богатых городах Малой Азии.

Аристоник был отправлен в Рим и по приказу сената задушен в темнице. Гелиополиты узнали об этом, но с прежним упорством продолжали борьбу.

Аквиллий видел, что усмирить восставших силой одного только римского оружия невозможно. Он приказал отравлять источники и колодцы, лишая свободолюбивый народ даже питьевой воды. Таким позорным способом римский консул добился наконец победы над восставшими.

«Аквиллий завершил азиатскую войну, и — о позор! — чтобы принудить сдаться некоторые города, он отравил источники. Это ускорило победу, но её же и опозорило», — писал впоследствии римский историк Флор.

Много ещё сил было у римлян, и поэтому они смогли подавить восстания рабов в Сицилии и Пергаме. Царство гелиополитов не могло соперничать с Римом, но всё же его возникновение было серьёзной угрозой власти римских рабовладельцев.

ГАЙ ГРАКХ

После смерти Тиберия Гракха римский сенат не решился отменить проведённые им земельные законы. Это могло привести к открытому возмущению крестьянства. Поэтому наделение землёй продолжалось, но дело шло медленно и вяло, так как крупные землевладельцы ещё более яростно сопротивлялись проведению реформы.

Положение изменилось, когда на 123 г. народным трибуном был избран младший брат Тиберия (он был моложе Тиберия на девять лет) — Гай Гракх.

Так же как и его старший брат, Гай был предан делу реформы. Он был таким же талантливым оратором, но в речах своих отличался большей горячностью. Характер у него был решительнее, чем у Тиберия.

После гибели Тиберия Гай Гракх около десяти лет не принимал участия в политической жизни Рима, но затем выступил на выборах в народные трибуны и был избран на эту должность.

Вскоре после своего избрания Гай выдвинул ряд предложений. Они на первый взгляд не имели прямого отношения к главной цели, к которой стремился его старший брат. Он внёс, например, предложение о понижении за счёт государства цены на продаваемый населению хлеб. Цель этого предложения заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону городскую бедноту. Кроме того, Гай Гракх стремился заручиться поддержкой всадников.

В это время все высшие государственные должности находились в руках знати — *нобилей*. Всадники — люди, составившие себе огромные состояния на ростовщичестве и ограблении римских провинций — тоже стремились к управлению государством. Между республиканской знатью, то есть крупными землевладельцами, и новыми богачами разгорелась ожесточённая борьба за власть. Этой борьбой и хотел воспользоваться Гай Гракх, чтобы сделать всадников своими союзниками. Он предложил передать на откуп всадникам все налоги с новой римской провинции Азии. В руки всадников, по предложению Гая, должен был перейти и особый суд, разбиравший дела о злоупотреблениях в провинциях. Эти меры должны были обогатить многих всадников за счёт населения провинций. Теперь они могли обирать их совершенно безнака-

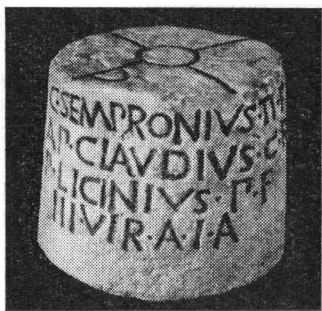

Рис. 16. Межевой столб, ставившийся на участках, переданных крестьянам.

занно. Для осуществления главных целей Гая все эти законы были очень важны.

Расчёт Гая полностью оправдался. Всадники и широкие слои столичного населения охотно его поддерживали. Повторное избрание в народные трибуны, стоившее Тиберию жизни, прошло для Гая без всяких осложнений. Городская беднота и всадники отдали ему на выборах свои голоса. Пользуясь одновременно поддержкой крестьян, Гай мог теперь действовать гораздо решительнее своего старшего брата.

В ходе борьбы Тиберий, как мы уже видели, нарушил веками существовавший обычай и отстранил от должности Октавия. Гай возводит это нарушение в правило. По его предложению был проведён закон, запрещавший лицу, когда-либо отстранённому от должности, в дальнейшем претендовать на избрание.

Когда Тиберий, сохранив полномочия народного трибуна, был выбран в комиссию по проведению земельного закона, его стали обвинять в попытке овладеть единоличной властью. Гай же не только совмещал обе эти должности, но и принял на себя ещё целый ряд других обязанностей. Он взял на себя руководство общественными работами по проведению новых дорог, стал заведовать снабжением города продовольствием и даже вмешивался во внешнеполитические дела.

Гай стал пользоваться в народе огромным влиянием. В первую очередь он использовал его для проведения земельной реформы. В результате деятельности комиссии по изъятию и распределению общественной земли среди крестьян запас этих земель в Италии подходил к концу. Вставал вопрос о новых землях для поселения крестьян. Тогда Гай провёл законы об устройстве на государственной земле колоний: двух в Италии — у Капуи и Тарента, а третьей в Африке — на месте разрушенного римлянами Карфагена. Гай не посчитался с тем, что это место было предано религиозному проклятию, после которого никто не должен был здесь селиться. Не посчитался Гай и с правами римского сената, так как по римским законам только сенат мог распоряжаться заморскими владениями Рима. Но сенат был бессилён помешать Гаю.

Однако по мере успехов возрастали и стоявшие на пути Гая трудности. Крупные земельные собственники упорно сопротивлялись дальнейшему проведению замыс-

лов Гая. Но пока они ничего не могли против него предпринять. Однако вскоре положение изменилось. От Гая стали отходить всадники. Они уже получили то, чего хотели, и дальше им было с ним не по пути.

Вскоре враги реформы пустили в ход новый, оказавшийся для Гая весьма опасным приём борьбы. С одобрения сената выступил с предложением нового земельного закона один из народных трибунов — Марк Ливий Друз. В противовес Гаю он предложил основать не три, а двенадцать новых колоний, и не за пределами Италии, а в ней самой. Беднейшие граждане должны были получить в них без всяких платежей три тысячи земельных участков. В действительности в Италии не было свободной земли для основания стольких колоний. Предложение Друза не могло быть выполнено. Этот приём был рассчитан лишь на то, чтобы переманить сторонников Гая. И надо сказать, что приём этот удался. Влияние Гая стало заметно падать.

Тогда Гай попытался укрепить своё пошатнувшееся положение новым смелым шагом. Он выдвинул предложение о предоставлении римских гражданских прав всем *италикам* — подчинённым Риму жителям Италии. Если бы это предложение прошло, Гай пополнил бы за счёт новых граждан ряды своих сторонников. Кроме того, изменилось бы отношение италиков к земельной реформе. Они до сих пор были против неё. Часть находившихся в их руках земель по закону Гракхов они должны были отдать, ничего взамен не получая: ведь закон о наделении землёй малоимущих и неимущих распространялся только на римских граждан.

Однако это предложение Гая было обречено на неудачу. Оно задевало интересы не только сенаторов, не только богачей, но и более широкого круга римских граждан. Каждый римлянин хорошо понимал, что увеличение числа римских граждан может невыгодно отразиться на тех преимуществах, которыми он сам пользовался.

Враги Гая учли эти настроения. Воспользовавшись его временным отсутствием (Гай поехал в Африку устраивать колонистов), они открыли против него бешеную агитацию. По городу поползли разные слухи, порочащие Гая. Рассказывали, например, что при устройстве новой колонии в Африке по распоряжению Гая в землю были

врыты межевые столбы, а ночью пришли волки и с диким воем вытащили их и разбросали по полю. В этом видели дурной знак, так как на подвергнутой проклятию земле никто не должен селиться.

Между тем приближались выборы народных трибунов на 121 г. Гай в третий раз выставил свою кандидатуру. Обстановка к этому времени накалилась до крайности. Не имевшие римских гражданских прав италики, узнав о предложении Гая, со всех сторон стали стекаться в Рим. Сенату пришлось даже провести особое постановление о высылке их из Рима в дни выборов. Гай попытался добиться его отмены, но успеха не достиг.

В Риме незадолго до выборов должны были происходить гладиаторские бои. На одной из площадей построили помосты с платными местами для зрителей. Гай приказал убрать их, чтобы беднейшие граждане могли смотреть на зрелища бесплатно. Однако он уже не пользовался прежним влиянием. Его распоряжение не было выполнено. Тогда Гай, дождавшись ночи, явился на площадь с рабочими, которые при нём разрушили помосты. Этот поступок Гая понравился городской бедноте, но поссорил его с другими трибунами. Они обвинили его в самоуправстве. Ссора с народными трибунами перед самими выборами была очень невыгодна Гаю.

...На выборах в народные трибуны Гай не прошёл.

Может быть, тут решающую роль сыграли враждебно настроенные к нему трибуны. В Риме говорили, что они объявили фальшивые результаты голосования и что в действительности за Гая в народном собрании была подана бóльшая часть голосов.

На происходивших вскоре после этого консульских выборах консулом был избран Опимий — непримиримый враг Гракхов. Вместе со своими единомышленниками он принял твёрдое решение во что бы то ни стало добиться отмены законов Тиберия и Гая. Но и сторонники Гая, несмотря на неудачу на выборах, были готовы бороться до конца. Дело шло к открытому столкновению.

В один из последующих дней на форуме снова было созвано народное собрание. Здесь враги реформы намеревались внести предложение об отмене гракхианских законов. Как и всегда в Риме, народное собрание началось с жертвоприношений богам. Во время жертвоприношения один из ликторов, убравший с алтаря внутренности

жертвенных животных, сказал Фúльвию Флáкку (одному из наиболее видных сторонников Гая Гракха), за которым толпились другие гракхианцы: «Дайте дорогу порядочным гражданам, вы, негодные граждане!» Долго сдерживаемое возбуждение собравшихся прорвалось наружу. Народ бросился на ликтора, который был тут же убит.

Это убийство произвело на всех присутствующих сильное впечатление. Гай был очень встревожен. Он говорил своим сторонникам, что этим убийством на форуме они сами дали врагам повод для враждебных действий. Опи́мий действительно воспользовался этим случаем и стал подстрекать своих сторонников к решительному выступлению. Трудно сказать, что произошло бы дальше на площади, наполненной возбуждёнными гражданами, если бы не пошёл сильный ливень. Он разогнал обе враждующие стороны.

На следующий день Опи́мий созвал сенат для обсуждения очередных дел. Сенаторы в ожидании начала заседания собрались в *ку́рии Гости́лия*¹. В это время на площади появилась процессия. Приверженцы Опи́мий, оглашая воздух воплями и рыданиями, несли на носилках труп убитого ликтора. Когда они подошли к самой курии, сенаторы высыпали на площадь, чтобы узнать, что случилось. Хотя Опи́мий всё было заранее хорошо известно, он притворился ничего не знающим. Вокруг убитого собралась большая толпа.

Вернувшись в курию, сенаторы постановили предоставить консулу Опи́мий особые полномочия, какие раньше давались только в случае крайней военной опасности. Опи́мий было поручено: «спасти город любыми имеющимися в его распоряжении средствами и уничтожить тиранов». Таким образом, враги римской демократии достигли того, чего хотели: гражданская война могла считаться теперь объявленной.

Замысел Опи́мий удался. Он предложил всем сенаторам вооружиться. Одновременно он дал приказ римским всадникам: к рассвету следующего дня в полном вооружении и каждому в сопровождении двух вооружённых рабов явиться на Капитолий.

¹ *Курия Гости́лия* — помещение, где заседал римский сенат; по преданию, было выстроено Туллом Гости́лием.

Но и гракхианцы стали готовиться к вооружённой защите. Фульвий Флакк собрал вокруг себя огромную толпу граждан и предложил вооружаться. Гай был печален. Уходя с площади, он остановился перед статуей своего отца, которая стояла среди статуй выдающихся римских деятелей, и долго молча смотрел на неё. Многочисленные сторонники проводили его до самого дома и, опасаясь покушения на жизнь Гая, всю ночь провели на страже у его дверей.

На рассвете следующего дня вооружённые гракхианцы во главе с Фульвием Флакком заняли Авентинский холм. Сюда же пришёл и Гай Гракх. Он не захотел вооружаться и пришел на форум одетым так, как он одевался обычно: в тоге и с маленьким кинжалом на поясе.

В тот же самый час сенаторы и римская знать со всеми своими сторонниками собрались на Капитолии. Помимо тяжеловооружённой пехоты из граждан и всадников, в их распоряжении находился отряд греческих наёмников.

Гай и Фульвий попытались предотвратить кровопролитие. Они послали одного из своих людей на Капитолий для переговоров. Остановившись в почтительной позе перед консулом и сенаторами, он передал им желание Гая и Фульвия избежать кровопролития и достигнуть примирения. Многие из сенаторов заявили, что они готовы пойти на соглашение. В это время в дело вмешался Опиций. Опираясь на предоставленные ему сенатом полномочия, он решительно заявил, что ни о каких переговорах и соглашении не может быть и речи. Гракхианцы не через глашатаев должны сноситься с сенатом, но покорно отдаться на его суд. С этим ответом и вернулся посланный на Авентинский холм.

Гракхианцы сделали ещё одну, последнюю попытку предотвратить вооружённое столкновение. На Капитолий с тем же предложением о переговорах был направлен сын Фульвия Флакка. Однако он не был даже выслушан. Опиций велел взять мальчика под стражу. Перевес в военных силах был явно на стороне консула, поэтому он стремился как можно скорее пустить в ход оружие. Во главе своих сторонников он двинулся к Авентину. Сражение началось.

В самый последний момент Гай и Фульвий обратились к помощи рабов, обещая им свободу, но было уже

слишком поздно. Гракхианцы были засыпаны тучей стрел. Разъярённые враги двинулись на них с обнажёнными мечами и копьями. Превосходство сил сказалось очень быстро. До трех тысяч приверженцев Гая и Фульвия было перебито, остальные рассеяны.

Спасаясь от врагов, Фульвий Флакк скрылся в заброшенных банях. Здесь его нашли и убили вместе со старшим сыном. Гая Гракха никто сражающимся не видел. Он не хотел обнажить меча против собственных сограждан. Глубоко потрясённый, он удалился в один из храмов, намереваясь здесь покончить с собой. Верные друзья, однако, помешали ему в этом и уговорили его бежать. Враги настигли Гая у деревянного моста через Тибр. Двое его друзей остались на мосту, чтобы задержать преследователей Гая. Повернувшись лицом к врагам и вступив с ними в рукопашный бой, они сражались до тех пор, пока оба не пали мёртвыми.

Гай, оставшись вдвоём со своим верным рабом, достиг рощи на правом берегу Тибра. Здесь он покончил с собой.

Так как за голову Гая Гракха сенат обещал необычную награду — столько золота, сколько весит его голова, то нашёлся один римлянин, который отрубил голову Гая и, кроме того, вынул из головы мозг, заполнив образовавшееся пространство свинцом, чтобы голова стала тяжелее. Сенаторы не поскупились и полностью оплатили золотом голову Гая.

Сенат и все враги гракхианского движения торжествовали победу. Трупы убитых гракхианцев были брошены в реку, имущество погибших отобрано в казну, а их родственникам даже было запрещено носить траур.

Но народ не забыл Гракхов. Места, где они были убиты, часто посещались, память их чтилась жертвоприношениями. Позднее в лучшей части города были воздвигнуты статуи обоих братьев...

Движение, возглавленное Гракхами, не могло увенчаться успехом. Гракхи стремились возродить римское крестьянство. Но во II в. до н. э. Рим и Италия уже прочно вступили на путь рабовладельческого развития. Труд свободного землевладельца всё больше и больше вытеснялся трудом рабов. Крестьянство поэтому было обречено на разорение и гибель. Таким образом, та цель, которую ставили перед собой Гракхи, была несбыточной.

Тем не менее движение италийских крестьян под руководством Гракхов оставило после себя глубокий след. Оно положило начало широкому народному движению в Риме и нанесло тяжёлый удар по сенатской республике.

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА И РЕФОРМА МАРИЯ

Югуртинской войной римляне называли войну, которую они в течение многих лет вели с Нумидийским царством. Она получила своё название от имени царя Югурты, правившего тогда в Нумидии.

С давних пор на северо-западной окраине огромной африканской пустыни Сахары жили многочисленные кочевые и полукочевые племена. Основным их занятием было скотоводство. Греки называли их *нома́дами* — кочевниками. Отсюда впоследствии и вся страна, которую они населяли, получила название Нумидии. Постепенно нумидийцы стали переходить от занятия скотоводством к земледелию.

Между отдельными племенами часто вспыхивали войны из-за лучшей пахотной земли, из-за лучших пастбищ. Захваченных в плен обращали в рабов и заставляли пастись скот и обрабатывать землю. В нумидийских общинах стали появляться люди, которые имели больше земли, скота и рабов, чем остальные. Выделилась родовая знать. Племенные вожди стали передавать теперь свою власть по наследству и превратились в царей. Возникло государство, но постоянная вражда между племенами ослабляла нумидийцев. Это дало возможность Риму, ставшему после второй Пунической войны твёрдой ногой в Африке, распространить свою власть и на племена Нумидии. Римляне поддерживали тех царей, которые соглашались выполнять их распоряжения. При поддержке римлян одному из них — Масиниссе — удалось объединить под своей властью всю Нумидию.

В 20-х годах II в. до н. э. между тремя внуками Масиниссы началась борьба за власть. В этой борьбе один из них погиб, другой, Адгербал, бежал в Рим. Власть оказалась в руках самого храброго и способного — Югурты. Многие недовольные римским владычеством нумидийцы видели в нём единственного человека, который сможет возглавить борьбу за независимость родины. Это был

опытный полководец, хорошо знавший римлян: Югурта сражался в римских войсках, подавлявших восстание в Испании. Молодой нумидиец был лично знаком со многими знатными римлянами, которые высоко ценили его военные дарования. Захват власти Югуртой вызвал тревогу в Риме. Римляне привыкли рассматривать Нумидию как своё владение, а нумидийских царей как своих наместников, обязанных всегда действовать по приказу римского сената. Теперь они опасались, что молодой, энергичный царь, овладев всей страной, станет править, не считаясь с интересами Рима. Поэтому сенат решил поделить Нумидийское царство между Югуртой и Адгербалом. Раздел царства должен был ослабить обоих соперников. Сенаторы считали, что Адгербал, который мог получить власть над половиной царства только при помощи Рима, будет во всём послушен римскому сенату. Он будет следить, чтобы деятельный Югурта не предпринял чего-либо в ущерб римскому владычеству.

В Нумидию прибыло римское посольство, которое должно было разделить царство между двумя соперниками.

Хорошо зная римскую знать, Югурта был твёрдо убеждён, что любого римского аристократа можно легко подкупить. Поэтому ловкий нумидиец без всяких опасений предложил римским послам крупную взятку, чтобы они разделили Нумидию, как это было выгодно для Югурты. Нумидия была разделена таким образом, что Югурте досталась более плодородная и более населённая её часть. Однако Югурта не удовлетворился и этим разделом. Вскоре он с сильным войском вторгся на территорию, принадлежащую Адгербалу, разбил его войска и осадил своего соперника в его столице — Цирте. Югурта имел основания надеяться, что Рим не захочет начинать с ним из-за этого войну.

Расчёты Югурты снова оказались правильными. Сенат не оказал Адгербалу вооружённой помощи и не наказал Югурту, осмелившегося действовать против желаний и распоряжений римской знати. Римское правительство несколько раз посылало к Югурте послов, пытались уладить миром борьбу между братьями. Каждый раз римские послы получали от Югурты богатые подарки, но возвращались обратно в Рим, не выполнив своей задачи.

Тем временем осада Цирты подходила к концу. Среди осаждённых начался голод. Тогда римские и италийские купцы и ростовщики, которых было много в Цирте, заявили, что они не могут долее терпеть лишения осады, и потребовали, чтобы Адгербал сдал Цирту Югурте. Они были уверены, что Югурта не осмелится ничем обидеть граждан могущественного Рима. Однако, как только войска Югурты вступили в город, началось поголовное истребление его жителей. При этом было убито и много римских граждан. Захваченного Адгербала Югурта предал мучительной казни. Говорили, что Югурта дал приказ перебить всех сдавшихся римлян. Но, вернее всего, воины Югурты, ненавидевшие римских ростовщиков, которые угнетали и притесняли нумидийцев, сами, без всякого приказа, расправились с ними.

Когда весть об этом дошла до Рима, она вызвала там негодование купцов и ростовщиков, которые говорили, что, если римское правительство не накажет Югурту, нигде невозможно будет спокойно торговать и взыскивать проценты за долги. «Никто не любит платить долги! — говорили они. — Всякий пожелает освободиться от них, убив ростовщиков, как это сделали нумидийцы!»

Римский сенат понимал, что нельзя оставить Югурту безнаказанным. Многие народы были недовольны римским владычеством. Если сегодня Рим не накажет нумидийцев, завтра начнут убивать римских купцов в Малой Азии, Греции, да и в самой Италии. Римский сенат решил объявить Югурте войну.

В 111 г. до н. э. римское войско под командой консула Луция Кальпурния Бэстии вторглось в пределы Нумидии. Римляне рассчитывали быстро закончить войну. Но первые же стычки с подвижной нумидийской конницей в безводной пустыне ясно показали всю трудность предстоящей борьбы. Поэтому, когда Югурта предложил консулу заключить мир, тот охотно принял это предложение. В Риме говорили, что Югурта дал консулу большую взятку. Он выдал римлянам только небольшую часть военного снаряжения и боевых слонов. Римские войска были отведены с территории Нумидии, и в северной Африке воцарился мир. Консул отбыл в Италию, а в его отсутствие Югурта сумел выкупить у его заместителя выданных по условию мирного договора слонов и военное имущество.

Когда в Риме узнали, какого рода мир заключил консул с Югуртой, когда стали доходить слухи, что римские военачальники за деньги возвращают нумидийцам данное им военное снаряжение, в городе началось волнение. Горожане обвиняли знать в том, что она попустительствует врагам отечества и покрывает позором римское оружие. Римские демократы воспользовались этим, чтобы обличить перед народом продажность сената. Югурту пригласили в Рим, чтобы узнать, кто из римских деятелей брал у него взятки. Ему была обещана полная неприкосновенность. Нумидийский царь приехал в Рим. Он понимал, что, если он не сделает этого, ему снова грозит война с Римом. Югурту допрашивали перед всем народным собранием. Но едва были заданы первые вопросы, один из трибунов, очевидно подкупленный, запретил ему отвечать. Народ шумел, грозил, но ничего не смог добиться. По римским законам вето народного трибуна нельзя было отменить. Так римляне ничего и не узнали о своих продажных правителях.

В это самое время в Риме проживал один знатный нумидиец царского рода. Римляне решили выдвинуть его кандидатом на нумидийский престол вместо Югурты. Однако Югурта через наёмных убийц устранил нового соперника. Весь Рим был возмущён этим наглым убийством. Обстановка накалилась до крайности. Сенат вынужден был под давлением народа отменить договор, заключённый с Югуртой. Кроме того, римское правительство приняло решение о немедленной высылке Югурты из Рима. Рассказывали, что, покидая Рим, Югурта воскликнул: «О продажный город, ты погибнешь, как только для тебя найдётся подходящий покупатель!»

Военные действия в Нумидии возобновились. Римское войско в Африке находилось в состоянии полного разложения. Дисциплина пала. Воины не столько воевали, сколько грабили мирное население. Консул Спурий Постумий Альбин, командовавший римлянами, не начинал наступления. Ходили слухи, что и он был подкуплен нумидийским царём. Отправляясь в Рим, Альбин назначил заместителем своего брата Авла. Авл предпринял рискованный поход в глубь Нумидии. Югурта заманил его в пустыню, где нумидийцы ночью напали врасплох на римский лагерь и овладели им. Остатки римлян были окружены. Их положение было безвыходно. Авлу Посту-

мию пришлось заключить с Югуртой мирный договор. Римляне должны были очистить территорию Нумидии.

Уцелевшие после ночного штурма римские воины без верхней одежды, без оружия спустились с холма, на котором они укрылись после взятия лагеря нумидийцами. Впереди шла группа римских военачальников во главе с Авлом Постумием. Он был также полураздет. Римляне шли, опустив головы, не смея взглянуть на окружавших их врагов, которые осыпали их градом насмешек. Римские воины медленно подходили к ярму. В землю были воткнуты два копыя, а поперёк привязано третье. Это сооружение и называлось ярмом (латинское *iugum* — *югум*¹), так как напоминало упряжку для волов.

Нумидийцы взрывами громкого хохота сопровождали каждую полуобнажённую фигуру, которая, согнувшись, с трудом пролезала под копыями. После того как последний римский воин прошёл под ярмом и нумидийцы достаточно налюбовались этим зрелищем, Постумию было позволено увести своё войско. Через десять дней ни одного римского воина не было в пределах Нумидии. Рим давно уже не терпел таких позорных поражений.

Римское правительство встревожилось. Это поражение могло подорвать веру покорённого населения в могущество Рима. В Африке, как и везде, ненавидели римское владычество. В связи с поражением римского войска в этой провинции могли вспыхнуть серьёзные волнения. Все слои римского населения были глубоко возмущены политикой сената, которая довела Рим до такого позора. Демократы требовали суда над всеми сенаторами, которые вели переговоры с Югуртой. Много видных аристократов было привлечено к суду и осуждено на изгнание. Сенат отменил заключённый Постумием договор о мире с Югуртой. В Нумидию был послан главнокомандующим Квинт Цецилий Метелл, который славился редкой в то время неподкупностью и был опытным полководцем. Прибыв в Африку, он суровыми мерами поднял дисциплину в войсках.

Снова начались военные действия. Метелл нанёс несколько поражений Югурте, но нумидийский царь перешёл к партизанской войне. В союзе с ним действовал

¹ Отсюда происходит русское слово «иго» и выражения: «находиться под чужеземным игом», «иго рабства» и др.

мавританский царь Бокх. Хотя римляне и одерживали победы в открытых сражениях, но окончательно покорить Нумидию не могли. Было ясно, что политика сената и знати привела страну к позорным неудачам; римские демократы открыто выступили против правительства. К ним примкнули купцы и ростовщики-всадники. На выборах консулов на 107 г. до н. э. демократы одержали крупную победу. Консулом был выбран Гай Марий, служивший в Нумидии под командой Метелла.

Гай Марий происходил из крестьянской семьи. Он начал службу в армии простым воином и благодаря своему мужеству и военным дарованиям дослужился до высших командных должностей. Став командиром, Марий по-прежнему вёл суровый образ жизни рядового воина. Он сам участвовал в рытье рвов, сооружении валов вокруг лагеря. Всё это нравилось воинам. Многие легионеры писали из Нумидии своим родным, что война с Югуртой будет закончена, если командующим будет выбран Марий. Это сильно помогло ему на выборах.

Став консулом, Марий сразу же начал собирать новое войско. Вопреки прежним римским законам и обычаям он стал набирать в ряды войска всех граждан независимо от их имущественного положения. До Мария в римское войско брали только тех граждан, которые владели определённым участком земли. В Риме считали, что только тот, кто владеет имуществом, имеет право носить оружие и вступать в армию. Гражданин, лишившийся своей земли и ставший, как говорили тогда, пролетарием, терял право быть воином. Но в течение II в. до н. э. римское крестьянство разорялось, распродало свои земельные наделы и массами уходило в города. Таким образом, число людей, имевших право служить в войске, с каждым годом сокращалось. Это угрожало военному могуществу Рима.

Между тем для обнищавших пролетариев служба в армии была привлекательна благодаря жалованью и надежде на военную добычу. Среди них можно было найти много охотников поступить на военную службу. Марий прекрасно знал это. Он знал также, что ему нужно выполнить обещание, данное народу, и победоносно закончить войну. Для этого нужна была большая боеспособная армия. Марий не смог бы изменить существовавший порядок набора армии, если бы демократы не

поддержали его. Авторитет сената и знати, заинтересованной в сохранении старых обычаев, был теперь подорван неудачным ходом войны с Югуртой. Это и дало возможность провести военную реформу — открыть беднякам доступ в армию. Срок службы в армии был значительно увеличен. Увеличение срока службы было вызвано потребностью Рима в опытных, хорошо обученных солдатах. За 16—20 лет службы можно было обучить и постройке оборонительных сооружений, и штурму крепостей, и обращению со сложными военными машинами. Реформа коснулась также и организации легионов. Количество воинов в легионе увеличивалось с 4200 до 6000 человек. Марий снабдил армию большим количеством военных машин и улучшил вооружение легионеров. Приучая солдат к выносливости, Марий заставлял их нести на себе в походе всё необходимое, вплоть до кольев для устройства частокола при разбивке лагеря. С вновь созданной многочисленной армией Марий отправился в Нумидию и в два года победоносно закончил войну. Югурта из-за предательства своего союзника — царя Бокха — был захвачен Луцием Корнелием Суллой, одним из военачальников в войске Мария. Нумидийский царь был привезён в Рим. Закованного в цепи, его провели во время триумфального шествия Мария. Затем бросили в подземную тюрьму, где он вскоре был умерщвлён. Так кончилась Югуртинская война, послужившая поводом к проведению военной реформы.

С этого времени в римской армии солдат-профессионал сменил воина-гражданина. Длительный срок службы надолго отрывал солдата от мирной жизни и труда. Все его интересы были теперь связаны с армией и войной. Солдат-профессионал добывал средства к существованию во время походов. Он целиком зависел от своего полководца. Если полководец одерживал победы, то его солдаты захватывали богатую добычу. И после походов полководец обычно продолжал заботиться о своих солдатах. Он добивался от сената наград, земли, которой наделял отличившихся. За это солдаты готовы были идти за полководцем куда угодно, хотя бы на свой родной город. Таким образом, опираясь на зависящее от него целиком наёмное войско, полководец мог достигнуть в государстве огромной власти и значения. Примером тому может служить сам Марий, который, опираясь

на свою армию, добился того, что его семь раз выбирали консулом, хотя это противоречило римским обычаям. Подобного случая не знала вся предшествующая история Римской республики.

Военная реформа Мария подготовила установление военной диктатуры в Римском государстве.

НА РИМСКОМ ФОРУМЕ

С разных сторон к форуму шли толпы народа. Когда-то на месте форума было болото, куда жители Рима выгоняли свой скот. Ещё в древние времена болото было осушено, и это ровное и удобное место стало использоваться для народных собраний.

Частое стечение окрестного населения привлекало сюда ремесленников и торговцев. На площади открылись многочисленные лавки. Тогда-то она и получила название «форум», что по-латыни значит «рынок».

Но не лавки торговцев привлекали сегодня людей, граждане торопились до восхода солнца попасть на форум, чтобы не остаться в стороне при решении важного вопроса.

Особенно много народа спускалось к форуму по Этрусскому переулку, соединявшему площадь с густо населёнными районами у реки Тибр и проходившему вдоль Палатинского холма, где стояли дома зажиточных граждан. Толпа, шедшая по этому переулку мимо закрытых ещё в этот ранний час парфюмерных лавок и харчевен, выходила на площадь и поворачивала налево по Священной дороге. По правую руку оставался круглый храм богини Весты, где на алтаре непрерывно горел огонь. Девушки, которые служили этой богине, — весталки — следили за тем, чтобы этот огонь никогда не угасал. У этого храма находился *трибунал* — специальное возвышение, где *прёторы*¹ публично разбирали судебные дела.

Священная дорога, по которой теперь шла толпа, была уже частью форума. Этот проход около семи метров в ширину отделялся от центральной части площади не-

¹ *Претор* — должностное лицо, ведавшее судебными делами и следившее за порядком в городе.

Рис. 17. Современный вид римского форума.

высокими лавками и поставленными здесь статуями героев Рима. В центре площади виднелось маленькое, невзрачное на вид здание, состоявшее из двух соединённых между собой каменных ворот, обращённых на восток и на запад. Это был храм бога Януса¹. По древнему обычаю ворота этого храма должны были быть закрыты; они открывались лишь для молитв о победе, когда государство вело какую-нибудь войну. Но так как римляне постоянно воевали ради грабежа и захвата чужих земель, то за всё время существования республики храм Януса был закрыт всего два раза.

Вся центральная часть форума была заставлена каменными, бронзовыми и мраморными статуями богов и героев Рима. Здесь же росли огороженные красивыми решётками священные растения: фикус, тенью которого, согласно легенде, пользовались основатели города — Ромул и Рем, олива, виноградная лоза и лотос — египетский

¹ *Янус* — у древних римлян божество времени, всякого начала и конца; изображался с двумя лицами, обращёнными в противоположные стороны.

цветок, который, по преданию, был древнее самого города.

...Толпа двигалась по Священной дороге к Капитолийскому холму, замыкавшему площадь с северо-запада. На склоне его виднелось большое здание *табулэрия* — государственного архива, а у подножия стоял храм Согласия, где хранилась военная казна. Остальные государственные деньги хранились в находившемся здесь же рядом храме Сатурна. Перед ним проходил Бычий переулок, у которого заканчивалась Священная дорога. Толпа сворачивала направо к *рóстрам* — высоким трибунам, с которых ораторы произносили речи. Эти трибуны были украшены носами захваченных у врага кораблей — рострами, откуда и произошло их название. Трибуны были обращены на восток, и перед ними открывалась небольшая неправильной формы площадь, составлявшая тоже часть форума. Она была совершенно свободна от статуй, лавок и храмов, сюда устремлялись в этот час толпы со всех примыкающих к форуму улиц. Это был *комйций*, предназначенный для народных собраний. Здесь происходили народные собрания по трибам в отличие от народных собраний по центуриям, которые собирались за городом, на Марсовом поле. С востока площадь ограничивалась курией Гостилия, на стене которой была искусно нарисована сцена, изображающая победу римлян над сицилийцами, а с запада стоял *кáрцер* — государственная тюрьма, в подземелье которой происходили допросы и казни.

Не только горожане заполняли сегодня комиций. Еще с ночи с юга по Аппиевой и Латинской дорогам, с севера по Фламíниевой и Кассйевой, из-за Тибра по Аврелиевой и с востока по дороге Валэрия в город потянулись толпы крестьян из окрестных деревень, чтобы принять участие в предстоящем голосовании. Для Рима это была далеко не обычная картина: обычно крестьяне неохотно бросали свои полевые работы ради народных собраний, так как решения, принимаемые на них, из-за подкупов и всякого рода обманов бывали выгодны только небольшой кучке римской знати и ничего не давали народу. Но сегодня всё было иначе.

— Смотри, — сказал, обращаясь к своему соседу, коренастый *ветерáн* — старый солдат, с лицом, изуродованным шрамами, — крестьяне так и валят валом. Все по-

бросали работу и только и думают сегодня о государственных делах.

— Да... Я не видел такого со времён Гая Гракха!— согласился сосед, бедно одетый старик, державшийся, однако, бодро и прямо.— Многие крестьяне сидят в городе уже несколько дней, а ведь сейчас в деревне горячая пора.

В другом конце площади большая толпа народа прислушивалась к ожесточённому спору между рослым крестьянином и стройным юношей, принадлежавшим, судя по изысканной одежде, к знати.

— До сих пор консулы выбирались только из знатных родов, и эти консулы возвеличили римский народ и сделали его господином мира,— высокомерно глядя на крестьянина, говорил юноша аристократ.— Марий же — простой крестьянин, и с его стороны было неслыханной дерзостью добиваться должности консула. Этот неотёсанный солдат даже не знает греческого языка, на котором говорят все образованные люди, не изучал греческую литературу. Только слепота народа, не понимающего собственных выгод, привела к тому, что он в этом году смог стать консулом.

— Не многого стоят все эти ваши знатные консулы,— возражал крестьянин.— Вот уже пятый год, как они не могут покончить с этим жалким нумидийским царьком Югуртой, который их всех подкупает. Какой позор для великого Рима! Римские консулы за деньги продают Югурте кровь своих солдат. Да за одно это их всех надо отдать под суд и отправить в изгнание.

— Как ты смеешь ругать всех римских полководцев из-за нескольких продажных мерзавцев! — воскликнул молодой аристократ.— Разве благородный Метелл не сражается сейчас в Нумидии против Югурты и не наносит ему поражение за поражением? Вашему Марию не дают покоя успехи Метелла. Ему самому хочется получить пост командующего нашей армией. Теперь, когда великий Метелл разбил Югурту, Марий хочет воспользоваться его победами и присвоить себе славу, которая по праву должна принадлежать Метеллу. Ради этого Марий уже добился консульства вопреки воле сената. Но командования армией Марию не видать как своих ушей: ведь сенат уже давно постановил, что независимо от того, кто будет консулом, вести войну в Нумидии должен

Метелл — единственный полководец, который сумел добиться там успеха. После решения сената никто не имеет права лишить Метелла командования.

— Не хвались заранее, — ответил крестьянин. — Недавно нобили кричали, что Марию не быть консулом, а теперь он консул. Народ решит исход голосования, и по воле народа Марий получит и командование в Нумидии, сколько бы вы ни кричали, что такое решение незаконно. На этот раз вы нас не запугаете!

В этот момент началось жертвоприношение и толпа смолкла.

На трибуне появился претор, одетый в тогу, окаймлённую широкой красной полосой. Впереди него стояло шесть ликторов, державших на плечах обвязанные красными ремнями связки розог. В этот день в народном собрании председательствовал претор. Один консул, Кассий Лонгин, находился при армии на севере, а второй консул, Марий, не мог быть председателем, так как дело касалось его лично. В случае отсутствия консулов главой Рима считался городской претор.

— Да будет наше собрание успешно, благополучно и счастливо! — громко провозгласил претор, обращаясь к народу. — Пожелаете ли вы, сограждане, утвердить предложение народного трибуна Тита Манлия Манцина о передаче командования армией вновь выбранному консулу Гаю Марию? Пусть трибун прочтёт своё предложение.

— Сограждане! — начал Манлий Манцин. — Пятый год идёт тяжёлая война в Нумидии с вероломным царём Югуртой. Никогда со времён Ганнибала не терпел римский народ столько позорных поражений. Нынешний командующий, честолюбивый Цецилий Метелл, нарочно затягивает войну, чтобы продлить срок своей власти. Гай Марий обещал скоро закончить войну победой и доставить Югурту в Рим живым или мёртвым. Марий получил консульство не подкупам и обманами, а благодаря своим заслугам и испытанной храбрости. Он изучал военное искусство в военном лагере и на поле боя, начав службу с самых низших должностей. Только высокомерие нобилей мешало ему получить заслуженные им почести. Солдаты пишут из Африки, что война не будет окончена, пока во главе армии не встанет Гай Марий. Я предлагаю выполнить это требование народа.

Так как в народном собрании не полагалось обсуждать предложения должностных лиц, то по сигналу, данному трубой, приступили к голосованию по трибам. Трибы голосовали по очереди, в определённом порядке.

Голосовавшие должны были пройти по узким мосткам, огороженным с двух сторон. Здесь стояли специальные контролёры, которые выдавали проходящим по две дощечки. На одной были написаны первые буквы слов «согласен с предложением», на другой — «оставить по-старому». Подходя к концу мостков, граждане бросали соответственно своему желанию одну из дощечек в избирательную урну. Неиспользованная дощечка потом выбрасывалась. Чтобы не было злоупотреблений, около урны также стояли контролёры. Пройдя урну, проголосовавшие попадали в обширный, окружённый плетнём загон, откуда они не имели права выйти до конца голосования своей трибы. Это делалось для того, чтобы никто не мог проголосовать два раза.

Когда первая триба, проголосовав, очутилась в загоне, контролёры унесли избирательные урны для подсчёта голосов в особое помещение, находившееся тут же. Сразу же начала голосовать вторая триба, потом третья... Голосование продолжалось до позднего вечера.

Выпущенные из загонов, усталые от жары и толкотни, граждане первых триб разбрелись по форуму. Некоторые закусывали в харчевнях, кто победнее, покупал пищу и кружку вина прямо на площади у уличных разносчиков. Некоторые, подстелив плащи, улеглись прямо на землю, в тени строений. Многие оживлённо беседовали. Кое-где снова вспыхнули споры.

— Хорошо, что голосование теперь тайное,— задумчиво говорил своим соседям высокий старик, беседовавший раньше с ветераном.— Я ещё помню, как в дни моей молодости контролёры просто опрашивали голосующих и отмечали точкой в своих таблицах, за что подан голос. Какие это давало возможности знати! Аристократы становились рядом с контролёрами, и, боясь их, мы часто голосовали не за то, за что хотели. Я, как сейчас, помню, как нас заставили утвердить триумф аристократу Эмилию Павлу. Многих из вас ещё не было на свете, когда это произошло.

— Такие вот трусы, не заботящиеся ни о чём, кроме своего желудка, и губят государство,— сердито закричал

Рис. 17а. Форум.

на старика крестьянин, споривший утром с аристократом.— Богачи подкупают вас подачками. Недаром Марий, когда он ещё был народным трибуном, запретил «подарки» накануне голосования. Да и подлоги при подсчёте избирательных дощечек оставались бы, если Марий не провёл бы закон о дополнительных контролёрах из народа. Он не думал тогда, как ты, о своей личной выгоде. Ведь ему пришлось вступить в борьбу со всем сенатом, и он не побоялся пригрозить тюрьмой самому консулу, попытавшемуся воспрепятствовать проведению этого закона. Только благодаря контролю мы сможем отстоять наши интересы и передать командование нашему защитнику — Марию.

— Не очень-то надеюсь я на этого защитника,— негромко продолжал рассуждать старик.— Много уже было на моей памяти богачей, бравшихся защищать народ. А как только добьются почётной должности, сразу и забывают про все обещания. Где им понять нашу нужду? Марий уже породнился со знатью, женившись на Юлии — дочери аристократа Цезаря. Он выступил против раздачи государством дешёвого хлеба, и, помяните моё слово, он ещё покажет себя и будет не менее жестоким к беднякам, чем самые заядлые аристократы...

Крестьянин уже не слышал этих слов. Вместе с группой друзей он громким криком приветствовал сообщение контролёров, закончивших подсчёт голосов в первых двадцати трибах. В восемнадцати из них большинство высказалось за предложение о передаче командования Марию.

При вынесении решения народного собрания считалось, что каждая триба в целом имеет один голос. Таким образом, принятым считалось то предложение, за которое высказывалось большинство триб.

Теперь стало ясно, что независимо от результатов подсчёта голосов в последних пятнадцати трибах предложение народного трибуна Манцина будет утверждено народным собранием и станет законом. Граждане начали расходиться с форума. Почти все были довольны результатами голосования, и только среди небольших групп нобилей и их сторонников слышался ропот. Особенно негодовал стройный юноша в изысканной одежде.

— То ли дело было раньше! — ораторствовал он.— Сенат и консулы вносили предложения, а народ послуш-

но их утверждал. Теперь не так. Чернь совсем распоясалась! Опять народное собрание нарушило постановление сената. Так дело может пойти далеко! Марий только и думает о том, как насолить нобилям. Говорят, он задумал принимать в армию бедноту, не имеющую никакого имущества и готовую за деньги служить кому угодно. Пора положить конец его необузданной наглости, иначе республика погибнет.

— Как знать? — возражал ему шедший с ним рядом аристократ в сенаторской одежде. — Не так уже страшен этот Марий. Он ведь связался с народом только потому, что знать не желает принять его в свою среду. Зависть и честолюбие сделали его вождём демократов; честолюбие и корыстолюбие могут заставить его перейти на нашу сторону. А наёмная армия, которую он, по слухам, собирается создать, может помочь нам обуздать чернь, особенно если эта армия окажется в наших руках. Народ у нас в Риме никогда не имел власти и иметь не будет. В крайнем случае, если Марий не образумится, найдётся и среди нас хороший полководец, который, опираясь на эту армию наёмников, сумеет установить порядок в республике. Для нас лучше диктатор, чем господство черни!

Юноша почтительно молчал, слушая слова старого сенатора...

ДИКТАТОР СУЛЛА

— Отец, отец, что это такое? — закричал своим звонким голосом маленький Публий.

— Разве ты не видишь — гробница, — отвечал ему отец.

— А почему здесь гробница? Ведь здесь не кладбище, — снова спросил Публий...

Гай Муций со своим маленьким сыном Публием приехали в Рим из деревушки на юге Лация, где они жили. Публий ни разу ещё не был в Риме и упросил отца взять его с собой, чтобы посмотреть столицу. Всё утро они ходили по городу, а теперь пришли осматривать Марсово поле.

Это было вовсе не поле, каким его обычно представляют; поле только по названию, так как большая часть его была застроена зданиями. В южной части Марсова

поля находился цирк. Рядом стоял знаменитый храм богини войны Беллоны. В этом храме в торжественные дни триумфов заседал римский сенат, когда чествовал полководцев-победителей. В другой части поля находился древний алтарь бога войны Марса, большое здание курии Помпея, огороженное место, так называемый «овечий закут» для народных собраний, ещё ряд храмов. Публий с отцом уже осмотрели большую часть этих зданий и теперь подошли к большой отделанной мрамором гробнице. Публий умел читать и, подойдя вплотную к гробнице, прочитал начертанную на ней надпись: «Луций Корнелий Сулла. Никто не сделал так много добра своим друзьям и так много зла своим врагам».

— Отец,— сказал Публий,— этого Суллу, верно, очень любили его друзья, если он сделал им так много добра.

— Суллу любили!? Не очень-то его любили,— отвечал сыну Гай Муций. — Страшный это был человек!

— А почему его гробница здесь, на Марсовом поле? — повторил свой вопрос Публий.

— Потому,— отвечал отец,— что ему всё было можно. Никто не решался ему перечить. Захотел, чтобы его тут похоронили, вот и похоронили. Ты попроси дедушку рассказать тебе про Суллу. Он должен хорошо его помнить.

Когда через два дня они вернулись домой и вся семья собралась к ужину, Публий вспомнил слова отца и обратился к своему деду Квинту:

— Дедушка, ты помнишь Суллу? Расскажи нам про него.

...Ещё бы старый Квинт не помнил диктатора Суллу! Как и многие пожилые люди, он гораздо лучше помнил то, что довелось ему пережить в молодые годы, чем свою последующую жизнь. Вопрос внука сразу же воскресил в памяти старика холодные голубые глаза диктатора с пронизывающим взглядом, его бледное, покрытое пятнами лицо. Не хуже помнил он и Мария, злейшего врага и соперника Суллы.

В те далёкие годы, когда старый Квинт был ещё мальчиком, его отец был вынужден продать свой заложенный и перезаложенный участок земли в Кампании богатому соседу и переселиться с семьёй в столицу. Тяжело им

жилося в первое время после переезда в Рим. Единственным источником существования семьи были подачки римских богачей, перепадавшие его отцу в дни выборов. Но потом Марий, сделавшись консулом, провёл закон, по которому на военную службу стали брать и неимущих граждан. Отец Квинта сразу же завербовался в один из легионов и уехал воевать в Африку, а затем в другие провинции.

Что и говорить, нелегка и опасна была жизнь солдата. Зато каждый раз, как отец Квинта приезжал домой на побывку, он привозил с собой деньги и ценные вещи, а однажды привёз с собой трёх рабов-фракийцев, которых потом удалось выгодно продать. Семья их теперь перестала нуждаться, хотя жили они по-прежнему не в своём доме, а в наёмной тесной квартире. Во время одной из своих побывок отец как-то даже завёл разговор с матерью: «А недурно бы нам снова обзавестись землицей в Кампании или каком-либо другом месте. Марий обещал провести закон о наделении всех его старых солдат участками земли».

Мечтам этим, однако, не суждено было исполниться. Некоторые из солдат Мария действительно получили участки земли, но отца Квинта в это время в Риме не было. Вместе со своим легионом он находился в провинции Азия. А потом наступило тревожное время.

Италики потребовали уравниения в правах с гражданами Рима и восстали. Вся Италия стала тогда ареной ожесточённой войны. Отец Квинта за всё это время приезжал в Рим только один раз. Был он в эту побывку мрачен и неразговорчив.

Между тем Квинту исполнилось 17 лет. Его записали в трибу по месту жительства и в центурию пролетариев, потому что земли у них не было. Квинт, таким образом, стал римским гражданином. Он хорошо помнит этот день. Под вечер у них собралось несколько соседей, чтобы отпраздновать торжественное событие. Мать поставила на стол угощение: большой кувшин вина, овечий сыр, рыбу, маслины. В это время раздался стук в дверь. Мать открыла — и в комнату вошёл отец. Боги, в каком он был виде! Левая, обвязанная тряпкой рука повисла вдоль тела, как плеть. Лоб пересечён свежим шрамом. Одежда разорвана и в пыли. Никогда ещё он не возвращался домой таким.

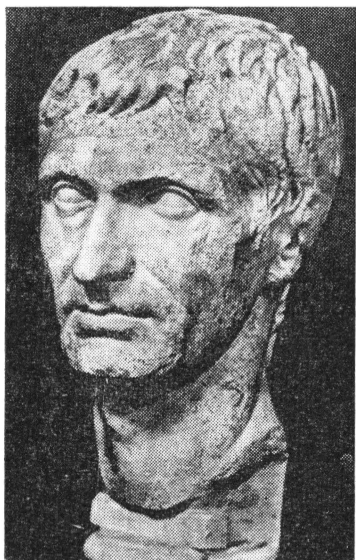

Рис. 18. Сулла.

Все поднялись ему навстречу. Посыпались вопросы.

— Досталось тебе, видно, в сражении! — воскликнул один из гостей.

— Нет, не в сражении, — мрачно ответил отец.

Позже он рассказал о том, что понтийский царь Митридат, заключив союз с царем Армении, перешёл со своим войском границу римской провинции Азия и поднял восстание. Всюду, где бы ни появлялся Митридат, навстречу ему высылались послы и местные жители в праздничных одеждах толпами его приветствовали как своего освободителя.

— Ну, а вы-то что же? Как вы поступили? — воскликнула мать.

— Ну, что мы могли сделать? — отвечал отец. — Наши римские откупщики уже достаточно там поработали. Местные жители ненавидели нас. Поэтому, как только они прослышали о Митридате, наш лагерь окружила разъяренная толпа. Мы и опомниться не успели, как они ворвались за частокол и поубивали всех, кто не успел убежать. Тогда-то мне и раздробили камнем локоть на левой руке и поранили голову. Да что я, простой солдат! Схватили и нашего консула Мания Аквилія; схватили и выдали Митридату. А Митридат велел его провести пешком через всю Малую Азию. Всю дорогу его стегали кнутом и заставляли выкрикивать свое имя и звание. Когда же наконец его привели в город Пергам, Митридат приказал расплавить золото и влить ему в глотку, чтобы все видели, как нужно насыщать непомерную жадность римлян к золоту. Так он и умер в страшных мучениях под улюлюканье толпы. Мало этого, когда Митридат вступил в город Эфес, он разослал по всем другим городам особый указ. По этому указу хватали и убивали всех находившихся в Малой Азии римлян: и муж-

чин, и женщин, и малых детей. В один день их было перебито больше восьмидесяти тысяч. Все, кто остались, бежали в Италию. Вот и я тоже...

На другой день все в Риме уже знали о восстании Митридата на Востоке. Только об этом и было разговоров. Никто не сомневался, что это восстание будет быстро подавлено. Нужно только послать туда хорошую армию. Не поможет тогда Митридату ни его союз с армянским царём, ни то, что его сторону приняла большая часть городов Греции. Но кто возглавит эту армию? У всех на устах было два имени: Марий и Сулла.

Марию в то время было почти семьдесят лет, но был он ещё достаточно крепок. Граждане хорошо помнили, как быстро он закончил войну в Африке, как спас Рим и Италию, когда угрожало вторжение германских племён. Но главное для многих простых граждан заключалось в том, что Марий вышел из народа и был обязан своим успехам и славе не богатству или знатному происхождению, а мужеству и энергии. Все эти граждане были готовы отдать голоса на предстоящих консульских выборах старому Марию, а не аристократу Сулле.

Про Суллу рассказывали, что в свои молодые годы он предпочитал пиры и попойки занятиям государственными делами. Потом он выдвинулся во время войны в Африке и ещё больше — в войне с италиками. В последней войне и Марий и Сулла командовали римскими войсками, но на разных участках военных действий. И тут Сулла своими блестящими военными успехами совершенно затмил былую славу Мария. Простить ему это Марий не мог. Но сам Сулла не очень боялся вражды Мария. Смелость была отличительной чертой его характера, смелость в сочетании с полным презрением к людям, редкой жестокостью и хитростью. Его называли полульвом, полулисицей, причём лисица в нём была гораздо опаснее льва. И вот с этим человеком Марию предстояло вступить в третий раз в соперничество на консульских выборах 89 г. до н. э. От исхода этих выборов зависело, кто будет назначен командующим над войсками, предназначенными для войны с Митридатов.

У Суллы были основания надеяться на успех. За него стояла большая часть сенаторов, вся республиканская знать, а значит, и те из рядовых граждан, которых эта знать подкупала. Было немало и таких людей, которые

Рис. 19. Митридат.

собирались завербоваться в войска, чтобы принять участие в походе на Восток. Для них было, в сущности, безразлично, кто возглавит эти войска: Марий, Сулла или ещё какой-либо другой полководец. Им было важно только, чтобы этот полководец быстро достиг успеха в войне и обеспечил для них побольше военной добычи.

Отец Квинта был особенно настроен против таких людей.

— Они не понимают, — говорил он, — что Сулла использует свои победы и славу, да и их самих, как

баранов, для того, чтобы ещё больше укрепить в Риме власть знати и сената. Интересы народа будут тогда забыты.

Сам он целиком стоял за Мария. Как-то раз рано утром он разбудил Квинта: «А ну-ка, сынок, пойдём посмотрим на нашего старика». И они направились на Марсово поле. В то время оно было меньше застроено, чем теперь, и в той его части, которая поближе к Тибру, происходили игры и военные упражнения. Здесь увидели они пожилого тучного человека, быстро идущего им навстречу.

— Ничего, ещё не утратил наш старичок бодрости, — сказал отец Квинта.

Когда Марий поравнялся с ними, отец Квинта с почтением приветствовал его.

— Слушай, Квинт, — сказал он сыну, — с перебитой рукой я теперь не воин. Да и возраст мой уже не тот. Теперь вся надежда на тебя.

Квинт это и сам хорошо понимал. Наступила его очередь стать кормильцем семьи. Он должен завербоваться в войска, когда Марий будет выбран в консулы и объявит набор. Теперь уже не отец, а он будет приезжать на побывки домой с военной добычей.

Когда наступил день консульских выборов и граждане собрались на заре всё на том же Марсовом поле, Квинт и его отец подали свои голоса за Мария. Большинство центурий, однако, проголосовало не за Мария, а за Суллу. Марий в консулы не прошёл.

Грустными возвращались отец и сын домой. Что теперь делать? Набор в войско будет теперь объявлять не Марий, а Сулла. Уж не завербоваться ли к нему? Когда Квинт сказал об этом отцу, тот сначала и слышать об этом не хотел, но потом задумался. Он вернулся в Рим инвалидом и на этот раз ничего с собой не привёз. Правда, в их доме оставались ещё кое-какие запасы и немного денег, но надолго ли этого хватит? Как будет дальше жить их семья, если Квинт не попадёт в армию? И не всё ли равно в конце концов, будет ли Квинт солдатом Мария или Суллы. Для семьи важно, чтобы он не с пустыми руками приезжал на побывки.

Через неделю Квинт с согласия отца был уже в Ноле. Здесь, в этом небольшом городке, формировались легионы Суллы, предназначенные для похода против Митридата. Но самого Суллы в Ноле не было. Он оставался ещё в Риме. О том, что там произошло, Квинт узнал уже потом от отца. После избрания Суллы в консулы его противники не успокоились. Марий вступил в соглашение с Сульпицием Руфом, бывшим в тот год народным трибуном, и они вместе выработали план действий. Было решено провести несколько законов: закон о возвращении политических изгнанников — среди них были враги Суллы; закон об исключении из сената тех сенаторов, которые имели более двух тысяч денариев долга — среди этих задолжавших сенаторов были враги Сульпиция и Мария; наконец, закон о равномерном распределении италиков по всем 35 трибам.

Последний закон был особенно важен. В результате восстания италики добились от правительства Рима обещания предоставить им права римских граждан. Только получив это обещание, они сложили оружие. Но их тут же обманули. Если все римские граждане по месту своего жительства были расписаны по 35 гражданским трибам, то италиков зачислили только в 8. Это значило, что при решении любого вопроса в народном собрании они располагали только 8 голосами, то есть всегда оставались в меньшинстве.

Само собой разумеется, что сенат и вся римская знать выступили против предложенных Сульпицием законов, особенно против закона о равномерном распределении италиков по трибам. Но сопротивление их было быстро сломлено. Все сторонники Сульпиция и все находившиеся в городе бывшие солдаты Мария дружно голосовали за эти законы, и они прошли. Когда же италиков распределили по всем 35 трибам, большинство в народном собрании оказалось на стороне Сульпиция и Мария. Сульпиций немедленно же этим воспользовался и внёс в народное собрание новое предложение. Он предложил присвоить Марию звание *прокónсула*¹ и назначить его вместо Суллы командовать войсками в войне с Митридатом.

— Что тут было! — рассказывал Квинту его отец. — Весь Рим заволновался, точно встревоженный муравейник. На улицах были пущены в ход кулаки и палки. Немало людей было поранено и даже убито. Сулла и второй — выбранный вместе с ним — консул попытались отсрочить созыв народного собрания, на котором должно было голосоваться новое предложение Сульпиция, но из этого ничего не вышло. В день собрания все мы прихватили с собой кинжалы, спрятав их под одеждой. Одного выступавшего за Суллу оратора тут же убили. Когда дело дошло до голосования, все мы подали свои голоса за предложения Сульпиция.

Предложения эти прошли и получили силу закона.

Что произошло потом, Квинту довелось увидеть собственными глазами. Уже смеркалось, и солдаты собирались разойтись по палаткам, когда по всему лагерю быстро распространилась весть о внезапном прибытии Суллы. Некоторые видели, как он, ни на кого не глядя, быстро прошёл в свою палатку. Вскоре к нему были вызваны военачальники, которым он доверял. От сопровождавших Суллу ликторов солдаты узнали о том, что произошло в Риме. Весь лагерь заволновался. Ветеран, сосед Квинта, мрачно сказал:

— Ну, теперь Сулла должен будет всех нас распустить по домам. Не видать нам ни военной добычи, ни земельных наделов. Теперь всё это получают солдаты Мария.

¹ *Проконсул* — бывший консул, назначаемый правителем провинции.

— А разве мы не можем завербоваться в легионы Мария? — спросил Квинт.

— Как бы не так! — отвечал сосед. — Станет брать Марий к себе в легионы бывших солдат своего смертельного врага, когда у него и своих людей хоть отбавляй!

Только тут Квинт понял, какую он совершил оплошность, поторопившись вступить в войско Суллы.

На другой день возбуждение в лагере ещё больше усилилось. Из Рима приехали военные трибуны с поручением принять от Суллы командование над войском. Сулла созвал всех солдат и обратился к ним с речью. Рассказав обо всём случившемся, он прямо поставил перед ними вопрос: намерены ли они впредь выполнять его приказания? Солдаты сразу поняли, что на уме у Суллы. Со всех сторон раздались крики: «Веди нас на Рим!»

Квинт видел, как потом разъярённая толпа солдат с криками обступила приехавших из Рима военных трибунов. Они были избиты камнями. Немного нашлось среди солдат Суллы таких, которые не решились выступить против решения народного собрания. Они предпочли оставить лагерь и уйти в Рим. Но и из Рима в Нолу стали приходить и присоединяться к войскам Суллы его сторонники.

И вот наступил день, когда все шесть легионов Суллы построились в походный порядок и двинулись по дороге на Рим. В рядах одного из этих легионов шагал и Квинт. Правильно ли он поступил, оставшись у Суллы? Эта неотвязная мысль не давала ему покоя. Но отца не было, и посоветоваться было не с кем.

Когда они отошли уже довольно далеко от Нолы, на дороге им встретила группа людей. Впереди стояло два человека в окаймлённых пурпуром тогах, за ними, очевидно, их свита. По долетевшим до него словам Квинт понял, что это были городские преторы, посланцы сената. Видимо, они требовали, чтобы войска прекратили движение на Рим. Солдаты ответили на это требование криками и ругательствами. Они обступили со всех сторон посланцев. Потом на глазах Квинта разъярённые солдаты стали избивать свиту, переломали фасции, сорвали с преторов тоги.

Уже вблизи Рима навстречу им вышло ещё одно посольство. На этот раз в переговоры с ним вступил выехавший вперёд Сулла. Квинт стоял далеко и не мог слы-

шать, о чём шла речь. Но только вскоре последовала команда разбивать лагерь. Те, кто был поближе, рассказали, что послы просили Суллу не нападать на столицу и от имени сената обещали во всём пойти навстречу его требованиям. «Ну и что же ответил Сулла?» — спросил Квинт. Сулла обещал прекратить поход на Рим и остановиться здесь лагерем. Действительно, уже вышли вперёд солдаты из пеших легионов и стали размечать площадку для лагеря. Квинт облегчённо вздохнул. Но в это самое время была передана команда их легиону вновь построиться в походную колонну и двинуться вперёд по дороге к Риму.

Так дошли они до самого города и, остановившись у восточных его ворот, перестроились в боевой порядок. Затем раздалась новая команда, они бросились вперёд и ворвались в город. Навстречу им высыпали жители. Большинство из них были безоружны. Многие забрались на крыши; оттуда на солдат Суллы посыпался град тяжёлых черепиц и камней. Стоящий рядом с Квинтом солдат упал замертво с разможжённой камнем головой. Ещё два его соседа были ранены черепицами. Солдаты стали отступать к городским стенам. В это время подоспела подмога; подошли остальные легионы. Квинт увидел самого Суллу. «Жги дома!» — закричал он солдатам и с горящим факелом в руках устремился вперёд. Следуя его приказанию, все они стали метать стрелы, обвязанные горячей паклей, на крыши. Запылали дома. Чёрным дымом заволкло улицы. Ярость охватила солдат. Они врывались в дома, выволакивали из них людей и тут же на улице убивали. На перекрёстке двух улиц Квинт увидел глашатая. От имени Мария он призывал рабов взяться за оружие, обещая им свободу. Солдаты бросились на него и изрубили мечами.

Квинт побежал дальше. Когда он поравнялся с горящим домом, перед глазами его промелькнула падающая балка и он потерял сознание...

Очнулся Квинт уже дома. Подле него сидели мать и отец. От них узнал он, что его подобрал и доставил сюда в бесчувственном состоянии их сосед. Отец был совершенно подавлен всем происшедшим.

— Боги, — говорил он, — до чего мы дожили: римские воины ворвались в Рим и овладели им, как неприятельским городом.

Состояние Квинта было тяжёлым. Балка придавила ему грудь и повредила ногу. На другой день, когда ему стало немного лучше, отец сообщил новости: Сульпиция Руфа и многих его единомышленников приговорили к смерти. Некоторые — и в их числе Сульпиций — были убиты, многие бежали. Марий также успел бежать, и за его поимку Сулла назначил большую награду.

В следующие дни Квинт узнал от отца, что все законы Сульпиция были отменены и народное собрание поставлено под постоянное наблюдение сената. Впредь ни один закон не мог ставиться на голосование в собрании, если он до этого не был одобрен сенатом. А в состав сената было включено 300 новых членов. Все они были приверженцами Суллы. Многие из них до этого не занимали никаких должностей по выборам. Но Сулла мало с этим считался. Он им верил, считал их своими сторонниками — и этого было достаточно. Голосовать в народном собрании стали теперь тоже по-иному. Сулла восстановил древнее деление на центурии, по преданию, введённое ещё царём Сервием Туллем. В итоге богатые и знатные стали иметь заранее обеспеченный перевес в голосах при любом голосовании. Не забыл Сулла и столь ненавистных сенатской знати народных трибунов. Они также были поставлены в зависимость от сената.

Но, занимаясь всеми этими делами, Сулла торопился. Своей властью он был обязан солдатам. Солдаты же только потому и поддерживали Суллу, что хотели под его командованием поскорее отправиться на войну с Митридатом: Они были убеждены, что поход этот даст им богатую добычу.

Сулла всё же пробыл в Риме до новых консульских выборов. Выборы эти не совсем совпали с его расчётами: наряду с его сторонником Гнеем Октавием в консулы был выбран и Луций Корнелий Цинна — человек, с точки зрения Суллы, не очень-то надёжный. Но Сулла дольше задерживаться в Риме не мог и сразу же после выборов стал готовиться к выступлению в поход.

К этому времени Квинт уже стал вставать с постели, но был ещё так слаб, что о возвращении в легион и участии в походе нечего было и думать. Кроме того, отец теперь был решительно против его службы у Суллы.

— Погоди, — говорил он Квинту, — пусть только уйдёт Сулла со своими солдатами из Рима. Не многое

останется из всего того, что он тут понаделал. Послужишь ещё и у Мария.

Действительно, после отъезда Суллы все его противники подняли голову. Многие из бежавших сторонников Мария стали возвращаться в Рим. Консул Цинна выступил за отмену законов Суллы. Он объединился с Марием, который вернулся в Италию. Им удалось собрать большую армию. Сенат вынужден был разрешить этой армии вступить в город. Говорили, что Марий по этому поводу заметил, что он как изгнанник не может этого сделать. Немедленно же было вынесено постановление, отменявшее все прежние решения, направленные против Мария и его сторонников. Вступив в Рим, войска Цинны и Мария начали страшную резню сулланцев, сопровождая её разграблением их имущества. Солдаты расправлялись с каждым, на кого Марий указывал им рукой или на чьи поклоны он не отвечал. Среди убитых был и консул Гней Октавий.

Впервые в истории Рима голова убитого римского консула была выставлена перед ораторской трибуной на форуме. Перед той же трибуной были выставлены головы многих всадников и сенаторов, поддерживавших Суллу. Уцелевшие сторонники Суллы должны были бежать из города.

— Знаешь, сынок, — сказал Квинту отец, — не лучше ли тебе на время уйти из города?

Конечно, Квинт не считал себя сторонником Суллы, но все соседи знали, что он служил в его легионах и участвовал в походе на Рим. Поэтому было решено, что он отправится к своему дяде, брату матери, у которого был небольшой участок земли и виноградник вблизи города Гёнуи.

В семье дяди Квинт прожил несколько лет. В небольшую горную деревушку вести из Рима приходили с большим опозданием, тем не менее Квинт вскоре узнал, что все проведённые Суллой изменения в государственном строе были отменены и что Мария и Цинну избрали в консулы.

Марий вскоре после вступления в должность умер, но его сторонники продолжали находиться у власти. Всё это время Сулла со своими легионами был на Востоке, где вёл успешную войну с Митридатом. От одного вернувшегося в их деревню раненого солдата Квинт узнал, что вой-

ска Суллы в Греции взяли и разграбили город Афины, при этом им досталась богатая добыча. По словам этого солдата, Сулла потом перебросил все свои силы в Малую Азию и здесь нанёс Митридату ряд поражений. Он торопился закончить войну, чтобы поскорее вернуться в Италию и восстановить своё положение.

Квинт хорошо помнит, как в один весенний день, когда они с дядей уже закончили сев и окапывали виноградные лозы, в их деревню пришёл из Генуи один знакомый и рассказал о возвращении Суллы. Он высадился с 30 тысячами пехоты и 6 тысячами конницы на юге Италии, в Брундизии. Цинны в это время уже не было в живых, но его сторонники ещё располагали большой армией. В Италии началась война.

Время от времени в их деревушку приходили вести о кровопролитных сражениях. Сулла с боями продвигался на север. Марианцы оказывали ему упорное сопротивление, но отступали. Осенью, посоветовавшись с дядей, Квинт решил возвратиться в Рим. С котомкой за плечами он пустился в дорогу. Уже подходя к столице, узнал он от встречных о сражении у Коллинских ворот — северных ворот Рима. Войска Суллы вступили в город. Страшная картина представилась глазам Квинта. Многие дома на улицах, по которым он проходил, хранили следы недавнего погрома. Местами валялись ещё не убранные трупы. С замиранием сердца подошёл он к своему дому. Навстречу ему бросилась рыдающая мать. Да, отца его вчера убили. Не его одного. Сразу же после вступления в Рим Сулла созвал в храме богини войны Беллоны заседание сената. В находившийся рядом с храмом цирк было согнано до 6 тысяч захваченных в плен марианцев. В числе их был и отец Квинта. По приказу Суллы солдаты приступили к избиению пленников. До сенаторов, слушавших в это время речь Суллы, доносились их крики и стоны. Сенаторы пришли в ужас. Но Сулла продолжал говорить, не меняя голоса, со спокойным и холодным лицом. Он только попросил сенаторов повнимательнее его слушать и не отвлекаться. «Это, — сказал он, — по моему приказанию учат нескольких мерзавцев».

Сулланцы расправлялись с побеждённым противником с неслыханной жестокостью. Тысячи людей были перебиты в Риме, тысячами их убивали по всей Италии.

Когда Квинт шёл в Рим, у него было намерение явиться в свой легион и рассказать, почему он не смог участвовать вместе с ним в походе, попросить, чтобы его взяли обратно. Теперь он решил иначе. Нет, с сулланцами, убийцами отца, ему было не по пути. Сердце его жаждало мести.

На другой день он увидел на стенах домов вывешенные списки. Это были так называемые *проскрипции*. Люди, попавшие в такой список, считались объявленными вне закона. Сами они подлежали смерти, а имущество их отбиралось в казну.

Всякий, кто убивал человека, имя которого стояло в списке, получал крупное денежное вознаграждение. Сразу же после объявления этих списков в Риме было убито до 40 сенаторов и около 1600 всадников.

Жертвами проскрипций сплошь да рядом становились не только политические враги Суллы, но и просто богатые люди. Сторонники Суллы обогащались за их счёт. Более видные сулланцы, как, например, Красс, благодаря проскрипциям стали богатейшими людьми своего времени. Но Сулла проявил щедрость и по отношению к своим солдатам. Все они получили от него и денежные награды и участки земли.

...Да, много уже лет прошло с тех пор, и Квинт успел стать стариком. Но он никогда не забудет диктатора Суллу. Это звание ему официально преподнёс перепуганный сенат. Сулла был объявлен диктатором без указания срока его полномочий. Народное собрание, на котором присутствовали все солдаты Суллы, приняло особое постановление. Восстанавливались все проведённые Суллой законы и утверждались все его распоряжения. Он мог делать всё, что ему было угодно: казнить и миловать, отбирать у граждан имущество и одаривать им других, основывать колонии и строить города.

Страшное это было время. Хотя все эти годы и заседал сенат, и созывались народные собрания, и производились выборы должностных лиц, но на самом деле республика перестала существовать и государством, опираясь на своих солдат, правил Сулла.

Однако сулланские порядки просуществовали в Риме недолго, Квинт уже было совсем собрался ехать в Испанию, куда бежали многие противники Суллы, но однажды было объявлено о созыве народного собрания. Хотя

Квинт, как и многие другие граждане, не очень-то любил теперь посещать собрания, на этот раз он на него отправился. И вот, когда все собрались, Сулла взял слово. Он заявил собравшимся, что слагает с себя все свои полномочия и уходит в частную жизнь. Тут же он предложил любому из присутствующих потребовать от него отчёта. Граждане, поражённые неожиданностью, молчали. Тогда Сулла сошёл с трибуны и молча пешком, в сопровождении нескольких друзей направился в свой дом.

Вскоре стало известно, что он уехал из Рима в своё поместье. Через год после этого Сулла умер от какой-то страшной кожной болезни.

— Видимо, отказываясь от власти, — сказал, заканчивая свой рассказ, старый Квинт, — Сулла был уже тяжело болен.

СПАРТАК

Если бы приблизительно две тысячи лет назад жарким летним утром мы очутились на дороге, ведущей в один из городов Южной Италии, то увидели бы человека огромного роста, который отдыхал, присев на скамейку в тени высокого памятника. Утомлённый путник облизывал растрескавшиеся губы, смотря по сторонам в тщетных поисках какого-нибудь источника.

Его внимание привлёк невысокий курчавый мальчик, с трудом тащивший большой кувшин, перекладывая его из руки в руку.

— Подойди сюда, сын мой! — окликнул его путник. — Я известный волшебник. Сейчас тебе легче станет нести кувшин. Дай его на минуту мне в руки. Стой здесь!

С этими словами путник взял у удивлённого малыша кувшин, зашёл с ним за памятник и, припав губами к горлышку, стал жадно пить вкусную родниковую воду. Оправившись от неожиданности, мальчик последовал за «волшебником».

— Это нечестно! — закричал он. — Ведь я тащу эту воду издалека.

— Ничего, в жизни бывает много более страшного, чем тащить по жаре тяжёлый кувшин, — утешил его прохожий. — Посмотри наверх, на фигуры на этом памятнике. Понимаешь ли ты, что здесь изображено?

— Конечно, — отвечал мальчик, — это гладиаторские

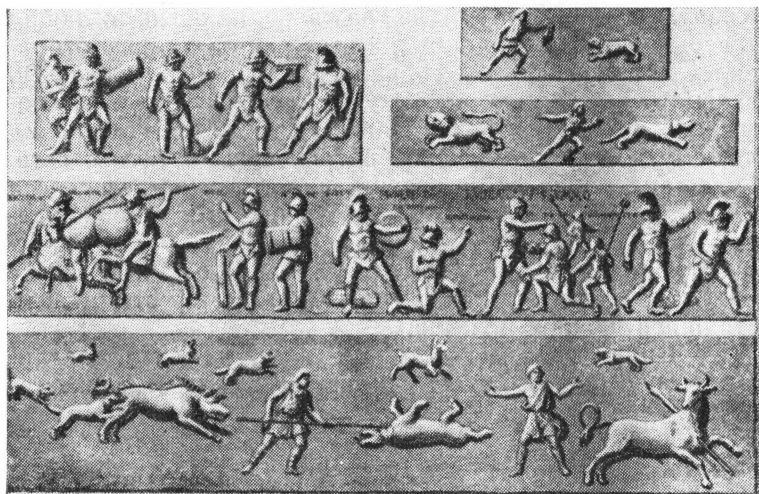

Рис. 20. Гладиаторские битвы.

бои. Этот памятник поставили человеку, устроившему для горожан бой, в котором участвовали двадцать пар гладиаторов. Все наши мальчики хотят стать гладиаторами, когда вырастут.

— Мало же вы понимаете, что это за труд, — грустно сказал путник. — Скажи, что, по-твоему, делает этот человек с большим щитом, коротким мечом и в сетке?

— Он готовится убить голого человека, обороняющегося от него трезубцем, — охотно отвечал мальчик.

— Сразу видно, что ты никогда не бывал в амфитеатре. На этом изображении победу одерживает как раз вооружённый трезубцем гладиатор — *рети́рий*. Ретирий вступает в бой голый, вооружённый только трезубцем и сетью — *рётой*. Необычайная ловкость и умение требуются, чтобы запутать этой сетью хорошо защищённого и вооружённого противника и добить его тяжёлым и неудобным трезубцем. Римляне выбрали такое оружие, чтобы дольше наслаждаться зрелищем мучений и крови гладиаторов.

— Но ведь другие гладиаторы защищены с ног до головы! — перебил его мальчик.

— Вооружение гладиаторов только по виду напоминает солдатское. Вот *самнит*, здесь изображён фракиец, здесь галл. Шлемы их украшены различными изображениями. У галла — противника ретиария — на шлеме рыбка мирмилл, почему этих гладиаторов и называют *мирмилланами*. Но в отличие от солдат у гладиаторов нет панцирей. Грудь и спина открыты. Гладиатор прикрывается только щитом; если противник ранит его в оголённую левую руку, щит вываливается и смерть неизбежна.

— Откуда ты так хорошо знаком с жизнью гладиаторов? — спросил увлечённый объяснением мальчик.

Но путник не отвечал. Он напряжённо смотрел на приближавшихся к ним четырёх человек. Двое из них были римские legionеры в полном вооружении. Их вёл толстый человек с лицом, покрытым шрамами. Четвёртый держался сзади. Мальчик, схватив кувшин, опрометью бросился навстречу последнему.

— Я только на минуту остановился у дороги, — залепетал он. — Кувшин такой тяжёлый.

— Ты вечно болтаешь со всякими бродягами, — раздражённо прикрикнул тот, сопровождая свои слова сильным подзатыльником. — Иди, куда тебе приказано!

Мальчик убежал. В это время толстый человек, покрытый шрамами, вплотную подошёл к путнику и вдруг остановился.

— Давненько мы не встречались с тобой, Публий-пор, — сказал он, зловеще усмехаясь. — Надеюсь, ты не забыл меня?

— Нет, я хорошо помню тебя, Лэнтул Батиат, — медленно отвечал путник. — Кто из нас, гладиаторов, забудет тебя, обрекавшего купленных тобой людей на позорную смерть на арене? Во всей Капуе не было *ланисты*¹, отправившего на тот свет ни в чем не повинных людей больше, чем ты.

Содержатель гладиаторской школы побагровел.

— Довольно болтать! Возьмите его! — крикнул он солдатам. — Это беглый гладиатор, о котором я вам говорил. Я сразу узнал его, увидав на дороге.

¹ *Ланистами* в древней Италии называли содержателей гладиаторских школ. Это слово происходит от латинского слова, означающего «мясник».

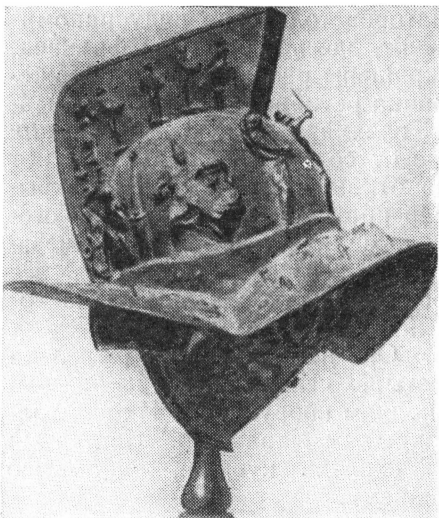

Рис. 21. Бронзовый гладиаторский шлем.

* *
*

— Воды! — раздался слабый крик из угла тёмного подвала. Громкий храп, доносившийся из-за дверей, был единственным ответом на эту просьбу. Крик повторился. За дверью послышался шорох, скрип отодвигаемого засова — и маленькая фигурка с кувшином в руке появилась на пороге.

Мерцающий свет лучины упал на человека, сидящего на корточках. На шее у него было металлическое кольцо, вделанное в длинную доску, прикреплён-

ную к стене подвала. Прикованный к этой доске человек не мог лежать, так как голова его была подтянута кверху, а низко расположенная доска не позволяла встать во весь рост. На доске было ещё девять колец, но к ним сегодня никто не был прикован.

— Второй раз сегодня ты появляешься, чтобы утолить мою жажду, — сказал пленник. — Как ты очутился здесь?

Мальчик вздрогнул. В прикованном человеке он с удивлением узнал путника, который повстречался ему утром на дороге.

— Я раб Корнелия Прима — сторожа этой тюрьмы, — ответил он наконец. — Хозяин продал мою мать Лариссу в Рим, потому что она умела хорошо танцевать и играть на флейте. Один знатный проезжий предложил за неё хорошие деньги. Меня же, как ни умоляла мать, Корнелий оставил здесь помогать ему сторожить заключённых. Вон как он храпит, пьяница! — с ненавистью сказал мальчик, передавая кувшин пленнику.

— Э, да мы с тобой земляки, — сказал тот. — Если твою мать зовут Ларисса, значит, она из Македонии, из города Лариссы. Наши хозяева не утруждают себя запоминанием наших настоящих имён. Вот и меня называют Публипор¹. А тебя как зовут?

— Мать дала мне имя Никифор! Она говорила, что это имя счастливое. Оно означает по-гречески «несущий победу», — грустно сказал мальчик. — За что же ты попал сюда, Публипор?

— Долго рассказывать, — ответил прикованный, стараясь размять затёкшие ноги. — А впрочем, ночь велика, и спать всё равно не придётся. Слушай же и запоминай...

* *

*

— Ты, наверное, догадался, что я был гладиатором. Но сюда, в городскую тюрьму, меня поместили не за то, что я бежал из школы, где нас обучали приёмам боя. За бегство меня бы, вероятно, просто заключили в карцер при школе и наказали плетьюми. А теперь меня ждёт мучительная казнь на кресте. Ты, конечно, слышал о великой войне, которую подняли несколько лет назад рабы Италии за своё освобождение. Вождём её был фракиец-гладиатор Спартák. Я был участником этой священной борьбы.

В Капуе, в школе Лентула Батиата, того самого, который задержал меня сегодня, я встретился со Спартáком. Вид фракийца сразу же поразил меня. Огромного роста и могучего телосложения, он высоко нёс свою гордую голову. Несчастья не сломили его. Юношей, захваченный римлянами в плен в родной Фракии, он благодаря своему уму и храбрости добился свободы. Римляне заставили его воевать на их стороне. Здесь он обучился военному делу. Но Спартак не желал помогать римлянам завоёвывать мирные соседние народы. Он бежал из римской армии. Соединившись с отрядом таких же, как и он, беглецов, он жёг виллы богачей, захватывал товары и деньги римских купцов. Его схватили, и он снова был продан в рабство. На этот раз его сделали гладиатором. Но

¹ «Публипор» на латинском языке означает «раб Публия».

и здесь, обречённый на неизбежную смерть, Спартак не смирился.

Многие из нас, впад в отчаяние, старались продлить свою жалкую жизнь, всеми способами добиваясь побед в амфитеатре и одобрения публики. Ведь жизнь гладиатора такова, что спасти себя можно, только убивая товарища. Спартак убеждал нас, что таким способом можно сохранить свою жизнь сегодня, завтра... Но неизбежно наступит день, когда любой, даже самый искусный, гладиатор должен будет обогреть своей кровью песок арены. «Чем рисковать жизнью в амфитеатре, лучше пойти даже на крайний риск ради свободы», — убеждал он нас. Его речи привлекали к нему многих. Нас было двести человек, решившихся бороться за свою свободу. Самым надёжным он доверил свой план. Но и среди них оказался предатель. Времени терять было нельзя. Захватив на кухне, где нам варили пищу, кухонные ножи и вертела — длинные металлические прутья, на которых жарили мясо, мы бросились к дверям. Охрана была опрокинута, но только 74 человека сумели вырваться из гладиаторской казармы. Однако в городе оставаться было невозможно. На дороге нам удалось захватить несколько телег, вёзших в школу гладиаторское оружие. Те, кому его не хватило, вооружились дубинами и кинжалами, отобранными у встречных путников. Спартак вёл нас на Везувий.

Говорят, что когда-то очень давно эта гора извергала лаву и пламя. Теперь никто этому не верит. Её мирные склоны покрыты рощами и виноградниками. Но самая вершина пустынна и окружена неприступными скалами. С давних пор здесь находили себе убежище беглецы, преследуемые римским законом. Сюда и привёл Спартак свой маленький отряд. Среди гладиаторов было несколько греков и фракийцев, соплеменников Спартака. Были и италики, те, которые восставали против римлян и после поражения попали к ним в плен; были и жители севера — галлы и германцы, прикрывавшие своё тело шкурами диких животных.

Весть о нашем бегстве распространилась по окрестностям. Уже в первые дни к нам стали сходитьсь беглые рабы со всей округи. Этим людям нечего было терять. Они вооружались кольями, обожжёнными на огне. Ими можно было не только бить, но и колоть, почти как железными копьями. Привычные к плетению корзин рабы

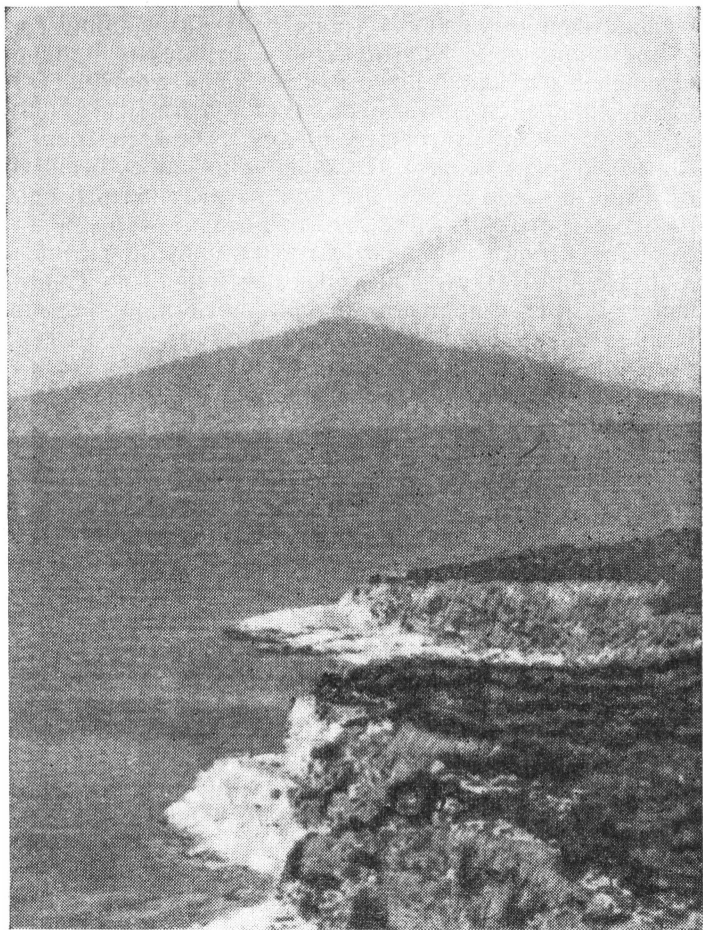

Рис. 22. Вид на Везувий.

делали себе щиты из прутьев. Для прочности они покрывали их шкурами животных. Спартак распределял присоединившихся к нам рабов по отрядам. Его товарищи — гладиаторы Крикс, Эномай и другие — обучали их приемам боя. Но и римские власти не дремали. Против нас был послан претор Клодий с трёхтысячным отрядом солдат.

Единственная узенькая тропа вела на вершину горы, где мы укрылись. Кругом зияли страшные пропасти. Римляне не решались штурмовать наше убежище. Несколько храбрецов могли держаться в этом месте против целой армии. Став лагерем у начала тропы, римляне решили взять нас измором. Положение казалось безвыходным. Многие пали духом и стали поговаривать о сдаче. «Лучше умереть от железа, чем от голода», — решили наши предводители и стали готовиться к попытке вырваться из окружения. Надежды на успех почти не было. Спартак мрачно смотрел в пропасть, окружавшую нашу вершину. Внезапно он подошёл к людям, плетущим щиты из лоз дикого винограда. «А что, если попробовать сплести лестницы и спуститься по ним в пропасть? — обратился он к окружающим. — Выдержат ли такие лестницы тяжесть человека?»

Мы решили попытаться осуществить предложение Спартака. Рабы привыкли к труду. Лестница вышла на славу! С трепетом следили мы, как голова первого смельчака, спускавшегося в пропасть, исчезла за краем обрыва. Затаив дыхание слушали мы, не прозвучит ли внизу грозный оклик римского часового. Но кругом царила мёртвая тишина. Один за другим — весь отряд спустился к подножию горы.

В этот день мы убедились, что наш вождь обладает талантом великого полководца. Всякий другой на его месте, только что спасшись от неминуемой гибели, помышлял бы лишь о бегстве. Но Спартак решил воспользоваться выгодой создавшегося положения.

Римляне были уверены, что гладиаторы, обессиленные голодом, крепко заперты на горе.

Но зайдя в тыл римского лагеря, мы бесшумно сняли беспечных часовых. Как гром с ясного неба, обрушились плохо вооружённые воины Спартака на спящий римский лагерь. Ошеломлённые неожиданностью римляне сопротивлялись слабо. Лагерь был захвачен. С восторгом мы обменивали ненавистное гладиаторское оружие на солдатские шлемы и панцири.

Весть о победе, одержанной беглыми рабами над претором, присланным из Рима, облетела всю Кампанию. Теперь из всех окрестных поместий рабы бежали в лагерь восставших. Особенно много среди них было пастухов. Эти люди вместе со своими стадами непрерывно кочева-

ли, и поэтому хозяевам труднее было держать их под строгим надзором. Одних из них мы снабжали оружием, другие были у нас разведчиками, так как хорошо знали местность. Приходили к нам и свободные италийские крестьяне. Обременённые долгами, потерявшие свою землю, они не видели для себя другого выхода, кроме борьбы вместе с нами.

Наша победа вызвала в Риме беспокойство. Решено было направить против нас претора Публия Вариния и дать ему вдвое больше солдат, чем было у Клодия. Но теперь, ободрённые победой, мы уже не прятались в горах. На равнине мы разбили передовой отряд римлян. Это оказалось не так трудно. Лучшие римские войска сражались в это время на Востоке, где поднял восстание против римского владычества царь Понта Митридат, и на Западе — против восставших испанцев.

Римские солдаты неохотно шли сражаться с нами. Эта война не сулила им никакой добычи, и они хорошо знали, что мы будем отчаянно защищать свою жизнь и свободу. Вариний был старым и опытным полководцем. Он понимал, что с такими солдатами нельзя вступать в бой в открытом поле. Удачно выбрав горную местность, он расположил свой укреплённый лагерь таким образом, что мы не могли выйти иначе, как приняв бой с римлянами в невыгодных для нас условиях. У нас не было запасов продовольствия. Как и на Везувии, нам угрожал голод. Положение казалось безвыходным.

Спартак собрал на совещание начальников отрядов. Там он предложил им военную хитрость. Ночью перед воротами лагеря были вбиты невысокие столбики. К ним верёвками привязали трупы наших воинов, убитых в дневной стычке. Издали казалось, что это часовые, охраняющие ворота. Спартак приказал разжечь костры. Потом в полной тишине все покинули лагерь. Небольшими отрядами по узкой горной тропе уходили мы в темноте из этого страшного места. Если бы римляне догадались преградить нам путь, то мы не смогли бы ни отступить, ни сражаться. Но солдаты Вариния, обманутые тишиной, фигурами часовых, вырисовывавшимися при свете лагерьных костров, спокойно отдыхали, не подозревая о нашем уходе. Только на другой день было обнаружено, что гладиаторы ушли. Вариний понял, что благоприятный момент для уничтожения восставших упущен. Но римские

Рис. 23. Последняя битва Спартака и восставших рабов с римским войском.

солдаты, видя, что гладиаторы уклоняются от боя, ободрились. Они стали требовать решительного сражения. К ним в это время прибыли подкрепления. Неосторожно увлечённый необычным приливом храбрости у своих воинов, Вариний решил преследовать наше войско, отступившее на юг Лукании. К этому времени нас уже было больше, чем римлян. В нашу армию массами вливались рабы и бедняки, готовые бороться со своими угнетателями. Повсюду вспыхивали восстания рабов. Многие города перешли в наши руки.

Римляне были близко. Многие из наших предводителей советовали удалиться в безопасное место. Спартак неизменно отвечал на это: «То место будет для нас безопасным, где мы будем стоять хорошо вооружёнными». Всё внимание он сосредоточил на производстве оружия. В нашей армии теперь работали кузнецы, изготавлившие мечи и копья. Железо искали повсюду. Даже решётки, выломанные из дверей и окон тюрем и рабских казарм, шли на изготовление оружия.

Когда наступил день битвы, римляне поняли, что сражение будет страшным. Они шли в бой медленным шагом, в молчании. Едва началась битва, римляне обратились в бегство. Бежал и сам претор. Нам достался римский лагерь и даже боевой конь полководца. Победы теперь следовали за победами. Спартак показал себя мудрым и великим руководителем. У нас уже была конница, и вся Южная Италия трепетала перед нами. Подходя к стенам городов, мы требовали, чтобы все рабы были отпущены к нам.

Армия наша непрерывно возрастала и достигла уже семидесяти тысяч. В Риме были испуганы. На следующий год оба консула со своими войсками были направлены против нас.

Стало ясно, что оставаться в Италии опасно. Спартак призывал нас идти к Альпам и покинуть пределы Италии. Тогда мы все могли бы разойтись по родным местам. Но многие из нас были увлечены первыми успехами и не желали уходить из богатой страны, где они были победителями. К нам присоединялись и итальянские бедняки, вступившие в наши отряды и желавшие продолжать борьбу с богачами Рима. Большой отряд недовольных во главе с гладиатором Криксом отделился от Спартака в самом начале пути на север. Этим воспользовались консулы. Один

из консулов, Гёллий, окружил отряд Крикса у горы Гарган и полностью уничтожил его. Консулы разделили свои силы. Один преградил нам дорогу на север, а другой шёл следом. Спартак воспользовался этим и разбил обоих консулов поодиночке.

Мы продолжали двигаться на север. В каждой новой области присоединялись к нам освобождённые рабы. Армия росла, подобно катящейся с гор снежной лавине, и достигла уже ста двадцати тысяч человек. Спартак принимал только тех, кто был способен носить оружие. Но мало кто из рабов был обучен военному делу и мог сравниться с погибшими у горы Гарган гладиаторами. Многие не понимали величия дела, за которое мы боремся. Они поджигали города, которые могли дать нам оружие, разоряли крестьян, которые могли быть нашими союзниками. Их толкало на это чувство мести и жажда добычи. Спартак понял, что это может стать гибельным для общего дела. Он приказал сжечь весь лишний багаж, перерезать выюнный скот, на котором везли добычу. Он запрещал купцам, приезжавшим к нашим стоянкам, предлагать вещи из золота и серебра. Эти металлы должны были использоваться только на покупку оружия. Трудно было бороться со стремлением к богатству людей, привыкших видеть в золоте источник могущества и благополучия.

Возле города Мутины дорогу нам преградил проконсул предальпийской Галлии Кассий с десятитысячным войском. Нас было больше, и битва окончилась нашей победой. Близко были Альпы, а за ними — желанная свобода.

Но позади оставалась богатая Италия с её жестокими рабовладельцами. Наша армия, руководимая Спартаксом, не потерпела ещё ни одного поражения. Силы Рима казались нам надломленными. Большинство не хотело уходить из Италии и потребовало, чтобы Спартак вёл нас обратно на юг.

Наша армия повернула на Рим. При известии об этом в столице началась паника. Говорили, что со времён Ганнибала Рим не испытывал столь великой опасности. Ведь в городе были тысячи рабов, которые могли взбунтоваться и присоединиться к нам. Раздражённый непрерывными неудачами сенат отстранил обоих консулов от командования и назначил командующим Марка Красса — одно-

го из самых богатых, жадных и жестоких людей в Риме. Кроме прежних двух консульских легионов, были спешно набраны ещё шесть. Многие из знати, даже старики, давно освобождённые от призыва в войско, добровольно отправились с Крассом. Богачи считали войну с нами своим кровным делом.

Шёл уже третий год от начала восстания. Римские солдаты по-прежнему уклонялись от сражений и не желали подчиняться приказам начальников. Им нечего было защищать в Италии. Они стремились получать своё солдатское жалованье, как можно меньше подвергаясь опасности.

Красс первым делом постарался навести в своей армии порядок. Он хотел показать солдатам вновь набранных легионов, как сурово он будет карать трусость и всякое нарушение дисциплины. Красс приказал выстроить солдат консульских легионов, неоднократно бежавших с поля боя. Каждый десятый, выбранный по жребию, подвергался мучительной казни. Его забивали палками насмерть. Теперь римские солдаты боялись Красса больше, чем гладиаторов.

Красс преградил Спартаку дорогу на Рим. Он попытался даже окружить нашу армию, но нам удалось разбить два легиона и прорваться на юг Италии. Армия Красса преследовала нас по пятам. У Спартака созрел новый план. Он вел нас теперь к узкому проливу, отделяющему Италию от Сицилии. На этом острове совсем ещё недавно сицилийские рабы вели войну за свою свободу. Там было много людей, которые ждали только случая, чтобы снова восстать. Спартак рассчитывал, переправившись туда пополнить свои войска и овладеть всем островом. Оттуда мы могли бы вести успешную борьбу с Римом. Нам удалось договориться с морскими разбойниками. Они обещали перевезти нас на своих кораблях. Но, получив условленную плату вперёд, пираты обманули нас. После этого мы пытались переправиться своими силами. Положив под брёвна пустые бочки, мы связывали их ремнями и ветками, но внезапная буря унесла и разбила плоты.

Красс воспользовался нашей задержкой на берегу пролива. Мы находились на самой южной оконечности Италии. В одном месте море так далеко врывается в сушу, что остаётся только узкий перешеек шириной в

300 *стадий*¹. Красс приказал прорыть через перешеек ров, а из вынутой земли соорудил вал. Римляне закончили эту постройку в очень короткий срок. Мы сначала не обращали внимания на эти работы, относясь с презрением к попытке Красса отрезать нас. Но когда стал ощущаться недостаток продовольствия и наше войско пожелало уйти из этих мест, мы неожиданно увидели себя отрезанными от остальной Италии.

Спартак сумел вывести нас и из этой ловушки.

В одну бурную ночь, завалив небольшую часть рва сучьями, деревьями и землёй, наше войско пробилось через вал. При известии о том, что Спартак снова вырвался на просторы Италии, римские правители решили отказаться от всех других войн, которые они вели в это время. Отовсюду в Италию стягивались войска. Из Испании был вызван Помпей с его легионами. На юге Италии, в Брундизии, высаживалась армия, прибывшая с Востока. А в нашем лагере не было единства. Суровая дисциплина, соблюдения которой требовал Спартак, многим была не по вкусу. Некоторые вожди решили вести войну на свой риск. Красс воспользовался этим. Он заманил в засаду большой отряд под командой Ганника и Каста и уничтожил его. Красс теперь искал решительного сражения со Спартаком. Он не хотел уступать славу победы вновь прибывшим полководцам. Спартак тоже был вынужден идти на битву. Нельзя было ждать, пока вновь прибывшие, закалённые в дальних походах войска соединятся с армией Красса. У нас было ещё около девяноста тысяч воинов.

Последний бой был самым страшным из всех. Мне тяжело вспоминать о нём. Римские войска были вооружены гораздо лучше нас. Отчаяние охватило всех. Спартак видел, что поражение неизбежно. Он устремился на самого Красса, но ему не удалось пробиться. Он не смог это сделать, несмотря на своё изумительное искусство владеть оружием. Спартак был ранен в бедро дротиком. Я сражался в это время неподалёку и всё видел. Опустившись на колени и выставив вперёд щит, он отбивался от нападающих до последнего дыхания, до последней капли крови. Наконец он упал. Ожесточение битвы было

¹ *Стадий* — примерно 185 м. Таким образом, весь перешеек имел длину немногим более 50 км.

таково, что враги продолжали рубить мечами его бездыханное тело. Мы защищали труп вождя, и римляне не смогли завладеть им, хотя за голову Спартак Крассом была обещана большая награда.

Шестьдесят тысяч наших пало в этой битве. Но ещё страшнее была судьба тех, кто попал в руки врагов. Шесть тысяч человек были живыми распяты на крестах вдоль дороги из Рима в Капую...

Мальчик, с горящими глазами слушавший рассказ пленного гладиатора, спросил:

— Как же ты спасся? Где ты жил всё это время? Ведь великий Спартак погиб уже почти десять лет тому назад.

— Этого я не сказал моим мучителям, когда они пытали меня здесь, — отвечал Публипор. — Но тебе я скажу. Ведь ты тоже — раб и должен знать, что борьба угнетенных не прекратилась с гибелью Спартак. Остатки нашей великой армии укрылись после разгрома в горах. Некоторые пошли к морю и стали пиратами. Я хорошо знал ущелья и горные перевалы в Лукании и повёл туда своих людей. Несколько лет мы успешно скрывались, добывая себе пропитание нападениями на богатые виллы рабовладельцев. Но недавно мы узнали, что против нас послали большой отряд римской армии. Он расположился лагерем близ вашего города. Я вышел на разведку. Трудно было предположить, что меня сможет узнать кто-либо из видевших меня гладиатором.

Никифор больше не расспрашивал. Он внезапно встал и вышел из подвала. Через несколько минут он возвратился, неся связку ключей. Раскрыть замок металлического кольца, которым пленник был прикован к стене подвала, было делом одной минуты.

— Мой хозяин спит после выпивки непробудным сном, — сказал мальчик. — Дверь открыта. Спешите...

Когда Публипор уже вышел за ворота спящего города, чья-то рука коснулась его локтя. Гладиатор быстро обернулся. Перед ним стоял маленький Никифор.

— Возьми меня с собой в горы, — попросил он. — После твоего побега мне всё равно нельзя здесь оставаться.

— Возьму, — сказал гладиатор. — Я теперь вижу, что мы сражались не зря. Спартак погиб, но рассказ о его подвигах спас мне жизнь и пополнил наши ряды ещё одним маленьким борцом за свободу!

В РИМСКОЙ ШКОЛЕ

Маленький Публий проснулся в этот день очень рано. Шутка ли сказать: сегодня он первый раз пойдёт в школу. Ведь вчера он сам слышал, как отец говорил матери: «Ты, Семпрония, готова постоянно держать детей около себя. Ты хочешь, чтобы к Публию пригласили учителя на дом. Однако учёнейшие наставники считают, что школьное обучение для ребёнка полезнее, чем домашнее. Пусть привыкает к обществу других детей. Чего ты боишься?»

Публий слез с кровати и через всю спальню босиком направился к постели своего брата Гая.

Гай тоже не спал: у него на то были особые причины. Гаю исполнилось недавно 12 лет, и он посещал уже не начальную римскую школу, в которую собирались отдать семилетнего Публия, а *грамматическую* — среднюю. Гай был большим лентяем. Он даже мазал себе маслом глаза, чтобы казалось, что он болен, и чтобы родители позволили ему не ходить в школу. Он больше любил играть в мяч, чем учить уроки. Поэтому идти сегодня в школу совсем не казалось ему таким приятным делом, как маленькому Публию. Гай плохо выучил заданный ему отрывок из «Илиады» Гомера и знал, что сегодня в школе его обязательно ждёт порка. Об этом он и размышлял в тот момент, когда к нему подошёл Публий.

— А я сегодня в школу пойду! — радостно сообщил Публий, забираясь с ногами на кровать брата. — Отец сказал, что мне уже и навощённые дощечки для письма купили. Новенькие!

— Чему ты, букашка, радуешься? — презрительно глядя на малыша, спросил Гай. — Вот побьют тебя розгой или палкой, тогда будешь знать...

— А мама говорит, что нашего старшего брата Луция никогда не секли и не наказывали! — возразил Публий. — Она говорит, что наказывают только лодырей и лентяев. А отец говорит, что когда Луцию будет 17 лет и он кончит высшую *риторическую* школу, где учат красноречию, философии и знанию законов, родители отправят Луция в Афины или ещё в какой-нибудь город. Там он будет совершенствоваться во всех этих искусствах. Сколько он увидит интересного! Я тоже буду хорошо учиться, и меня тоже не будут наказывать.

— Ну и убирайся с моей кровати! — сердито заявил Гай, сталкивая брата на пол.

— А про тебя отец говорит, что ты — лодырь и лентяй, — сказал Публий, уже стоя на полу.

— Поговори! Вот я тебе сейчас! — обозлился Гай, спрыгивая с постели.

Топот босых ног в спальне разбудил няньку-рабыню, приставленную смотреть за детьми.

За завтраком, когда дети сидели за отдельными столиками, отец сказал, что Публия отправят в начальную школу, которую содержит вольноотпущенник грек Герод.

— Правда, — сказал отец, — школа расположена довольно далеко, на форуме, и Герод берёт дорого за обучение: в четыре раза дороже, чем обычный учитель начальной школы. Но учит он хорошо: наш Луций учился в школе Герода, и у него прекрасный почерк.

— Действительно — согласился дядя Марк, гостивший в эти дни у них, — даже в нашем богатом Риме обычно учителя получают очень низкую плату за свою работу. Все они страшно бедствуют. Их труд считается тяжёлым и неблагодарным. Герод составляет исключение. Это потому, что у него учатся главным образом дети состоятельных родителей.

Спустя некоторое время все три брата, Публий, Гай и Луций, под наблюдением специального раба-педагога шли по направлению к форуму. Каждый из братьев нёс навощённые дощечки для письма в правой руке и *капсу* — цилиндрический футляр со свитками — под мышкой левой руки. Педагог нёс подарок, который родители каждого вновь поступающего в школу ученика обычно подносили учителю или хозяину школы. Публий знал, что, кроме подарка учителю, мать дала педагогу вкусное печенье: если Публий будет хорошо вести себя и прилежно учить-

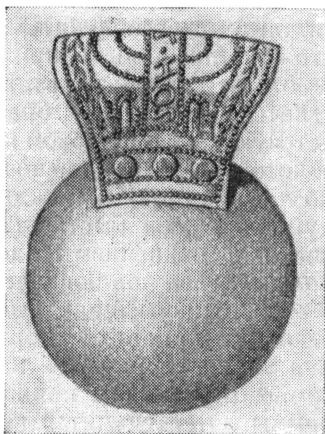

Рис. 24. Золотая булла римского мальчика.

ся, он сможет получить это лакомство. Шли так быстро, что Публию иногда приходилось бежать рысцой, чтобы не отстать от братьев и педагога. Особенно трудно было угнаться за старшим братом. Луций, хотя ещё носивший детскую тогу с широкой красной каймой внизу и буллу — золотой футляр на цепочке, надевавшийся на шею, был не по летам стройный и сильный юноша. Сейчас, о чём-то задумавшись, он быстро шагал, крепко прижимая к себе свиток с сочинением Цицерона «Риторика». За ним, недовольно ворча под нос, следовал толстый Гай.

— Хорошо ещё, что теперь дни стали длиннее: рано становится светло, — бормотал он. — В короткие зимние дни уроки начинаются в такую рань, когда ещё совсем темно, и ученикам приходится таскать с собой в школу лампы. Отец скупится приставить к нам раба-капсáрия, как делают многие богатые родители, чтобы он носил наши сумки, лампы и дощечки для письма.

— Ты глупец! — возразил Луций, отвлечённый от своих размышлений ворчаньем брата. — Отец правильно считает: лучше лишний раб, обрабатывающий землю в нашем поместье, чем ещё один бездельник в городе.

Гай хотел что-то возразить, но, видя, что Луций начинает сердиться, решил промолчать.

В это время они подошли к одному из деревянных ба-раков — *табёрн*, расположенных на форуме. Это и было помещение, которое арендовал Герод для своей школы. Публий удивился, узнав, что это некрасивое деревянное здание и есть та самая хорошая школа, в которой он будет учиться. Луций объяснил ему, что многие другие хозяева школ располагаются со своими учениками под простым навесом, а некоторые школы даже совершенно не имеют никакого помещения и часто уроки идут прямо под открытым небом, иногда на краю какого-нибудь старого рва в предместье города, иногда в поле, за городом, и только в дождливую погоду ищут какую-нибудь крышу.

— Это ничего не значит! — продолжал Луций. — Зато школ много, и подавляющее большинство свободных римлян грамотно. Со времени разрушения Карфагена римские караульные начальники дают часовым пропуск и отзыв в письменном виде: любой простой солдат умеет читать.

Пока раб-педагог разговаривал с учителем, Публий внимательно осматривался кругом. Первое, что бросалось

в глаза в помещении школы, были невысокие подмости, на которых стоял стул с изогнутой спинкой. Из рассказов Гая Публий знал, что это сидение учителя — *кафедра*. Рядом с подмостками на полу стоял простой стул без спинки, на котором помещался помощник учителя. Дальше в глубине помещения, на табуретках, подставив под ноги маленькие скамеечки, сидело много мальчиков и девочек в возрасте от семи до двенадцати лет. Публий знал, что в Риме в начальной школе мальчики и девочки учились вместе. Многие ученики и ученицы что-то старательно писали, положив на колени навощённые дощечки, так как никаких столов в римских школах не было.

Наконец педагог ушёл, уведя братьев, которым тоже надо было спешить на занятия, и маленький Публий остался один среди чужих. Учитель посадил его в группу самых младших учеников. Эта группа хором читала по складам, повторяя слова вслед за одним из учеников. Как потом узнал Публий, во главе каждой группы стоял лучший ученик. Он всегда первым отвечал учителю, помогал отстающим товарищам, иногда даже заменял преподава-

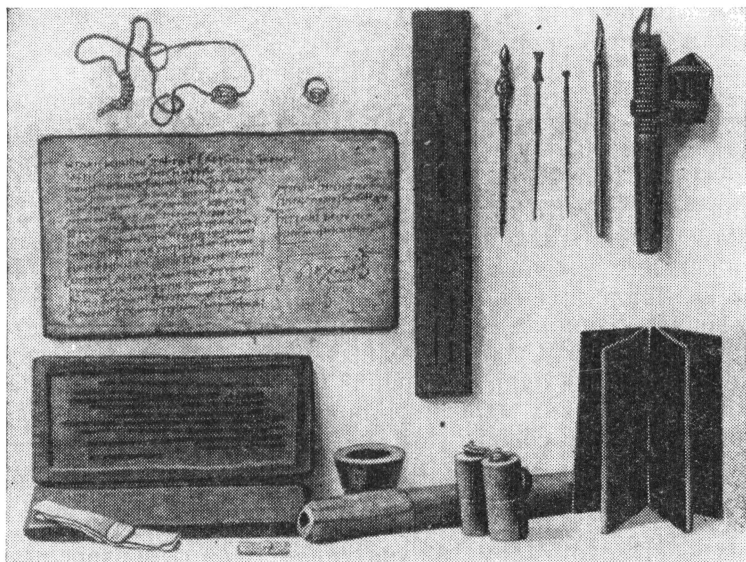

Рис. 25. Римские письменные принадлежности.

теля. Ежемесячно для каждого ученика устраивалась проверочная работа, и тот, кто выполнял её лучше всех в группе, получал на этот месяц права и преимущества первого ученика. В некоторых школах лучшие ученики получали в награду интересные книги.

Когда кончили читать, помощник учителя позвал школьного раба-служителя и велел ему принести большие буквы, искусно вырезанные из слоновой кости. Ученики младшей группы должны были запомнить и изобразить эти буквы на своих навощённых дощечках. Тем, у кого буквы получались кривые и некрасивые, роздали металлические доски, в которых были прорезаны изображения букв. Ученики клали на дощечку для письма такую доску и через прорезы в ней острой палочкой обводили эти изображения. Когда металлическую доску убирали, на навощённой дощечке оказывались красиво написанные буквы. Таким образом ученик приучался правильно и твёрдо держать палочку и почерк становился твёрже, вернее и красивее. Публий ещё дома заметил, что подаренная ему отцом острая палочка для письма — *стиль* — была не такая, как у взрослых. Взрослые писали железными палочками, а Публию подарили стиль из слоновой кости. Теперь, придя в школу, он увидел, что у всех детей точно такие же письменные принадлежности, как у него. Только позднее узнал Публий, что так делалось для того, чтобы дети случайно или в пылу ссоры не поранили себя острыми железками.

После урока письма стали считать по пальцам. Публий заметил, что старшая группа под руководством самого учителя тоже занимается счётом. Там у некоторых на коленях лежали римские счёты, или *абák*, как их обычно называли. Все внимательно слушали учителя, который говорил: «В одном денарии четыре сестерция, или шестнадцать ассов. Сколько медных ассов содержит в себе монета ценой в один сестерций? Скажи ты, сын Пизона!» Один из старших мальчиков поднялся и ответил: «В одном сестерции содержится четыре асса». — «Верно! — сказал учитель. — Если мы теперь прибавим к одному сестерцию ещё четыре асса, какую часть денария это составит?» — «Одну четверть», — подумав, ответил мальчик. — «Плохо! — заметил учитель. — Если ты и взрослым будешь так считать, тебе предстоит полное разорение». — «Половина денария!» — спохватился мальчик. — «Это

лучше, — согласился учитель. — Смотри, считая деньги, никогда не ошибайся!»

В это время один из мальчиков стал шептать что-то на ухо своему соседу. В тот же миг палка — *фэрула*, которую учитель в течение всех занятий держал в руках, обрушилась на спину нарушителя тишины. «Ну-ка! Давай сюда руки!» — говорит учитель. Мальчик покорно протягивает руки, и учитель больно хлещет по ним фэрулой, приговаривая при этом: «Будешь знать, как вертеться, как шептаться с соседями!»

Публий очень испуган. Он вспоминает слова Гая: сейчас, наверно, и ему попадёт. От страха он начинает громко плакать. К нему подходит помощник учителя: «Ну, что ты плачешь, малыш? — обращается он к Публию. — Устал? Не понимаешь чего-нибудь?» Публий объясняет ему, что он боится и что он хочет домой. «Ну, ну! — говорит помощник учителя. — Нечего бояться: таких маленьких, как ты, у нас не наказывают». С этими словами он достаёт пряник — один из тех, которые прислала в школу мать Публия, и даёт его мальчику. Пряник вкусный, и Публий успокаивается. Школа опять начинает ему нравиться.

Жуя пряник, он смотрит по сторонам. Это очень интересно. В школу во время занятий часто заходят посторонние люди. Вот чей-то отец. Он сидит в стороне и внимательно слушает, как отвечает его сын. Две рабыни-гречанки, приведшие сюда девочек, сидят в углу и тихо о чём-то беседуют. Днём в школу зашёл какой-то важный человек в тоге с широкой красной каймой в сопровождении двух рабов. Послушал, как отвечают ученики, что объясняют учитель и его помощник, и ушёл. Публий знает — это *эдил*: у него на тоге внизу такая же красная кайма, как у детей, только пошире. Этот эдил как-то зашёл к его отцу и в разговоре похвалил отца за чистоту улицы перед домом. Отец говорил, что эдилы разбирают споры, возникающие при торговых сделках, следят за чистотой и порядком, за снабжением города продовольствием, устраивают общественные игры и зрелища.

Было уже за полдень, когда кончились занятия. Братья в сопровождении педагога пришли за Публием, чтобы взять его домой. Из разговора братьев Публий узнал, что Гая сегодня в школе секли, так как он плохо выучил отрывок из «Илиады». Однако, несмотря на это,

Гай был очень весел и оживлён. «У нас сегодня после занятий два старших ученика подрались! — рассказывал он. — Один Фавст — сын покойного диктатора Суллы, а другой — Гай Кассий Лонгин. Говорят, что их будет мирить сам Гней Помпей, покоритель Испании!» — «Из-за чего же они подрались?» — спросил Луций. — «Фавст стал хвастать, что его отец был диктатором, и говорил, что, когда он вырастет, он также станет диктатором. Кассий, у которого отец всегда был сторонником республики, стал с ним спорить. Спор перешёл в драку, и Кассий избил Фавста. Так ему и надо: пусть не хвастается жестокостью и властолюбием своего отца». — «Кассий поступил правильно, — сказал Луций. — Но объясни мне, почему ты не хочешь учиться как следует? Сколько неприятностей ты доставляешь родителям! Недавно ты ухитрился разбить в школе мраморную таблицу с изображением подвигов Геркулеса, сегодня — высечен за то, что не хотел учить стихи Гомера. На днях я видел, как ты ел тмин и пил уксус, чтобы думали, что ты бледен от переутомления и выглядишь больным». — «Мне до смерти надоело сидеть в школе и зубрить уроки! — признался Гай. — Хорошо ещё, что скоро июль. Самое приятное для меня время — с июля по октябрь». — «Конечно! — иронически заметил Луций. — Лодыри больше всего любят каникулы!» — «Хорошо бывает также, — продолжал Гай, — во время мартовских праздников в честь богини мудрости Минервы и в декабре, во время праздника *сатурналий*¹. Все школы закрыты на несколько дней, а ученики свободны. Я ужасно завидую взрослым: они всегда свободны». — «Не забудь, — сказал Луций, — что тот, кто ничему не выучился, никогда не сможет быть ни полководцем, ни государственным деятелем. Более того, он не сможет даже заработать себе на хлеб».

Гай задумался: может быть, Луций прав?

Когда они возвратились домой, мать спросила Публия, понравилось ли ему в школе. Мальчик уже забыл, как он испугался, когда учитель стал наказывать ученика. Он помнил только красивые изображения букв из слоновой кости, интересные круглые камешки на римских счётах, вкусный пряник, который дал ему добрый помощ-

¹ *Сатурналии* — семидневные празднества по окончании полевых работ в честь бога Сатурна.

ник учителя, и, не задумываясь, ответил на вопрос матери: «В школе очень хорошо! Мне очень понравилось!»

Когда ложились спать, Публий взял с собой в кровать свои письменные принадлежности, с которыми не хотел расстаться даже во сне. «Как хорошо, что завтра я опять пойду в школу!» — думал он, засыпая.

РИМСКИЕ РЫНКИ

Квинт Попилий внимательно заглядывал в рот рослому галлу, приказывал ему сжимать кулаки, ощупывал мускулы, заставлял бегать и прыгать. Галл тяжело дышал, обильный пот струился у него со лба, обмазанные мелом ноги покрылись пылью, венки сбились на сторону и опустились на глаза.

Рядом в оковах стояли его товарищи по несчастью — уже отобранные Попилием галльские пленники, тоже с выбеленными ногами и в венках. Обмазанные мелом ноги указывали на то, что эта партия рабов продаётся, а венки на голове должны были предупредить покупателей, что эти люди захвачены на поле боя с оружием в руках.

В стороне тоже кучками стояли другие рабы. Среди них были азиаты, негры, скифы, греки и даже германцы, выделявшиеся своими лохматыми бородами. Среди продававшихся рабов были и женщины, некоторые с маленькими детьми. У многих на шее висели дощечки с надписью о происхождении, здоровье и поведении. Головы нескольких рабов были прикрыты круглыми войлочными шляпами. Это обозначало, что продавец не ручается за их здоровье и поведение.

Истомлённые жарой и ожиданием рабы безучастно смотрели на толпу покупателей, на прыгавшего галла и на Попилия. Весь этот участок рынка был огорожен высоким деревянным забором. Возле забора был сделан помост, на котором и стояли рабы. Глашатаи, выводя вперёд то одного, то другого раба, наперебой расхваливали его достоинства. Время от времени кто-нибудь из толпы покупателей подымался наверх и, отобрав подходящих ему людей, расплачивался и уводил рабов по длинному, огороженному плетнём коридору, служившему выходом из загона.

Торговля рабами шла на Марсовом поле. Работорговцы имели лавки и на форуме и на Священной дороге, но теперь, когда Рим подчинил себе всё Средиземноморье, в центре города уже не хватало места для продажи многих тысяч привозимых сюда рабов. Пришлось использовать для этого обширное Марсово поле, предназначенное первоначально для военных упражнений. Здесь издавна происходили выборы должностных лиц, для чего и были построены узкие проходы и огороженные площадки для проголосовавших избирателей. Эти постройки были очень удобны для массовой торговли рабами.

Поторговавшись, Попилий купил всю партию галлов и написал купцу расписку. Купец, старательно спрятав кусок пергамента, сказал с самодовольной улыбкой: «Жалеть не будешь, Квинт. Таких здоровенных рабов ты перепродашь с большой выгодой хоть здесь, в Италии, хоть в Сицилии. Сегодня же вечером они будут доставлены под охраной к тебе на дом. Если бы мне не удалось закупить их прямо на поле боя у солдат, я бы не уступил их так дёшево».

Попилий, распрощавшись с торговцем рабами, направился к выходу. Здесь на него с распростёртыми объятиями налетел маленький курчавый толстяк. Его смуглое лицо лоснилось, а на прямом, лишённом переносицы носу выступили капельки пота.

— Какими судьбами ты очутился в Риме, Тимей? — удивлённо произнёс Квинт Попилий, ошеломлённый внезапным появлением толстяка. — Я думал, что ты по-прежнему живёшь в Афинах.

— Я уже третий день ищу тебя по всему Риму, — запыхавшись и немилосердно коверкая латинские слова, говорил грек. — Я, как никогда, нуждаюсь в твоём благорасположении и совете.

— Подожди, — отвечал Попилий, — у меня небольшое дело на бычьем рынке. По дороге ты мне всё расскажешь.

Приятели пошли на юг вдоль реки Тибр по широкой оживлённой улице.

— Прошло три года с тех пор, как я последний раз купил у тебя большую партию рабов на Дёлосе, — задумчиво говорил Попилий, — среди них, как сейчас помню, были две танцовщицы, замечательный повар и учитель греческого языка. За деньги, вырученные от их продажи, я приобрёл загородный дом у моря. Я слышал, что ты

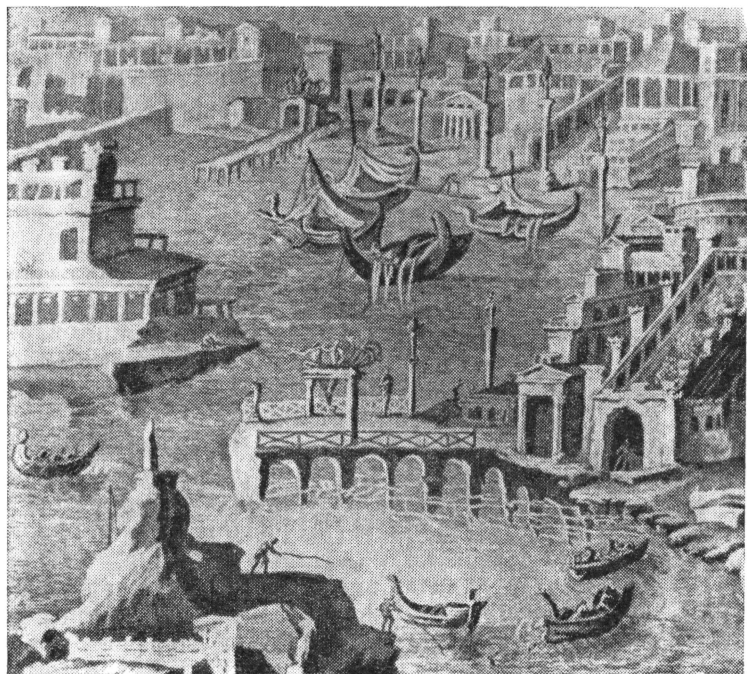

Рис. 26. Гавань.

бросил торговлю рабами и вёл какие-то дела в Египте...

— Я привёз из Египта, — перебил Попилия Тимей, — большую партию льна, папируса и стекла. Заплатил огромные пошлины за право выгрузить товары в Рим. Посмотрел бы ты, какие замечательные изделия, какой красоты сосуды делают в Египте. Украшения из стекла ценятся не ниже драгоценных камней. А какие ткани! Египетское полотно не хуже шёлка, привозимого из дальних стран. Всё это я добыл почти даром и решил, наконец, рискнуть сам доставить товары в Рим. Торговать через посредников невыгодно, они никогда не дадут настоящую цену.

— Боюсь, что ты поторопился, — с сомнением покачал головой Попилий. — Рим сейчас трудно удивить каким-нибудь редким товаром. Вон на реке стоят корабли со стеклом, льном, хлебом и папирусом из Египта. В Рим

сейчас везут всё, чем богата земля. Всё продаётся в Риме! Везут мрамор из Евбеи, Аттики, Лаконии, кожу — из Сицилии и Малой Азии, золото и серебро — из Азии, Испании и Галлии, медь — с Кипра, олово — из Британии, драгоценные камни и слоновую кость — из Индии, шерстяные материи — из Финикии и Сирии, ковры — из Персии и Вавилона. Вином, оливковым маслом, солью и скотом богата сама Италия.

— Вот поэтому мне и нужна сейчас твоя помощь! — воскликнул Тимей. — Уже три дня, как я выгрузил свои товары на пристани — Эмпориуме, у подножия Авентинского холма. Сегодня идёт четвёртый день, как мои товары лежат там в амбарах. Мои люди с образцами рыщут по всему Риму и не могут найти покупателей. Не могу же я сидеть здесь целый год и распродавать товары поштучно, как последний лотошник. Ты человек опытный, знаешь Рим и, я надеюсь, в память нашей старой дружбы поможешь мне найти покупателя, который купит сразу всё. Я хочу, чтобы ты сам посмотрел образцы моих товаров; они выставлены на форуме, в *басίλικе*¹ Эмилия.

— Сразу видно, что ты приехал издалека и не знаешь наших дел, — улыбнулся Попилий. — В Риме купцы не торгуют в одиночку, как в Греции. У нас торговцы образуют большие торговые компании с огромными капиталами. Эти компании занимаются не только торговлей. Они дают деньги в долг под проценты, берут на откуп взимание налогов с покорённых Римом провинций, берут подряды на постройку публичных зданий. Их называют *публиканами*². Ни у одного богача не хватит денег, чтобы скупить весь привозимый в Рим строевой лес или какой-нибудь другой товар; для этого публиканы и объединяются. Скупив весь товар, они могут назначить цену, какую захотят. Ты действуешь в одиночку и поэтому не можешь рассчитывать на успех. Публиканы давно уже знают, какие вещи ты привёз, какова их цена, и не позволят никому купить их. Твои товары будут лежать до тех пор, пока ты не согласишься продать их этим публиканам за ту цену, которую они сами тебе назначат. Но я помогу

¹ *Басилика* — здание вытянутой прямоугольной формы, где обычно помещался суд и производились торговые сделки.

² *Публиканами* в Риме назывались люди, которые брали на откуп государственные доходы.

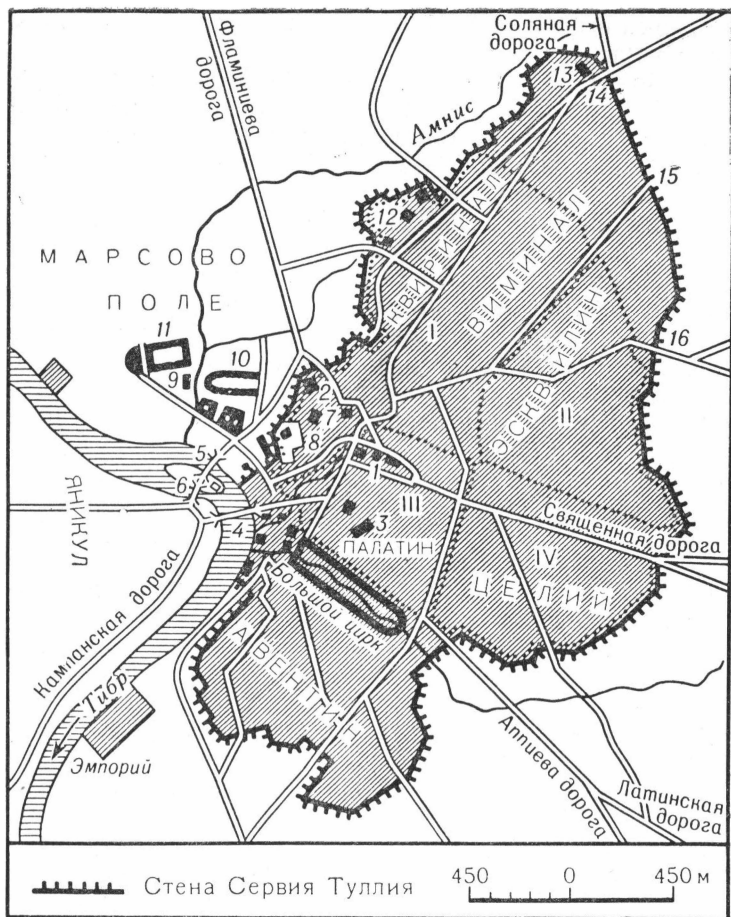

Рис. 27. План города Рима времён республики.

Римскими цифрами обозначены районы города — трибы. Арабскими цифрами обозначены: 1. Храм Весты. 2. Храм Юноны Монеты. 3. Храм Юпитера. 4. Мост Эмилия. 5. Мост Фабриция. 6. Мост Цестия. 7. Табуларий. 8. Капитолийский холм. 9. Храм Беллоны. 10. Цирк Фламиния. 11. Театр и портик Помпея. 12. Храм Квирина. 13. Храм Фортуны. 14—16. Ворота городской стены.

тебе: как только освобожусь, я посмотрю твои товары и поговорю с представителем компании, торгующей с Египтом. Убытка ты не потерпишь, но тебе придется поделить-

ся с ними выручкой за то, что они позволят тебе продать товар в Риме.

— Но это же настоящий грабёж!— возмутился грек.— Я должен им платить за то, что они позволят мне продавать мои собственные товары. Неслыханное дело!

— В каждой стране — свои порядки,— сухо заметил Попилий.— Хорошо ещё, что ты догадался обратиться ко мне; компания могла бы выждать, пока придут ещё партии товаров из Египта, и тогда купить у тебя твоё драгоценное стекло и лён за бесценок. Ты мог бы совсем разориться. Только по старой дружбе я готов уладить это дело! А теперь давай поторопимся, а то мы с нашими разговорами едва добрались до овощного рынка.

Действительно, они находились на площади на берегу Тибра. Кругом всей площади стояли многочисленные овощные лавки, в которых продавали капусту, лук, чеснок, винные ягоды, сливы, каштаны. Оба приятеля, с трудом проталкиваясь через огромную толпу, заполнявшую площадь, выбрались наконец к Эмилиеву мосту. Пройдя мимо него, они вскоре вышли на бычий рынок. Это была обширная площадь, посреди которой на пьедестале стояло большое бронзовое изображение быка.

Повсюду из-за специально построенных загоронок слышалось мычание многочисленных гуртов скота, пригнанного сюда на продажу. Около загонов толпились покупатели. Многие выбирали овец, быков и свиней для жертвоприношений. Эти покупатели особенно тщательно осматривали товар, так как животное, предназначенное богам, должно было отвечать целому ряду требований: подземным богам приносили чёрных животных, богам — обитателям неба — белых; богам — самцов, богиням — самок. В жертву могло быть принесено только то животное, которое никогда не употреблялось ни для каких работ.

Квинт Попилий направился к загону, где помещались животные, предназначенные для жертв. Он тщательно выбрал белую овцу, расплатился и приказал доставить её в дом сенатора Метелла.

— Он попросил меня выбрать ему лучшее животное, какое только можно найти,— объяснил Попилий греку.— Я ему многим обязан и не мог отказать в этой просьбе. Теперь я свободен и мы можем идти на форум посмотреть твои товары.

С этими словами он повернул в сторону, противоположную реке, и, пройдя несколько кварталов, они вышли на Велáбрум. Здесь были мастерские суконщиков, столбярков, горшечников. Ремесленники тут же продавали свои изделия, поэтому и на площади толпилось множество покупателей. Всюду бродили лотошники, торгующие хлебом, фруктами и различными кушаньями. Над площадью стоял, не умолкая ни на минуту, разноголосый людской гомон. Громко кричал раб-негр, расчищая дорогу носилкам знатной дамы, которые несли восемь рослых рабов; какой-то дородный римлянин во весь голос возмущался тем, что его обсчитали. В углу толпа людей окружила пойманного воришку; везде громко бранились, клялись, торговались.

— Нет занятия более презренного и недостойного свободного человека, чем ремесло и мелкая торговля!— заметил Квинт Попилий, брезгливо глядя на шумную толпу.

— Может быть, так и считают в Риме,— возразил Тимей,— но я видел много стран, где думают иначе.

— Это потому, что ты иностранец,— ответил нравоучительно Попилий. — В Риме свободный гражданин может заниматься только земледелием или крупной торговлей. Это единственные достойные занятия. Ремесло следует предоставить рабам.

Разговаривая таким образом, они вышли на форум. Здесь тоже шла оживлённая торговля. Теперь форум перестраивался. На месте многочисленных мелких лавочек на восточной стороне площади высилось роскошное трёхэтажное здание базилики Эмилия. Всё здесь было приспособлено для крупной торговли.

Яркий солнечный свет, проникая через многочисленные окна, освещал огромный заполненный толпой зал и галереи на уровне второго и третьего этажей. Стены были облицованы разноцветным мрамором и покрыты красивой росписью. В зале шла распродажа редких грузов, привезённых из Индии. На одном из возвышений, расположенных на обоих концах зала, глашатай показывал образцы и называл общее количество привезённого товара. Из толпы то и дело раздавались голоса, набавляющие цену: покупатели боролись между собой. Такая распродажа называется *аукцион*.

— Я тоже выставил вчера свои товары на аукцион,— грустно сказал Тимей.— Покупателей не оказалось. Ник-

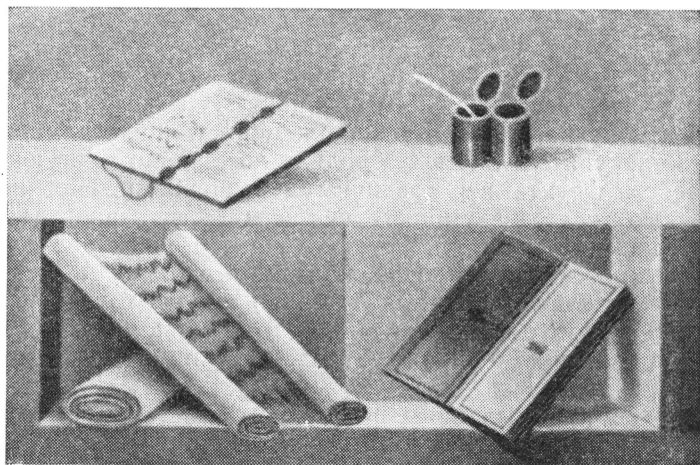

Рис. 28. Книги для ведения дел и двойная чернильница.

то не дал даже той низкой цены, которую я запросил, желая привлечь покупателей.

— Чудак!— воскликнул Попилий.— Как ты не понимаешь, что компании сговорились между собой. Не будешь же ты сидеть здесь год со своим товаром. Везти его обратно тоже убыточно. Они купят у тебя твой груз за полцены, а барыш поделят. В накладе останешься ты один. Но я постараюсь уладить это дело так, чтобы ты не разорился.

Они поднялись на галерею, где Попилий осмотрел образцы товаров Тимея. Затем, оставив грека с его приказчиками, он снова спустился и подошёл к небольшой группе людей, стоявших особняком между колоннами. Он долго шептался с ними, хихикая и оглядываясь время от времени на грека, с беспокойством наблюдавшего за ним сверху.

Наконец, от этой группы отделился полный человек, в богатой одежде, с золотым кольцом на пальце. Попилий подвёл его к Тимею.

Небрежно осмотрев товары, человек сказал, что только ради старинной дружбы с Попилием он готов выручить Тимея и взять всю партию, если цена будет снижена вдвое.

— Лучше я утоплю товар в Тибре! — в ярости закричал Тимей. — Пусть всё пропадёт! Я не снижу цену ни на асс. И так я на этой продаже ничего не зарабатываю.

— Будь благоразумен, Тимей, — зашептал ему на ухо Попилий. — Скинь с первоначальной цены хотя бы одну треть. Или я ничем не смогу тебе помочь.

— Ладно! — махнул рукой грек. — Пусть мои дети останутся нищими. Грабьте меня. Ради того, чтобы продать всё сразу, я уступаю одну треть. Но это последняя цена.

— Я согласен. Пошлины платишь ты, — хладнокровно сказал римлянин. Через несколько минут сделка была заключена. Тимей грустно спрятал в карман расписку, полученную от покупателя.

— Ты напрасно огорчаешься, — сказал ему Попилий, когда они выходили из базилики, — ты ещё не раз скажешь мне спасибо за то, что я так ловко уладил твои дела. Не один провинциал приезжал в Рим, как ты, полный надежд, а возвращался ошипанный, как курица.

— Покупатель дал мне расписку на имя Карбона, — не слушая его, сказал Тимей, — как мне его найти?

— Нет ничего проще, — ответил Попилий. — Контора этого менялы расположена рядом, в переулке за форумом. В Рим приезжает множество иностранцев; менялы за определённое вознаграждение обменивают иностранную монету на римские деньги. Кроме того, им сдают большие суммы на хранение и получают ссуды под залог имущества.

Через несколько минут приятели входили в контору Карбона. В полумраке низкого помещения лысый, с хитро бегающими глазами владелец конторы проверил расписку и долго перелистывал свою счётную книгу.

— А зачем тебе везти деньги с собой в Александрию? — сказал он, подняв наконец глаза на Тимея. — Мало ли что может случиться в дороге: нападение морских разбойников, кораблекрушение... Ты, наверное, знаешь александрийского менялу Пайсия? Он должен мне такую же сумму, какая тебе причитается по расписке. Если хочешь, я выдам тебе письмо к Паисию и ты получишь деньги на месте без всякого риска.

— Дай мне сперва посмотреть твои книги, — ответил осторожный грек. Шутка сказать: ведь за эту сумму продан целый корабль египетских товаров. — Я должен убедиться, что Паисий действительно должен тебе столько

денег. У меня уже был случай, когда пришлось требовать свои деньги судом.

— На, смотри, — ответил Карбон. — Наши счётные книги проверяет представитель власти. За их правильное ведение я отвечаю перед государством.

Тимей углубился в изучение переданных ему книг. С Паисием римский меняла вёл, оказывается, много дел. На одной странице были записаны взносы египтянина, а на другой — истраченные по его приказам деньги.

— Судя по расписке, ваша компания хорошо работает на этой покупке корабля египетских товаров, — говорил между тем Карбон, обращаясь к Попилию. — Вы купили товары совсем за бесценок. Ты не прогадал, что вложил свои средства в компанию, торгующую с Египтом.

Оторвавшись от книги, Тимей поднял голову. Услышав эти слова, он понял, что «добрый друг» помог обмануть его.

— Так вот почему ты так торопил меня с продажей! — криво усмехаясь, сказал он Попилию, когда они выходили из конторы менялы.

— Должен же я был что-нибудь заработать, — возмущился Попилий. — Торговля есть торговля. Не я, так другие. Вспомни прошлое: ты тоже не раз обманывал меня, и это не мешало нам оставаться приятелями. Брось грустить. Теперь, когда дела окончены, можно повеселиться как следует. Идём, я покажу тебе Рим.

Через два дня Квинт Попилий провожал в гавань Рима — Остию — уезжающего в Египет Тимея. «Ты не очень обогатился в Риме, — утешал он грека, — но зато приобрёл опыт, а опыт дороже денег».

В РИМСКОМ СЕНАТЕ

Холодное декабрьское солнце ещё не взошло, а на улицах и в переулках, ведущих к храму Согласия, было уже много народа. По Священной дороге, ведущей вдоль форума к Капитолию, шли два человека. Встречные почтительно сторонились, уступая им дорогу при виде их сенаторской одежды.

Сквозь белые тонкой шерсти плащи — тоги — просвечивала туника с широкой пурпурной полосой, тянувшейся от плеча вниз. На ногах у обоих были невысокие сапоги

из мягкой чёрной кожи с четырьмя ремешками, скреплёнными на подъёме красивыми пряжками из слоновой кости в форме полумесяца. Такую обувь имели право носить только знатные люди. Оба сенатора были увлечены разговором:

— Никак не ожидал, что придётся сегодня вставать так рано, — говорил высокий и стройный пожилой человек с мелкими чертами подвижного лица. — Обычно о заседаниях сената объявляют накануне на форуме, а сегодня консул ночью прислал за нами на дом. Я вчера лёг так поздно, что сейчас мне хочется только спать.

— Не ворчи, Силан, мы уже пришли, — отвечал коренастый сенатор среднего роста, с суровым и непреклонным лицом. — Храм Согласия уже виден, — сказал он, глядя на небольшое здание с колоннами в конце площади, у подножия Капитолийского холма. — Когда три века назад великий Камилл, победитель галлов, воздвиг на этом месте храм Согласия, среди римских граждан действительно не было раздоров. Времена изменились! Со старым храмом ушло и бывшее согласие. После выступления Гракхов его отстроили заново, но кто-то написал на стене: «Нечестивый раздор посвятил согласию этот храм». Эти слова оказались пророческими.

— Ты прав, Катон, — сказал Силан. — С тех пор мы не знаем гражданского мира. Раздор проник даже в сердце республики — сенат! Сенатор Катилина, не добившись консульства, во главе армии бедняков угрожает стенам Рима. А внутри города его сторонники, такие же промотавшиеся аристократы, поднимают народ на бунт и готовят гибель должностным лицам, стоящим у власти. Эти люди не постыдились заключить союз с иноземцами, исконными врагами нашего государства — галлами.

— Галльские послы сами рассказали об этих переговорах, — прервал Силана Катон. — Теперь благодаря бдительности консула изменников удалось захватить с поличным. Нас сегодня для того и вызвали, чтобы решить участь заговорщиков. Мы не будем считаться с их заслугами и положением. Язва должна быть выжжена калёным железом!

Беседуя таким образом, сенаторы подошли к храму Согласия. Вокруг храма толпился простой народ. Видно было, что сегодняшнее заседание живо его интересовало. На ступеньках и в *пóртике* (так называлась крытая ко-

Рис. 29. Римская одежда: римлянин в тоге, из-под тоги видна туника — рубаха с короткими рукавами; женская одежда называлась *сто́ла*.

лоннада при входе в храм) стояли вооружённые римские всадники.

Большинство всадников занималось торговлей, ростовщичеством или брало на откуп сбор налогов в провинциях. К сословию всадников причисляли только тех, богатство которых превышало 400 тысяч *сестёрциев*¹. Они имели право в отличие от простонародья носить золотое кольцо на пальце и тунику с узкой пурпурной полосой. В сенат и к государственным должностям доступ им был закрыт, так как закон запрещал сенаторам заниматься торговлей и ростовщичеством. Всадники были особенно взволнованы слухами о замышлявшейся заговорицами отмене долгов, и не удивительно поэтому,

что они добровольно взялись охранять сенат в эти тревожные дни, когда многие опасались восстания бедноты. Катон и его спутник поднялись по мраморным ступеням и подошли к входной двери. Всадники почтительно расступились, и, перешагнув порог, сенаторы очутились внутри храма.

Посреди зала рядом стояли кресла обоих консулов. Правильнее было бы назвать их, несмотря на дорогое сиденье из слоновой кости и изогнутые перекрещивающиеся ножки, табуретами, так как они не имели ни спинки, ни подлокотников. Широкий проход делил зал на две половины, уставленные длинными скамьями.

¹ *Сестерций* — римская монета — около 5 копеек на наши деньги. Таким образом, 400 тысяч сестерциев составляли свыше 20 тысяч рублей, что для Рима было большим состоянием.

Сенаторы, постепенно заполнявшие храм, рассаживались на этих скамьях кто где хотел. Даже должностные лица, кроме консулов, не имели определённых мест.

Силан и Катон, продолжая тихо беседовать, уселись на одной из скамеек по правую руку от широкого прохода. В это время среди сенаторов, ещё толпившихся у дверей, произошло какое-то движение. Быстрыми шагами к креслу подошёл высокий человек с гордо поднятой красивой головой. Все сенаторы встали со своих мест, приветствуя вошедшего.

Это был консул, созвавший сегодняшнее заседание, — Марк Туллий Цицерон. Второй консул — Гай Антоний — находился на севере при армии, сражавшейся с войском Катилины. Поэтому его кресло оставалось свободным.

Когда все снова сели, Катон сказал, обращаясь к Силану:

— Удивительно благородный вид у этого выскочки, Цицерона. Отец его был всадник, и в сенате он «новый человек». Никто из его предков не заседал здесь. Не быть бы и ему консулом, если бы не пришлось выбирать между ним и этим разбойником — Катилиной. Боюсь, что даже сегодня, когда захвачены документы, изобличающие предательские переговоры сторонников Катилины с галлами, он не решится расправиться с ними, как надо.

В этот момент Цицерон начал своё вступительное слово.

— Для блага народа римского обращаюсь я к вам, отцы сенаторы, — негромким голосом сказал консул, грустным взглядом окидывая зал собрания. — Тяжёлая обязанность заставила меня сегодня собрать вас здесь. Сегодня мы должны решить участь не жалких смутьянов, бунтовавших на улице ради куска хлеба. Нет, измена проникла в самое сердце республики — в сенат! Те, которые ждут сегодня решения своей участи, долгие годы сидели здесь рядом с вами, носили senatorскую одежду, занимали высшие должности в государстве. Тяжки их преступления! Побуждаемые жадностью, эти люди решились перебить нас всех, поджечь город, предать его галлам и, наконец, самое ужасное — подстрекали против нас рабов! С помощью богов вы должны найти справедливое наказание за столь гнусные преступления! Узнаем, благоприютствуют ли боги нашему сегодняшнему собранию. Приступим к жертвоприношению!

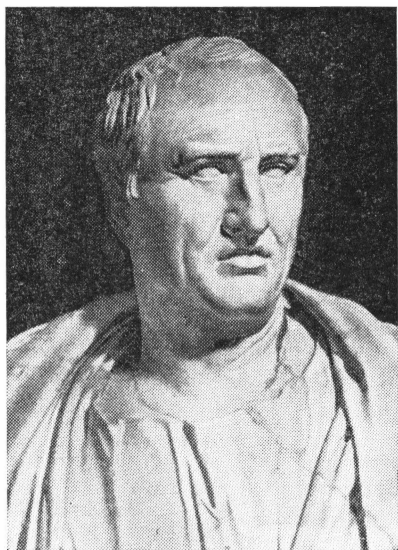

Рис. 30. Марк Туллий Цицерон.

По знаку консула глашатай призвал всех к тишине, а служитель подвёл белого барана, украшенного венками и лентами, к жертвеннику, на котором был разведён огонь. Консул, оmyв руки, отрезал с головы барана пучок волос и бросил их в пламя. Посыпав лоб животного мукой, смешанной с солью, консул передал его служителю. Пока служитель убивал животное и длинным ножом извлекал внутренности, на скамьях сенаторов шла приглушённая беседа. Наклонясь к Силану, Катон шёпотом продолжал прерванный разговор.

— Я знаю, чем объясняется нежелание Цицерона раскрыть все корни этого заговора. Он боится, что выявится роль некоторых влиятельных людей, и в первую очередь претора Юлия Цезаря. Своими лживыми обещаниями Цезарь сумел добиться такой популярности в народе, что консул не решается затронуть его. Недаром он оставил без внимания свидетельство об участии Цезаря в этом заговоре. Цицерон так боится Цезаря, что, если бы не жена консула Терэнция — женщина благородного происхождения и твердых взглядов, — он не решился бы даже собрать нас сегодня. Его медлительность могла привести к тому, что друзья силой освободили бы арестованных заговорщиков. Но жена заставила его решиться. Благородная Теренция не впустит консула в дом, если виновные уйдут от наказания.

— Теперь он уже не отступит, — тоже шёпотом ответил Силан, — Цицерон умеет вести дела. Благодаря распущенным им слухам о подготавливавшихся заговорщиками поджогах почти все жители города отвернулись от них.

Я знаю, что настоящей душой заговора был не Цезарь, а Красс, победитель Спартака. Говорят, он хотел стать после переворота диктатором. Но, после того как Катилина осмелился пообещать народу отменить долги и отобрать у богачей их имущество, Красс испугался и отступился от Катилины. Богатство ему дороже почестей! Я слышал, что он ночью был у Цицерона, передал ему какие-то документы и требовал самых решительных действий против заговорщиков. Цезарь тоже не станет теперь заступаться за уличённых изменников. Они с Крассом всегда заодно. Цицерону нечего бояться.

Между тем служитель поднёс консулу извлечённые внутренности убитого животного. Внимательно осмотрев их, Цицерон провозгласил, что боги благоприятствуют собранию и можно начать обсуждение вопроса. Беседа сенаторов прекратилась.

Римский сенат в это время состоял приблизительно из шестисот знатных людей, занимавших в прошлом высшие должности в государстве. Здесь заседали и отбывшие свой срок консулы (*консуляры*), а также бывшие преторы и *квёсторы* — казначеи.

Занимать должность консула в Риме мог только человек, уже прошедший предшествующую, менее важную должность, то есть уже вошедший в состав сената. Так как по обычаю выборы производились заблаговременно, осенью, то в конце года в сенате находились не только консулы этого года, но и консулы, уже выбранные на следующий год. Собеседник Катона Силан был как раз таким вновь избранным консулом.

Мнение будущих консулов было принято спрашивать первым. Затем выступали по старшинству занимаемых должностей.

— Дёцим Юний Силан, говори! — провозгласил Цицерон.

Силан поднялся с места и, держа в руках навощённую дощечку с заранее написанной речью, скороговоркой зачитал своё предложение: учитывая тяжесть преступления заговорщиков, следует применить к ним высшую кару.

Второй вновь избранный консул — Мурёна, вызванный Цицероном, даже не встал с места. Это означало, что он присоединяется к прочитанному предложению. Так же делали все остальные сенаторы, имена которых выкликал Цицерон. Мнение сената казалось единодушным.

Так как других предложений не вносили, Цицерон перестал уже выкликать имена сенаторов и хотел приступить к голосованию, как вдруг с одной из задних скамей раздался голос: «Консул, спроси!» Со скамьи поднялся сухощавый, высокого роста, стройный сенатор с резкими чертами лица, выражавшими насторожённость и хитрость. Это был недавно избранный претором Гай Юлий Цезарь, о котором так много говорили Катон и Силан. Желание его выступить было столь неожиданно, что лёгкий шум, стоявший в храме во время опроса, моментально умолк.

Цезарь осторожно, одним пальцем, почесал голову, стараясь не испортить тщательно уложенной модной причёски.

— Я убеждён, — заговорил он, — что речь Силана продиктована его любовью к родине. Но его предложение кажется мне не то чтобы жестоким, потому что ничто не может быть слишком жестоким по отношению к этим презренным людям, но совершенно чуждым старинным обычаям нашего государства. Несмотря на преступность их замыслов, нам нет основания бояться их сейчас, когда вся республика поднялась против Катилины, и мы не должны нарушать законов, унаследованных нами от предков. Однажды нарушив эти законы, мы и в дальнейшем не сумеем сохранить их неприкосновенность. Ведь эти старинные законы запрещают должностным лицам и сенату казнить римских граждан или даже подвергать их телесным наказаниям. Осуждённые имеют право обратиться к народному собранию, а я думаю, что ни консул, да и никто из нас не захочет, чтобы этот вопрос был вынесен за стены сената и решался на площадях Рима.

Возмущённый ропот присутствующих пронёсся по залу при последних словах оратора. Цицерон беспокоило заёрзал на месте и, наклонясь к одному из сенаторов, гневно прошептал: «Он ещё осмеливается, кажется, нам угрожать!»

Цезарь переждал, пока утихнет шум, и, спокойно глядя на Цицерона, продолжал:

— Нельзя также забывать о нашем достойном консуле. Если в его правление будут незаконно казнены римские граждане, его смогут потом привлечь к суду и обвинить в высокомерии и жестокости, и неизвестно ещё, под какое наказание мы можем подвести его нашим сегодня-

шним решением¹. Вот почему я советую не предпринимать ничего такого, чего нельзя было бы исправить. Я предлагаю в наказание передать всё имущество заговорщиков государству, а их самих держать в заключении.

Едва Цезарь кончил свою речь, Силан вскочил с места и потребовал слова. Он сообразил, что неверно оценил положение и что влиятельные люди не хотят осуждения заговорщиков.

— Меня неправильно поняли, — закричал он, — говоря о высшей каре, я и имел в виду заключение! Что может быть страшнее для римского гражданина!

Услышав эти слова, Катон молча встал и решительным шагом направился к креслу Цицерона. На лице консула выражалась полная растерянность. Катон наклонился к нему и что-то зашептал. Цицерон отрицательно качал головой.

— Не может быть, — тихо отвечал он, — Цезарь просто противник смертной казни. Когда я смотрю на этого франта с его тщательно уложенными волосами, так что и голову он почёсывает только одним пальцем, чтобы не растрепать причёску, я не верю, что этот человек замышляет уничтожить республику.

— А чего же ради, думаешь ты, — уже громко возразил Катон, — произнёс он эту речь? Он не хочет терять своих сторонников из народа, которые ещё и сейчас расположены к заговорщикам за то, что те обещали отменить долги. А зачем ему нужен народ? Конечно, чтобы захватить власть. Ты, консул, должен защищать республику. Заговорщики должны быть казнены!

Цицерон неохотно поднялся с места.

— Отцы сенаторы, — начал он, — я считаю неправильным говорить о моей безопасности, когда речь идёт о безопасности государства. Пусть я пострадаю в будущем, но отечество будет спасено. Да и будет ли нарушением древних законов, если мы казним врагов государства? Став врагами римского государства, они тем самым перестали быть римскими гражданами. Что же касается предложения Цезаря, то оно мне кажется чрезмерно жестоким. Не удивляйтесь, отцы сенаторы! Смерть не являет-

¹ Угроза Цезаря действительно исполнилась: не прошло и пяти лет, как Цицерон — не без участия Цезаря — был приговорён к изгнанию по обвинению в незаконной казни римских граждан.

ся карой. Она — закон природы, и мужественные люди встречают её даже охотно. Напротив, заключение, и тем более пожизненное, которое в сущности и предлагает Цезарь, придумано как самое крайнее наказание за ужасную вину. Мне кажется, что решение, первоначально предложенное Силаном, даже более милосердно, чем то, которое предложил нам Цезарь.

Силан (рядом с которым после ухода Катона пустовало место), не выдержав, нагнулся к сидящему впереди сенатору и возмущённо прошептал: «Какое лицемерие! Цицерон рекомендует смертную казнь якобы для того, чтобы смягчить участь осуждённых! Его речь, несмотря на весь его ораторский талант, едва ли кого-нибудь убедит».

Спор в сенате становился всё ожесточённее. Сенаторы один за другим просили слова. Одни поддерживали Цезаря, другие Цицерона. Очередь выступать дошла и до Катона. Речь его была лишена ораторских красот, но убеждала страстностью и уверенностью в своей правоте.

— Меня поражает, — воскликнул он, — что предшествующие ораторы говорили здесь о милосердии и жестокости. Не о наказаниях, а о безопасности республики надо сейчас говорить! Цезарь уверял, что сейчас нам не грозит никакая опасность. Тем больше оснований остерегаться, если такой хитрый человек, как Цезарь, старается убедить всех, что бояться нечего. Данный момент требует, чтобы мы немедленно уничтожили злодеев. В наше тревожное время нельзя быть уверенным, что преступники не будут освобождены из-под стражи. Может быть, уже сейчас составлен заговор с целью освободить их. Чем большую твёрдость мы проявим, тем скорее государство избавится от грозящей ему опасности. Необходимо применить к преступникам смертную казнь по обычаям предков.

Речь Катона воодушевила сенаторов. Старики превозносили его непреклонность и твёрдость духа. Желающих высказаться больше не нашлось. Приступили к голосованию. Консул предложил всем сенаторам расступиться. Поддерживающим Катона надо было перейти туда, где сидел Катон, и занять место на скамьях справа от широкого прохода. Сторонники предложения Цезаря вместе с ним остались на скамьях слева. Их было немного. Решение о смертной казни заговорщиков было принято.

Всё ещё бледный, испуганный бесповоротностью принятого решения, Цицерон провозгласил конец заседания:

— Отцы сенаторы, мы вас больше не удерживаем.

Толпа сенаторов хлынула к выходу. Впереди шёл Цезарь с кучкой своих друзей.

Обращаясь к одному из них, он негромко говорил:

— Жаль бедняг, но они виноваты сами. Катилина на этот раз будет разбит окончательно. Его плохо вооружённые крестьяне не устоят против легионов Рима. Он взялся за дело не с того конца. Захватить власть сможет только человек, опирающийся на армию.

ВОЗВЫШЕНИЕ ЦЕЗАРЯ

«Граждане, забрызгивая трибуны кровью, предоставили республику собственной участи, и ...она неслась по бушующим волнам, подобно кораблю без кормчего» — так писал знаменитый древний писатель Плутарх о Риме в 60 г. до н. э.

Действительно, Римская рабовладельческая республика переживала глубокий упадок. Тяжелый удар нанесло ей грозное восстание рабов под предводительством Спартака. Стало ясно, что сенат, выборные должностные лица, существующие суды и тюрьмы уже не в силах удерживать в повиновении рабов и свободную бедноту, то есть всех тех, чьим трудом создавалось благополучие Рима. Влияние сената было сильно подорвано. Политические деятели перед выборами, не стесняясь, открыто подкупали избирателей. В народных собраниях сторонники различных политических деятелей яростно боролись друг с другом за тех, кто платил им деньги. Часто дело доходило до вооружённых столкновений и на местах собраний оставались трупы убитых. Римская республика разлагалась. Это чувствовали теперь все. Многие знатные и богатые люди мечтали о сильной власти, о военной диктатуре. Они готовы были поступиться своими гражданскими правами и свободой, лишь бы эта власть оградила их интересы, обеспечила твёрдый порядок и уверенность в завтрашнем дне.

Наиболее известными в то время политическими деятелями в Риме были Помпей и Красс. Оба они прославились в глазах римских рабовладельцев беспощадной расправой с восставшими под предводительством Спартака рабами. Помпей был широко известен как полководец,

подчинивший Риму много новых земель на Востоке, Красс был одним из самых богатых людей в Риме. Своё богатство он нажил, скупая за бесценок имущество жертв сулланских проскрипций, спекулируя на жилищной нужде бедняков, перепродавая с выгодой рабов. И Помпей и Красс стремились к власти. Они соперничали и ненавидели друг друга.

В это трудное для Римской республики время на политической сцене появился Гай Юлий Цезарь. Он не мог соперничать ни с военной славой Помпея, ни с богатством Красса. Обстановка в Риме, однако, помогла осуществлению его честолюбивых замыслов. О могуществе и славе Цезарь мечтал с юных лет. Он не мог без чувства зависти смотреть на статуи Александра Македонского или читать описание его походов. Всё это напоминало Цезарю, что он ещё ничем не прославился в том возрасте, когда македонский завоеватель уже владел половиной мира. Однажды с несколькими друзьями Цезарь проезжал маленькое и бедное галльское селение. Один из друзей в шутку спросил: «Неужели и в этом жалком уголке борются между собой за власть? Неужели и здесь есть люди, мечтающие о первенстве?» Эта мысль сильно рассмешила всех. Один Цезарь остался совершенно серьёзен и сказал: «Я предпочёл бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

У Цезаря были основания надеяться на осуществление своих замыслов. Он принадлежал к знатному роду Юлиев, вёл своё происхождение от богини Венеры, был своим человеком в кругу правящей знати. Уж одно это сулило ему быстрое продвижение по служебной лестнице. Цезарь не отличался крепким здоровьем, но был вынослив и полон энергии. У него было мало денег, но знатное происхождение помогало получать в долг всё, что нужно было для роскошной жизни. Всегда хорошо одетый, изящный, остроумный, постоянно сорящий взятыми в долг деньгами, Цезарь был хорошо известен среди богатой и знатной молодёжи Рима.

Отношение Цезаря к борющимся за власть различным группам определялось его честолюбивыми замыслами. Он не раз проявлял жестокость и вероломство, презрение к низшим, но, если нужно было снискать симпатию, мог поразить щедростью и великодушием. Цезарь понимал, что без поддержки простого народа ему не удастся до-

биться власти. Вот почему этот аристократ начинает сближаться с римскими демократами.

Во время диктатуры Суллы Цезарь попал в немилость. Всесильный диктатор не мог простить ему того, что тётка Цезаря была женой Мария, а сам Цезарь женился на Корнелии, дочери Цинны, опаснейшего врага Суллы. Напрасно Сулла требовал, чтобы Цезарь развёлся со своей женой. Цезарь отказался выполнить требование диктатора, перед которым трепетала вся Италия. Когда до него дошли слухи, что Сулла замышляет его казнить, ему пришлось бежать из Рима и скрываться. Однажды

он попал в руки сулланских солдат, но сумел освободиться, дав крупную взятку их начальнику. Наконец знатные родственники Цезаря добились у Суллы его помилования. Говорят, при этом Сулла сказал: «В Цезаре сидит сотня Мариев, и наступит день, когда этот мальчишка лишит вас свободы, которую вы теперь для него выхлопотали».

Опасаясь за свою жизнь, Цезарь всё же не остался в Риме и отправился путешествовать. Немало ходило рассказов о приключениях Цезаря во время его странствий. По дороге на остров Родос корабль, на котором плыл Цезарь, был захвачен морскими разбойниками. Цезарь стал их пленником. Признав в нём по одежде и обращению знатного человека, пираты потребовали за его освобождение большой выкуп. Цезарь отнёсся к их требованию спокойно. Он даже заметил, что пираты его мало ценят и что им следует взять за него по крайней мере вдвое больше. Затем Цезарь отослал всех сопровождавших его

Рис. 31. Гай Юлий Цезарь.

спутников собирать эти деньги на выкуп, а сам с двумя рабами прожил 40 дней среди пиратов. Цезарь читал им свои стихи, бранил «дикарями» тех, кто ими не восхищался, состязался с пиратами в силе и ловкости. Цезарь требовал, чтоб они вели себя тихо, когда он ложился спать, шутил и смеялся и, между прочим, обещал им, что как только он получит свободу, он немедленно переловит их и предаст всех казни. Пираты хохотали, слушая угрозы своего весёлого пленника. Наконец выкуп был получен, и пираты высадили Цезаря в малоазийском городе Милете. Очутившись на свободе, Цезарь развил бешеную деятельность. Он сразу снарядил несколько судов, погнался за пиратами, настиг их, отнял деньги и, как обещал, казнил.

Но всё это были мелочи, не стоящие внимания. Цезарь жаждал проявить себя в политической борьбе.

Общее настроение в Риме после смерти Суллы резко изменилось. Римляне облегчённо вздохнули, когда умер всемогущий диктатор. Цезарь напомнил всем о своём родстве с Марием, приказав нести статую Мария на похороны своей тётки — жены этого главного врага Суллы. Честолюбивый молодой человек начал искать расположения простого народа. Он устраивал для граждан роскошные обеды, пышные зрелища, даровые раздачи хлеба. Цезарь не только истратил на это все остатки своего состояния, но и наделал огромные долги. Он стремился завербовать себе сторонников в народном собрании. Значительная часть римских бедняков уже давно не имела постоянного заработка и жила за счёт вот таких случайных подачек от государства и богатых рабовладельцев. Этих бедняков презрительно называли городской чернью. Они не могли заработать себе на жизнь, потому что везде — и в ремесле и в сельском хозяйстве — рабовладельцы предпочитали пользоваться трудом рабов. Свободным беднякам оставалась жалкая участь нищих. Однако эти нищие продолжали быть римскими гражданами, и в народном собрании от их голосов зависели результаты выборов.

Цезарь прекрасно понимал, что в руках опытного политика такая подкупленная мелкими подачками городская беднота может стать большой силой.

Влияние Цезаря в народном собрании росло, но ещё быстрее росли его долги. Этим решил воспользоваться

Марк Лициний Красс. Завидуя успехам Помпея и мечтая о славе великого полководца, он задумал заставить сенат объявить войну Египту и назначить его главнокомандующим. Завоевать Египет было не так трудно. Это дало бы Крассу славу полководца и богатую добычу. Цезарь, пользуясь своим влиянием на народное собрание, должен был помочь ему осуществить этот план. «К старым болезням Красса, — пишет Плутарх, — корыстолюбию — присоединилась... новая неудержимая страсть к трофеям и триумфам».

Ходили слухи, что новые союзники занимаются самыми тёмными делами, что они замыслили убийство обоих консулов. Впоследствии их обвиняли и в соучастии в заговоре Катилины. Но с миллионами Красса можно было замять любое, даже самое грязное дело. На эти миллионы нетрудно было Цезарю продолжать подкупать народ. Роскошные зрелища сменяли друг друга, воздвигались великолепные здания. Однажды ночью Цезарь восстановил на Капитолии низверженные Суллой памятники побед Мария. Огромные толпы народа собрались на Капитолии. Старые солдаты Мария плакали от радости.

Но это мало помогло Крассу. Сенат решительно противился завоеванию Египта. Тогда пошли слухи, что Цезарь подговорил народного трибуна Рулла предложить закон о наделении землёй бедняков. Сенат пришёл в ярость. На Цезаря посыпались угрозы и проклятия. Говорили, что он должен разделить печальную участь Гракхов. Он спасся, испугав сенат неожиданным обвинением, которое он предъявил старому сенатору Рабирию. Тридцать семь лет назад, во время смут и восстаний, Рабирий убил народного трибуна, личность которого по римским законам была неприкосновенна. Теперь Цезарь потребовал суда над ним. Правда, обвинительный приговор, требовавший смерти старика Рабирия, не был приведён в исполнение, но знать была напугана волнением народа во время этого суда и оставила Цезаря в покое. Ей пришлось даже примириться с тем, что Цезарь огромным большинством голосов был избран великим *понтификом*, главой всех римских жрецов.

Однако именно в это самое время ростовщики, которым Цезарь задолжал, потребовали от него срочной уплаты всех долгов. Они задержали его отплытие в Испанию, куда Цезарь был назначен наместником. Цезаря вы-

ручил Красс. Он поручился за него и пообещал уплатить его долги.

В Испании Цезарь быстро поправил свои денежные дела. Он то грабил города, то продавал им за деньги выгодные для них постановления. Вернувшись в Рим, он выдвинул свою кандидатуру на выборах в консулы и был избран, несмотря на сильное противодействие сенатской знати. Однако он прекрасно знал, что сенат ненавидит и боится его. После окончания срока консульства сенаторы готовились дать ему мелкую должность заведующего государственными лесами и дорогами. И это ему, Цезарю, которого недавний триумф Помпея после побед на Востоке наполнил новой жадной славой и власти!

Цезарь стал искать способы, как избавиться от жалкой участи, которую ему готовила сенатская знать. Сделавшись консулом, Цезарь решил примирить Помпея и Красса. Тем самым он приобретал себе союзников и одновременно подрывал власть сената, который был силен только потому, что Помпей и Красс взаимной борьбой ослабляли друг друга. Помпей согласился на этот союз. Он надеялся, что ему удастся с помощью Цезаря и Красса подчинить себе сенат и стать диктатором в Риме. Цезарь, заручившись могущественной поддержкой двух самых влиятельных людей в Риме, одновременно прилагал все усилия, чтобы сохранить любовь римской толпы. Он распорядился писать в особых надписях о событиях, происходящих в Риме, и о заседаниях сената. Это очень понравилось жадным до новостей римлянам. Таким образом, он создал первую предшественницу современной газеты.

Через некоторое время Цезарь предложил провести новый закон о наделении землёй беднейших многосемейных граждан. Сенатская знать готовилась к решительному отпору, но каковы были её изумление и ужас, когда Помпей и Красс, примирённые Цезарем, вместе поддерживали этот закон. Они объявили об этом публично на форуме.

Для укрепления нового союза Помпей женился на дочери Цезаря Юлии. «Трёхглавое чудовище» — так называли римские аристократы союз Цезаря, Помпея и Красса. Но противопоставить им что-либо, кроме насмешек, римские аристократы не могли. «Союз трёх» (по-латыни *триумвират*) был заключён в 60 г. до н. э. Триумвиры ста-

ли настоящими хозяевами Рима и завоеванных им земель.

Вскоре умер наместник Предальпийской Галлии, и Цезарь при поддержке Помпея и Красса занял это место. Теперь перед Цезарем открывались широкие возможности удовлетворить своё непомерное честолюбие и жажду власти.

ЗАВОЕВАНИЕ ГАЛЛИИ

«Вся Галлия делится на три части. Одну из них населяют *белги*, другую — *аквитаны*, а третью — племена, называющие себя *кельтами*, которых мы зовём галлами».

Цезарь отложил в сторону стиль — острую палочку для писания на навошщённых дощечках — и задумался. Седьмой год воюет он здесь, а как мало удалось ему достигнуть. В Риме уже не верят, что он сумеет благополучно довести до конца завоевание Галлии. Он слишком поторопился, когда несколько лет назад объявил войну оконченной и сообщил сенату, что страну уже можно считать окончательно покорённой. Завоевать эти варварские племена, у которых так сильна любовь к независимости и свободе, оказалось гораздо труднее, чем он первоначально думал.

«Записки о Галльской войне» — книга, которую он начал писать, должна доказать римлянам трудность завоевания. Он должен отразить обвинения в легкомыслии, с которым он втянул Рим в бесконечную войну, немало уже стоившую римскому народу. Надо суметь написать книгу так, чтобы всем казалось, что автор не заинтересован в оправдании или прославлении своих действий, а беспристрастно рассказывает о событиях, свидетелем которых ему пришлось быть. Он опишет страну, её обитателей, их удивительные, столь отличные от римских обычаи и нравы. О себе он будет писать как можно меньше. Он даже не будет говорить о себе в первом лице: так ещё труднее будет уловить личную заинтересованность автора.

Цезарь в его рассказе будет делать только то, что всякому покажется необходимым. Читатель его книги должен поверить, что не он развязал эту надоевшую народу войну, что он только жертва воинственности и неблагодарности галлов. Его книга должна убедить всех в неиз-

бежности войны, показать величие предпринятого им завоевания.

Заальпийская Галлия... Огромная страна, простирающаяся от Альп, Средиземного моря и Пиренеев на север до многоводного Рейна, богатая железом, медью, золотом, строевым лесом.

Население этой страны превышает численностью жителей всей Италии. Если эти многочисленные, говорящие на сходных языках племена объединятся, Рим не сможет существовать спокойно. Ведь знают же все в Риме, что когда-то, в давние времена, галлы уже переходили Альпы. Они истребили на севере Италии местных жителей и поселились в плодородной долине реки По. С тех пор эта часть полуострова и стала называться Предальпийской Галлией.

Народы Италии трепетали перед страшными завоевателями.

Слабая и маленькая тогда римская община деньгами и подарками откупалась от галльских нашествий¹. Но галлы не сумели создать прочного государства. Военный союз их племён распался. Этим и воспользовались римляне. Не прошло и двухсот лет, как племена галлов, осевшие в Северной Италии, были завоёваны Римским государством. Не сразу покорились свободолюбивые галлы. Много раз они восставали, и римляне частично их истребили, а остальных выселили.

Только под самыми Альпами ещё живут несколько слабых племён. Предальпийская Галлия заселена теперь римскими колонистами, но по-прежнему ещё считается провинцией и управляется римским наместником.

За Альпы римлян манили огромные пространства плодородной земли. Семьдесят лет тому назад римлянам удалось захватить полосу побережья Средиземного моря от Италии до Испании. Здесь они основали колонию Нарбон, и область вокруг этого города, заселённую римлянами, называют Нарбонская Галлия или просто — Провинция.

Цезарю на минуту представилось лазурное море, залитые солнцем площади и улицы портового города Масилии, виноградники в долине реки Роны, мирные пастбища. Нарбонская Галлия... Эту цветущую провинцию

¹ См. выше рассказ «Нашествие галлов».

вместе с Предальпийской Галлией он получил в управление благодаря поддержке Помпея и Красса. Для многих это был бы предел желаний. Что же заставило его покинуть Провинцию и выступить на север, в покрытую лесами дику страну, которую справедливо называли «лохматой» Галлией?

В Провинции жизнь кипит почти так же, как в самом Риме, повсюду слышна латинская и греческая речь, а здесь неделями не встретить человека, одетого в тогу. Жители не стригутся и не бреются, а ходят лохматыми, как звери. Климат такой суровый, что зимой даже страшно открыть рот: кажется, что язык примёрзнет к гортани. Реки покрываются льдом столь толстым, что по нему, как по мосту, переправляются люди и даже гружённые тяжёлой поклажей телеги. Галлы приспособили свою одежду к этому климату. Они носят штаны — *брáки*, а поверх коротких рубах — толстые плащи.

Эти люди и сейчас, после стольких поражений, кажутся страшными римлянам. Свои светлые волосы они красят в рыжий цвет и зачёсывают назад высокой копной, стараясь казаться ещё выше. В бою они носят шлемы с вделанными в них рогами животных, и не удивительно, что солдаты принимают их за великанов. Много ещё дикого в нравах и обычаях этих людей. Несмотря на развитие земледелия, пища их состоит главным образом из молока и мяса. Во время пира они жарят на очагах целых животных; каждый отрезает себе собственным ножом какую-нибудь часть и, сидя на земле или на сене, расправляется с нею, как хищный зверь, — зубами. Пьют они также из общей чаши, передавая её из рук в руки.

Жалкое зрелище представляют собой галльские жилища из тростника или досок, с высокими куполообразными крышами из соломы. Вместе с людьми здесь живёт и скот. Даже пятьсот лет назад жилища римлян были теплее и удобнее!

Города галлов по большей части просто посёлки, окружённые насыпями и частоколами. Иногда они огораживают от набегов врагов поля и пастбища, и это тоже называют городами. Страшно бывает входить в эти посёлки: на частоколы многих домов насажены высушенные головы убитых врагов. Это знаки доблести хозяина дома, и галлы не соглашались продать родственникам убитых эти головы даже на вес золота. Нападение на мирных

жителей и грабёж соседей они не считают преступлением. Военная добыча — основной источник богатства их знати. Римские купцы дёшево скупают у них рабов и золото, а продают им вино, которое галлы не умеют сами хорошо приготавливать.

Говорят, что у многих племён раба можно приобрести даже за кувшин вина. Торговцы нарочно ввозят сюда как можно больше вина, чтобы спаивать этих простаков и тем легче их одурачивать.

У галлов почти нет храмов, нет изображений богов. Они молятся в священных рощах, где поклоняются камням и деревьям. Они думают, что после смерти тени умерших продолжают жить так же, как на земле. Поэтому вместе с покойником они сжигают всё, что было дорого ему при жизни: любимые вещи, животных и даже рабов.

Огромным влиянием пользуются у галлов жрецы — *друиды*. Во всех непонятных явлениях природы галлы видят волю богов. Страх перед могуществом богов заставляет их трепетать и перед жрецами. Только с помощью друидов, умеющих якобы разговаривать с богами, надеются они умиловить жестокость этих враждебных человеку сил. Друиды пользуются этим и заставляют галлов приносить богатые жертвы...

Цезарь весело усмехнулся: он вспомнил, как недавно во время разведки его легионеры натолкнулись в лесу на огромную кучу золотых украшений, дорогого оружия, ценной посуды. Эти сокровища, принесённые в жертву богам, лежали прямо на поляне, никем не охраняемые, но никто из галлов не смел к ним прикоснуться. Он разрешил солдатам поделить найденные сокровища, да и себя не забыл при этом. И сейчас ещё в Риме тратят те шестьдесят миллионов, которые он послал тогда в Италию для подкупа части сенаторов и народа.

Да, ловкие люди — эти друиды! Они утверждают, что только они понимают богов, могут выпрашивать у них милости и предсказывать будущее. Жрецы требуют, чтобы жертвы проходили через их руки, иначе это будет негодно богам. Благодаря этому у них скопились огромные богатства. Жрецы всей Галлии связаны между собой. Друиды разных племён собираются и выбирают главного жреца, которому они все подчиняются. Устраивая общие для всех галлов праздники, на которые собираются и ве-

дут между собой торговлю представители различных племён, они способствуют объединению Галлии. Этим они опасны для Рима.

Но жрецам все-таки не удаётся объединить разрозненные, вечно враждующие между собой племена галлов. Слишком эти племена отличаются друг от друга.

Живущие дальше от римских владений белги сохраняют ещё свои старинные нравы. Они храбры и воинственны, спят на голой земле, непрерывно сражаются со своими соседями. Во главе их стоят племенные вожди. Но важнейшие вопросы решают не они, а народное собрание. У них нет торговли, нет богатых и бедных.

Совсем иначе живут *эдуи* и *арвэрны* — соседи Провинции. Всеми делами у них заправляет знать. Она обложила народ налогами, и многие бедняки, задолжав, работают на знатных богачей, мало чем отличаясь от рабов. Из своей среды знать ежегодно выбирает судью и военачальника. Они отвечают за свои действия только перед советом знати, а народное собрание не имеет никакого значения. Римские послы, отправленные к этим племенам, не были даже допущены выступить перед собранием народа. Им позволили обратиться только к совету старейшин, в который входят старшие представители знатных семей.

Знать боится народа. Угнетённый народ постоянно готов восстать. Недаром то в одном, то в другом племени власть захватывают вожди народных масс. Эти вожди лишают знать её могущества, освобождают народ от долгов и таким образом усиливают свои войска. Опираясь на военную силу, они стремятся к объединению всей Галлии. Наше счастье, что знать боится и ненавидит этих вождей даже больше, чем римлян. Из страха перед народом знать сама призвала римлян. Если бы не помощь местных богачей, Галлию не удалось бы завоевать.

Цезарь вспомнил, какие ценные услуги оказал ему вождь галльской знати — *эдуи* Дивитиак. Когда альпийские племена галлов — *гельветы* — начали свой поход, грозя объединить под своим владычеством всю Галлию, Дивитиак помогал Риму и оружием и советами. В первый же год пребывания Цезаря в Галлии Дивитиак посоветовал ему воспользоваться соперничеством галльских племён. Это помогло разбить гельветов. При помощи *эдуев* разбил он и вторгшихся через Рейн германцев.

Галлы пригласили северные племена белгов помочь им в борьбе против римлян и знати. И опять Дивитиак с конницей из галльской знати сражался на стороне Рима. Цезарь с удовлетворением подумал, что Галлию он завоёвывал руками самих галлов.

Действительно, еще недавно казалось, что вся страна покорена окончательно... Небывалые торжества в Риме... Пятнадцатидневные благодарственные моления богам в честь покорения Галлии... Как он поторопился тогда сообщить сенату об успешном окончании войны! В чём была его ошибка, которая сразу свела на нет успехи, достигнутые ценой многолетних усилий и хитрой дипломатии? Как вспыхнуло всеобщее восстание галльских племён?

Цезарь опять стал перебирать в уме все события последнего времени. Центром восстания сделалось племя арвернов. Здесь особенно сильно было недовольство управлением знати. Ещё до прихода Цезаря в Галлию вождь арвернов Кельтилл ограничил права знати, создал сильное войско, что дало ему возможность на короткое время объединить под властью арвернов почти всю Галлию. Это вызвало против него заговор знати, и он был убит. Сына его, молодого Верцингеторига, ставшего после смерти отца вождём народа, изгнали. Во главе арвернов утвердились теперь богатые и преданные Риму люди. Неугомонный Верцингеториг, скитаясь по деревням, уговаривал народ восстать против знати и римлян. Здесь среди бедняков нашёл он поддержку. Народ помог Верцингеторигу победить изгнавших его аристократов. Он заключил союзы с другими галльскими племенами и начал подготовку общего восстания против Рима. Верцингеториг рассчитывал, что, изгнав римлян, легко справится со знатью во всей стране. Хорошо подготовленное восстание началось, как обычно, с избиения римских купцов и ростовщиков, грабивших страну.

«Галлы ловко выбрали время,— с досадой подумал Цезарь.— Надо же мне было именно в тот момент уехать в Италию!» Легионы, разбросанные по всей стране на зимних квартирах, не сумели подавить бунт в зародыше. Восстание разгорелось, как лесной пожар. Возвращение Цезаря уже ничего не могло изменить.

Верцингеториг впервые создал из галльских племён войско, не уступавшее римским легионам. Он установил жёсткую военную дисциплину, определил, сколько воинов

Рис. 32. Римские воины.

должно давать каждое племя. Он сумел организовать против римлян грозную партизанскую войну. Отступая, галлы бросали свои деревни, сжигали урожай, оставляя римлянам опустошённый край. Жители нападали на обозы и отряды римской армии, посланные для заготовки продовольствия. При попытке овладеть столицей арвернов, городом Гергovieй, римляне потерпели поражение. Теперь даже преданная римлянам галльская знать из страха перед побеждающим народом принуждена была примкнуть к восстанию.

Несколько улучшило положение римлян прибытие свежих легионов из Италии. При попытке уничтожить отступающую от Герговии римскую армию Верцингеториг потерпел тяжёлое поражение и отступил на север — к неприступной крепости Алэзии. Под стенами города он построил укреплённый лагерь. Взять его штурмом было невозможно, и римлянам ничего не осталось, как начать длительную осаду. Сюда Цезарь стянул все бывшие в

его распоряжении легионы, но Верцингеториг сумел сообщить галлам о затруднительном положении, в которое попало его войско. Сейчас по всей Галлии собирается огромное ополчение. Не сегодня-завтра здесь, близ Алезии, будет решаться судьба римского владычества в Галлии и его собственная судьба — судьба Цезаря.

До сих пор он слепо верил в своё счастье. Но если Верцингеториг с войском вырвется из осаждённой Алезии, всё пропало. Восстание затянется надолго, а его враги в Риме, пользуясь тем, что народ устал от войны, сумеют погубить его. Цезарь сжал обеими руками голову. Может быть, не следовало вообще предпринимать этот поход в Галлию?

Он встал и прошёлся по палатке. Тишина спящего лагеря нарушалась только голосами перекликающихся между собой часовых, завыванием ветра да шумом осеннего дождя... Воспоминания о прошедших годах нахлынули на него с необычайной силой. Вот уже шесть лет, как он оторван от привычной римской жизни, друзей, городских удовольствий...

Он, один из самых модных щёголей Рима, известный своей изнеженностью и слабым здоровьем, несёт вместе с солдатами все тяготы походной жизни, ест грубую пищу. И ради чего всё это? Неизвестно даже, удастся ли ему сохранить за собой командование римской армией в Галлии, той армией, которую он сам создал и преданности которой он добился с таким трудом. Вместо жалких четырёх легионов, которые он получил, отправляясь в Галлию, у него теперь тринадцать отборных легионов, закалённых в жестоких боях с храбрым и суровым врагом. На что они ему? Не проще ли было остаться в Нарбонской Галлии и вести полную удовольствий жизнь, которой обычно живут в своих провинциях римские наместники? Управляя Предальпийской и Нарбонской Галлией, можно было даже скопить значительную сумму денег, расплатиться с долгами и по окончании наместничества вести в Риме привычную жизнь богатого и знатного человека. Нет! Он поступил правильно. Оставаясь в Провинции, он не имел бы предлога увеличить число своих легионов. Что ждало бы его по окончании пятилетнего срока управления Провинцией? Жалкая судьба обжоры Лукулла.

Некогда всесильный наместник на Востоке, Лукулл, вернувшись в Рим, мог удовлетворять своё честолюбие,

только задавая неслыханно роскошные пиры своим друзьям. Его, Цезаря, не удовлетворят паштеты из соловьиных языков. Он всегда стремился к власти. Поэтому он и не остался в Риме после своего консульства, как это сделал Помпей. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме. Но... все «деревни» зависят от Рима, значит, нужно стать первым в столице.

Власть в Риме сейчас может дать только армия. Это уже не те воины, которые когда-то отразили Пирра, воевали с соседями, защищая свои дома и стремясь захватить побольше земли для обработки. Солдаты теперь пойдут только за таким полководцем, который имеет возможность щедро награждать их. Он вынужден был разграбить Галлию. Пусть часть галльской знати отшатнулась от него, зато огромные средства стекаются в его военную казну. Каждый римский солдат в Галлии получил от него большие денежные подарки и рабов. Об этом он, конечно, не будет писать в своей книге. Не нужно, чтобы его враги узнали истинную причину восстания галлов и обвинили бы его в жадности. Пусть вся Галлия охвачена восстанием. Его легионы преданы ему и пойдут за ним хоть на самый Рим. Правда, сейчас галлы поставили его армию

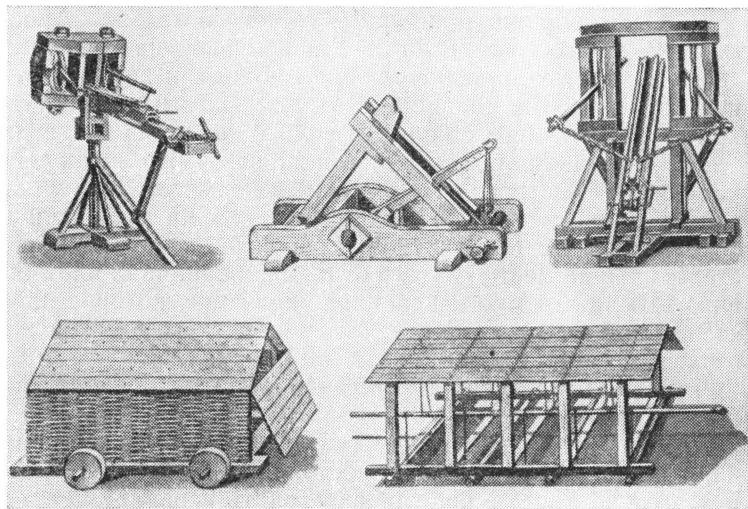

Рис. 33. Военные осадные машины римлян.

в опасное положение. Но не ему, Цезарю, бояться опасностей! Без риска всё равно не достичь господства в Риме...

Цезарь снял нагар с начавшего коптить светильника. Снаружи слышался однообразный шум дождя. Внезапно раздался оклик часового, стоявшего у входа. Дверь в палатку распахнулась, и пламя светильника испуганно метнулось в сторону. Высокая тёмная фигура появилась на пороге. Цезарь узнал командира одного из легионов — Марка Ари́стия.

— Ну и погода!— воскликнул Аристий, снимая плащ и стряхивая с него капли воды,— хуже не придумаешь! Ходил смотреть, не размыло ли валы, и зашёл к тебе, увидев свет. Ты все пишешь?

— Нет, просто размышляю,— улыбнулся Цезарь.

— Положение у нас действительно скверное. Есть о чём подумать,— согласился Аристий.— Но каков этот Верцингеториг! Замечательный организатор и полководец! Я должен признаться, что опасаюсь за исход войны.

— Бессмысленные страхи!— пожал плечами Цезарь.— Что могут сделать нам эти жалкие дикари? Подумай, у нас превосходная техника, дисциплинированная армия.

— Ты говоришь — дикари!— горячо возразил Аристий.— Я был бы рад, если бы наши теперешние римляне своей доблестью и свободолюбием походили хоть сколько-нибудь на этих дикарей. Я сейчас шёл и вспоминал, как во время войны с белгами только одно из белгских племён поставило под угрозу всю нашу армию... Как сейчас помню: выстроенные по родам и племенам, ринулись они на наши легионы. Плечом к плечу шли родичи, и в бою каждый охотно жертвовал собой ради другого. Сын становился на место убитого отца, дядя защищал племянника... Если это многочисленное ополчение, которое идёт на помощь Верцингеторигу, будет сражаться с такой же отвагой и презрением к смерти, мы пропали.

— Мы победим галлов не храбростью, а знанием осадного дела,— спокойно сказал Цезарь.— Кроме того, у них нет настоящего единства. Вожди разных племён соперничают между собой, племена постоянно враждуют и смотрят друг на друга с подозрением, знать ненавидит народ и Верцингеторига. Я сумею окончательно обуздать Галлию и уничтожу самого Верцингеторига.

— Если это и произойдёт,— возразил Аристий,— то это будет не столько твоя заслуга, сколько заслуга непобедимого народа римского. Вдумываясь в последние события, невольно приходишь к мысли, что ты не был достаточно предусмотрителен. Если бы не было грабежей и насилий, если бы ты не трогал сокровища друидов, не началось бы и это страшное восстание.

— Зачем ты говоришь мне это? — раздражённо воскликнул Цезарь. — Ты же знаешь, что деньги мне нужны были для солдат.

— Да! Но я не вполне понимаю: зачем нужно было тебе подкупать солдат?— спросил Аристий.— Народ ещё верит Цезарю. В Риме помнят, как ты смело выступал против жадных богачей в дни твоей молодости. Иди прямо! Зачем тебе окольные пути, зачем опираться на наёмников? Или ты уже не веришь больше в силы римского народа?.. А кто не верит в силы народа, тот не может быть настоящим его защитником и другом. Подумай об этом, Цезарь.

С этими словами он накинул мокрый плащ и вышел в темноту. Долго ещё Цезарь пристально смотрел вслед ушедшему, мучительно о чём-то думая.

ОСАДА АЛЕЗИИ

Старый римский солдат Марк Субурий положил топор, отёр рукой пот, обильно струившийся со лба, и огляделся вокруг. Нежаркое сентябрьское солнце медленно склонялось к западу и скоро должно было скрыться за высоким холмом, на котором темнели стены галльского города Алезии. Оттуда слышался звук трубы. Это сменялись часовые укрепленного лагеря Верцингеторига, расположенного у стен города. Мощный вал римских осадных укреплений опоясывал весь холм. На валу виднелись немногочисленные отряды римлян. Большая часть армии была занята на равнине сооружением новых оборонительных укреплений, обращённых наружу — против ожидающегося со дня на день ополчения галлов. Вся равнина была усеяна работавшими легионерами. Одни копали рвы, другие из вынутой земли строили насыпь, третьи забивали в насыпь брёвна. Работы близились к концу, и картина внешней линии укреплений уже ясно вырисовывалась.

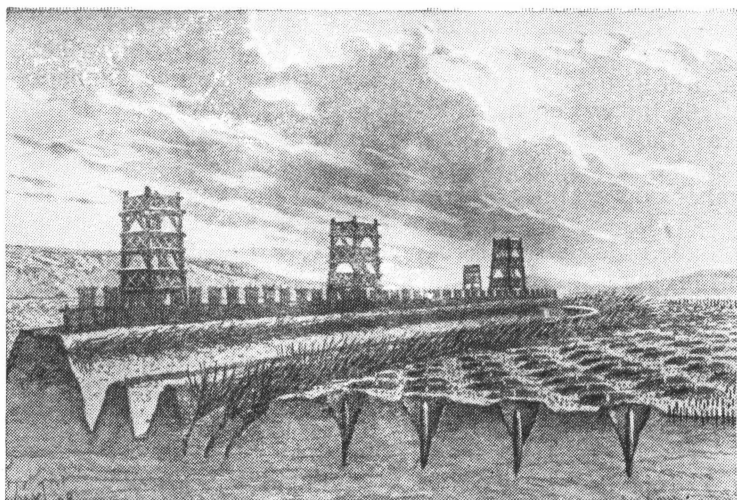

Рис. 34. Укрепления Цезаря у города Алезии.

Три широких рва следовали один за другим на расстоянии около 100 м. В средний ров была пущена вода из реки. За рвами высился вал, укрепленный частоколом с зубцами, за которыми могли скрываться стрелки. Через каждые 25 м на валу были сооружены многоэтажные башни, в которых можно было разместить много солдат и специальные метательные орудия — для перекрёстного обстрела.

Подойдя к частоколу, старый Субурий повернулся спиной к Алезии и довольным взглядом осмотрел результаты работы. Впереди ровов налево и направо по ровному полю сплошными рядами торчали из земли целые стволы деревьев, заострённые сучья которых переплетались между собой. Пройтись через эту густую и колючую заросль было очень трудно. Стволы были глубоко закопаны в землю, чтобы их нельзя было выдернуть и оттащить в сторону. Пять рядов таких заграждений шли вплотную один за другим. Недаром их называли «могильными столбами».

— Неплохо сработано, — внезапно услышал над своим ухом старый солдат. Рядом с ним стоял начальник его подразделения — *центурион* Тит Бальвэнций. — Пора

собирать людей и возвращаться в лагерь. Пойдём со мной по полю, проверим работу наших солдат. Ведь ты знаешь толк в этом деле.

Поле перед «могильными столбами» было безлюдно. Только где-то впереди виднелись отдельные фигуры копавших землю солдат. Центурион и Субурий шли, осторожно ощупывая ногами почву. Вдруг центурион оступился, под ногами его затрещал хворост и посыпалась земля.

— Осторожнее, а то сегодняшней ужин тебе придётся есть, сидя на колу, — усмехнулся солдат, поддерживая побледневшего центуриона. На дне открывшейся сужающейся книзу неглубокой ямы виднелся большой заострённый кол. Эти ямы солдаты называли в шутку «лилиями», так как они были расположены в несколько рядов, треугольниками, напоминающими чашечку цветка.

Когда центурион и Субурий, пройдя это опасное поле, подошли к ручейку, начало уже темнеть. На берегу ручья молодой солдат только что кончил закапывать в землю странной формы кол, с торчавшими из него в разные стороны длинными крюками; на некотором расстоянии видны были солдаты, заканчивавшие ту же работу.

— Все руки ободрал, пока посадил его на место. Зачем нужны эти крючья? На них может напороться только слепой, — недовольно проворчал молодой солдат, увидев подходившего центуриона.

— Ночью все слепые, — ответил центурион. — Вернее всего, галлы попытаются прорвать наши укрепления неожиданно. Легче всего им сделать это ночью. Вот тогда-то и пригодятся эти крючья. Стоны напорющихся на крючья галлов заранее предупредят нас об их приближении.

Рис. 35. Центурион.

Рис. 35а. Взятие Алезии легионами Цезаря.

— Сколько земли мы здесь переверотили за шесть недель, и все из-за каких-то варваров, которые, может быть, ещё и не придут, — со вздохом сказал молодой солдат, собирая свой инструмент.

— Цезарь знает, что делает, — прикрикнул на него центурион. — Собирайся скорее! — И, обращаясь к Субурию, добавил: — Ополчение галлов уже в пути.

Забирая по дороге закончивших свою работу солдат, центурион направился к лагерю.

«Нет, не зря мы работали, как волы, все эти недели, — думал он по дороге. — Эти укрепления освободят нам часть солдат для необходимых резервов. Ведь нам, чтобы не выпустить Верцингеторига, придётся сражаться на два фронта: против гарнизона Алезии и против войска галлов, идущего к нему на помощь. Галлы могут сосредоточить все силы и ударить в каком-нибудь одном месте, а мы должны держать оборону и на внешней и на внутренней линии укреплений. Если у нас не будет резервов, галлы легко смогут освободить Верцингеторига».

* *

*

С реки тянуло ночной сыростью. В римском лагере все, кто мог, разожгли костры, и только часовые на валах, закутавшись в короткие шерстяные плащи, шагали взад и вперёд на своих постах, зорко вглядываясь в темноту. Где-то в этой предательской мгле скрываются галлы.

Пять дней назад галльское ополчение подошло к Алезии и стало лагерем за ручьём, на возвышенности. Галлы уже два раза пытались прорвать оборонительную линию со стороны равнины, но им не удалось преодолеть рвы, волчьи ямы и высокий вал, стойко обороняемый легионерами. Особенно опасен был второй ночной штурм. Поэтому и сегодня ночью римские часовые внимательно вглядывались в темноту, казавшуюся ещё гуще от тумана, поднимавшегося с реки. Этот туман мешал видеть многочисленные костры галльского лагеря на равнине и огни в осаждённой Алезии.

В римском лагере было необычайно тихо. Вчерашнее нападение галлов стоило жизни многим. Поэтому большинство солдат было настроено мрачно. Небольшими кучками сидели они у костров, разложенных перед кожаны-

Рис. 36. Солдатская обувь — калига.

ми палатками. Многие скинули свои короткие плащи и кожаные панцири, покрытые металлическими пластинками, и остались в одних шерстяных рубахах. Несколько человек сушили над огнём одежду. Другие чинили разорвавшиеся ремни своей солдатской обуви — *калиг*. Это были толстые подошвы, пристёгивающиеся широкими ремнями, образующими густую сетку для защиты ноги. Подошва калиги подбивалась

гвоздями, очень полезными при маршах в горной местности.

К палаткам были прислонены большие щиты. Некоторые щиты были круглые и овальные, но большинство имело прямоугольную форму. Такой щит мог прикрыть всё тело воина. Для облегчения веса его делали из тонких досок, обтянутых сначала холстом, а поверх его — бычьей кожей. Края щита окаймлялись металлическими полосами. На многих щитах были также поперечные металлические полосы и острые бляхи посередине, так что ими можно было не только обороняться, но и бить врага, нанося ему тяжёлые рваные раны. Чтобы не перепутать оружие, на внутренней стороне щитов были надписаны имена их владельцев.

К одной из палаток подошёл уже известный нам центурион Бальвенций, положил на щит свою трость — знак его власти и орудие наказания провинившихся солдат — и молча подсел к костру, около которого грелась группа воинов. По тому, как быстро потеснились солдаты, уступая ему место у огня, видно было, что начальник сумел заслужить у них большое уважение. Обогрев над огнём озябшие руки, центурион, также молча, снял свой железный шлем, взял щепотку золы и принялся усердно чистить те места, где, как ему казалось, едва начинали намечаться пятнышки ржавчины. В это время один из молодых солдат нарушил молчание, установившееся с приходом центуриона.

— Почтенный Бальвенций, — сказал он, — до твоего прихода все здесь спорили о том, как могло случиться,

что мы попали в такое тяжёлое положение после того, как войска Цезаря, казалось, навсегда покорили всю Галлию.

Центурион, кончивший чистить шлем, повернулся к спрашивавшему, поглядел на него и ответил:

— Лучше ложитесь спать. Я думаю, что завтра нам предстоит тяжёлый день. И вообще, солдату не годится много болтать. Меньше слов, больше дела. — И, отвернувшись, он вынул из ножен и принялся осматривать свой короткий меч. Проверив остроту обеих его сторон, он вынул брусок и подточил остриё, затупившееся во время боя прошлой ночью. Он подумал, что меч сослужил ему хорошую службу и что римляне правильно сделали, отказавшись от принятых в древности неудобных мечей, которыми нельзя было колоть, а можно было только рубить. В тесноте рукопашной схватки короткий обоюдоострый римский меч, с тонким острым концом, был удобнее длинных и тяжёлых мечей галлов.

Молодой солдат умолк, но затем опять вкрадчиво обратился к центуриону:

— Уважаемый Бальвенций, ты старый, опытный воин, служишь здесь, в Галлии, под командой Цезаря с самого начала войны и знаешь много такого, что могло бы пригодиться нам, молодым солдатам. Ты лучше других можешь сказать, почему восстали галлы и велика ли угрожающая нам опасность.

Бальвенций, смягчённый упоминанием о его опытности и знаниях, вложил меч обратно в ножны и начал:

— Галлы были недовольны большими налогами, которые наложил на них Цезарь. Может быть, налоги были действительно тяжелы, но Цезарь не хочет, чтобы его солдаты вернулись домой нищими.

— Нашёл благодетеля! — неожиданно рассмеялся Марк Субурий, сидевший с другой стороны костра. — Задаривая солдат, Цезарь заботился прежде всего о себе. Опираясь на преданные ему легионы, он рассчитывает захватить власть в Риме и подчинить себе народ.

— Не смей так говорить о великом Цезаре, — горячо возразил центурион. — Мне всё равно, как он относится к народу и хочет ли он захватить власть. Я знаю одно: он лучший полководец, с которым я когда-либо служил. При нём войско не останется без добычи и щедрых подарков. А если Цезарь станет диктатором, я стану хозяи-

ном такого поместья, которое позволит мне приятно прожить старость, ни о чём не заботясь. Цезарь знает центуриона Бальвенция, а Бальвенций знает Цезаря.

— Боюсь, что вместо больших поместий мы получим по небольшой могиле в Галлии! — усмехнулся Субурий. — Посмотри на войско Верцингеторига. С таким храбрым противником нам ещё не приходилось встречаться. Они сражаются за землю и свободу, а мы своей кровью добываем богатства купцам и ростовщикам.

— Скверный у тебя язык, Марк, — покачал головой Бальвенций. — Храбрее и опытнее тебя нет солдата во всём легионе, и, если бы не твоя дерзость, ты давно уже был бы центурионом. Ты всё время порицаешь Цезаря, а смотри, как крепко он сумел запереть в Алезии лучшее войско галлов. Верцингеториг сидит там как в мышеловке.

— Хороша мышеловка, — невесело рассмеялся старый воин. — Мы больше похожи на человека, ухватившегося за хвост разъярённого быка. Ни повалить, ни выпустить. Осадили Верцингеторига в Алезии, а он вызвал ополчение галльских племён, и те заперли нас в нашем лагере. Мы между двух огней. С одной стороны Верцингеториг, а с другой — ополчение почти всех галльских племён.

— А правда, что в галльском ополчении больше двухсот пятидесяти тысяч человек? — робко спросил молодой солдат, начавший разговор.

— Пустое, — ответил центурион. — Если бы это было так, они одновременно атаковали бы наши укрепления во многих местах. Однако они всё время вели атаку только в одном месте. Это значит, что у них нет достаточно сил, чтобы создать численное превосходство сразу в нескольких местах. Всё же положение наше трудное. Не знаешь, где и когда они ударят всеми силами. Ну, довольно разговоров, ложитесь спать, завтра нам предстоит трудный день.

С этими словами центурион поднялся и пошёл по лагерю, чтобы ещё раз проверить посты.

Лагерь был хорошо укреплён. Недаром в течение ряда столетий, проведённых в непрерывных войнах, римляне совершенствовали технику постройки укреплённого лагеря. Где бы римляне ни останавливались во время похода, они сразу же начинали строить укрепления. Не

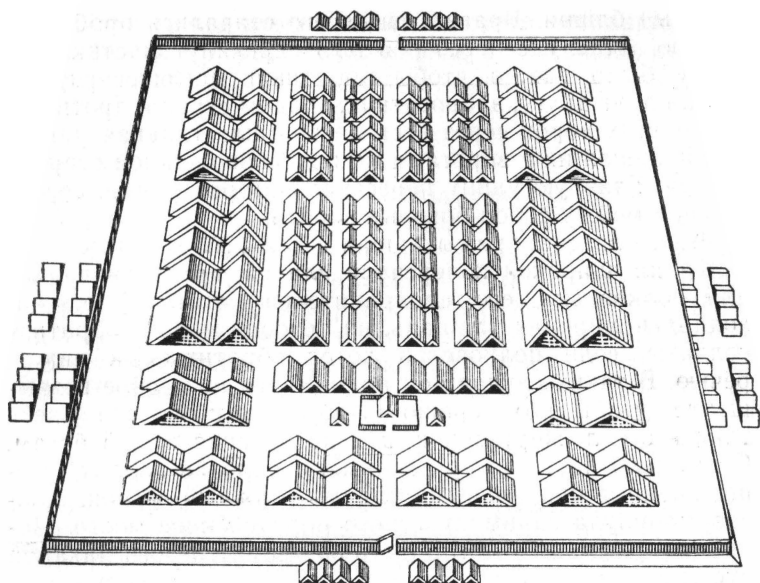

Рис. 37. План римского лагеря.

имея во время сражения у себя в тылу укреплённого лагеря, они чувствовали себя неуверенно. Лагерь служил им надёжным убежищем. Часто уже торжествовавший победу враг, преследуя разбитые римские легионы, неожиданно для себя останавливался в растерянности перед мощными укреплениями лагеря и терпел поражение при попытке овладеть им.

Лагерь имел форму правильного четырёхугольника. Враг прежде всего встречал на своём пути ров шириной в два с половиной метра. Стенка рва со стороны лагеря переходила в вал — насыпь, сделанную из выкопанной земли. Насыпь была укреплена дёрном и метра на четыре возвышалась надо рвом. На валу обычно строили ещё частокол, прикрывавший защитников лагеря от стрел и метательных копий. С внутренней стороны на вал вёл покатый откос, чтобы римляне могли легко и быстро взбежать на вал для защиты частокола.

Лагерь имел четыре выхода. Главные ворота были повернуты к врагу. По бокам их иногда строились много-

этажные башни. Враги чаще всего старались пробиться именно здесь, где через ров был перекинут мостик. Поэтому было важно, чтобы защитники могли сверху, не мешая друг другу, забросать их градом стрел и дротиков.

От этих ворот через весь лагерь шла главная улица, соединявшая их с воротами на противоположной стороне лагеря. Главную улицу пересекала вторая улица, соединявшая между собой боковые ворота.

Часть лагеря, примыкавшая к главным воротам и отделённая широкой поперечной улицей, предназначалась для полководца, его телохранителей и штаба. Здесь находилась широкая площадь, на которой могли собраться солдаты, если полководец хотел обратиться к ним с речью. В таких случаях он поднимался на особое возвышение, чтобы его хорошо было видно и слышно. Здесь также стоял жертвенник для принесения жертв богам. Остальную часть лагеря занимали палатки солдат, расположенные правильными рядами. Каждый легион, каждая манипула занимали строго определённое место. Поэтому у римлян не могло быть во время тревоги никакой суеты и беспорядка.

Проверив часовых, центурион поднялся на одну из башен, прикрывавших главные ворота, обращённые к врагу. Два солдата молча посторонились, пропустив его к одному из узких окон башни.

— Всё равно ничего не видно, — сказал один из них. — Темно так, что не видно даже огней Алезии.

— Хорошо ещё, что из-за такой мглы осаждённые не могут обмениваться сигналами с галльским ополчением на равнине, — мрачно сказал центурион.

Осматривая линию римских укреплений, частью которой был лагерь, глядя на смутно видневшиеся горы, центурион думал, что место для лагеря Цезарь выбрал не случайно. Это место было самым слабым звеном в цепи римских укреплений вокруг Алезии.

Возвышенность подходила здесь почти непосредственно к горе, на которой была расположена Алезия. Охватить эту возвышенность своей линией обороны у римлян не хватило бы воинов; вот почему укрепления проходили в этом месте по склону, что было очень опасно, так как враги могли обстреливать и штурмовать их сверху. Именно поэтому Цезарь решил укрепить это место лагерем с большим количеством воинов.

— Боюсь, что завтра галлы наконец догадаются напасть на нас с горы, — тихо сказал Бальвенций, спускаясь с башни.

* *

*

На следующий день, около полудня, галлы направили основной удар с горы на римский лагерь у подножия. Одновременно Верцингеториг напал на лагерь с другой стороны. Галлы, засыпая землёй и связками прутьев рвы и ловушки, подошли к укреплениям римлян. Большой отряд галлов, построившись «черепахой», подошёл вплотную к частоколу. Передний ряд держал щиты перед собой, в то время как задние, подняв их над головой, образовали сплошную крышу, подобную панцирю черепахи. Со всех сторон большие толпы галлов, как муравьи, карабкались на валы и частоколы. Многие скатывались в ров, поражённые длинными метательными копьями *катапульт*, тяжёлыми ядрами *баллист*, дротиками и стрелами. Но на место павших прибывали всё новые и новые толпы. Туча стрел и дротиков летела в защитников лагеря с вершины горы, господствовавшей над местностью. Римские легионы, понеся большие потери, начинали ослабевать. В этот момент на одной из башен лагеря показался высокий человек в пурпурном плаще. Он стоял и спокойно смотрел вниз на толпы сражающихся и умирающих людей.

— Цезарь смотрит на нас! — крикнул центурион Бальвенций, указывая на человека в красном плаще. Молодой солдат, прошлой ночью вызвавший центуриона на разговор, обернулся.

— Не зевай! — прикрикнул на него Марк Субурий, сбивая копьём лезущего на частокол галла. — Сейчас они ворвутся на вал.

Минутой позже сильный отряд галлов при помощи лестниц прорвался через частокол. Огромный галльский воин в рогатом шлеме ударом длинного меча зарубил римского знамённого и захватил знамя — длинное древко с серебряными украшениями. Молодой солдат беспомощно опустил меч и в растерянности, как бы ожидая помощи, взглянул на башню, где только что стоял Цезарь, но на башне уже никого не было. Одновременно он увидел, что вся римская конница, стоявшая справа от

лагеря, у ручья, покидает свою позицию и во весь опор скачет куда-то прочь.

— Всё пропало. Цезарь бежал! — в отчаянии крикнул молодой солдат, бросая щит.

— Куда? — закричал центурион, ударив его тростью. — Назад! Выручай знамя!

Солдат, привыкший к повиновению, мгновенно повернулся. Он увидел, как Марк Субурий вместе с подоспевшим к нему на помощь центурионом опрокинули огромного галла, увидел, как упало на землю знамя и кто-то в свалке наступил на него. Он бросился вперёд и поднял знамя. Старый Марк и центурион Бальвенций, сдвинув щиты, плечом к плечу удерживали напирающих галлов.

Внезапно натиск галлов ослабел. Наступление с горы прекратилось. Ободрённые римляне сбросили оставшихся ещё на валу галлов в ров.

— Смотри, смотри! — крикнул центурион, показывая за частокол влево, на равнину. Нестройные ряды галлов, только что наступавшие на римские укрепления на равнине, прекратив штурм, разворачивались теперь влево. Оттуда, из-за горы, на них надвигались правильными рядами римские legionеры. Конница Цезаря заходила им в тыл, отрезая дорогу к галльскому лагерю.

Крик восторга вырвался у центуриона Бальвенция.

— Мы думали, что конница бежит, — воскликнул он, — а она, оказывается, по приказу Цезаря с нашими резервами обошла гору и теперь ударила в тыл наступающим галлам. Победа за нами!

Молодой солдат, не отрываясь, следил за развёртывающейся на равнине битвой. Тесные прямоугольники римских *когóрт*, по 360 человек в каждой, быстрым шагом надвигались на врагов, потрясая двухметровыми метательными копьями — *пíлумами*. Сойдясь с галлами на расстояние примерно 25 м, первые два ряда legionеров разом метнули свои пилумы. Тяжёлые двухметровые копья, вонзаясь в щиты галлов, изгибались под тяжестью древка и волочились по земле, мешая воинам быстро и свободно маневрировать. Галлам приходилось бросать щиты, так как освободить их от копий уже не было времени. Вслед за тучей пилумов римские legionеры, обнажив мечи, стремительно ринулись вперёд. Закипела рукопашная схватка, в которой лишённым щитов галлам пришлось плохо. После короткой битвы галлы обрати-

лись в бегство. Конница преследовала и рубила бегущих галлов, и только немногим счастливым удалось укрыться за стенами лагеря.

Этот штурм был последним. Ночью стало известно, что ополчение галлов тайком покинуло свой лагерь и расходится по домам, бросив Верцингеторига и осаждённый гарнизон на произвол судьбы.

В этот тяжёлый момент народный вождь галлов ещё раз показал своё исключительное благородство и преданность интересам доверившихся ему людей. Он понимал, что после ухода освободительной армии осаждённым уже не вырваться из окружающего их кольца. Верцингеториг созвал в Алезии собрание воинов и сам предложил выдать его врагам или убить, чтобы тем спасти остальных от гнева озлобленных римлян. К римлянам отправили послов для переговоров о сдаче. Цезарь потребовал от гарнизона сдать всё оружие и выдать Верцингеторига живым. Он хотел насладиться унижением человека, причинившего ему столько волнений.

Гордый вождь галлов прекрасно сознавал, на какую мучительную смерть он себя обрекает. Он выехал из Алезии на боевом коне в своём лучшем вооружении, подъехал к римскому лагерю и, сняв оружие, сложил его у ног Цезаря.

Цезарь не пощадил Верцингеторига. Его отвели в тюрьму, где и держали почти шесть лет для того, чтобы потом провести в триумфальном шествии на потеху римской толпе. После этого он был казнён. Каждый римский солдат получил в награду за эту битву по одному рабу из числа сдавшихся в Алезии. Но часть галлов была отпущена домой. Это были главным образом воины тех племён, где ещё правила знать. Опираясь на эти племена, Цезарь надеялся снова укрепить свою власть во всей стране.

Благодаря поддержке знати римляне утвердились в Галлии на этот раз уже надолго.

ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ

Союз Цезаря, Помпея и Красса не мог быть прочным. Каждый из них рассчитывал использовать двух других для того, чтобы захватить власть самому. Каждый втай-

не злоумышлял против другого. Республика доживала свои последние дни. Красс настоял на войне с Парфией. Чтобы в борьбе за власть победить своих «друзей», а на самом деле самых опасных соперников — Цезаря и Помпея, Крассу нужна была армия и военная слава. На Востоке он надеялся получить и то и другое. Но расчёты Красса не оправдались. Парфяне уничтожили войска Красса. Он вынужден был сдаться на милость победителей и был убит парфянскими воинами.

Цезарь и Помпей остались один на один. Оба стремились к власти. У каждого за спиной стояла армия: у Цезаря — в Галлии, у Помпея — в Испании и Африке.

Цезарь находился в Галлии с 58 г. до н. э. За это время он успел завоевать огромную территорию от Альп до берегов Ламанша и острова Британия. В распоряжении Цезаря была закалённая во многих походах и преданная ему армия. Покорение большой страны дало ему в руки громадные средства. Цезарь щедро тратил их на поддержку своего политического влияния в Риме и на подарки воинам.

В отличие от Цезаря Помпей все эти годы находился в Риме. После консульства 55 г. ему также была передана в управление провинция Испания со всеми находившимися в ней римскими войсками. Помпей, однако, туда не поехал. Он предпочёл, оставаясь в Риме, управлять Испанией через своих уполномоченных.

В глазах большинства сенаторов и сторонников старого республиканского строя Помпей был гораздо более подходящим кандидатом в диктаторы, чем Цезарь. Теперь даже сенаторы сознавали необходимость твёрдой власти как единственного средства удержать в повиновении рабов и свободную бедноту, но они боялись диктатуры и надеялись сохранить хотя бы в будущем республиканский строй. Сторонники этого взгляда рассуждали так: уж если государство не может быть исцелено ничем другим, кроме военной диктатуры, то нужно принять это лекарство из рук наиболее безобидного врача.

В этом смысле все преимущества были на стороне Помпея. Воспоминания о том, как вёл себя Помпей, вернувшись из восточного похода, были ещё свежи в Риме. Послушный сенату, он распустил свою армию и явился в Рим как частное лицо. Этим он поставил себя в совершенно беспомощное положение. Цезарь никогда бы так

не поступил. Сенаторы рассчитывали, что от Помпея можно ожидать таких же поступков и впредь. С их точки зрения, Помпей был человеком гораздо менее опасным, чем Цезарь. Он-то и должен был стать тем самым «безобидным врачом», из рук которого было не так страшно принять такое сильное лекарство, как военная диктатура. С другой стороны, и сам Помпей, имея такого опасного соперника, как Цезарь, был склонен искать поддержки у сената. Вот почему между сенатом и Помпеем произошло сближение.

Теперь и у Цезаря и у Помпея были свои политические сторонники. За Цезаря по-прежнему стояла всё ещё верящая ему римская демократия, а на стороне Помпея были сенат и старая республиканская знать.

Наступила пора действовать. Один из консулов 51 г. при скрытой поддержке Помпея выступил с резкими нападками на Цезаря. Он осудил деятельность Цезаря по управлению провинциями, упрекая его в том, что он предоставлял без достаточных оснований некоторым жителям Предальпийской Галлии римские гражданские права. Один из находившихся в это время в Риме жителей этой провинции, пользовавшийся уважением у себя на родине и недавно получивший от Цезаря гражданские права, был по приказанию консула высечен розгами. Это означало, что его не считают римским гражданином. После порки консул предложил несчастному показать Цезарю оставшиеся на его теле рубцы.

Благодаря своим сторонникам, часто приезжавшим к нему из Рима, Цезарь всегда был хорошо осведомлён о том, что делалось в столице. Он ещё не рискнул открыто выступить против Помпея, но через некоторых верных ему народных трибунов сумел получить разрешение выставить свою кандидатуру в консулы, не присутствуя лично в Риме, что было запрещено принятым недавно законом. Помпей не решился против этого выступить и промолчал.

Теперь главная задача Цезаря заключалась в том, чтобы сохранить за собой командование войсками и управление Галлией до тех пор, пока он не будет избран в консулы. Цезарь хорошо понимал, что Помпей и сенат будут всячески этому противиться. Поэтому он принял свои меры. Золото обильным потоком потекло из Галлии в Рим. Используя эти средства, Цезарю удалось подку-

пить и склонить на свою сторону многих деятелей из враждебного ему лагеря. В их числе был один из двух консулов 50 г., раньше выступавший против него. За огромную сумму, в 150 талантов, то есть более 3 млн. рублей, он согласился не выступать ни за, ни против Цезаря.

Борьба разгоралась. Население Рима было охвачено волнением и острой тревогой. По городу распространился слух, будто Цезарь перешёл Альпы и со всеми своими войсками движется на Рим. Жители столицы хорошо ещё помнили ужасы сулланской резни. Неужели всё это повторится? Консул Гай Марцелл потребовал, чтобы войска, стоявшие вблизи Рима, были двинуты против Цезаря. Обращаясь к Помпею и протягивая ему меч, Марцелл сказал: «Мы приказываем тебе выступить против Цезаря за отечество. Для этого мы даём тебе войско».

Вскоре, однако, выяснилось, что слух о движении Цезаря с войсками на Рим ложен. Цезарь действительно в это время перешёл Альпы, но перешёл всего с одним легионом, небольшим количеством вспомогательных войск и тремя сотнями всадников. С этими войсками он расположился в Равенне, поблизости от северной границы Италии. Главные его силы продолжали оставаться за Альпами.

В Равенну к Цезарю приехал из Рима один из его сторонников — Курион. Узнав от Куриона о том, что у него собираются отнять власть над войсками и провинциями, Цезарь обратился с просьбой к сенату сохранить за ним впредь до консульских выборов два легиона и Предальпийскую Галлию. От управления остальными провинциями и командования войсками он отказывался. Когда это предложение было отвергнуто, он написал сенату письмо, в котором выразил согласие распустить свою армию при условии, что Помпей сделает то же самое.

Сенат не принял и это предложение и потребовал, чтобы Цезарь сложил свои полномочия. Два пытавшихся воспрепятствовать этому решению народных трибуна — Марк Антоний и Кассий Лонгин — были удалены из сената. Ночью, в одежде рабов, они бежали к Цезарю в Равенну. 7 января 49 г. сенат объявил чрезвычайное положение и поручил Помпею набор войска для борьбы с Цезарем.

Наступило время действовать и для Цезаря. Он собрал своих солдат и выступил перед ними с речью. «Нас, —

говорил он, обращаясь к солдатам, — после стольких славных деяний объявили врагами отечества, а вот этих людей (трибунов Кассия Лонгина и Марка Антония) за то, что они позволили себе высказать свободное слово, изгнали из Рима самым позорным образом». В заключение Цезарь призвал солдат поддерживать его и обещал каждому из них щедрое денежное вознаграждение. Солдаты криком подтвердили готовность идти за Цезарем туда, куда он их поведёт.

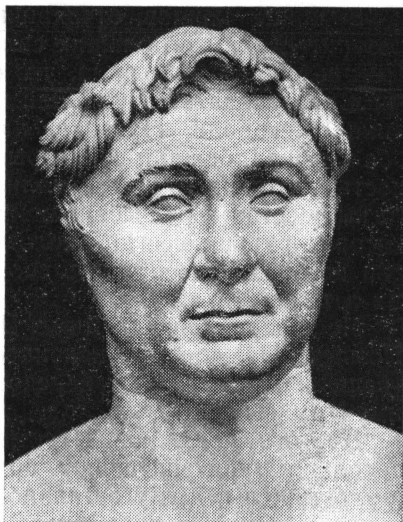

Рис. 38. Гней Помпей.

Когда весть о выступлении Цезаря дошла до Рима, там началась паника. Никто не верил, что Цезарь предпринял свой поход всего лишь с одним легионом пехоты и тремя сотнями всадников, считали, что он двигается на Рим с большой армией.

Противники Цезаря много говорили о неизбежности войны и к ней готовились, но теперь оказалось, что ничего ещё не готово. У Помпея не было под руками войск, способных задержать Цезаря. Главные его силы находились в Испании. Набор солдат в Италии шёл вяло. Между тем Цезарь, занимая один город Северной Италии за другим, стремительно двигался вперёд. Помпей был ошеломлён. Со всех сторон его обвиняли: одни за то, что он сам, поддерживая в предшествующие годы Цезаря, способствовал его усилению, другие в том, что в переговорах с Цезарем он не пошёл на уступки. Один из консулов издевательски предлагал Помпею «топнуть ногой о землю». (Незадолго перед этим Помпей говорил, что если Цезарь предпримет поход, то стоит ему, Помпею, топнуть ногой о землю, как вся Италия наполнится войсками.)

В конце концов, отчаявшись набрать новые войска, поверив слухам о больших силах, которыми располагает Цезарь, Помпей объявил, что он покидает город, и призвал последовать своему примеру всех, кому дороги родина и свобода. Началось паническое бегство. Бежали оба консула, бежали сенаторы — многие с такой поспешностью, что ничего не успевали захватить с собой из своего имущества. Среди бежавших сенаторов были и такие, которые раньше всегда держали сторону Цезаря. Теперь они потеряли способность соображать и бежали со всеми остальными.

Не задерживаясь в Риме, Цезарь двинулся по стопам Помпея. По дороге численность его войск непрерывно увеличивалась. К нему переходили солдаты, завербованные Помпеем.

Достигнув Южной Италии, Цезарь располагал уже довольно многочисленной армией. Положение Помпея стало тяжёлым. Ему оставалось теперь только одно: покинуть Италию и попытаться набрать армию за её пределами. Уходя от преследования Цезаря, Помпей достиг порта Южной Италии — Брундизия. Отсюда со своими сторонниками и оставшимися ему верными войсками Помпей переправился через Адриатическое море на побережье Балканского полуострова.

Цезарь был бессилен воспрепятствовать переправе Помпея: у него не было кораблей. Оставив часть своих войск в Брундизии, он с другой частью возвратился в Рим.

С тревогой ожидали в Риме вступления Цезаря. Его противники предсказывали повторение ужасов времён Мария и Суллы. Опасения эти, однако, не оправдались. Вступив в Рим, Цезарь воздержался от преследования своих политических врагов. Захваченных в ходе военных действий солдат Помпея он без всяких наказаний отпускал на свободу. Такими приёмами Цезарь хотел привлечь на свою сторону население столицы.

Многие из бежавших стали возвращаться в Рим. Вернулась и часть сенаторов. Правительственные учреждения вновь стали действовать. Но долго в Риме Цезарь задерживаться не мог. До него доходили вести о том, что к Помпею каждый день прибывает много его сторонников и что на Балканском полуострове набрана большая армия. Кроме того, в Испании у Помпея находилось семь

легионов его старых войск. Если бы Цезарь немедленно предпринял поход на Балканский полуостров, то его тыл остался бы незащищённым. Поэтому он решил сначала совершить поход в Испанию.

Война в Испании потребовала от Цезаря большого напряжения. Его войска вначале потерпели серьёзное поражение. В конце концов Цезарю всё же удалось осадить лагерь противника и отрезать его от моря. Командиры легионов были вынуждены начать переговоры о прекращении военных действий. И здесь, в Испании, Цезарь отпускал на все четыре стороны пленных солдат Помпея. Когда те его благодарили, он говорил им: «Если вы чувствуете ко мне какую-нибудь благодарность, расскажите об этом другим солдатам Помпея». Это был ловкий ход. Часть солдат из легионов Помпея перешла на сторону Цезаря, пополнив его ряды.

Когда Цезарь снова вернулся в Рим, народное собрание провозгласило его диктатором. Однако Цезарь пробыл в этой должности всего 11 дней. Затем были проведены обычные консульские выборы. Одним из двух консулов выбран был Цезарь. Наскоро проведя несколько законов, укреплявших его влияние, он поспешил в порт Брундизий для продолжения борьбы с Помпеем.

За это время Помпей успел собрать из различных мест 11 легионов пехоты и 7 тысяч конницы. Одновременно в его распоряжении теперь находились и многочисленные вспомогательные войска, набранные у союзных Риму государств. Правда, бо́льшая часть всех войск состояла из новобранцев, которых предстояло ещё обучить. Сам Помпей занимался с ними. Несмотря на преклонный возраст, он принимал личное участие даже в упражнениях в беге. Но главным преимуществом Помпея было то, что на его стороне находился почти весь римский военный флот. С помощью этого флота Помпей мог поддерживать связь со своими силами в Африке и хорошо снабжать армию продовольствием.

Цезарь мог выставить против Помпея до 12 легионов пехоты и 10 тысяч галльской конницы, но военных кораблей у него почти не было. Переправа на Балканский полуостров поэтому была связана для него с большим риском. Всё же, выбрав удачный момент — бурную погоду, препятствовавшую кораблям противника вести наблюдение за побережьем Италии, Цезарь с шестью неполными

легионами пехоты и несколькими сотнями всадников направился на грузовых судах через Адриатическое море. Высадился он у Аполло́нии, расположенной несколько южнее Дирра́хия, главной базы помпеянцев.

Узнав о высадке Цезаря, Помпей сосредоточил все свои силы в Диррахии. Его флот отрезал войска Цезаря от подвоза продовольствия. Снабжение на месте также оказалось очень затруднительным для Цезаря, так как окружающая Аполлонию местность была бедна и пустынна. В его войсках начался голод. Солдаты по несколько дней подряд не получали пищи, питались кореньями и травой.

Для Цезаря было теперь весьма важно переправить через Адриатическое море остальные войска, оставшиеся под командованием Марка Антония в Брунди́зии. Сделать это было трудно: корабли Помпея постоянно курсировали вдоль берегов Южной Италии. Марк Антоний неоднократно пытался выполнить распоряжение Цезаря о переправе войск, но это ему не удавалось. Тогда Цезарь решил вернуться в Брунди́зий, чтобы лично организовать переправу. Ночью, втайне от собственных войск, на настроении которых его отъезд мог пагубно сказаться, Цезарь с немногочисленными спутниками вышел в море. Поднялась сильная буря. Лодку грозило затопить волнами, и кормчий уже было отчаялся в спасении. «Смелей, — крикнул ему Цезарь, — ты везёшь Цезаря и его счастье!» Цезарь твёрдо верил в успех своего дела. Всё же достичь Брунди́зия в эту бурную ночь ему не удалось.

Вернувшись в Аполлонию, Цезарь послал Марку Антонию предписание во что бы то ни стало организовать переправу. Положение войск Цезаря у Аполло́нии было очень опасным. Противник значительно превышал его своей численностью. Но Помпей упустил этот благоприятный для него момент и не напал на Цезаря.

Антонию всё же в конце концов удалось выйти из гавани Брунди́зий в море. По дороге он был замечен, и двадцать кораблей Помпея пустились его преследовать. Марка Антония спасла неожиданная перемена ветра, помешавшая помпеянским кораблям его настигнуть. Всё же два корабля он потерял.

Получив долгожданное подкрепление, Цезарь стал готовиться к решительному сражению. Оба войска — и Помпея и Цезаря — стояли друг против друга, распо-

ложившись в хорошо укреплённых лагерях. Войска Цезаря продолжали испытывать острую нужду в продовольствии. В отдельных мелких стычках с противником победа часто оставалась за Цезарем, но, когда началось большое сражение, войска Цезаря не выдержали натиска противника и обратились в бегство.

Тщетно пытался Цезарь остановить бегущих. Задержав рукой одного рослого и сильного солдата, в панике бегущего к морю, он сам едва не был убит. В сражении у Диррахия Цезарь потерпел жестокое поражение. Однако Помпей не использовал своей победы. Вместо того чтобы завершить её преследованием противника, он загнал бегущих солдат Цезаря в их укреплённый лагерь и потом отступил. Цезарь, который уже совсем было потерял надежду сохранить свои войска, потом говорил своим друзьям, что был бы разбит наголову, если бы среди его врагов «было кому побеждать».

Когда смолк шум битвы, Цезарь уединился в свою палатку и всю ночь провёл в тяжёлых размышлениях. Он считал, что совершил крупную ошибку. Она состояла в том, что он, имея за собой далеко простиравшуюся страну и богатые македонские и фессалийские города, предпочёл расположиться на побережье, где войска его голодали и все преимущества были на стороне противника. Теперь он решил исправить эту ошибку и уйти в глубь страны.

Часть войск Помпея находилась в это время в Македонии. Цезарь рассчитывал напасть на эти войска и либо разбить их, либо заставить Помпея прийти им на помощь. В последнем случае на стороне Цезаря оказалось бы то преимущество, что он смог бы вступить в сражение с главными силами врага вдали от моря. Помпей при таких условиях лишился бы поддержки флота. Кроме того, внутри страны — и это, пожалуй, было самым важным — Цезарь легче мог прокормить армию.

Цезарь снялся со всеми своими войсками с места и двинулся в глубь страны. В лагере Помпея этот манёвр Цезаря был воспринят как отступление. Здесь торжествовали победу. Между помпеяйцами уже шли ожесточённые споры, кому какое место достанется в правительстве, когда все они вернутся в Рим. Некоторые из них были теперь озабочены приисканием себе в Риме подходящих домов, приличествующих консулам и преторам, должно-

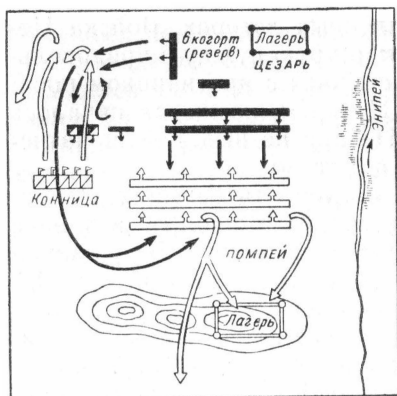

Рис. 38а. Схема битвы при Фарсале.

сти которых они рассчитывали вскоре занять. Почти все настаивали на том, чтобы немедленно же выступить из лагеря вслед за Цезарем — начать его преследовать. Сам Помпей был против этого, так как лучше других понимал, какие преимущества даёт его армии хорошо укреплённый и снабжённый на много месяцев вперёд продовольствием лагерь. И всё же под давлением общего мнения он выступил.

Обе армии теперь находились в походе. Они двигались одна за другой. Так достигли они Фессалии. На равнине у города Фарсала они расположились друг против друга лагерем. Обе стороны стали готовиться к сражению.

Численный перевес был целиком на стороне Помпея. Он располагал 47 тысячами пехоты и 7 тысячами конницы против 22 тысяч пехоты и всего 1 тысячи всадников Цезаря. При этом конница Помпея сплошь состояла из отборных воинов — прекрасно вооружённых молодых аристократов. Будучи совершенно уверенными в победе, они рвались в бой. Утром 6 июня 48 г. до н. э. Помпей первым дал сигнал начать сражение. Затрубили трубы. Помпей бросил на правое крыло войск Цезаря всю конницу. Он рассчитывал, используя своё превосходство в силах, смять это крыло, отбросить его назад, ударить по войскам Цезаря с тыла и в то же время бросить на него с фронта всю свою пехоту. Однако Цезарь, разгадав намерения противника, выставил на правом фланге лучшие свои войска. Часть их была искусно скрыта от глаз неприятеля.

Воины Цезаря ринулись навстречу врагу. Отражая атаку конницы Помпея, они старались нанести всадникам раны в лицо. Такое указание они получили от Цезаря, который правильно рассчитал, что молодые аристо-

краты больше всего опасаются быть обезображенными в сражении.

Атака конницы Помпея не удалась. Его всадники понеслись назад, смяв собственную пехоту. Преследуя отступающих, воины Цезаря в свою очередь устремились в атаку. Помпей попытался отразить эту атаку. Воины его стояли в вытянутых шеренгах с копьями в руках. Стремительная атака Цезаря, однако, смешала их ряды. Боевые порядки пехоты Помпея были нарушены. Вспомогательные союзные войска, которые ещё не были введены в сражение, наблюдали, как римские граждане молча с небывалым ожесточением поражали друг друга. Слышен был только стук оружия и стоны раненых.

Левое крыло войск Помпея было опрокинуто атакой Цезаря и стало отступать. Тогда с криком «Мы побеждены!» обратились в паническое бегство так и не вступившие в сражение союзники. Преследуя противника, Цезарь разделил свои силы на несколько отрядов. Они разрезали войска Помпея на части и по очереди подавляли их сопротивление.

При виде поражения и бегства своих войск Помпей совершенно растерялся и пал духом. На него нашло какое-то оцепенение. Он удалился в свою палатку, а когда ему донесли, что воины Цезаря ворвались в его укрепленный лагерь, он спросил только: «Неужели и в лагерь?» После этого Помпей снял с себя боевое вооружение, сел на коня и в сопровождении четырёх наиболее близких ему людей бежал с поля боя.

Цезарь одержал блестящую победу. На Балканском полуострове перестала существовать армия его противников. Лишь немногие из них сумели бежать. Оставшиеся считали своё дело проигранным и теперь готовы были примириться с Цезарем. В этом Цезарь охотно пошёл им навстречу. Многим перешедшим к нему видным сторонникам Помпея он даровал полное прощение. В их числе был и Марк Юний Брут, будущий убийца Цезаря. На сторону Цезаря перешла также большая часть бывших солдат Помпея. Все они изъявили готовность сражаться за Цезаря. За их счёт он пополнил ряды своего войска.

Помпей решил направиться в Египет. Там у него были прочные связи, сохранившиеся ещё со времени его пребывания с армией на Востоке. В египетских войсках служило немало прежних солдат Помпея. Страна была бо-

гата. Помпей рассчитывал почерпнуть в Египте средства, необходимые ему для продолжения борьбы с Цезарем.

Однако он не учёл одного: в Египте уже знали о его поражении под Фарсалом и о блестящей победе Цезаря. Египетскому царю Птоломéю Дионису было только десять лет. Фактически власть находилась в руках враждовавших друг с другом царедворцев. Один из них настоял на том, чтобы оказать Помпею гостеприимство, а потом убить его. Так правящие круги в Египте рассчитывали приобрести расположение Цезаря. Этот план они и привели в исполнение.

Когда ничего не подозревавший Помпей подплыл к берегу, к его кораблю под предлогом, что море в этом месте мелко, была выслана лодка. В ней, кроме нескольких египетских гребцов, был находившийся на египетской службе римлянин Семпроний, когда-то служивший в войсках Помпея. Семпроний приветствовал Помпея от имени египетского царя и предложил ему пересест в лодку, чтобы переправиться на берег. Но как только Помпей вошёл в лодку, Семпроний нанёс ему первый удар. Жена и друзья Помпея видели всё это с борта корабля, но им не оставалось ничего другого, как поспешно уйти в море. На берегу враги обезглавили тело Помпея.

Вскоре у берегов Египта появился на своих кораблях пустившийся преследовать беглеца Цезарь. По дороге он захватил целую эскадру помпеянских кораблей, сдавшихся в плен без боя. Окровавленная голова Помпея была услужливо преподнесена Цезарю. Видевшие это потом рассказывали, что, взглянув на неё, Цезарь отвернулся.

ИДЫ МАРТА

Отгремели последние битвы гражданской войны. В Испании в ожесточённом сражении при Мунде (о котором сам Цезарь потом говорил, что он бился в нём не только за победу, но и за жизнь) его противники ещё раз были наголову разбиты. Соппротивление последних республиканцев, возглавлявшихся сыновьями Помпея, было подавлено. Гражданская война закончилась. Торжество Цезаря было полным.

В Риме шли пышные торжества. Цезарь праздновал свой триумф. Жители столицы получили щедрые подар-

ки и хорошее угощение. На площадях и улицах Рима во время празднеств выставлялись десятки тысяч столов для граждан, пирующих за счёт Цезаря. В цирках шли грандиозные звериные травли и гладиаторские бои со многими тысячами участников.

Положение Цезаря казалось прочным. Народное собрание и сенат поднесли ему почётный титул «отца отечества». Ему было предоставлено пожизненное звание диктатора, право объявлять войну и заключать мир, право распоряжаться государственной казной и выдвигать кандидатов на выборах должностных лиц; одновременно Цезарю была пожизненно присвоена власть народного трибуна, он постоянно избирался консулом. Войска провозгласили Цезаря императором. Народное собрание беспрекословно его слушалось, а расширенный до 900 мест сенат состоял из его сторонников.

Цезарь, конечно, понимал, что своими успехами он прежде всего обязан своим солдатам. Именно с их помощью он одержал верх над противниками и достиг небывалого в Риме влияния и власти.

Солдаты и сейчас составляли главную его опору. Но сохранить свои легионы Цезарь не мог; этого не выдержали бы ни казна истощённого войной государства, ни личные средства Цезаря. Он был вынужден распустить свои войска. При этом он щедро их одарил. Каждый его солдат получил крупное вознаграждение деньгами. Многие получили земельные участки. Ещё более крупные награды получили его командиры. Цезарь мог рассчитывать, что его бывшие солдаты и командиры, вернувшись к мирной жизни, будут и впредь его поддерживать. Таким образом, Цезарь всеми средствами стремился укрепить свою власть. Однако полностью достигнуть этой цели ему не удалось.

Раньше Цезарь делал вид, что защищает интересы народа. В борьбе со своими соперниками и республиканской знатью он искал поддержки народа и неизменно находил её в течение многих лет. Широкие слои римских граждан долгое время наивно считали его врагом сенатской аристократии. Цезарь этим широко пользовался.

В годы, предшествовавшие столкновению с Помпеем, Цезарь не жалел денег. Его золото из Галлии шло в Рим непрерывным потоком. Верные Цезарю люди по его

указаниям тратили огромные средства на укрепление его влияния. Часто они не брезговали и прямым подкупом римской толпы. Волнения и беспорядки в Риме в то время были Цезарю только выгодны: они оправдывали необходимость сильной власти, к которой он стремился. Теперь, когда он стал диктатором, положение изменилось. Цезарь поставил перед собой новые задачи.

Многие из видных граждан, только что переживших потрясения гражданской войны, искренне считали, что эта война была хуже любой диктатуры. Они готовы были примириться с властью Цезаря при условии, если он её использует для восстановления мира и безопасности. И то и другое в их глазах было неотделимо от проведения жестоких мер по обузданию населения столицы. Цезарь пошёл им навстречу. Хотя он и достиг власти в борьбе со старой республиканской знатью, однако теперь он стремится привлечь её на свою сторону. Он приближает к себе многих видных республиканцев, не исключая и тех, кто совсем ещё недавно боролся против него с оружием в руках. Некоторых из них, как, например, Марка Юния Брута, он осыпает наградами и выдвигает на важные государственные должности, других прельщает заманчивыми обещаниями. Постепенный отход Цезаря при таких условиях от его прежней политики заигрывания с народом стал неизбежным. Этот отход был неизбежен ещё и потому, что демократический строй в тогдашнем понимании означал власть народного собрания, власть, несовместимую с единоличной военной диктатурой. И, действительно, Цезарь теперь вступает на путь борьбы с народным движением.

Ещё до окончания гражданской войны войска Цезаря (правда, в его отсутствие) дважды подавляли в Риме народные волнения, которые вспыхивали из-за острой нужды его жителей. Ставши диктатором, Цезарь сократил почти вдвое число граждан, получавших от государства бесплатный хлеб. К этому его побудило отчасти истощение средств (расходы его были огромны), отчасти угрозы противников раздач — аристократов, которые считали, что раздача бесплатного хлеба развращает граждан. Цезарь запретил также *коллэгии* — объединения римских граждан, в особенности ремесленников, всегда игравшие большую роль в народных движениях. Всё это сразу оттолкнуло от Цезаря многих его прежних сторонников.

В Риме стало расти раздражение против Цезаря. Республиканский строй просуществовал в Риме много веков подряд, и республиканские обычаи были ещё очень живучи. Каждый римлянин впитывал их с молоком матери.

Усилению этих настроений много способствовало поведение как самого Цезаря, так и его ближайших приверженцев и льстецов. Последние не раз выражали желание открыто объявить его царём и украсить его голову короной. Как-то раз, когда Цезарь возвращался в город, его приверженцы встретили его у ворот и открыто приветствовали как царя. Видевшие всё это граждане зароптали. Цезарь сделал вид, что не понял приветствия.

В другой раз, когда Цезарь в присутствии многих граждан находился на форуме, к нему подошёл консул Марк Антоний — один из его приверженцев — и на глазах у всех увенчал его голову короной. Среди присутствовавших раздались слабые рукоплескания. Тогда Цезарь решительным движением снял корону со своей головы. Все присутствовавшие радостно закричали и дружно зааплодировали.

Цезарь, однако, не всегда противился открытому прославлению его власти. В некоторых случаях он вёл себя вызывающе. Так, например, когда на одном из заседаний сената ему были оказаны особые почести и к нему подошли для приветствия консулы, преторы и весь состав сената, он, вместо того чтобы встать им навстречу, остался сидеть на своём месте. Это произвело очень неприятное впечатление. В этом его поступке усмотрели оскорбление не только сената, но и всего государства.

Ещё более характерен следующий случай. Несколько наиболее ярых приверженцев украсили его статую, стоявшую на площади, знаками царского достоинства. Тогда два народных трибуна, думая, что Цезарь искренно отклоняет царские почести, сняли с его статуи украшения и арестовали нескольких граждан, приветствовавших Цезаря как царя. Присутствовавший при этом народ рукоплесканиями выразил одобрение поступку трибунов. Сами трибуны также были уверены, что Цезарь одобрит их поведение. Однако, узнав обо всём этом, Цезарь рассердился и отрешил трибунов от должности. Так обнаруживал он подлинное своё отношение к открытому прославлению его власти. Цезарь с явным одобрени-

ем относился к установленным в его честь ежегодным празднествам и жертвоприношениям.

Особенно усилилось недовольство граждан в последний год жизни Цезаря, когда он стал готовиться к новому большому походу против Парфии. В связи с этим походом по городу были пущены слухи о древнем предсказании. По этому предсказанию победить парфян якобы мог только царь. Намерения Цезаря совершить этот поход так и истолковали: он хочет начать войну с Парфией, чтобы иметь повод открыто объявить себя царём.

Всё это ускорило образование заговора на жизнь Цезаря. Заговор возник в среде старой республиканской знати, продолжавшей мечтать о возрождении старых порядков. В этой среде считали, что главным препятствием на пути к восстановлению республики является сам Цезарь. Если он будет убит, республика будет восстановлена. Заговорщики были уверены, что народ, недовольный сокращением хлебных раздач и некоторыми другими законами Цезаря, их поддержит.

В заговор вошли бывшие сторонники Помпея. Многих из них Цезарь простил, и они занимали теперь высокие государственные должности. Приняли участие в заговоре и недавние сторонники Цезаря. Они перешли на сторону республиканцев с того времени, как Цезарь стал подготавливать открытое провозглашение монархии.

Заговорщики действовали в строгой тайне. В первую очередь они были заняты вопросом о том, чтобы найти себе достаточно видных вождей. Выбор их остановился на Марке Юнии Бруте.

Род Брутов славился своей верностью республиканской свободе. По преданию, один из далёких предков Брута первым обнажил меч против последнего римского царя — Тарквиния Гордого. За этот подвиг Бруту ещё в древности была воздвигнута на Капитолии медная статуя. Он изображался с обнажённым мечом в руках — суровый и твёрдый, как сталь этого меча. Для Марка Юния Брута, современника Цезаря, память о его предке была дорога, и он стремился ему подражать.

Поэтому, когда началась гражданская война, Брут оказался в рядах помпейцев — сторонников сената. После поражения при Фарсале Брут бежал. Узнав о том, что Брут остался в живых, Цезарь вызвал его к себе письмом и не только простил, но оказал ему большое внимание.

Брут пользовался и дальше исключительным доверием Цезаря. Когда Цезарь отправлялся в африканский поход, он поручил ему управление Предальпийской Галлией. В последнее время Цезарь выдвинул Брута на весьма почётную должность городского претора.

Один из заговорщиков — Гай Кассий — как-то при встрече с Брутом спросил его, думает ли Брут присутствовать в день мартовских *калёнд* (день мартовских календ — 1 марта) на заседании сената. На этом заседании, сказал он, друзья Цезаря собираются провозгласить его царём. Брут ответил, что он идти на это заседание не собирался. «А если нас позовут?» — спросил Кассий. «В таком случае, — ответил Брут, — я не буду молчать, а стану защищать свободу и умру за неё». После этого разговора Брут вступил в заговор с Гаем Кассием и другим видным сторонником республики — Дёцимом Юнием Брутом.

Вскоре число заговорщиков возросло до 60 человек. В строгой тайне заговорщики разработали план покушения на жизнь Цезаря. Было решено убить Цезаря в день мартовских *ид* — 15 марта 44 г. до н. э. В этот день предполагалось заседание сената, на котором должен был присутствовать Цезарь. Заговорщики предполагали убить Цезаря на самом заседании в так называемой курии Помпея, помещении, где будет происходить заседание. Это здание в своё время было подарено сенату Помпеем и поэтому до сих пор носило его имя.

В канун мартовских *ид* Цезарь направился на пир к начальнику своей конницы — Лёпиду. Утром после этого пира он чувствовал себя плохо. Жена отговаривала его идти в сенат и предлагала отменить заседание. План заговора оказался под угрозой срыва.

Между тем заговорщики уже успели закончить все необходимые приготовления. В соседнем от курии Помпея здании был помещён отряд вооружённых гладиаторов и рабов. В случае необходимости они должны были выступить на помощь заговорщикам. Марк Юний Брут с утра отправился в курию Помпея, спрятав под складками одежды кинжал. Так же поступили и все остальные участники заговора, собравшиеся в ожидании Цезаря.

Самообладание, однако, стало им изменять, когда они узнали о нездоровье Цезаря и о том, что заседание сената собираются отменить. При большом числе участников заговора всегда можно было ожидать доноса. Положение

становилось напряжённым. На счастье заговорщиков, Децим Юний Брут в это утро был в доме Цезаря. Ему удалось убедить Цезаря явиться в сенат. Опасения заговорщиков, однако, оказались не напрасными. Едва Цезарь на носилках отправился в сенат, как к нему в дом явился человек, желавший сообщить ему о заговоре.

Между тем носилки Цезаря приблизились к курии Помпея. Когда Цезарь уже сошёл с них и направился к входу в здание, к нему приблизился некий Попиллий Ленат и задержал его продолжительным разговором. Заговорщики издали наблюдали за ним и Цезарем. Слышать слов Лената они не могли, но у них появилось подозрение, что он рассказывает Цезарю об их замыслах. Переглянувшись, они взялись за рукоятки спрятанных под одеждой кинжалов, чтобы, не дожидаясь, пока их схватят, тут же лишить себя жизни. Вскоре, однако, по выражению лица Лената они поняли, что опасения их напрасны.

Когда Цезарь подошёл к самому входу в курию, кто-то из встречающих подал ему записку. Это был подробный донос о заговоре. Но Цезарь не стал читать этой записки. Он и так уже своим опозданием задержал начало заседания.

Войдя в курию, Цезарь сел на своё обычное место — в кресло у подножия статуи своего врага Помпея.

Тогда заговорщики решили действовать. К Цезарю подошёл и обратился с просьбой о своём изгнанном брате один из заговорщиков, Туллий Кимвр. Остальные столпились вокруг него. Все они, касаясь Цезаря руками и целуя его в грудь и голову, просили удовлетворить просьбу Кимвра.

Когда Цезарь, удивлённый их возраставшей навязчивостью, поднялся с места, Кимвр схватился рукой за край его пурпурной тоги и потянул её к себе. Это был у заговорщиков условленный знак. В ту же секунду стоявший позади Цезаря Каска выхватил из-под одежды меч и нанёс ему первый удар в плечо. Рана была неглубокая. Цезарь обернулся и с криком: «Что ты делаешь, Каска?» — схватился за рукоять его меча.

Тут вокруг Цезаря засверкали мечи и кинжалы других заговорщиков. Они бросились на Цезаря. Со всех сторон на него посыпались удары. Цезарь, истекая кровью, с гневным криком поворачивался из стороны в сторону.

Никакого другого оружия, кроме стального стиля, в руках его не было. Этим стилем он пронзил руку Каски. Увидя подступавшего к нему с ножом Марка Юния Брута, которого Цезарь считал своим другом, он, говорят, воскликнул: «И ты, Брут?» После этого Цезарь перестал сопротивляться и, закрывшись плащом, упал на пол. Нанося удары Цезарю в тесноте и суматохе, заговорщики переранили друг друга. Многие из них поэтому с головы до ног были покрыты кровью. Цезарю было нанесено 23 раны, но только две из них оказались смертельными.

Сразу же после убийства Брут, выйдя на середину залы, хотел обратиться к сенату с речью, но сенаторы, охваченные ужасом, бежали беспорядочной толпой к выходу. Смятение поднялось во всем городе. На другой день утром Марк Юний Брут выступил с речью в народном собрании. В этой речи он сообщил римским гражданам о смерти тирана и объявил республику восстановленной. Однако слова его были встречены ледяным молчанием. Народ не хотел поддерживать ненавистную ему власть сената.

НАСЛЕДНИК ЦЕЗАРЯ

Внучатный племянник диктатора Цезаря Октавий заканчивал образование в иллирийском городе Аполлони. Ему было всего 19 лет, но благодаря своему высокому родству он уже успел побывать на должности начальника конницы. Теперь под руководством командиров македонской кавалерии он усиленно изучал военное дело.

Однажды вечером тихий городок был взволнован неожиданным известием: Цезарь убит. Вскоре Октавий получил письмо от матери и отчима. Они просили его не спешить в Рим, а скрыться среди преданного войска; затем, если обстоятельства позволят, вернуться в столицу, но не вмешиваться в политическую борьбу. Юноша колебался. Наконец он решил незаметно переправиться в Италию, чтобы там разузнать, как обстоят дела в Риме. Он остановился в маленьком селении и стал собирать сведения. Постепенно он узнал все подробности положения в Риме после рокового дня мартовских ид.

Оказалось, что заговорщики не имели никакого плана действий. Им представлялось, что, когда «тиран» па-

дѣт мѣртвым, народ и сенат, ликуя, восстановит «республику предков». Но сенат в страхе разбежался, а народ, ненавидевший сенатскую знать, из среды которой вышли заговорщики, угрожающе безмолвствовал. Консул Антоний — близкий друг Цезаря — и начальник конницы Лепид забаррикадировались в своих домах. Только ночью Антоний решился отпереть свои двери, чтобы принять перенесѣнную к нему из дома Цезаря казну. Тогда же он принял послов от убийц Цезаря, которые предлагали ему прийти к какому-нибудь соглашению, и распорядился созвать наутро заседание сената.

На заседании участники заговора много и напыщенно говорили о свободе, республике и древнем Бруте-цареубийце. Они предлагали именовать Кассия и Брута освободителями, а Цезаря объявить тираном и бросить его труп в Тибр.

Однако Антоний быстро охладил их пыл. Он указал, что если это предложение пройдет, то распоряжения покойного диктатора будут отменены и все те, кто получил от него почѣтные и выгодные должности, потеряют их. Это сразу изменило положение. Второй консул, Долабѣлла, который ещё накануне намекал на своё участие в заговоре, теперь с бранью накидывался на сенаторов: ведь ему было только 25 лет и он получил консульство задолго до положенного возраста только по милости Цезаря. Антоний напомнил также, что ветераны и колонисты Цезаря непременно восстанут, если у них попытаются отнять полученные от него наделы.

Это решило вопрос. Страх и корысть перевесили «любовь к свободе». Сенат постановил торжественно похоронить диктатора и оставить в силе все его распоряжения. Убийцам вместо благодарности объявлялось только прощение. Было решено поскорее отправить их подальше от Рима.

Антоний возвестил народу принятые решения. Не желая терять популярности, он прибавил, что пожертвовал местью ради мира и спокойствия.

Но мир вскоре был нарушен. В день похорон Цезаря огромная толпа собралась на Марсовом поле. Всѣ громче раздавалось требование огласить завещание Цезаря. Оказалось, что Цезарь завещал народу роскошные сады и приказал выдать каждому римлянину денежный подарок. Остальное имущество он завещал Октавию, которого

объявил своим приёмным сыном. Антоний произнёс надгробную речь. Желая использовать ненависть народа к сенату и привлечь его на свою сторону, он перечислил заслуги покойного, напомнил о его щедрости к солдатам и народу, о доверчивости, с которой он приблизил к себе своих будущих убийц. Возбуждённый сторонниками Цезаря народ бросился к зданию сената и поджёг его. Поджигали дома сенаторов. Искали убийц, чтобы расправиться с ними, но они успели тайно покинуть город.

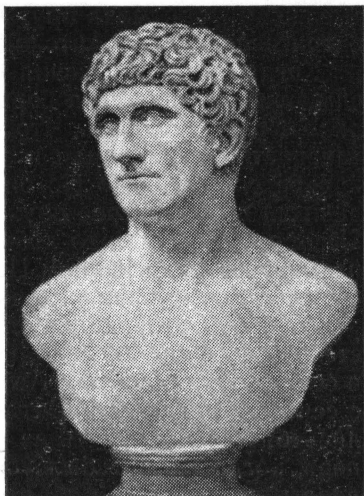

Рис. 39. Марк Антоний.

Некто Герофил, который выдавал себя за внука знаменитого Мария, призывал народ к восстанию. Эти события заставили напуганный сенат примириться с Антонием. Чтобы угодить сенаторам, он приказал схватить и казнить Герофила и распять нескольких рабов и отпущенников. После этой расправы народ отвернулся от Антония. Но не доверял ему и сенат. Он опасался, что Антоний использует войско Цезаря, чтобы стать диктатором. Его действия казались подозрительными. Он набрал себе 6 тысяч солдат-телохранителей под предлогом того, что боится мести народа. Он сумел договориться с другим консулом — Долабеллой. После консульства Долабелла должен был управлять Сирией, а Антоний — Македонией. Таким образом они получали собранные в этих провинциях лучшие войска, которые предназначались Цезарем для войны с Парфнией. А сенат мог надеяться только на несколько галльских легионов, которыми командовал один из заговорщиков — Децим Брут. Сенаторы не могли согласиться на это.

Страсти ещё больше разжигал Цицерон. После смерти Цезаря он бежал в свои поместья, но, когда столица несколько поуспокоилась, вернулся и стал во главе партии сената. Он выступал с речами, рассылал бесчислен-

ные письма, призывал Брута и Кассия начать действовать, интриговал против Антония.

Когда Октавий уяснил себе создавшееся положение, он решил вмешаться в борьбу. Мать, отчим, друзья умоляли его не рисковать. Что может он, почти мальчик, противопоставить сильным и закалённым в политической борьбе соперникам? Но он отвечал, что у него есть надёжный щит и острое оружие — имя его приёмного отца Цезаря. С ним можно добиться многого. Теперь он стал называться Гаем Юлием Цезарем Октавианом¹. Привлечённые этим именем и деньгами, которые он щедро раздавал своим сторонникам, к нему со всей Италии стали стекаться толпы плебеев, богатых отпущенников Цезаря и солдат. Они поносили Антония за его постыдную сделку с сенатом, призывали Октавиана отомстить за отца, клялись биться и умереть за него, если он поведёт их. Теперь, когда Цезарь был убит, народ и все ненавидевшие власть сената помнили, что он много лет выступал как враг аристократии. В его приёмном сыне надеялись увидеть нового борца со знатью. Октавиан решил воспользоваться благоприятной обстановкой.

Со всё возрастающими толпами провожающих Октавиан подошёл к Риму. Антоний не счёл нужным встретить его. Юноша сам отправился к консулу. После долгого ожидания он был допущен к Антонию и сразу приступил к делу. Вежливо, но решительно он потребовал, чтобы Антоний вернул ему имущество Цезаря. Он должен исполнить его последнюю волю, отдать деньги народу и отомстить за отца. Затем он упрекнул консула за то, что тот пренебрёг священным долгом мести, оставил Галлию в руках Децима Брута и даже согласился, чтобы Марк Брут и Кассий получили в управление маленькие провинции Крит и Кирéну.

Антоний не верил своим глазам и ушам. Как осмеливается говорить с ним этот смуглый, худощавый, низкорослый, болезненный юноша? Антоний ответил высокомерно и сухо. Какое право имеет Октавиан требовать у него отчёта? Не воображает ли он, что вместе с именем Цезаря он получил и его власть? Пусть будет благода-

¹ Усыновлённые носили полное имя усыновителя, а своё прежнее имя присоединяли к нему с суффиксом *-ан*: *Эмилиан, Октавиан* и т. д.

рен Антонию уже за то, что он теперь не сын обещанного тирана. А что касается денег, то их было немного в сокровищнице Цезаря и все они ушли на подкуп сенаторов, чтобы добиться благоприятного решения.

Октавиан ушёл, ничего не возразив. Но на всех площадях Рима он выставил для продажи с публичных торгов своё имущество. Он повсюду жаловался, что Антоний лишил его наследства отца, и он вынужден разориться, чтобы выплатить народу деньги, завещанные диктатором. Озлобленный Антоний попытался было обвинить Октавиана в том, что тот подослал к нему убийц. Но Октавиан, выбежав к народу, кричал, что это низкая клевета, что Антоний сам покушался на его жизнь. Если его найдут когда-нибудь убитым, говорил он, то пусть все знают, что это дело рук Антония. Народ и солдаты, и без того осуждавшие поведение Антония, жалели Октавиана, негодовали.

Но всё-таки Антоний был ещё очень силен. За ним шли все те цезарианцы, которые предпочитали договориться с сенатом, чтобы избежать войны и народных восстаний. Тогда Октавиан, также боявшийся народного движения, решил найти союзников против Антония в сенатской партии. Он принялся заигрывать с Цицероном, рассчитывая сыграть на его ненависти к Антонию. Вначале Цицерон встретил юношу недоверчиво, едва отвечал на его вкрадчивые письма. Но постепенно он начал сдаваться. Молодой Цезарь называл его «отцом», скромно просил его советов. Цицерон, мечтавший о восстановлении власти сената, начал подумывать, что Октавиана можно использовать, привлечь с его помощью солдат, противопоставить его Антонию. А после победы будет трудно избавиться от него.

Легко увлекающийся Цицерон всей душой уверовал в этот план. Он повсюду заявлял, что Октавиан спасёт республику и что в пророческом сне он видел, как сам Юпитер спустил с неба на золотой цепи «божественного юношу». Не расхолаживали Цицерона предостережения более осторожного Брута. Тот советовал своему старому другу не расчищать Октавиану путь к власти. По его мнению, «божественный юноша» был много хитрее и опаснее Антония. Цицерон не хотел верить. Ведь Октавиан казался таким почтительным, так охотно давал любые обещания!

Одновременно Октавиан втайне разъяснял солдатам, что его дружба с Цицероном только военная хитрость, на которую его толкнуло коварство Антония. В своё время он отомстит!

Чтобы крепче привязать к себе сенат, Октавиан для вида временно примирился с Антонием. Он помог ему провести в народном собрании закон, по которому Предальпийская Галлия отбиралась у Децима Брута и передавалась Антонию. Однако это решение привело сенат в панику. Ведь из Галлии рукой подать до Рима, и если допустить туда Антония, то он того и гляди явится со своими легионами в столицу и начнёт расправу с сенаторами. Ещё со времени начала войны между Цезарем и Помпеем все знатные и богатые трепетали при мысли, что победитель объявит проскрипции. Цезарь этого не сделал, но возможно, что Антоний окажется более решительным.

Вся надежда теперь была у сената на Октавиана. Ему давали деньги и обещания. Октавиан рассылал своих тайных агентов в итальянские города и к македонским легионам, которые Антоний собирался переводить в свою новую провинцию.

Они разузнавали настроение горожан и солдат, агитировали за Октавиана, обещали от его имени по 500 драхм каждому солдату, который перейдёт на его сторону. Это было в пять раз больше того, что им давал Антоний. В войсках Антония начался ропот. Антоний прибег к жестокой расправе. После этого два легиона целиком перешли на сторону Октавиана.

Антоний уехал из Рима, чтобы самовольно начать войну против Децима Брута, не желавшего покинуть Галлию. Тогда сенат объявил Антония врагом народа. Цицерон произносил против него пламенные речи. Он предсказывал, что, придя в Рим, Антоний отдаст жизнь и имущество «лучших», то есть самых богатых и знатных граждан, в жертву озверевшим солдатам. Недаром именно Антоний предлагал царскую корону покойному диктатору; это он, нечестивец, скупил по дешёвке имущество Помпея, когда все порядочные люди и даже сам Цезарь ещё оплакивали его смерть. Всем известно, говорил Цицерон, что Антоний обезумел от пьянства.

Сторонники Антония не оставались в долгу. Они высмеивали Цицерона за его тщеславие, издевались над

Октавианом за его трусость и низкое происхождение. Пусть мальчишка называет себя сыном Цезаря; его настоящий отец был ростовщиком, а дед — простым мельником.

Наконец сенат поручил вновь избранным консулам вместе с Октавианом отправиться в Галлию против Антония. Одновременно сенат передавал Бруту и Кассию все стоявшие на востоке войска и деньги, собранные старшим Цезарем для парфянского похода. Так Октавиан оказался в лагере убийц своего приёмного отца. Положение было тяжёлое. Он мог лишиться своих сторонников из числа солдат и понимал, что, если Антоний будет побеждён, партия сената отшвырнёт его как ставшее ненужным оружие. До него уже дошли слухи, что кое-кто из новых союзников называет его ничтожным мальчишкой. Но до поры до времени он молчал и отправился в Галлию, где Антоний осадил Децима Брута в городе Мутине.

После ряда незначительных стычек Антоний был разбит и снял осаду. Но победа стоила дорого: половина армии и оба консула погибли в сражении. Ходили слухи, что Октавиан был причастен к их смерти; казалось странным, что он не преследует Антония. Но сенат всё ещё не понимал, с кем имеет дело. В упоении победой он передал все войска Дециму Бруту и назначил 50-дневные благодарственные жертвоприношения богам. Имя Октавиана в этих постановлениях даже не упоминалось. Когда он потребовал триумфа, ему ответили, что он ещё не дорос до такого отличия.

Октавиан понял, что настало время переменить позицию и снова сплотить партию цезарианцев, иначе солдаты могли его покинуть. Он стал отпускать захваченных солдат и командиров Антония, щедро одаривал их, говорил, что всей душой желает сблизиться с их военачальником. Он писал Лепиду и другим видным цезарианцам, уговаривая их сплотиться, пока партия сената не перебила их поодиночке. Одновременно он потребовал у сената, чтобы его избрали консулом. Это предложение было встречено градом оскорблений и насмешками. Октавиан обратился с речью к солдатам; напомнил, что сенат до сих пор не выплатил им жалованья; предсказывал, что вскоре сенаторы лишат солдат и ветеранов их земельных наделов. Только он может отстоять их права, если они помогут ему получить консульство. Как некогда его приёмный отец,

юный Цезарь перешёл Рубикон и повёл свои легионы на Рим.

Ужас объял сенат. Что будет, если Октавиан заключит союз с Антонием, который уже объединился с Лепидом и снова стоит во главе сильной армии? Сенату пришлось выйти к нему навстречу. Конечно, теперь Октавиан распоряжался как хотел и сразу же был избран консулом. Немедленно начался суд над убийцами диктатора. Заочно их приговорили к смерти. Одновременно были отменены постановления сената против Антония. Так подготовил Октавиан торжественное примирение вождей цезарианцев. На маленьком островке близ Мутины он встретился с Антонием и Лепидом. Каждый из них пришёл к месту встречи в сопровождении пяти легионов.

Первым по мосту на островок прошёл Лепид, затем, убедившись, что место безопасно, махнул плащом Октавиану и Антонию.

Два дня совещались они на глазах собравшегося войска и наконец пришли к соглашению. Отныне они втроем становились «триумвирами для устройства государственных дел», то есть верховными правителями римской державы. Они поделили между собой провинции и легионы. Было решено немедленно начать войну с Брутом и Кассием, выделить для награды солдатам землю и, наконец, объявить проскрипции против врагов триумвиров. Опасения, мучившие богатых землевладельцев почти десять лет, сбылись. Власти сената пришёл конец.

УСТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

— Что это, сосед, тебя нигде не видно? Всё сидишь дома запершись? — спросил римский плотник Руфий у своего соседа — сапожника. Тот хитро подмигнул:

— Это, друг, тайна, но тебе, так и быть, расскажу. Когда Октавиан отправился на войну с Антонием и его женой, египетской царицей Клеопатрой, я купил двух воронов и обучаю их говорить. Один будет говорить: «Да здравствует победитель император Октавиан!», а другой: «Да здравствует победитель император Антоний!» Кто бы из них ни вернулся в Рим победителем, я получу свою награду за преданность.

Руфий рассмеялся.

— Ты, брат, хитёр, — сказал он. — Нам, маленьким людям, правда, всё равно, кто будет править Римом. Но всё-таки последнее время много нехорошего рассказывают про Антония. Говорят, что с тех пор, как он окончательно поселился в Египте и женился на Клеопатре, он ведёт себя не как римский полководец, а как восточный царь. Всё время проводит на пирах, одевается по-восточному, забыл наших богов, поклоняется египетским богам с собачьими и кошачьими головами. Он объявил себя богом Дионисом и во всём слушается свою нильскую змею — царицу.

— Это ещё было бы не так страшно, — вмешался подошедший к собеседникам старый солдат, — пусть бы себе жил в Египте. Но ведь Клеопатра хочет завоевать Италию. Она теперь клянётся, что будет издавать законы на Капитолии. Слышали, недавно на одном пиру она, хвастая своим богатством, выпила растворённую в вине жемчужину ценой в 10 миллионов сестерциев. Говорят, будто она опоила Антония каким-то волшебным зельем, от которого он потерял разум. Поневоле начинаешь этому верить. Я ведь сам только что из Александрии и своими глазами видел, что там творится. Представьте: вдруг приказывают всему народу собраться в парк у мавзолея Александра Македонского. Меня с товарищами отрядили нести там караул. Приходим. Видим — там уже выстроены серебряный помост; на нём стоят два высоких золотых трона и четыре трона пониже. Народ столпился, ждёт, переговаривается.

Наконец являются роскошно одетые Антоний в костюме бога Диониса, Клеопатра в костюме богини Исиды и её дети.

Всходят они на помост, рассаживаются на тронах, и Антоний торжественно объявляет, что дарует своей супруге титул «царицы царей», а в придачу почти все наши восточные провинции, потому что некогда ими владели её предки, цари Египта.

Все прибывшие ко двору Клеопатры азиатские царьки, египетские жрецы, все, кто владеет там огромными, как целые княжества, землями, были очень довольны таким заявлением Антония. Они готовы поддерживать Антония, лишь бы он оставил им их власть и богатства. Да и в народе многие предпочитают Клеопатру римским наместникам.

Ну а мы, солдаты, да и кое-кто из римской знати, последовавшей за Антонием в Александрию, были возмущены. Для того ли мы и наши отцы и деды завоевывали эти земли, чтобы их без боя отдать египетской царице! Ведь оттуда текут в римскую казну подати, оттуда поступают к нам лучшие рабы. Из каких средств будет правительство выдавать нам жалованье и платить за землю, которую мы получаем при отставке, если Рим лишится своих восточных владений?

— А как здесь относятся граждане к власти Октавиана? — спросил солдат у плотника, внимательно слушавшего его рассказ.

— Врагов у Октавиана сейчас немного, — отвечал Руфий, — из старой знати самые непримиримые погибли во время проскрипций, а остальные вернулись в Рим и прекрасно ладят с Октавианом. Даже сын убитого во время проскрипций Цицерона, говорят, намечен в консулы на следующий год. С командирами Октавиана, которых они презирали, как безродных выскочек, они теперь и дружат и роднятся. А те разбогатели и сами стали сенаторами и знатными людьми. И все они одинаково готовы отказаться от «республики предков» и повиноваться Октавиану, лишь бы не грозили им больше новые смуты и проскрипции, лишь бы они считались первыми людьми в государстве и пользовались почётом и богатством. С тех пор как Октавиан вернул им рабов, бежавших во время гражданских войн, они готовы молиться на него. Всякая новая война грозит им новым разорением. Это нам, бедным людям, безразлично, Антоний ли, Октавиан ли. Всё равно лучше не станет...

— В восточных провинциях, я знаю, у Октавиана много сторонников, — перебил плотника солдат, — это купцы, богатые ремесленники, владельцы имений. Они надеются, что под властью Рима с наступлением мира им будет житья свободнее. Торговля оживится, рабов станет больше. Все эти царьки и жрецы, которые стоят за Антония и Клеопатру, во многом мешают торговле и ремеслу. А Октавиан умеет привлекать людей. Тем, кто за него воевал или ещё как-нибудь помогал ему, в провинциях он даёт римское гражданство, освобождение от налогов и повинностей. Ну, а что касается вас, римских плебеев, то вы и сами говорите, что вам всё равно, кто будет правителем.

Лишь бы вам выдавали даровой хлеб да развлекали зрелищами. А Октавиан это умеет!

— Ну, а что ты скажешь о твоих товарищах, солдатах? — спросил Руфий. — Ведь вы всегда больше любили Антония, как старого соратника Цезаря и храброго полководца.

— Это так, — ответил солдат, — мы были ему очень преданы. Ведь не секрет, что Брута и Кассия при Филиппах разбил он, а Октавиан отлёживался в то время в своей палатке, сославшись на болезнь. Да и вообще в войне он не из удачливых. Всё делают его полководцы. Но зато он щедро раздаёт и деньги и земли. А поведение Антония в Египте отталкивает от него многих. Даже Домиций Агенобарб, самый знатный и самый преданный из сторонников Антония, покинул его. Он умолял его бросить Клеопатру. Если же война неизбежна, то Антоний должен идти против Октавиана в качестве защитника римской свободы, а не как муж египетской царицы. Тогда, говорил Домиций, ещё можно надеяться найти в Италии и Риме поддержку. Но Антоний считает, что ему нельзя ссориться с царицей, потому что только богатейшая египетская казна поможет ему одержать победу над Октавианом, а затем, наконец, завоевать Парфию.

У Антония есть сейчас тридцать римских легионов и военные части, присланные восточными царьками. Кроме того, у него превосходный флот из огромных кораблей, похожих на настоящие крепости. Я сам видел всё это в Малой Азии, в Эфесе, где Антоний и Клеопатра заканчивали приготовления к войне с Римом. Оттуда они переправили армию через Эгейское море в Грецию. Туда же прибыл римский флот и армия во главе с Октавианом. У него корабли поменьше, но зато более подвижные и увёртливые. Антонию выгодней было бы скорей начинать решающую битву, пока из Рима не прибыли новые подкрепления, но он почему-то не решается. Римские солдаты перестали верить в него. Пошли всякие слухи. Некоторые говорят, что Клеопатра вовсе не хочет победы, боится, что, победив, Антоний разорвёт с ней, чтобы угодить римлянам. Многие солдаты стали переходить к Октавиану, который обещает поселить их за это в Италию и наградить землёй. Вот и я ушёл. Ведь я воевал ещё при покойном Цезаре, был при Филиппах, и мне давно пора на покой!

Солдат сказал, обращаясь к сапожнику:

— Так что, я думаю, друг, тебе надо побольше заниматься с тем вороном, который учится поздравлять Октавиана. Вряд ли Антоний сумеет одержать победу.

* *

*

И действительно, солдат оказался прав. Вскоре пришла весть, что произошло наконец морское сражение при мысе Акции на северо-западе Греции. Странное было это сражение. Храбро бились матросы и солдаты с обеих сторон; ловко маневрировали лёгкие корабли Октавиана, увёртываясь от метательных снарядов противника. Ещё далеко было до конца боя, ещё неясно было, на чью сторону склонится победа, как вдруг Клеопатра, присутствовавшая при битве, приказала поднять паруса на своих шестидесяти судах и обратилась в бегство. Антоний, бросив на произвол судьбы свой флот и армию, последовал за ней.

Целую неделю ждали легионеры возвращения Антония. Ушли из его лагеря последние друзья из римской знати, ушли со своими отрядами союзные цари, а солдаты всё ещё ждали. Только на седьмой день легионеры поверили, что Антоний их покинул, и вместе с флотом сдались Октавиану. Восточные провинции и большая часть шедших за Антонием царей склонились перед победителем. Целый год объезжал Октавиан Азию, карая одних, награждая других, принимая льстивые поздравления. Укрепляя свою власть на Востоке, он медленно приближался к Египту.

А при дворе Клеопатры царица растерянность. Антоний то начинал готовиться к обороне, то впадал в отчаяние. Он подозревал, что царица вступила в тайные переговоры с Октавианом, поверив его обещаниям оставить ей власть над Египтом, если она предаст Антония. И действительно, когда Октавиан с армией подошёл к Александрии, царица Клеопатра, забрав свои сокровища, скрылась, а остатки армии и флота Антония отказались сражаться. Покинутый всеми, Антоний покончил с собой. Клеопатра скоро узнала, что Октавиан обманул её, что он намерен обратить Египет в римскую провинцию, а её, на потеху римлян, вести в цепях за своей триумфальной колесницей.

Октавиан приказал охранять Клеопатру, опасаясь, что она лишит себя жизни. Так и случилось. Однажды её нашли мёртвой в собственной спальне. Клеопатра была одета в роскошный царский наряд, рядом лежали мёртвыми две её рабыни. Говорили, что преданный раб передал ей в корзине цветов маленькую ядовитую змейку, укус которой спас её от последнего унижения.

Богатства Египта потекли в римскую казну. Щедро были награждены солдаты, роскошные празднества устраивались для народа по случаю триумфа.

Сенаторы, владельцы вилл и рабов, солдаты славили победителя, верили, что наконец надолго наступил долгожданный мир. «Теперь время пить,— писал поэт Гораций.— Не подобало извлекать старое цекубское вино из отеческих погребов, пока царица, ослеплённая своим счастьем, готовилась разрушить Капитолий. Но Цезарь, поспешив от берегов Италии, заковал в цепи это чудовище». Всё новые почести присуждал Октавиану сенат. День его рождения, годовщины его побед были объявлены праздниками. На его двери был повешен венок «за спасение граждан», а в сенате водружён золотой щит с перечнем его заслуг. Ему были присвоены звания императора, консула, проконсула, народного трибуна. В городах Италии и провинций воздвигались его статуи. Наконец, сенат присвоил ему имя Августа («возвеличенный богом»).

Теперь никто не мог думать о сопротивлении главнокомандующему 75 легионов, единственному повелителю огромного государства.

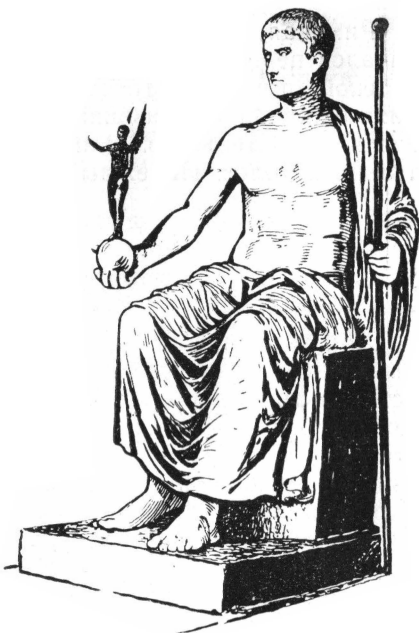

Рис. 40. Октавиан Август.

Римская республика окончила своё существование, начался период Римской империи. Кончились власть сенатской знати и многолетние войны. В Италии и провинциях оживились и развивались земледелие, ремесло, торговля, строительство. Однако расцвет этот был сравнительно недолг. Надежды на «золотой век» не сбылись.

ТРИ ПОЭТА

Дом знаменитого полководца Марка Випсания Агриппы по количеству помещений, обилию скульптур и картин уступал лишь дворцу самого императора. Много гостей мог бы вместить просторный *триклинный* — так называлась столовая в римском доме. Но сегодня собралось здесь избранное общество — несколько знаменитых писателей и поэтов. Облокотясь на подушки, они полулежали на мягких ложах, покрытых пурпурными покрывалами.

В триклинии стояли скульптуры — подлинные шедевры греческих мастеров. Роспись на стенах изображала эпизоды Троянской войны. Картины битв между греками и троянцами должны были напоминать о сражениях, в которых прославился хозяин дома.

Обед, как обычно, начался в три часа. На общий стол, имевший форму удлинённого полумесяца, были поданы яйца, овощи, устрицы, варёные раки, салаты из спаржи, редиса и прочая снедь. Юные рабы наливали в кубки вино, слегка подслащённое мёдом.

После традиционных молитв о благоденствии вечного города — Рима и императора поднялся со своего ложа старший из присутствующих Гай Цильний Меценат. Ближайший друг Октавиана, он был сказочно богат, славился гостеприимством и щедростью.

Человек жизнерадостный и энергичный, он всегда был окружён художниками и поэтами, которых щедро одаривал землями, рабами, поместьями¹. Меценат коллекционировал произведения искусства и драгоценные камни. Он писал учёные произведения в прозе, изысканные и

¹ Имя *Мецената* — покровителя писателей и художников — стало нарицательным. Русским меценатом называют П. М. Третьякова, который помогал художникам и основал в Москве картинную галерею.

вычурные стихотворения. Сейчас он решил произнести тост в честь хозяина дома:

— Городу и миру хорошо известны твои заслуги, Агриппа. Ты выиграл много сражений, покорил много варварских племён, мудро управлял провинциями. Римский народ избирал тебя на самые высокие должности в государстве. Теперь ты вернулся к нам с новыми победами из Галлии и Испании. Мы собрались в твоём доме, чтобы пожелать тебе многих лет жизни и здоровья на благо вечному городу и его народу. Я сожалею только о том, что здесь нет нашего Августа, который находится сейчас на Востоке, в далёком походе против парфян. Ты с ним вместе учился, Агриппа. С юных лет вы дружили, как Орест и Пилад. Вы вместе сражались, как Ахилл и Патрокл. О ваших победах никогда не забудут римляне. И в мирные дни ты делаешь всё, чтобы возвеличить наш город, Агриппа. Ты проложил новые дороги, дал римлянам новый водопровод, украсил Рим термами и садами. Ты первый стал устраивать для народа выставки прекрасных творений греческих художников. Ты написал образцовые сочинения по земледелию, полезные для наших хлебопашцев и виноградарей. Трудно перечислить все твои добрые дела, Агриппа! Мы выпьем за твоё здоровье столько бокалов, столько букв в твоём громком имени!

Агриппе было приятно слушать хвалебную речь Мецената, но он ответил с подобающей скромностью:

— Спасибо тебе, Меценат, за добрые слова. Но стоит ли говорить о моих малых заслугах, когда божественный Август совершает великие дела на Востоке?

— О подвигах Августа не скажешь простыми словами. Чтобы их достойно прославить, нужно владеть величавым искусством Гомера, — говоря это, Меценат улыбнулся и взглянул на своего соседа. — Мы сегодня отмечаем два события. Великий полководец Агриппа возвратился с победой в Рим. Великий поэт Вергилий на днях отправляется в Азию, к берегам легендарной Трои. Он хочет своими глазами взглянуть на места, которые воспел в поэме, посвящённой Августу. Счастливец, он раньше нас увидит императора и, конечно, будет читать ему стихи. Попросим Марона прочесть и нам на прощание что-нибудь из его «Энеиды».

Все взоры обратились к поэту, который возлежал рядом с Меценатом. Неторопливо поднялся Публий Верги-

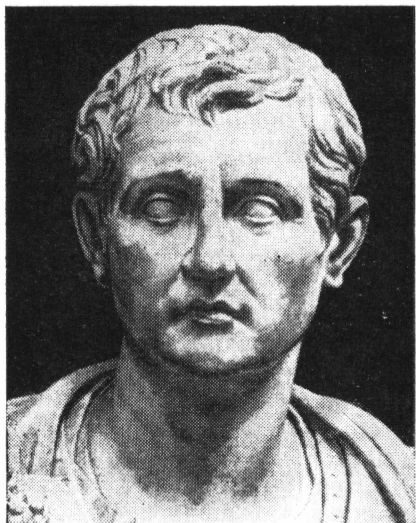

Рис. 41. Публий Вергилий Марон.

лий Марон. Внешне он был похож на крестьянина. Он был высокого роста, крепкого телосложения, с печальными глазами и смуглым лицом. У него был приятный глубокий голос и удивительно плавные жесты.

Хотя Вергилию было лет пятьдесят, он сохранил юношескую застенчивость. Когда в театре или в цирке народ приветствовал его рукоплесканиями, он не знал, куда скрыться. Когда на улице люди ходили за ним сле-

дом, он прятался в первом попавшемся доме. Вергилий не любил читать стихи в общественных местах. Но в кругу близких друзей он охотно читал свои произведения. Так, закончив поэму о земледелии «Георгики», он четыре дня подряд читал её Августу в присутствии Мецената.

Поэма «Энеида» не была ещё отделана окончательно, и сейчас Вергилий не очень охотно выполнил просьбу своего друга и покровителя Мецената.

Неторопливо разворачивая свиток, поэт читал о том, как погибла священная Троя после десятилетней войны. Греки потушили костры, сделали вид, что сняли осаду и уплыли домой. На самом деле они спрятались на своих кораблях в гавани острова Тенедоса, недалеко от Трои. Они оставили на троянском берегу огромную деревянную лошадь. Троянцы, обрадованные окончанием войны, побежали из города на опустевший берег. Увидев деревянного коня, они решили втащить его в город как военный трофей. Один только жрец Лаокоон гневно кричал, что нельзя вводить в свой город загадочное сооружение, построенное врагами:

«...Бойтесь данайцев, дары приносящих!» —
Так сказал, — и копьё тяжёлое мощной десницей
Он в огромный бок и в согбенное чрево громады
Ринул. Вонзившись, оно зашаталось. Дрогнуло зданье.
Внутренность звон издала. Застенало в недре глу-
боком...

Тут явилось другое, неслыханно страшное чудо.
Нашим очам и вселило в сердца неописанный трепет:
Рядом плывут от страны Тенедоса по тихому морю
(Вспомнив о том, трепещу!) два змея, возлегши на
воду.

Вьются хвосты. Разгибаясь, сгибаясь, вздымаются
спины.

Ярко налитые кровью глаза и рдеют и блещут.
С свистом проворными жалами лижут разинуты пасти.
Мы, побледнев, разбежались. Чудовища прыгнули
дружно

К Лаокоону...

Чудовищные змеи задушили жреца Лаокоона вместе
с двумя его сыновьями. Троянцы решили, что боги нака-
зали жреца за то, что он кинул копьё в коня, посвящённо-
го богине Афине. Значит, неправ был Лаокоон, не разре-
шая вводить коня в город.

— Ввести коня в город! Молить о пощаде Афины! —
закричал народ. Разобрав часть стены, троянцы втащили
коня в городские ворота. А ночью, когда защитники Трои
крепко спали, открылась тайная дверь в брюхе деревян-
ной лошади. Вылезли из коня спрятавшиеся там грече-
ские воины, открыли ворота города и дали сигнал своим
боевым дружинам. Греки ворвались в спящую Трою.
В крови и пламени погибли все защитники города. Толь-
ко один богоравный Эней и его отец Анхис были спасены
по воле богов. Долго он странствовал, испытал много
страданий, прежде чем достиг берегов Италии, куда пере-
нёс алтарь священной Трои.

Хозяин и гости внимательно слушали Вергилия. Они
знали, что поэт более десяти лет работал над этой гран-
диозной поэмой. Воспевая троянского героя Энея, древ-
нюю историю Рима, римский народ и природу Италии,
Вергилий тем самым прославлял и императора: Эней счи-
тался родоначальником рода Юлиев, к которому принад-
лежали Юлий Цезарь и Октавиан Август. Много хвалеб-

ных строк посвятил Вергилий потомку Энея — своему другу и повелителю Августу.

Когда поэт кончил читать, наступило долгое молчание.

Юноши-рабы тем временем разливали фалернское вино столетней давности. Подносили каждому из гостей серебряные тазы с ароматной водой для омовения рук. На широких подносах разносили первую смену блюд — стерляди и форели, омары и крабы, фаршированную осетрину, лягушачьи лапки, рыбный паштет, икру разных сортов — всё, что водится в солёной и пресной воде.

— Мы слушали божественные гексаметры¹ нашего римского Гомера. Хорошо было бы теперь послушать латинские стихи во вкусе Сапфо или Алкея², — сказал Агриппа, обращаясь к поэту, который возлежал рядом с Вергилием и Меценатом. Это был Квинт Гораций Флакк. Отец его был бедным вольноотпущенником, он сумел дать сыну прекрасное образование сперва в Риме, затем в Афинах. В юности Гораций был страстным защитником республики, храбро сражался под командой Брута против Октавиана и получил в республиканской армии звание военного трибуна.

Неожиданно в разговор вмешался Марк Валерий Месала:

— Я очень люблю твою оду «К Помпею Вару». Прочти её нам, Гораций! Помнится, она начинается так:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?..

¹ Гекзаметр — шестистопный стихотворный размер, которым написаны «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия и др. См. очерк «Архилох» в книге для чтения «Древняя Греция», изд. З. М., Учпедгиз, 1963.

² Алкей и Сапфо — великие греческие поэты, жили на острове Лесбос в VII—VI вв. до н. э.

Мессала был выдающимся оратором и полководцем. Более двадцати лет назад он вместе с Горацием сражался за республику под знамёнами Брута. Потом он перешёл на сторону Октавиана и оказал ему немало военных услуг. Однако в душе Мессалы сохранились симпатии к республике. Он не без задней мысли напомнил сейчас самым преданным приверженцам Августа об утраченной свободе и вольнолюбивом Бруте.

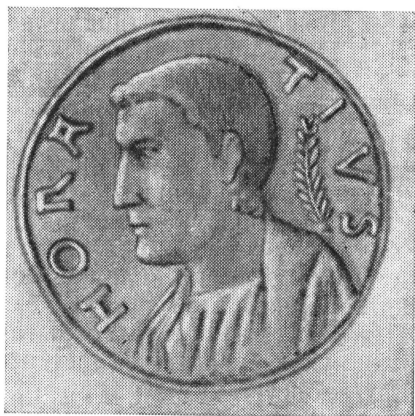

Рис. 42. Квинт Гораций Флакк.

Друзья императора были явно недовольны: Агриппа грозно нахмурился, Меценат покачал седой головой.

Гораций обратил внимание на это. Он давно отказался от политической деятельности. Октавиан прекратил многолетнюю гражданскую войну и принёс жителям Рима желанный мир. Это примирило поэта с императором. Августу удалось приблизить к себе Горация. Меценат осыпал поэта своими милостями и подарил ему небольшое имение в Сабинских горах. Теперь Гораций с улыбкой вспоминал грехи своей молодости, одобрял деяния Августа и искренне любил Мецената.

— Я лучше вам прочитаю, друзья, мою последнюю оду, — сказал Гораций, стараясь потушить вспыхнувшую искру вражды.

Поэт встал со своего ложа. Маленький, полный, но быстрый в движениях, он был во всём полной противоположностью Вергилию. Хотя разница в возрасте между ними была всего лишь в пять лет, Гораций выглядел гораздо моложе Вергилия и относился к нему почтительно, как к учителю. Когда-то Вергилий первый заметил поэтическое дарование Горация и ввёл его в кружок Мецената.

Гораций читал стихи замечательно, подчёркивая голосом музыкальный ритм и переключку одинаковых гласных звуков:

Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий царственных превыше пирамид.
Его ни едкий дождь, ни аквилон¹ полночный,
Ни ряд бесчисленных годов не истребит.
Нет, я не весь умру, и жизни лучшей долей
Избегну похорон, и славный мой венец
Всё будет зеленеть, доколе в Капитолий
С безмолвной девою верховный ходит жрец...²

Тихо было в триклинии, пока звучали чеканные строки Горация.

— Что за флейта сокрыта в тебе! — в восторге воскликнул Мекенат. Он действительно слушал стихи своего друга как музыку. Кроме того, он был восхищён деликатностью, с которой Гораций изменил направление разговора.

— Эта музыка лучше стихов самого Пиндара³, хотя он прекрасно писал на ту же самую тему, — подхватил Мессала сравнение Мекената. — Поэты счастливее всех прочих смертных. Все мы умрём, а поэт будет жить в своих стихах и после смерти.

Мессала был большим знатоком греческого языка и сам писал некоторые произведения по-гречески. Высокий ценитель поэзии, Мессала покровительствовал писателям так же, как Мекенат. Но взгляды и вкусы у них были разные. В кружке Мекената объединились придворные поэты, которые воспевали подвиги императора. А в доме Мессалы собирались поэты, которые не хотели прославлять Августа. Они избегали политических тем, писали стихи о любви и прелестях деревенской жизни.

Тем временем рабы уносили рыбные блюда и приносили на золотых подносах вторую смену блюд. Кухня Агриппы славилась искусными поварами. Мясные блюда были особенно разнообразны: кабанье мясо, голуби, фаршированные фазаны, гусиная печёнка, мышинные лапки, петушиные гребешки, черепахи, мозги перепёлок, паштеты из павлиньих и соловьиных языков.

Поднимая бокал, хозяин дома обратился к гостям:

¹ Аквилон — северный ветер.

² Верховный жрец и весталка ежегодно поднимались на Капитолий для молитвы о благоденствии вечного города Рима.

³ Пиндар — великий греческий поэт, жил в городе Фивы в VI—V вв. до н. э.

— Мы сейчас слушали Вергилия и Горация, и невозможно сказать, кому из этих поэтов можно отдать предпочтение. Произведения достойны золотого века и самого Августа. Слава их будет переходить из поколения в поколение. Осушим бокалы за здоровье двух великих поэтов!

Когда вино было выпито, Мессала обратился к Агриппе:

— В Риме столько поэтов, сколько вечнозелёных лавров в садах римлян. Ты прав, Агриппа: Вергилий и Гораций среди них как два могучих дуба. Но и огромный дуб вырастает из жёлудя. Я хотел бы, чтобы ты послушал стихи моего юного друга. Может быть, они понравятся и нашим поэтам. — И Мессала указал на юношу, который возлежал рядом с ним. Ему было немногим более двадцати лет, в то время как остальным давно минуло сорок.

Меценат в самом начале обеда обратил внимание на бледного молодого человека, с тонкими чертами лица, обрамлённого тщательно завитыми локонами. Взглянув на юношу, Меценат промолвил:

— Я знал, что Мессала приготовил нам какой-нибудь сюрприз к десерту.

Юноши-рабы в это время украшали стол яблоками, фигами, гранатами, виноградом и прочими фруктами. Они подавали также маринованные сливы, солёные грибы, сыр, сладкие блюда из теста, мёда и фруктов.

Публий Овидий Назон стоял смущённый и растерянный. Он благоговел перед Вергилием и Горацием. Впервые он должен был читать стихи в их присутствии. Голос его иногда прерывался от волнения, и это придавало особую прелесть его легким, изящным стихам.

Овидий читал о страданиях Ариадны, покинутой Тесеем. Присутствующие сразу же вспомнили легенду о славном подвиге афинского героя.

Ариадна была дочерью жестокого критского царя Миноса, который приносил афинских юношей и девушек в жертву Минотавру — чудовищу с человеческим телом и головой быка.

Однажды среди обречённых на гибель прибыл на остров Крит Тесей, который решил убить Минотавра и освободить Афины от позорной дани. Ариадна полюбила героя и решила ему помочь. Минотавр жил в Лабиринте, из которого невозможно было выбраться — так много комнат и переходов было в этом дворце. Ариадна дала Тесею

клубок ниток. Он привязал конец нитки у входа и смело пошёл в глубь Лабиринта, разматывая на ходу клубок.

В страшной битве герой убил Минотавра. Нить Ариадны вывела из Лабиринта Тесея и спасённых им юношей и девушек. В тайне от царя Миноса сели они на корабль и покинули ненавистный остров. Вместе с Тесеем бежала от отца Ариадна.

Корабль остановился у острова Наксос. Здесь по приказу богов Тесей покинул спящую Ариадну, а сам отправился в дальнейший путь к родным берегам.

Когда Ариадна проснулась, она с ужасом увидела вдали корабль Тесея. Страх охватил её сердце — она осталась одна на пустынном берегу:

Может быть рыжие львы обитают на острове этом.
Может быть, яростный тигр ищет добычу свою.
Мне кровожадные волки мерещатся в шорохе каждом.
На растерзанье зверям бросил меня ты, Тесей!
В горе я руки к тебе простираю чрез бурные волны.
Я ведь спасала тебя! Ты меня губишь теперь!
Всеми богами тебя заклинаю, в слезах умоляю:
Останови свой корабль! Снова на остров вернись!..

С замечательной силой передал Овидий в стихах плач Ариадны, её отчаяние, страх и обиду. Как живая, предстала она перед слушателями, которые с интересом смотрели на молодого поэта. Стройная фигура Назона, его раскрасневшееся от волнения лицо, его проникновенные стихи, в которых так ярко были выражены человеческие чувства, — всё привлекало к нему симпатии. По лёгкости и безупречной музыкальности стихов можно было догадаться об изысканном вкусе и замечательном поэтическом даровании нового поэта.

— Ты прав, Мессала, — сказал Меценат. — В Риме теперь три великих поэта: Вергилий воспекает подвиги, Гораций прославляет мудрость, а твой юный друг Овидий поёт о любви.

ОВИДИЙ

Это было две тысячи лет назад. Однажды вечером в начале декабря восьмого года нашей эры к одному из самых богатых домов Рима подъехала небольшая повоз-

ка. В парадной комнате дома — в *áтрии*, освещённом мерцающим светом факелов и канделябров, царило чрезвычайное оживление. Ещё недавно этот атрий, богато украшенный яркими фресками и мраморными скульптурами, посещали сенаторы и всадники, прославленные ораторы, художники и поэты. Сегодня в нём не было знатных римлян. Только рабы и вольноотпущенники сновали взад и вперёд с различными свёртками, пакетами, ярко раскрашенными сосудами.

Расшитый золотом занавес отделял атрий от *табл́ина* — кабинета хозяина дома, где в глубокой задумчивости стоял человек высокого роста, в лёгкой белоснежной тунике, украшенной узкой пурпурной полосой¹. На вид ему было лет пятьдесят: волосы начинали уже серебриться, на лбу обозначились глубокие морщины. Лёгкое дрожание левой руки с золотым кольцом на безымянном пальце выдавало сильное волнение. Это был знаменитый поэт Публий Овидий Назон.

Ещё недавно Овидий был одним из самых счастливых жителей Рима. Слава его как поэта возрастала с каждым годом. Десять раз он был награждён венком на поэтических состязаниях. Юноши учили наизусть его сверкающие остроумием стихи. Знатные сановники старались пригласить его в гости. У Овидия было много друзей и добрых знакомых. Он сблизился с придворными кругами и вместе с женой Фабией не раз бывал во дворце Октавиана.

И вдруг, как гром среди ясного неба, разразился гнев императора, который приказал немедленно выслать Овидия в далёкую Скифию, в город Томы, без права возвращения в Рим.

Дом поэта сразу опустел. Все знакомые от него отступились. Бывшие друзья избегали встреч с ним. Только два самых преданных товарища осторожно пробрались в дом Назона, попрощались с ним навсегда и поспешно ушли, опасаясь, что Октавиан узнает об их посещении.

Овидий думал сейчас о том, что он не сможет повидать перед отъездом любимую дочь и маленьких внуков: они недавно уехали в Африку. Он представил себе, как тягостна будет разлука с женой. Даже в эти скорбные минуты мысли Овидия стали произвольно складываться в стихи, обращённые к жене:

¹ Узкую полосу на тунике имели всадники, широкую — сенаторы.

Ты страдаешь? Тебе я принёс безутешное горе!
Нас разлучает не смерть, но меня ты оплакать должна!
Плачь над моею судьбою! Есть некая в плаче отрада:
Боль накапливается в груди и утекает в слезах...

Овидий подошел к книжному шкафу, где грудями лежали рукописи — папирусные свитки, пергаменты из самой тонкой кожи, маленькие дощечки, натёртые воском. Он вынул из круглого футляра несколько толстых папирусных свитков. Это была поэма о сказочных превращениях — «Метаморфозы». Сколько упорного труда было вложено в двенадцать тысяч строк его любимого детища! Он знал, что «Метаморфозы» останутся лучшей книгой из всех, сочинённых им ранее, и из тех, которые он, может быть, ещё сочинит. Недаром в конце поэмы Овидий писал:

«Я окончил свой труд. Его не истребят ни гнев Юпитера, ни пламя, ни мечи, ни всепоглощающее время. Когда наступит последний день моей тревожной жизни, он будет последним лишь для моего бренного тела... Народ будет читать мои стихи везде, где распространяется римская власть над покорёнными землями. И слава обо мне будет переходить от поколения к поколению, если есть хоть капля правды в предчувствиях поэтов...»

Овидий стал быстро разворачивать свитки любимой поэмы. Здесь оживали в звучных латинских гекзаметрах греческие и римские мифы: боги, герои и смертные люди чудесным образом превращались в деревья и цветы, в камни и звёзды.

После первой метаморфозы из всеобщего хаоса возник цветущий мир. Невспаханная земля сама приносила плоды и колосья. Реки текли молоком, а с зелёного дуба сочился жёлтый мёд. Вечно царила весна. Люди жили счастливо и спокойно, не зная ни шлемов, ни мечей, ни войны. Это был «золотой век» человечества.

Затем мир попал под власть жестокого Юпитера, который сократил весну и разделил год на четыре части: весну, лето, осень и зиму. Люди стали укрываться от холода в пещерах, строить шалаши и добывать хлеб тяжёлым трудом. Этот «серебряный век» был гораздо хуже «золотого». Но ещё более жестоким оказался «медный век», когда начались непрерывные войны.

После «медного века» наступил самый страшный — «железный век». Земля раньше принадлежала всем

одинаково как воздух и лучи солнца. Теперь землю разделили на маленькие участки и люди стали ссориться из-за них. Они проникли в глубь морей и в недра земли, научились там добывать пагубное железо и ещё более губительное золото. В борьбе за богатство начались войны и преступления. Исчезли честность и стыд, родились обман и коварство, насилия и грабежи.

С горечью подумал Овидий, что настало время, когда и его самого коснулось ледяное дыхание «железного века».

Глаза поэта продолжали скользить по строкам, которые напоминали о многих часах высокого вдохновения и кропотливого труда. Он знал, что герои поэмы были больше похожи на его современников, чем на мифических богов и полубогов. Живые чувства римлян, их пороки, добродетели нашли своё отражение в сказочном повествовании. Легко и увлекательно, поэтично и разнообразно сменялись картины — грустные и смешные, трогательные и страшные.

Самовлюблённый юноша Нарцисс, увидевший своё отражение в воде, не мог оторваться от берега и превратился в гордый цветок с высоко поднятыми лепестками. А говорливая нимфа Эхо, безответно полюбившая Нарцисса, так горевала, чахла и сохла, что исчезла совсем и от неё остался один только голос.

Жестокие ликийские мальчишки, которые никого не жалели и неприлично ругались, превратились в лягушек. С тех пор они вечно живут в болоте и по-прежнему бранятся, но уже никто не понимает лягушачьего их языка.

Высокомерная Ниоба сверх меры гордилась знатным происхождением, богатством и особенно своими детьми. Потеряв всех своих сыновей и дочерей, она окаменела от горя, но из её неподвижных глаз продолжали струиться

Рис. 43. Публий Овидий Назон.

горькие материнские слёзы. Ниоба превратилась в камень, а её слёзы — в прозрачный горный источник.

Лёгкая и стройная девушка Дафна, преследуемая Аполлоном, обратилась в вечнозелёное дерево лавр. Лавровым венком стали с тех пор награждать победителей поэтических и спортивных состязаний.

Надменный великан Атлант превратился в огромную гору, и вот борода его и волосы — это леса, плечи и руки — горные хребты, а кости его — твёрдые скалы.

Поэт Орфей спустился в подземное царство. Он не мог жить на земле без любимой жены Евридики, которая умерла от укуса змеи. Он обратился к богам загробного мира с просьбой вернуть к жизни его Евридику:

Вас заклинаю, о боги, безмолвием вашего царства,
Этой крошечною тьмою, кошмаров и ужасов полной,
Хаоса мрачного бездной молю вас, великие боги:
Мне Евридику верните! Нить жизни ей снова сотките!
Всё вам подвластно, о боги! Никто этих мест не из-
бегнет!

Рано ли, поздно ли, все к одной цели стремятся:
Все мы сойдёмся во мраке унылом, здесь дом наш по-
следний.

Снова вернётся в назначенный час и моя Евридика —
Лишь на короткое время, как дара, прошу её жизни...

Орфей пел так прекрасно, ударяя рукой по струнам своей лиры, что боги подземного царства разрешили Евридике вернуться на землю, но лишь с одним условием: певец не должен смотреть на неё, пока они не выйдут из подземного царства. У самого края земли Орфей не выдержал, обернулся, взглянул на жену, и его Евридика исчезла навсегда.

Овидий просматривал один столбец за другим. Иногда он останавливался, задумывался, исправлял какое-нибудь слово. Почти не заглядывая в свиток, он читал наизусть стихи, в которых прославил дерзкую мечту человека научиться летать.

Знаменитый строитель Лабиринта на острове Крит Дедал долго томился в плену и тосковал по милой отчизне — Афинам. Могуч и жесток царь Крита Минос, подвластны ему все моря и все земли, но небо ему не подвластно. И задумал Дедал небывалое дело — сделал

крылья себе и любимому сыну Икару. Дал наставления сыну, поцеловал его в последний раз и улетел вместе с ним из неволи:

Крыльями правит Дедал и на крылья Икара взирает.
С гибкой удою рыбак, и пастух, опираясь на посох,
Сеятель с плугом своим — изумлённо все смотрят на
небо
И за бессмертных богов принимают отважных героев,
Вольно, как птицы, летящих над безднами бурного
моря...

Вспоминая знакомые строки, Овидий на время забыл о своём неожиданном горе. Но вот он дошёл до рассказа о том, как Икар, увлечённый дерзким полётом, забыл наставленья отца и стал подыматься всё выше к палящему солнцу:

Таёт, лучами расплавленный воск. Распадаются
крылья.
Юноша голыми машет руками, хватаясь за воздух.
Тщетно кричит он, отца призывая на помощь.
Камнем упал он в лазурную зыбь Икарийского моря.
В горе отец восклицает: «Икар мой! О сын мой! Икар
мой!
Где ты, мой сын? — повторяет. — В каком я найду
тебя крае?»

Гибель Икара напомнила поэту о его собственном падении. Не так ли он сам поднялся до высочайших вершин поэтической славы, чтобы теперь испытать позор изгнания? Покинув любимый город, в каких диких краях он будет ждать своей смерти? Мысль о самоубийстве мелькнула в его голове. С ненавистью думал Овидий о том, кто был виновником его несчастий: Август отнял у него всё — родину и семью, славу его и поэзию. По приказу императора все сочинения Овидия были уничтожены в общественных библиотеках Рима.

Овидий никогда не любил Октавиана. В молодости он позволял себе высмеивать в стихах некоторые постановления императора и прозрачно намекал, что Август был повинен в безвременной гибели поэта Галла.

Теперь Овидий с горечью думал о том, что напрасно он на старости лет пытался примириться с императором.

Сколько неискренних похвал он расточал в произведениях последних лет! Забыв о собственном достоинстве, он оказался на одном уровне с придворными льстецами! Свою лучшую поэму он завершил неумеренными хвалами в честь Юлия Цезаря и Октавиана Августа!

Овидий быстрыми шагами подошёл к угасающему очагу, раздул в нём огонь и стал судорожно бросать туда рукописи одну за другой. Языки пламени жадно облизывали свитки. Раздался слабый треск, и сухие листы папируса ярко вспыхнули. Поэма «Метаморфозы» горела, освещая красноватым пламенем высокую фигуру своего создателя.

Овидий не мог больше оставаться один. Он вошёл в атрий и сказал слугам, что выезжает немедленно. Рабы и вольноотпущенники засуетились ещё быстрее. Кто-то первый заплакал. Женщины, мужчины и дети заголосили, как во время похорон. Старухи, распустив волосы в знак печали, причитали перед изваяниями домашних богов и били себя руками в грудь. В доме не было угла, который не оглашался бы стоном и плачем.

Овидий старался ускорить неизбежную развязку. Он не успел позаботиться о выборе спутников, о деньгах и продуктах, о тёплой одежде в дорогу. Быстро повязал тунику поясом. Накинул на левое плечо траурную тогу из тёмной материи. Скинув домашние сандалии, зашнуровал на ногах высокие чёрные башмаки. Один из сопровождавших его рабов сам догадался захватить тёплый дорожный плащ с капюшоном на случай дождя и войлочную шляпу с широкими полями.

Поэт обратился с прощальными словами ко всем домочадцам, но не смог удержаться от слёз. Жена удерживала его обеими руками, как бы стараясь не выпустить из дома. Сдержав рыдания, она проговорила:

— Разве возможно, что мы расстанемся? Мы с тобою везде должны быть вместе!

— Эти храмы,— сказал Овидий, указывая через узкое окно на Капитолий,— и боги, живущие в этих храмах, и ты, дорогая жена, прощайте навсегда! Не суждено мне увидеть вас снова! Передайте Октавиану, что он несправедливо подверг меня изгнанию без суда и следствия: я не совершил никакого преступления.

Слушая мужа, Фабия ещё сильнее заплакала. Она говорила сквозь слёзы:

— Разреши мне поехать с тобой! Тебе приказывает император, а мне — любовь. Жена изгнанника, я буду тоже изгнанницей. Самая далёкая земля меня не страшит. Ведь небольшой тяжестью буду я для корабля, который повезёт тебя в изгнание.

Уже три раза прощался Овидий, но всё не решался уехать. Собрав всё своё мужество, он отстранил от себя жену и, пробежав через *остий и вестибюль*¹, быстро вскочил в повозку. Фабия без чувств упала на пол.

Перед самым рассветом Овидий взошёл на корабль, готовый к отплытию. Гребцы уже сидели на скамьях, держа в руках длинные вёсла. Ветер вздувал белый парус на реях высокой мачты. Корма, на которой стоял жертвенник Нептуна — повелителя морских стихий, была разрисована красной краской. На высоком носу корабля был выточен белый лебедь.

Рулевой, стоя на корме, вглядывался в плывущие над горизонтом тучи и неодобрительно покачивал головой. Декабрь — время самых сильных бурь у берегов Италии. Но император менее всего заботился о благополучии этого плавания.

Как только Овидий вступил на широкую палубу, раздались звуки флейты. Гребцы под музыку стали мерно взмахивать вёслами.

Несмотря на бессонную ночь, Овидий напрасно старался уснуть. Он лежал с открытыми глазами и вспоминал свою счастливую жизнь в Риме. Погружённый в глубокую задумчивость, он не заметил, как корабль спустился по Тибру в Тирренское море.

На другой день разразилась страшная буря. Ветер сорвал парус и сломал высокую мачту. Много гребцов утонуло. Разъярённое море бросало корабль, как скорлупу от ореха. Никто не надеялся уже на спасение, когда волны прибили разбитый корабль назад, к берегам Италии. Как будто сами боги подводного царства хотели вернуть поэта на родину.

Через несколько дней Овидий сёл на другой корабль, носивший имя Минервы: корму украшало изображение богини мудрости и ремесла. Поэт пересёк Ионическое море, достиг берегов Греции и остановился в Коринфе.

¹ *Остий* — передняя перед входом в атрий; *вестибюль* — площадка между остием и выходом на улицу.

Перейдя Истмийский перешеек пешком, он вступил на третий корабль, который поплыл через Эгейское море на север и остановился в гавани острова Самофракия.

Дальше корабль должен был плыть через пролив Геллеспонт (Дарданеллы), Пропонтиду (Мраморное море) и Боспор Фракийский (Босфор) в Понт Эвксинский (Чёрное море), который славился самыми страшными бурями. Овидий не знал, где больше опасностей его ожидает — в море, со шквалами, пиратами, кораблекрушениями — или на суше — среди варварских племён, враждебно относившихся к каждому римлянину. Он решил отправиться пешком через Фракию и добраться до устья Истра (Дунай), где был расположен город Томи (теперь город Констанца в Румынии).

Около года длилось опасное путешествие. Овидию пришлось испытать много приключений, невзгод и лишений. «На море и на суше,— писал он,— я перенёс столько несчастий, сколько звёзд в небе». Наконец он прибыл в Томи, где ему предстояло провести долгие годы и умереть. Этот город недавно был захвачен римлянами. Местные жители ненавидели завоевателей и враждебно относились к чужестранцам.

«Вокруг меня живут воинственные сарматы,— писал Овидий из ссылки.— Летом нас защищают от них прозрачные воды Истра. Но когда наступает зима и река покрывается льдом, сарматы совершают набеги. На быстрых своих лошадях они увозят захваченное имущество, скот и пленных. Всё, что они не могут взять с собою, безжалостно уничтожают. Мирные жители погибают, пронзённые ядовитыми стрелами. Хижины их рушатся в пламени пожаров. Люди живут в постоянном страхе и не хотят возделывать обнажённые земли. Здесь нет виноградников, нет фруктовых деревьев, не слышно пения птиц. Велик и обширен земной шар, но Август именно эту землю избрал местом моего изгнания».

Овидий в юности не знал ни тяжёлой работы, ни военной службы. Теперь, на старости лет, ему приходилось защищать свою жизнь щитом и мечом. Он не раз вместе с римскими legionерами отгонял врагов от городских стен.

Овидий мучительно тосковал по Риму. Трудно ему было жить без книг, без друзей, без удобств, к которым он так привык. Но самой тяжёлой была разлука с женой —

к ней он обращал свои последние стихотворения. Единственной отрадой в изгнании была для него поэзия:

«Хотя мне мешает шум постоянных сражений, я по мере возможности облегчаю свою печальную участь стихами. Благодарю тебя, Муза, за то, что ты помогаешь мне жить и бороться с жестокими страданиями. Ты мой утешитель и врач, мой советчик и друг. Ты уносишь меня от берегов Истра к желанному берегу Тибра».

С годами Овидий привык к суровому климату Скифии. Он изучил местный язык и стал сочинять стихи на сарматском наречии. Он понял, что жестокость сарматов была ответом на жестокость римских властей. Овидий стал учить детей, лечить больных, помогать соседям советами. Местные жители окружили поэта любовью и уважением. Когда он одряхлел, они стали ухаживать за ним, кормили его и поили.

Десять долгих лет провёл Овидий в изгнании. Ни Август, ни сменивший его император Тиберий не разрешили поэту вернуться на родину. Никто не выполнил последнюю волю Овидия — перевезти его прах в Рим. Он умер в городе Томы на берегу Чёрного моря в 18 г. н. э. В то время как в Риме всё возрастала слава великого поэта, могила его сровнялась с землёй в бескрайних просторах Скифии.

Александр Сергеевич Пушкин хорошо знал и любил поэзию Овидия. Когда Александр I сослал молодого поэта на юг, Пушкин часто сравнивал свою участь с судьбой Овидия, а русского царя Александра с римским императором Октавианом. Пушкин особенно высоко ценил поэму Овидия «Метаморфозы» и печальные элегии, написанные в годы изгнания. «Сколько яркости,— писал Пушкин,— в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!..»

В поэме Пушкина «Цыганы» старый цыган с глубоким сочувствием рассказывает о последних днях римского поэта:

Меж нами есть одно преданье:
Царём когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудрёное прозвание.)

Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя.
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мёрзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он, иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье,
Он ждал: придёт ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слёзы проливал,
Свой дальний град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Хотя старый цыган позабыл «мудрёное прозвание» поэта, герой поэмы Пушкина Алеко сразу догадался, что в этой легенде речь идёт об Овидии. Выслушав рассказ старика, Алеко воскликнул:

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий

Или под сенью дымной куши
Цыгана дикого рассказ?

По мысли Пушкина, слава поэта не в похвалах ему, не в грандиозных памятниках. Слава поэта в том, что его знает народ, что о нём «под сенью дымной куши» рассказывает неграмотный цыган. Публий Овидий Назон заслужил такую славу.

ПУТЕШЕСТВИЕ ТИРИДАТА В РИМ

Армения была богатой и многолюдной страной. Обильные урожаи давали её поля и виноградники, на горных пастбищах паслись большие стада, в недрах гор добывались медь и золото. По дорогам Армении проходили караваны купцов из Индии и Китая к берегам Чёрного и Средиземного морей. На торговых путях вырастали крупные города — древняя столица Армавир, Арташат, новая столица Тигранокерт, основанная царём Тиграном II, и другие. В городах жило много искусных ремесленников. До сих пор находят археологи прекрасные сосуды и ста-

Рис. 44. Крепостные стены в Гарни.

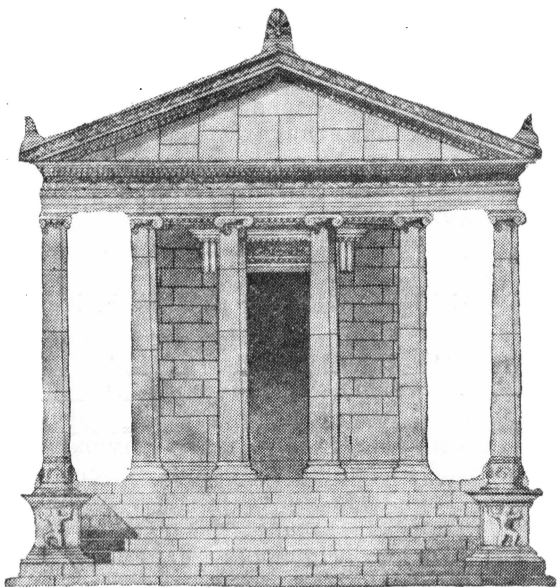

Рис. 45. Фасад храма в Гарни.

туэтки из глины, стекла и металла, изготовленные армянскими мастерами, монеты с изображением армянских царей, оружие и драгоценности. В армянских городах воздвигались прекрасные здания, строились мощные крепости. Одна из них — крепость Гарни — сохранилась до наших дней. Стены её сложены из огромных каменных глыб. На ней возведено четырнадцать мощных башен. Такая крепость могла выдержать любую осаду. Один из крупнейших городов Армении — Арташат — греки называли армянским Карфагеном. Много красивых зданий было в этом городе, оживлённы были его улицы и базары. В театре Арташата ставились трагедии греческих и армянских писателей.

Не раз армянский народ подвергался нападениям врагов. Не раз отражал он и римлян, которые пытались подчинить себе Армению. Отсюда они смогли бы угрожать сильному государству парфян, извечному сопернику римлян. Но и парфяне стремились овладеть Арменией, чтобы держать в страхе восточные провинции Римской импе-

рии. Много десятилетий шла борьба между Римом и Парфией за Армению. То римлянам удавалось ввести в Армению свой гарнизон, то парфянам. К 52 г. н. э. перевес был на стороне парфян. Римские гарнизоны были изгнаны из страны, и на престоле утвердился брат парфянского царя Вологёза — Тиридат.

Тогда римляне в 55 г., то есть три года спустя после воцарения Тиридата, послали на Восток своего полководца Корбулона. Главная цель его похода заключалась в том, чтобы овладеть Арменией, свергнуть Тиридата с престола и посадить на его место своего ставленника.

Долго готовились римляне к походу на Армению. Наконец весной 58 г. Корбулон начал наступление и подошёл к Арташату. Город был хорошо укреплён. Он мог бы выдержать длительную осаду. Но изменники открыли ворота города Корбулону. Тиридату пришлось отступить. Он ушёл в Албанию¹.

Римляне, опасаясь, что не смогут удержать Арташат, до основания разрушили город. Велико было негодование жителей страны. Все готовы были подняться на борьбу с захватчиками. Разрушив Арташат, Корбулон двинулся к Тигранокерту. Однако армяне препятствовали продвижению римлян к столице: они покидали свои сёла и объединялись в отряды, которые нападали на армию Корбулона, уничтожали продовольствие, чтобы оно не попало в руки врагов. Армянские повстанцы скрывались в горных пещерах. Корбулон приказывал закладывать входы в пещеры дровами и поджигать их. Несчастные задыхались в дыму, но не сдавались. Оставшиеся продолжали борьбу. Несколько человек сговорились убить Корбулона. Один из них пробрался в римский лагерь, но около палатки военачальника был схвачен и казнён.

Наконец римляне подошли к Тигранокерту. С трудом овладели они главной крепостью города, которую мужественно защищал отряд молодёжи. Столица была взята. Правивший в то время в Риме император Нерон прислал в Армению нового царя — Тиграна. Это был человек, воспитанный при римском дворе и рабски преданный римлянам. Он охотно согласился отдать часть Армении воевавшим на стороне римлян царькам. Армяне встретили Тиг-

¹ Древняя Албания — страна, расположенная на западном побережье Каспийского моря (современная территория Азербайджана).

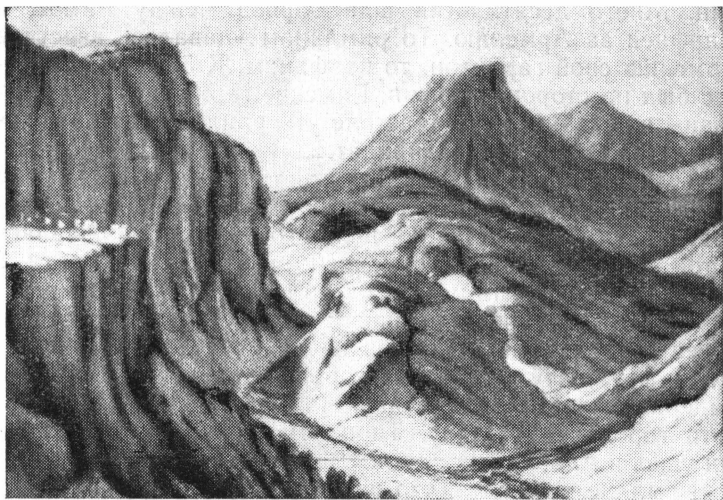

Рис. 46. Ущелье в горах Армении.

рана враждебно. Только римские гарнизоны помогли ему удержаться в Армении.

Тиридат был вынужден бежать ко двору своего брата Вологеза. И он и его друзья требовали от парфянского царя, чтобы тот изгнал из Армении воцарившегося там «римского раба».

Между тем в Риме были недовольны медлительностью Корбулона. Было решено послать ему на помощь другого полководца — Пэта. Пет со своими войсками вторгся в Армению. Он безжалостно уничтожал всё на своём пути. Увлечённые жадой добычи римские воины двигались в глубь страны.

В это время разведчики донесли, что навстречу римской армии во главе большого войска движется Вологез. Пет растерялся, он не знал, что предпринять.

Между тем парфяне и армяне прогнали из столицы Тиграна, и их войско наконец встретилось с римскими легионами. В первой же битве римляне были разбиты наголову. Они в панике бежали. У Пета не оставалось другого выхода, как начать переговоры с Вологезом. Не сразу согласился Вологез выслушать предложения Пета. Наконец он послал к нему начальника своей конницы

Вазáка. Пет начал было говорить свысока, вспоминал победы Помпея и Цезаря, но Вазак быстро вернул его к действительности. Всё это было в прошлом, говорил он, а теперь сила на стороне парфян. Понимая безвыходность своего положения, Пет поклялся увести римские войска из Армении и убедить императора Нерона признать царём Тиридата. Перед уходом римские войска должны были испытать величайшее унижение — пройти под ярмом. С торжеством смотрели армянские воины на эту церемонию. С радостью приветствовали они освобождённых из плена армян, которых римские солдаты и командиры готовились гнать на рабские рынки. Отпущенное парфянами войско римлян поспешно оставляло Армению.

В Риме поражение Пета явилось полной неожиданностью. Там уже готовились праздновать победу над Тиридатом. Но вместо ожидаемых вестников победы явились посланцы с письмом от Вологеза. Он писал о поражении Пета и требовал, чтобы Тиридат был признан царём Армении. Единственное, на что он соглашался, — это на то, чтобы Тиридат поехал в Рим и получил корону из рук самого императора Нерона.

Тиридат, отлично понимая, что это лишь пустая формальность, согласился получить корону из рук Нерона. Он отправился в Рим. Девять месяцев длилось путешествие Тиридата в Рим. Его сопровождали три тысячи парфянских всадников и почётная свита римлян. Повсюду им оказывался роскошный приём. Города, где они останавливались на отдых, украшались. Римские наместники и чиновники выходили им навстречу. Жители провинций, через которые они проезжали, радостными криками приветствовали Тиридата. Они все ненавидели Рим и были рады, что Тиридат унизил гордость римлян и заставил их признать его.

На границе Италии Тиридат пересел в посланную ему навстречу Нероном колесницу. Она была запряжена парой великолепных коней. Император ожидал Тиридата в городе Неаполе. Обычай требовал, чтобы всякий допущенный к императору был безоружен. Но Тиридат отказался расстаться со своим мечом. «Если вы мне не доверяете, — сказал он, — прикрепите его лезвие к ножнам».

Стараясь развлечь своего гостя, Нерон приказывал устраивать разнообразные представления и игры. Гладаторские бои сменялись пирами, пиры — охотой. Во вре-

мя одной устроенной в цирке охоты сам Тиридат со своего высокого сиденья стрелял из лука в зверей.

Наконец Нерон и Тиридат прибыли в Рим, где должна была произойти торжественная передача короны Армении. Город был убран факелами и гирляндами цветов. Всюду толпился народ, стремясь протиснуться на форум, чтобы видеть церемонию. Все крыши ближайших домов были усеяны зрителями. В центре форума в белых одеяниях с лавровыми ветвями в руках стояли, разместившись по чинам, представители гражданского населения. Остальное пространство было занято солдатами. Под лучами восходящего солнца сверкали их парадные панцири, шлемы и оружие.

Как только окончательно рассвело, на форум в сопровождении сенаторов вышел одетый в триумфальную одежду Нерон. Поднявшись на ростру — каменное возвышение, с которого ораторы обращались к народу, он сел в кресло. Немедленно вслед за этим показался со своей свитой Тиридат. Пройдя между двумя рядами солдат к ростру, он опустился на колени и сказал: «Я, потомок Аршака, брат Вологеза, пришёл поклониться тебе. Да будет моею судьбою та, которую ты мне назначишь». «Хорошо ты сделал, придя ко мне, — ответил Нерон, — теперь ты можешь узнать, сколь я милостив. Я объявляю тебя царём Армении, дабы и ты и другие поняли, что я могу и отнимать царства и давать их». Затем он предложил Тиридату взойти на ростру и возложил на его голову корону...

Большинство отлично понимали, что, несмотря на видимую покорность Тиридата, он брал лишь то, что уже добыл силой оружия армянский народ, а Нерон жаловал то, что ему уже не принадлежало.

Церемония на форуме сменилась театральными представлениями. Сцена и весь театр внутри были позолочены. День окончился роскошным пиром, на котором сам император пел под звуки лиры.

Нерон уже не мог мечтать подчинить себе Армению. Поэтому он всячески старался хотя бы расположить к себе её царя. Более чем на двести миллионов сестерциев сделал он подарков Тиридату. А когда Тиридат собрался в обратный путь, Нерон дал ему с собой много искусных ремесленников. Они должны были помочь отстраивать Арташат.

Ещё не раз пытались римские императоры захватить Армению, но мужественное сопротивление армянского народа срывало планы захватчиков.

ПОМПЕИ

В конце августа 79 г. до н. э. страшное бедствие обрушилось на два небольших, но цветущих римских города — Геркуланум и Помпеи. Они были расположены в Кампании, у подножия Везувия. Вулкан, бездействовавший многие столетия, неожиданно проснулся. Огромное облако горячего пара и пепла появилось над вершиной горы. Затем началось страшное землетрясение. Нависшая над Везувием туча опускалась всё ниже. Наступивший мрак прорезался только вспышками огня, подобными колоссальным молниям. Обезумевшие от ужаса люди бежали, побросав свои дома и имущество. Многие ещё не успели покинуть город, когда из жерла вулкана начал извергаться ливень камней и пепла, покрывших Геркуланум и Помпеи слоем толщиной в восемь-девять метров. Завершивший извержение горячий ливень сцементировал эту массу, ставшую гробницей погибших городов...

Долго ещё сохранялись в памяти людей рассказы о страшной катастрофе. Но прошли века и никто уже не помнил, где именно были некогда расположены Геркуланум и Помпеи. Иногда, случайно, копая колодцы, крестьяне находили остатки древних стен. Они не догадывались, что это стены домов, засыпанных извержением Везувия.

Только около 200 лет тому назад начали производить на этом месте раскопки. Из найденной при раскопках надписи узнали, что под пеплом находится город Помпеи. Постепенно археологи раскопали отдельные дома, потом улицы и, наконец, целые районы древнего города. Под непроницаемым слоем камней и пепла они сохранились такими, какими были в момент гибели. Сохранились многочисленные надписи на стенах, утварь в домах и украшавшая их роспись и мозаика. Благодаря кропотливой работе археологов, которые расчистили сохранившееся и восстановили разрушенное и испорченное, Помпеи превратились в большой музей.

Как и во всех городах, строившихся римлянами и ита-
ликами, в Помпеях имеются две главные улицы: одна —

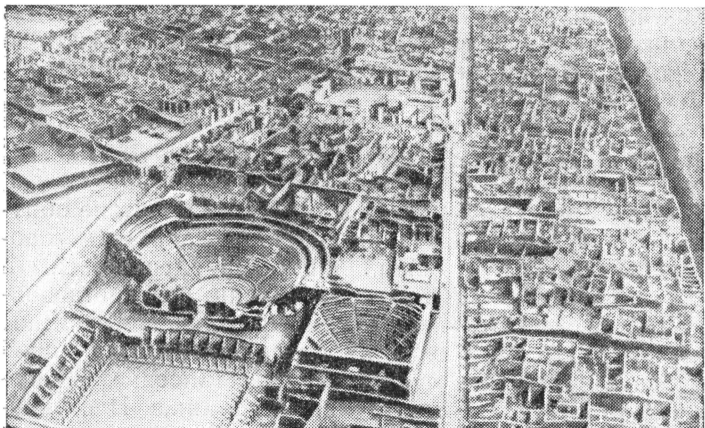

Рис. 47. Макет раскопанной части Помпей.

с севера на юг и другая — с востока на запад. Остальные улицы идут параллельно главным, разделяя город на ряд кварталов. Улицы узкие — не шире десяти метров. Они тщательно вымощены каменными плитами и снабжены высокими тротуарами. Чтобы не создавать давки, повозкам разрешалось проезжать только по ночам. Днём улицы заполнялись пешеходами и носилками богатых людей, которые несли обычно три пары сильных рабов. На перекрёстках улиц размещались сооружённые для общественных нужд бассейны. Они снабжались водой из городского водопровода. Этот же водопровод доставлял воду в частные дома и общественные бани. Дождевая вода через покрытые плитками отверстия стекала в подземные стоки.

Пересечение двух главных улиц образовывало форум — центральную площадь города. Окружённый колоннадами, защищавшими от зноя и непогоды, он был хоть и невелик, но очень красив. Здесь размещались самые значительные здания города, храмы римских богов: Юпитера, Юноны и Минервы. Здесь же было здание городского совета и помещение для высших городских магистратов. Деловых людей привлекала на форум базилика — вытянутое прямоугольное здание, где в высоких двусветных залах происходил суд и заключались торговые сделки. Покупатели стремились в многочисленные лавки форума

и на два специальных рынка. На одном из них торговали съестными припасами, на другом — сукном и шерстью. Дети приходили на форум в школу, где содержавший её грек обучал мальчиков и девочек грамоте.

Здесь же, на форуме, находилось большое здание. Это была курия, где заседали члены городского совета — *декурионы*. Они были самыми богатыми и влиятельными жителями города.

Чтобы стать декурионом, нужно было сперва быть выбранным на какую-нибудь должность: квестора, ведающего городской казной, эдила, наблюдающего за торговлей и общим порядком в городе, *дуумвира* — высшего городского магистрата.

Магистраты исполняли свою должность в течение года, а затем становились членами совета декурионов. Но стать магистратом было не так-то просто. Желаящие быть избранными должны были внести значительную сумму в городскую казну; кроме того, они ещё тратили большие деньги на общественные нужды. В благодарность за это им воздвигали статуи на форуме. Множество таких статуй стояло на форуме попеременно с изображениями императоров и знатных людей города. Большую роль при выборах играли разные коллегии и объединения.

В римских городах было принято, чтобы люди одной профессии или общественного положения объединялись в коллегии. Были коллегии сукновалов, деревообделочников, кузнецов, каретников, сапожников, портных, ювелиров и т. д. Существовали также коллегии торговцев: хлеботорговцев, торговцев овощами, маслом, фруктами, скотом, солью и т. д.

Часто бывало, что торговцы, входившие в коллегию, договорившись между собой, припрятывали свои товары и поднимали цены.

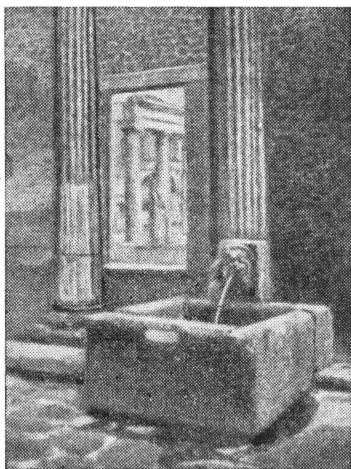

Рис. 48. Уличный колодец.
Реконструкция.

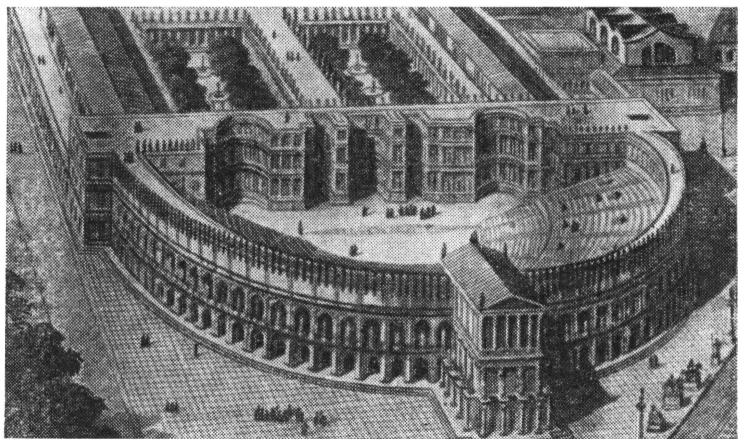

Рис. 49. Театр в Помпеях. *Реконструкция.*

Соединены были в коллегию и городские рабы, служившие при тюрьме, цирке, банях и при городском управлении. В коллегии объединялись совсем неимущие бедняки, чтобы на взносы сочленов и пожертвования богатых людей собираться на совместные обеды. В эти коллегии входили, без различия, рабы и свободные — всякий, кто мог дать скромный вступительный взнос и угостить товарищей кувшином дешёвого вина.

Коллегии ставили себя под покровительство какого-либо бога. Чтобы основать коллегию, нужно было иметь разрешение правительства. Это требовалось потому, что правительство боялось создания каких-либо мятежных обществ. Коллегии имели свои уставы и выбирали своих представителей для ведения дел.

Деятельность этих коллегий особенно оживлялась во время выборов городских магистратов. Они проводили на должность своих кандидатов и покровителей — *патронов*.

Коллегии принимали деятельное участие в борьбе между кандидатами. На стенах домов в Помпеях сохранилось множество предвыборных надписей, сделанных красными и чёрными буквами, чтобы привлечь внимание прохожих. Эти надписи рекомендовали кандидатов, призывая голосовать за них: «Все золотых дел мастера про-

сят в эдилы Кúспия Пáнсу»; «Все деревообделочники просят в эдилы Куспия Пансу»; «Марка Церрénия просят в эдилы торговцы фруктами»; «Призываю вас сделать дуумвиром Гая Юлия Поли́бия. Просят пекари» и т. д.

С такими же плакатами выступали объединения городской молодёжи, вольноотпущенники и просто соседи кандидата. Иногда писали, что, будучи избран эдилом или дуумвиром, кандидат даст гражданам хороший хлеб или сбережёт городскую казну. Напоминали, что, занимая прежде какую-нибудь должность, кандидат проявил свою добросовестность и щедрость или позабавил граждан богатыми гладиаторскими играми. Нередко на дверях влиятельных людей появлялись надписи и такого содержания: «Выбирайте в эдилы Попíдия Сабíна, честнейшего юношу. Руфíн (хозяин дома), поддержи его; и он тебя тоже выберет».

Чтобы враги не стёрли предвыборные надписи, делали приписки. «Чтобы ты заболел, если из зависти это уничтожишь», — прибавлено, например, к одной из надписей.

В день выборов, в марте, граждане, разделённые на специальные группы, курии, собирались для голосования. Каждый писал на табличке имя своего кандидата и опускал её в урну. Избранными считались те, за кого высказалось большинство курий. С 1 июля, принеся на форуме присягу, они вступали в должность. Сместить их до окончания года уже было нельзя. Они отчитывались в своей деятельности только перед городским советом.

Жители Помпей, желавшие купить местные и привозные товары, шли не только на форум. И на улицах города тоже было множество разнообразных мастерских, где шла оживлённая торговля. Продавцы раскладывали свой товар прямо на тротуаре, отделив себе маленькое местечко и написав на нём своё имя. Владельцы мастерских продавали свои изделия прямо в мастерской или снимали лавки. Такие же лавки снимали собственники загородных вилл для продажи вина, масла и других продуктов сельского хозяйства.

Обычно лавкой ведал доверенный раб господина. Богатые собственники, открывая мастерские, также ставили во главе их какого-нибудь смышлёного и знающего ремесла раба. Часть получаемых доходов раб мог оставлять себе. Случалось, что, накопив денег, он выкупался на свободу, сам приобретал рабов, инструменты и заводил

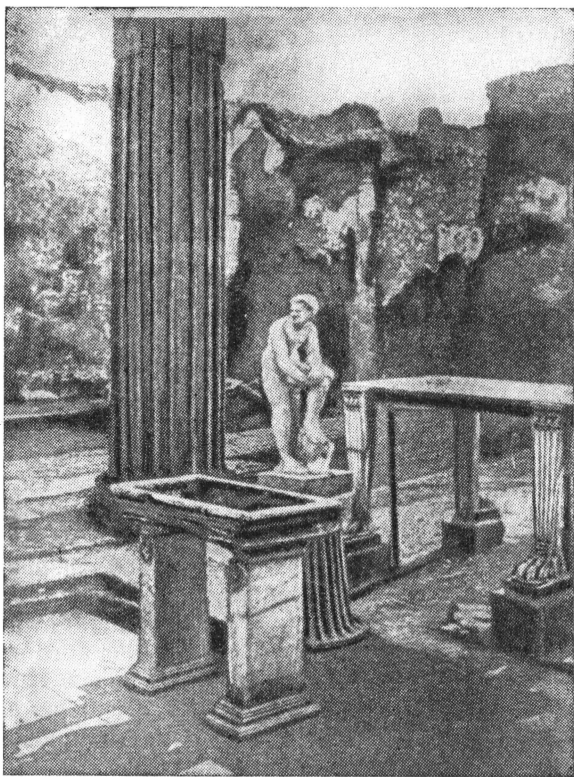

Рис. 50. Атрий. Реконструкция.

собственную мастерскую или лавку. Иногда *вольноотпущенники* становились значительно богаче своих бывших господ. В Помпеях сохранился дом такого богатого вольноотпущенника — Цецилия Юкунда. В этом доме найдены восковые таблички, на которых были написаны его деловые заметки и расписки его должников. Арендуя у города сукновальню, участвуя в аукционах, на которых распродавалось имущество должников, ссужая деньги под проценты, Юкунд нажил большое состояние. Богатые вольноотпущенники, хотя и не могли занимать должностей магистратов, играли большую роль в жизни города. Из них составлялась коллегия шести *августалов*, ведавших почитанием Августа и других обожествлённых импе-

раторов. На общественных праздниках, во время представлений и пиров августалы занимали место непосредственно после декурионов.

В Помпеях сохранилось большое количество мастерских, позволяющих судить о ремесле того времени. Среди этих мастерских обнаружены пекарни, часто соединённые с мельницами, мастерские по производству сукон и другие. Работали в них свободные ремесленники и рабы. Вся работа производилась вручную. Сцены из жизни ремесленников изображались помпейскими художниками на стенах домов. На работу в мастерские нанимались иногда и свободные бедняки. Жизнь их была очень тяжела. Они получали совсем ничтожную плату. Хозяину было выгоднее купить раба, чем хорошо оплачивать своего работника.

Большая часть заработка бедняков уходила на наём жилища. Богатые граждане строили маленькие квартирки с тесными, полутёмными каморками, которые они сдавали бедным людям. Чем больше приходило из деревни людей в поисках заработка, тем большие доходы извлекали домовладельцы. Чтобы выгадать место, на домах надстраивался второй этаж. Часть помещения сдавали под лавки и мастерские, часть — под жилища мелких торговцев и ремесленников. Здесь было темно, тесно, пахло дешёвой луковой похлёбкой, растительным маслом и несвежей рыбой. В грязи возились полуголые дети.

Совсем иными были дома богатых землевладельцев и торговцев Помпей. В главной комнате — атриум — хозяин принимал пришедших по делам посетителей. В центре атриума помещался бассейн, куда через отверстие в крыше собиралась дождевая вода. Бассейн украшался статуями. Обычно здесь находилась и статуя самого хозяина. Около бассейна стоял массивный мраморный стол, заставленный дорогой бронзовой и серебряной посудой. Искусные чеканщики украшали её прекрасными изображениями цветов, листьев, птиц и зверей. У одной из стен атриума помещался ящик, в котором хозяин прятал свою казну.

Непосредственно к атриуму примыкал кабинет хозяина — таблин, из которого открывался вид на внутренний сад дома — *перистиль*. В тёплое время года сад был любимым местопребыванием гостей. Колоннады, окружавшие его, давали тень. Фонтаны и искусственные водопады

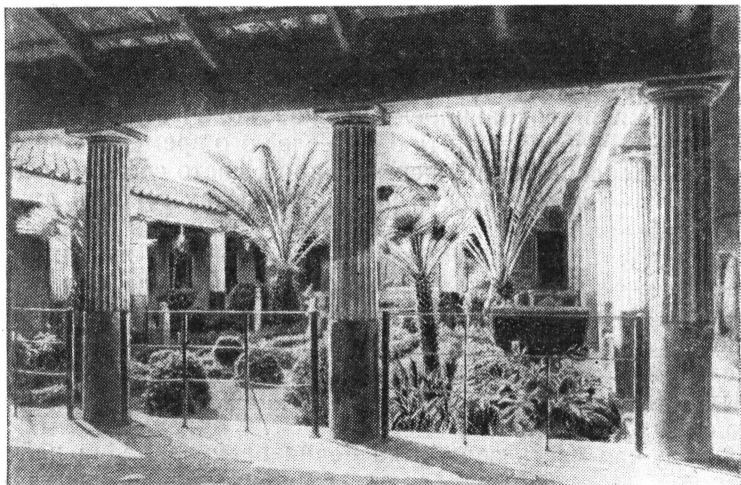

Рис. 51. Перистиль *Реконструкция.*

охлаждали воздух. Разнообразные цветы и изящно подстриженные деревья наполняли его ароматом.

К атрию и перистилью примыкали другие помещения: летние и зимние спальни, библиотека, столовые. Обычно эти комнаты были невелики. Исключение составляли столовые — триklinии, рассчитанные на приём гостей. Здесь находился прямоугольный или круглый стол, окружённый ложами. На каждом таком ложе наискось, головой к столу, во время еды возлежало по три человека. Сидели за столом только женщины. Гости размещались согласно своему положению в обществе. Парадные обеды длились по несколько часов. Хозяин старался блеснуть редкими, изысканными кушаньями и искусством своих рабов, которые для развлечения гостей декламировали стихи и играли на различных музыкальных инструментах. Гостям предлагали венки из дорогих цветов. Цветами также были осыпаны стол и ложа.

Отдельно помещались каморки рабов, кухни и баня. Баня была неременной принадлежностью богатого дома. Хозяин старался сделать её удобной и изящной. В ней был и бассейн с холодной водой для плавания, и помещение для солнечных ванн, и комната с горячей водой. Баня, как и весь дом, в холодное время согревалась горя-

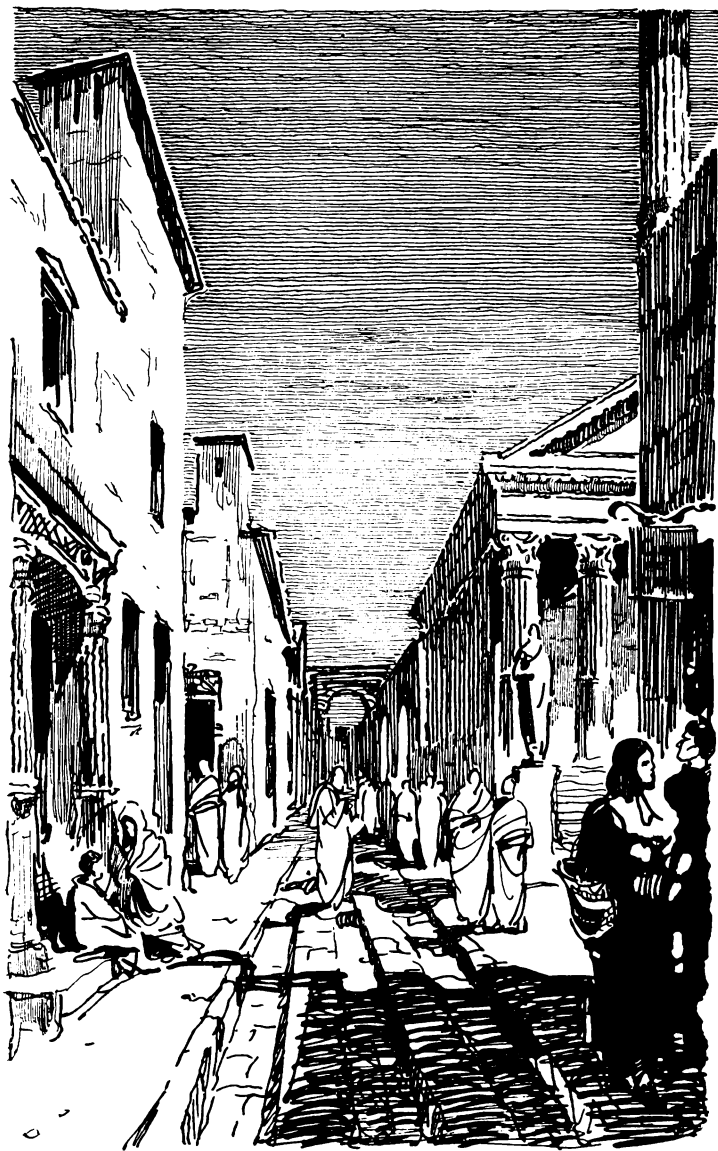

Рис. 52. Улица в Помпеях.

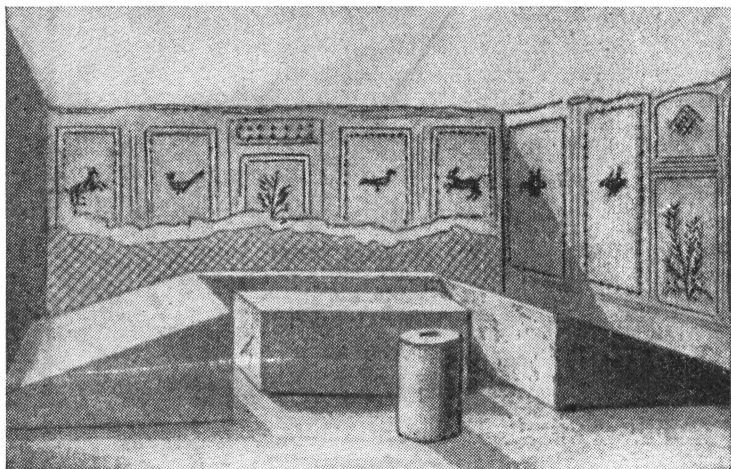

Рис. 53. Триклиний.

чим воздухом. Он поступал из печи, помещённой в подполье; трубы были проложены внутри стен. На той же печи нагревался котёл, из которого в баню поступала горячая вода.

Бани были не только в частных домах. Каждый город старался устроить по возможности более роскошные общественные бани. Городские богачи, жертвовавшие на них деньги, всегда могли рассчитывать на благодарность сограждан. Жители приходили в бани не только мыться, но и поболтать с друзьями, позаняться гимнастикой, отдохнуть. Поэтому при банях устраивались залы для гимнастических упражнений, для игры в мяч и даже библиотеки. Нередко здесь выступали поэты, писатели и ораторы, читая свои новые произведения.

Полы в парадных комнатах украшались узорами из мозаики, стены покрывались живописью. Мозаика и живопись изображали животных и птиц, различные сцены из рассказов о богах или из жизни знаменитых людей.

Даже бедные люди старались сделать более привлекательными свои жилища, украсить их дешёвыми статуэтками или вложить в цементную массу, которой заливались полы, несколько цветных камешков.

Стекло для окон в то время ещё не применялось. Свет проникал через открытые в садик двери и отверстие в

крыше атрия. Окна делались лишь в виде очень узких и глубоких щелей, поэтому выходящие на улицы фасады домов были почти глухие. Их однообразие оживляли лишь многочисленные покрывавшие стены предвыборные надписи, извещения о предстоящих представлениях, гладиаторских боях и аукционах. Встречаются также и различные шуточные надписи, сделанные прохожими. В одной стихотворной надписи кто-то выражает удивление, что стена дома до сих пор не провалилась от всего того вздора, который на ней написали.

Маленький городок Помпеи даёт нам яркую картину жизни древних римлян 2000 лет тому назад. Раскопки Помпей продолжаютя и, вероятно, принесут науке ещё много интересного.

«БИЧИ ТИРАНОВ»

...Однажды рыбаку попалась в сети невиданных размеров камбала. Что с ней делать? Продать какому-нибудь богатому любителю редкостных блюд? Теперь в Риме их немало. Ещё недавно один такой богач заплатил 6 тысяч сестерциев за огромную рыбу. Но рыбак боится. Повсюду снуют доносчики. Того и гляди скажут, что камбала уплыла из садков, принадлежащих императору, и затаскают беззащитного рыбака по судам. Ведь всё, что представляет какую-нибудь ценность, император Домициан старается отобрать у своих подданных. Лучше уж, думает рыбак, самому подарить её императору. И вот он спешит в Рим, во дворец. «Прими подношение, — говорит он императору, — эта камбала сама поймалась для тебя». Император благосклонно принимает подарок. Но вот затруднение — рыба не помещается ни на одном блюде.

Домициан созывает на совет сенаторов. Для него это прекрасный случай поиздеваться над ними. Сколько страха натерпятя они, когда посланный от императора позовёт их во дворец! Каждый будет думать, что его обвинил какой-нибудь доносчик и что его ждёт изгнание или даже казнь. Ведь все они смертельно боятся Домициана: он не терпит тех, кто выделяется знатностью, богатством, талантом, умом или образованием. Всех подозревает в заговорах и злоумышлениях.

Почтенные старцы спешат во дворец. За ними идут раздушённые и разодетые любимцы Домициана. Они разбогатели и выдвинулись потому, что были низкими льстецами, доносчиками, клеветниками.

— Зачем нас зовут? — спрашивают сенаторы друг друга. — Вероятно, получены важные вести: может быть, началась война или восстали какие-нибудь легионы.

Наконец все в сборе, совет начинается. Некоторым обидно, что их потревожили ради камбалы. Другие облегчённо вздыхают. Самые ловкие спешат польстить императору. «Эта рыба — предзнаменование твоих славных побед и триумфов», — говорят они. Известный своим обжорством вельможа советует приказать придворным гончарам сделать для камбалы особое блюдо. Его совет принят; собравшимся приказано расходиться по домам...

Об этом случае можно прочесть у знаменитого римского поэта Ювенала, который описал его в одной из своих *сатир*. Так назывались поэтические произведения, в которых осмеивались и обличались недостатки и пороки общества.

Ювенал был уже не молод, когда начал писать.

Пока правил император Домициан, никто не решался свободно высказывать свои мысли. Но наконец он был убит заговорщиками, и вскоре после этого императором был провозглашён Траян. Все спешили заявить себя врагами Домициана, расправиться с теми, кто был у него в милости. Теперь можно было свободно писать о том, что происходило при предшественниках Траяна. Этим и воспользовался Ювенал. Давно с негодованием смотрел он на то, что делалось в Риме.

Как можно, думал он, писать сейчас поэмы и трагедии о богах и мифических героях, когда вокруг творятся такие безобразия? То и дело встречаешь то разбогатевшего доносчика, то оправданного преступника, который смеётся над подкупными судьями. Вот наместник, который разорил жителей вверенной ему провинции; уже с утра начинает он пьянствовать на награбленные деньги. Вот в роскошных носилках несут рабы известного мошенника, составителя подложных завещаний. А вот и знатная дама, которая отравила мужа, чтобы завладеть его состоянием. Всем известны их злодеяния, но это не мешает многим низко кланяться преступникам: ведь они богаты, а что такое бесчестье при деньгах? Деньги стали истинным бо-

гом римлян. Нет, думал Ювенал, молчать невозможно: «Коль дарования нет, порождается стих возмущением».

Друзья говорили ему, как опасно задевать богатых и сильных людей. Гораздо спокойнее писать об Энее или Геркулесе, судьба которых никого не трогает.

Да, это так. Ювенал и сам это прекрасно знал. Правда, Траян говорил, что при нём не будет ни доносчиков, ни несправедливых приговоров, как при Домициане. Каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает. Но на деле-то ничто особенно не изменилось. Ну что же, Ювенал будет писать о тех, кто уже умер и похоронен: о Домициане и его приспешниках. Всё равно читатели догадаются, кого он имеет в виду.

И вот он начинает писать. Одну за другой рисует он картины жизни императорского Рима. Не таким был Рим когда-то, во времена отдалённых предков, говорит Ювенал. Тогда нравы были просты и суровы. Римлянин обрабатывал своё маленькое поле, а его жена подавала ему вечером кашу из проса в простом глиняном горшке. Римский гражданин не знал цену золота и был так прост, что украшал конскую сбрую захваченными на войне драгоценностями. Зато римский народ был силен и на войне и в мирное время. А теперь римские полководцы везут с собой на войну зеркала и перед боем красят брови, мажут лица дорогими притираниями и мазями. На один обед тратят больше, чем стоит в провинции приличное поместье. Тысячи и сотни тысяч проигрывают в кости, а рабы дрожат зимой в рваной одежде. С детства привыкают к жестокости дети богачей, видя, как родители за малейшую вину приказывают бить и мучить рабов. Свист бичей становится для них самой сладкой музыкой.

Знатные гордятся знаменитыми предками. Но истинное благородство не в происхождении, а в собственных заслугах. Они с презрением смотрят на простой народ. Но ведь именно из этого народа выходят знаменитые ораторы, юристы, к которым вынуждена обращаться невежественная знать, солдаты, которые защищают империю. Они презирают провинциалов, которых продолжают грабить так же, как грабили их предки. Но ведь эти провинциалы неумоимо трудятся и кормят Рим, занятый только цирком и театром. Ничтожные потомки знатных предков проматывают свои богатства на пирах и скачках.

О эти богачи! Их Ювенал неавидит больше всего. Низостями и преступлениями нажили они свои богатства, а теперь чувствуют себя властелинами земли. Толпы рабов исполняют все их прихоти. Свысока смотрят эти богачи на бедных людей, которые приходят к ним. Среди этих бедняков есть поэты, философы, учёные. Но нужда заставляет их становиться прихлебателями зазнавшихся невежд. Уже с раннего утра толпятся они в их прихожих. Надо приветствовать хозяина дома, проводить его на прогулку. Тогда он, может быть, подарит им какую-нибудь мелочь или пригласит к обеду.

А сколько унижений приходится выносить на этих обедах! Господин пьёт столетнее вино из золотого кубка, наслаждается редкими кушаньями, а беднякам подают дешёвое кислое вино в глиняной чашке да ещё следят, как бы они не украли что-нибудь из дорогой посуды. Ну что же, поделом им! Пусть терпят, если они не хотят жить скромным трудом в каком-нибудь небольшом городке, возделывать маленькое поле, а желают непременно оставаться в Риме.

Нелегка в столице жизнь человека с небольшими средствами, не мошенника и не льстеца. Каждую минуту грозят сгореть или обвалиться построенные наспех дома. Дороги жилища, дорога пища. Всё продажно, всё требует подарков и взяток. Никто не интересуется, честен ли человек, но все спрашивают, сколько у него земли и рабов и хороши ли его обеды. Всякий пьяница, всякий грубиян солдат может безнаказанно оскорбить маленького человека. Такова свобода здесь для бедняков!

Хотя Ювенал писал как будто о временах, предшествовавших правлению Траяна, многие узнавали себя в его сатирах и негодовали. И сам Траян не мог простить ему того, что он писал против деспотов и тиранов.

Прежние императоры ссылали или казнили за вольное слово. Траян был лицемерен. Он дал поэту по видимости почётное назначение — сделал его начальником отряда, стоявшего в Египте. Но Ювеналу было уже около семидесяти лет, а отряд помещался на границе пустыни. От императорской «милости» нельзя было отказаться. Ювенал отправился к месту своей службы, и там неприличный климат вскоре доконал старика.

Не один только Ювенал воспользовался кажущейся свободой, наступившей при Траяне, чтобы начать писать.

В это время оживлённо обсуждались вопросы о том, каким должно быть государство и общество, каковы задачи правителя, обязанности подданных, как следует обращаться с рабами.

Обращались к примерам из истории Греции, Рима, из жизни соседних с империей народов. Как и Ювенал, многие считали, что Рим был велик, пока не знал богатства и роскоши, пока каждый римлянин был скромным землевладельцем и мужественным воином. А когда из небольшого города он стал повелителем чуть ли не всего мира, когда хлынули в Рим награбленные богатства, немногие богачи захватили власть. Тогда начались смуты и беспорядки, и в конце концов республика погибла, а с нею погибла и свобода.

Так думал и писал и самый талантливый из римских историков — Корнелий Тацит.

Тацит происходил из семьи богатого всадника. Как и другие знатные молодые люди, он получил хорошее образование. Под руководством лучших ораторов он изучил науку красноречия. Хорошо был знаком с философией, историей. При Домициане он стал сенатором, женился на дочери полководца Агриколы. Но это не сделало его сторонником императора. Заседая в сенате, он видел, как погибали по воле императора невинные люди. Когда умер Агрикола, которого Тацит глубоко уважал и любил, распространились слухи, что Домициан тайно приказал его отравить, завидуя военной славе полководца.

Тацит молчал... Что за смысл, думал он, протестовать и погубить себя без пользы? Кто поддержит его? Сенат запуган, народ равнодушен, войско предано императору, который задаривает солдат. Остаётся стоять в стороне, соблюдая середину между угодничеством и пагубной, бесцельной откровенностью. Но всё более накапливалась в нём ненависть и озлобление. Он ненавидел Домициана, ненавидел деспотизм. Его мучило, что лучшие годы жизни проходят, а он не может отдаться своему призванию писателя.

При Траяне Тацит получил высокие назначения: сначала консула, а затем наместника Азии. Он приветствовал нового императора, надеясь, что Траяну удастся совместить свободу и империю. Но прошло время, и Тацит понял, что совместить это невозможно, что свобода не вернулась, да и не может вернуться.

Тогда всё время он стал отдавать своим сочинениям. Тацит читал отчёты о заседаниях сената, речи императоров, воспоминания современников, «Ежедневные деяния» — газету, основанную ещё Юлием Цезарем, рассказы путешественников. Тщательно работал над стилем. С непревзойдённым мастерством умел он в коротких, как будто отрывистых, фразах, описать событие, охарактеризовать действующих лиц так, что они навсегда оставались в памяти читателя. Он писал о недавнем прошлом — «Истории», где рассказывал о приходе к власти императоров из рода Флавиев — Веспасиана и Тита (отца и брата Домициана); «Анналы» — историю преемников Августа вплоть до свержения последнего из императоров этой династии — Нерона.

«Я изложу историю без гнева и пристрастия», — пишет Тацит в первой главе «Анналов». Но это ему не удалось. В каждой строчке прорывается долго сдерживавшаяся ненависть к тем, кого он считал тиранами. Одна за другой вставали страшные сцены императорского произвола, жестоких казней, отвратительных придворных интриг. И что бы ни думали читатели об империи и республике, они уже не могли забыть созданные Тацитом образы деспотов, обезумевших от неограниченной власти и всеобщего лстивого раболепия...

Великий русский поэт А. С. Пушкин называл Тацита «бичом тиранов».

Как и Ювенал, Тацит клеймил не только императоров, но и общество Рима, которое допускало произвол деспотов. Он пишет о сенаторах, которые покорно терпят все издевательства; о выродившейся знати, которая проводит время в кутежах и попойках; о доносчиках, которых все ненавидят, но которые тем не менее благоденствуют. Тацит описывает, как возникает заговор против императора. Во главе его — самые знатные люди Рима. Но между ними нет единства. Они спорят по мелочам, ссорятся, а время идёт. Наконец, император через доносчика узнаёт имена нескольких заговорщиков. Их вызывают на допрос, им грозят. И что же делают эти потомки знаменитых полководцев и консулов? В страхе за свою жизнь они спешат выдать друг друга. Сын называет мать, брат предаёт брата. Лишь немногие решаются протестовать, если не делом, то хотя бы мужественной смертью. Казни следуют за казнями, кровь льётся рекой...

Тацит описывал и жизнь народов, ещё не испорченных роскошью и богатством. Там ещё сохранились мужество и свободолюбие. Ещё не покорённые *британцы* готовятся к бою с римскими легионами. Все они полны решимости умереть с оружием в руках, но не покориться поработителям. Их вождь обращается к ним с речью. «Мы не знаем рабства, — говорит он, — и не знаем тирании. Последние мы сохранили свободу, и мы не должны отдать её римлянам, этим грабителям и угнетателям. Они обращают в рабство наших детей. Они называют властью грабёж и убийство, а обратив страну в пустыню, говорят, что принесли ей мир; идите же в бой с мыслью о ваших предках и о ваших потомках».

Целую книгу написал Тацит об обычаях германцев. У них нет ни золота, ни серебра; единственное их богатство составляют стада. Просто их оружие, но они считают позором потерять его в бою. Их вожди правят лишь до тех пор, пока подают пример храбрости, пока их уважают соплеменники. Никого не сажают в тюрьму, не бьют. Важные дела решаются не вождями, а всем народом.

Народ судит преступников — изменников и предателей, вручает оружие юношам, которые уже заслужили честь носить его. Германцы не знают ни цирков, ни театров. Дети их воспитываются вместе с детьми рабов. И взрослые рабы живут не так, как в Риме; у каждого из них есть свой домик, своё хозяйство. Хозяину они отдают лишь часть урожая и приплода скота.

Многое в жизни германцев нравилось Тациту. Ведь некогда так жили и римляне, думал он. И тогда они были свободными счастливыми. Но затем справедливому равенству пришёл конец. Появились цари, затем богачи. Они стали издавать законы, чтобы оправдать насилия. И всё пошло хуже и хуже.

Тацит и Ювенал мечтали о возвращении к прошлому, впереди они не видели ничего светлого. Поэтому так мрачны и подчас страшны нарисованные ими картины.

Но оба они были замечательными писателями и с большой силой сумели передать свою ненависть к неограниченной власти знати, к богачам. И потому впоследствии все, кто боролись против деспотизма, аристократии, силы денег, охотно читали их.

РИМСКАЯ ВИЛЛА

В декабре оканчивались сельскохозяйственные работы, и для земледельцев наступало время недолгого отдыха и весёлых праздников. Пастухи приносили в жертву богу Фávну — покровителю стад — козлёнка и чествовали бога гуляньями и плясками. Затем целую неделю справлялись сатурналии в честь древнего земледельческого бога Сатурна. Существовала легенда, что когда-то, в далёкие времена, Сатурн правил землёй и она была всеобщим достоянием, не было на ней ни бедных, ни богатых, ни господ, ни рабов. И теперь в память этого счастливого «золотого века» рабам на празднике сатурналий разрешалось свободно шутить с господами, пировать за их столами и выбирать своего шуточного царя.

Только в эти дни могли сельские рабы немного отдохнуть, досыта поесть и выпить. Хозяин выдавал им по три литра вина на человека и угощение. А в будни они получали на человека по полкилограмма хлеба, по пол-литра перекишшего — из отжимок винограда — вина, опав-

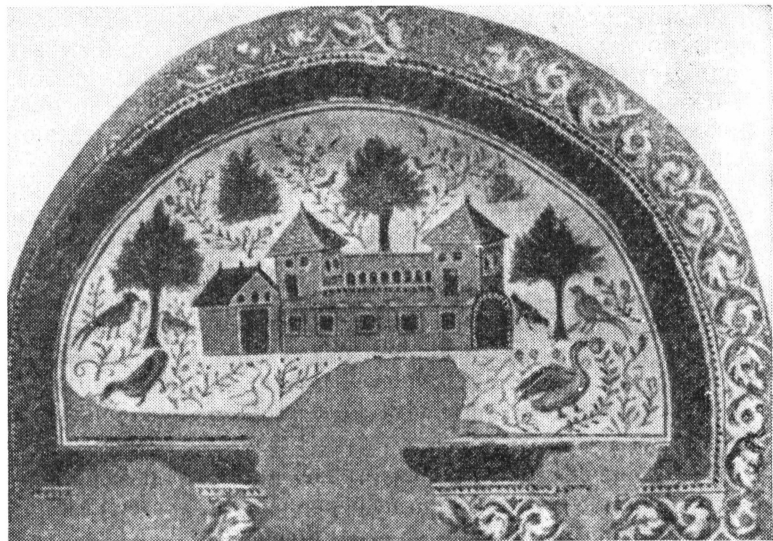

Рис. 54. Вилла в Африке.

шие, негодные для продажи маслины или немного дешёвого рыбного маринада, да поллитра оливкового масла на месяц. Если раб болел, его скудный паёк ещё более уменьшался. Хозяин часто посещал своё имение, так как твёрдо придерживался старинных взглядов, по которым земледелие,

Рис. 55. Процеживание и разливание вина.

если к нему относиться с постоянным вниманием, должно всегда приносить большие доходы. Его имение хорошо устроено, место для него выбрано удачно. В его библиотеке хранятся труды всех крупнейших писателей по сельскому хозяйству — знаменитого Катона Цэнзора, учёного Варрона, практика Колумеллы, поэта Вергилия, искусно переплетавшего в своих изящных сельских поэмах тонкую лесь Августу с советами по наилучшему устройству хлевов.

Имение отвечает почти всем требованиям этих авторитетов и радует хозяйский глаз. У подножия холма, дающего защиту от зноя и ветров, стоит господская вилла, не роскошная, но удобная. Зимние спальни и столовые обращены на юг, летние — на север. Библиотека выходит окнами на восток, чтобы предохранить книги от сырости. В приёмной комнате мозаичный пол с изображением охоты на кабана; на стенах живопись. Широкая колоннада для прогулок огибает дом, между колоннами — статуи знаменитых мудрецов древности. Зимой комнаты обогреваются горячим паром, который по трубам подаётся из котлов, нагревающих в подвале. В баню всегда подаётся горячая и холодная вода. Перед домом разбит сад.

Тремя террасами опускается сад с холма. Маленький водопад наполняет водой большой бассейн, выложенный мрамором и украшенный каменными дельфинами. Деревья посажены правильными аллеями, кусты образуют фигуры зверей и буквы имени хозяина, на клумбах растут самые разнообразные цветы. Фрукты — яблоки, абрикосы, персики, гранаты, айва, инжир — и цветы украшают

стол хозяина и с выгодой продаются в соседнем городе. Несколько искусственных пещер позволяют отдыхать в саду от летней жары.

Позади дома расположены служебные постройки: большая высокая кухня для рабов, баня, где они моются по праздникам, зимние хлевы, летние загоны для скота и птицы и при них помещения для пастухов, птичников и скотников. Все рабы живут в нескольких бараках, чтобы легче было наблюдать за ними. Несколько в стороне давяльня для винограда, погреб для масла и винный погреб, где хранятся засмолённые и запечатанные амфоры с вином, кладовые для сельскохозяйственных орудий и амбары для зерна и сена. За оградой усадьбы расположены мельница, рига, хлебная печь, ямы, где собираются удобрения, и два пруда. В одном мокнут ветви, прутья, волокна, в другом плещутся гуси и утки.

За усадьбой начинается поле, засеянное пшеницей и ячменём, дальше — холмы, покрытые виноградниками, а за ними — оливковая роща и дубовый лесок, дающий прекрасные жёлуди для свиней и корм для коз и овец. Крупный скот отправляется с пастухами в горы, на общественные пастбища. Поблизости удобная дорога, ведущая в город, куда отвозятся на продажу продукты из имения.

Прибыв на свою виллу, поклонившись домашним богам — *лара́м* — и проверив, как вели себя во время его отсутствия рабы, господин идёт осматривать своё хозяйство. За ним почтительно следует управляющий виллой — вилик. Владелец выбрал на эту должность самого сообразительного, старательного и расторопного из своих рабов. Управляющий хорошо знаком с сельским хозяйством, но никогда не позволит себе оспаривать распоряжения господина. Правда, он неграмотен, но многие считают, что это для управителя даже хорошо — он не будет подделывать счётные книги и присваивать деньги. Управитель живёт со своей семьёй в маленьком доме при входе в усадьбу и видит всех входящих и выходящих. Он почтителен с друзьями господина и не позволяет себе сплетничать о нём с недоброжелателями, он не заводит знакомств, неохотно берёт или даёт взаймы. Первым встаёт он и последним ложится, убедившись, что всё заперто и убрано. Следить за домашним хозяйством, провизией, кухней, прядильщицами и ткачихами помогает ему жена.

Управляющий виллой разбирает ссоры рабов, раздаёт и проверяет выполненную работу. Прилежных, работающих рабов он поощряет, приглашает к своему столу, ленивых и непокорных наказывает розгами или, с разрешения хозяина, заковывает в цепи и отправляет в подземную тюрьму — эргастул. Это большой тёмный подвал, освещённый лишь маленькими окошками, расположенными высоко над полом, чтобы узники не могли до них дотянуться. Присматривает за ними особый тюремщик — *эргастуларий*. Закованных рабов посылают на самые тяжёлые работы под постоянным, бдительным наблюдением надсмотрщиков. Впрочем, и остальные рабы всегда под присмотром. Их никогда не посылают на какую-нибудь работу поодиночке или даже вдвоём, чтобы они не ускользнули из поля зрения управляющего. Обычно их делят на десятки (*декурии*), под особым надзором каждый: так легче выявить ленивых и старательных, наказывать и поощрять. Каждому отводится свой участок работы, чтобы не было попыток сваливать её друг на друга. Хозяин строго проверяет, не проявил ли вилик излишней расточительности или попустительства. Пусть он не пробует ссылаться на плохую погоду, ведь и в дождь можно с пользой занять людей: свозить навоз, конопатить бочки, ремонтировать инвентарь, убирать хлева и амбары, сучить верёвки, чинить одежду и обувь.

Но, выжимая из раба всё, что можно, приходится заботиться и о его здоровье. На вилле есть маленькое помещение для больных рабов, и жена вилика обязана лечить их и ухаживать за ними. Ведь за раба заплачены деньги, и немалые. Теперь не то, что во времена больших войн при республике, когда пленных десятками тысяч продавали по дешёвой цене на рабских рынках. Теперешние незначительные пограничные войны не дают достаточного притока свежих рабов. Немного их рождается и в самом имении.

Иногда приходится смотреть сквозь пальцы, как раб портит орудия, понять устройство которых у него нет охоты, или когда, несмотря на все угрозы и наказания, он не бережёт хозяйского скота, небрежно обрабатывает опостылевшую ему чужую землю. Хозяин старается даже не посылать рабов на болотистые, слишком трудоёмкие и вредные для здоровья участки. Выгоднее нанять для работы на них бедняков-подёнщиков или сдать их в аренду

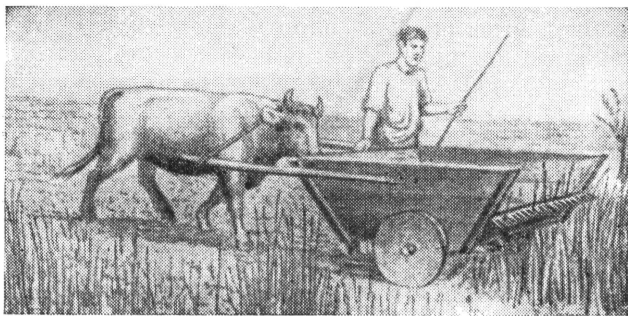

Рис. 56. Римская жнейка.

лишившимся своей земли окрестным крестьянам. Теперь таких появляется всё больше и больше. Вот уже несколько поколений одной семьи арендует у него землю. Их прадеда вместе со многими другими согнали с полей, чтобы отдать землю ветеранам императора Августа. Пришлось ему искать себе пропитания в чужом имении. Хозяин дал ему небольшой участок в 15 югеров, раба, пару волов, плуг, семян, с тем чтобы он постепенно уплатил за всё это из будущих урожаев. Дела арендатора пошли плохо, долг всё рос, и теперь его потомки принуждены платить и деньгами, и долей урожая, и работой на земле-владельца в пору пахоты, сева и уборки.

Трудно было мелкому крестьянину соперничать с крупными землевладельцами, с дешёвым египетским и африканским хлебом, испанским маслом, галльским вином.

Особенно много было таких крестьян, которых разоряли богатые соседи. Только на днях пришёл такой бедняк с женой и сыном просить помощи. Он рассказал свою историю. Поблизости находилось имение одного известного богача. Он давал деньги взаймы под большие проценты, имел корабли, возившие товары из Африки и Испании, и славился своим богатством. Земля была у него и в Италии и почти во всех провинциях. Целые города могли бы разместиться на его апулийских пастбищах для овец, на сицилийских хлебных полях, в африканских оливковых рощах, на галльских льняных плантациях и в виноградниках. На его вилле в Италии огромные пространства

были заняты под увеселительные парки с целыми полями роз и фиалок. Всевозможные птицы разводились в лесах, редкостные рыбы вскармливались в садках. Он так любил одну из них, красивую мурёну, что вдел ей в плавники драгоценные серьги, и гости специально приезжали, чтобы полюбоваться на неё.

Его имения были подобны большим городам. Из тысяч рабов даже десятая доля не знала его в лицо, но все трепетали при одном его имени. За малейшую провинность, за самовольную отлучку из усадьбы полагалось сто розог. Раба, разбившего дорожную вазу, он бросил на съедение своим любимым рыбам...

Некоторые участки его земель не приносили никакого дохода, так как находились в руках вороватых управителей, многие вовсе не обрабатывались и превратились в обиталище диких зверей, но в своём тщеславии он всё увеличивал и увеличивал владения, желая «не иметь соседей». Он хвастал, что на его собственных землях его рабами производится всё, начиная от кирпичей для домов и труб для водопроводов и кончая искуснейшими статуями и драгоценными золототкаными материями. Его колоссальные владения состояли из десятков прежде самостоятельных имений. Он скупал их у потомков вконец промотавшихся аристократических семей, и некоторые знатные молодые люди, возводившие свой род к спутникам Энея, шли к нему на службу управляющими и приказчиками. Он захватывал общественные пастбища, ничего не платя городам, которым они принадлежали. Бедных людей он попросту сгонял с их участков...

Так, и пришедший за помощью бедняк владел небольшим полем по соседству с богачом и не желал расстаться с землёй, доставшейся ему от предков. Но могущественному соседу ничего не стоило оспорить его права на землю; ведь местный судья не осмеливался противоречить богачу. Вот и вышло постановление: уходить бедняку, куда глаза глядят. Рабы соседа пришли выкидывать его скарб как раз в самый разгар весёлых сатурналий. Правда, несколько друзей, возмущённых грубым насилием, поспешили ему на помощь. Но что же можно сделать против силы? В драке были убиты его старший сын и один из друзей, а он со всей семьёй, захватив только изображения домашних богов — ларов, пришёл просить поддержки.

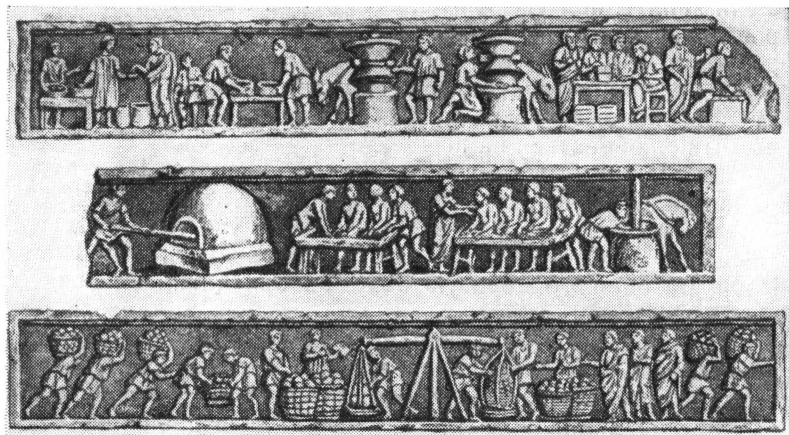

Рис. 57. Приготовление хлеба и сдача его поставщикам.

Ну что же, новый господин дал ему инвентарь, пару волов, участок в 20 югеров земли и кусок болота: пусть разводит бобы, чечевицу и репу, такая почва только для них и пригодна. Новый господин даже готов на первых порах не очень обременять его оплатой. Он рад помочь жертве богатого соседа, которого втайне ненавидит. Вилики и рабы этого соседа, чванясь богатством своего хозяина, портят его посевы и деревья больше, чем солдаты, проходящие мимо по военной дороге.

Конечно, прежде всего этому владельцу было выгодно помочь просителю. Всё-таки новая рабочая сила прибавилась, а её всё труднее доставать теперь. Ведь подумать только: сколько нужно людей, чтобы извлекать доходы из имения! На 240 югеров оливковой рощи нужно 13 работников, на 100 югеров виноградника — 16, на 100 югеров пашни — 26 человек, а кроме того, нужны ещё пастухи, скотники, птичники, повара, пекари, гончары, мельник, пряжи, ткачихи, садовники, слуги при доме. При таких условиях доход может быть неплохой. По самому скромному подсчёту только виноградник даст по 300 сестерциев с югера, если считать, что каждый югер принесёт по меху вина (524 л). Но главное, что нельзя положиться вполне ни на самого лучшего вилика, ни на многочислен-

ных надсмотрщиков. Что им в конце концов хозяйское добро? Вот опять рабы испортили дорогой испанский оливковый пресс, сломали новый, недавно изобретённый в Рёции плуг с широким лемехом в виде лопаты, да ещё перекормили мула. Теперь придётся вызвать «медика для мулов».

С арендаторами-*колóнами* меньше хлопот. Они сами заинтересованы в том, чтобы беречь инвентарь и скот и получать урожай побольше: тогда увеличится и их часть и часть хозяина. Пожалуй, неглупо поступают теперь некоторые землевладельцы, которые стали часть своей земли разбивать на участки по 20 югеров и раздавать их для обработки рабам при условии сдачи части урожая. Раб получает свой домик, кое-какое имущество и обзаводится семьёй. Ему выгодно увеличивать хозяйство. Он надеется получить вольную, приобрести скромное благосостояние, вывести в люди детей. Вот почему он старается на этой работе так, как не заставили бы его стараться на господской земле ни плети, ни колодки.

Надо будет попробовать посадить на землю того сильного и сметливого раба, который вышел победителем в состязаниях на нынешнем празднике, справлявшемся в честь ларов. Если дело пойдёт хорошо, можно будет дать ему собственного раба...

Всё это обдумывает хозяин, пока идёт по имению. Он шутит кое с кем из более пожилых рабов, позволяет им высказать своё мнение о предстоящих работах. Городским рабам он такой вольности не позволяет, но этих надо поощрить, чтобы лучше старались. В последнюю очередь осматриваются эргастулы, где томятся закованные в цепи рабы.

Когда всё осмотрено и все распоряжения отданы, хозяин отдыхает на широкой веранде своего дома. На поклон к нему являются его арендаторы — колоны. Они приносят подарки — яйца, кур, ягнят, фрукты. Кое-кто просит об отсрочке платежей, другие представляют на суд хозяина свои взаимные споры.

Разговаривая с колонами, хозяин думает про себя: хорошо было бы сдать в аренду ещё несколько участков земли. Только не так-то легко найти желающих. Всё больше сельских жителей предпочитает уходить в города, особенно в Рим, и жить там за счёт государственных и частных подачек.

ДЕЦЕБАЛ

Богата была страна *даков*, населявших в древности земли в Карпатах между реками Дунаем и Тиссой. На плодородных полях росли пшеница, ячмень, лён, конопля; на лугах паслись многочисленные стада; в горах и реках добывалось золото. Но мало что из этих богатств доставалось на долю простых крестьян. Из поколения в поколение жили они в маленьких, огороженных частоколом деревнях, в тесных деревянных или тростниковых хижинах, построенных на столбах и крытых соломой или тростником. Здесь хранилась грубая глиняная утварь, простые деревянные плуги и другие инструменты; здесь же хоронили они и прах своих предков...

Богаты и могущественны были племенные вожди и знать даков, носившие в отличие от простого народа высокие войлочные шапки. Выстроенные трудом бедняков, высились на неприступных скалах их замки — высокие квадратные башни, сложенные из каменных плит, скреплённых деревянными балками, обнесённые зубчатой стеной и валами. А внутри этих замков хранились дорогое оружие, стеклянные и бронзовые сосуды, ювелирные изделия, приобретённые у греческих и римских торговцев в обмен на хлеб, кожи и рабов...

В конце I в. н. э. в Дакии появился талантливый полководец Децебál. Опираясь на народ, недовольный господством знати, он попытался создать сильное, единое государство. Только сплотившись, даки могли противостоять римлянам, которые захватили уже все области по левому берегу Дуная. Всё больше римских купцов проникло в Дакию. А за купцами обычно приходили в страну и римские легионы. Надо было собрать все силы, чтобы отстоять свободу.

Война с римлянами началась уже при предшественнике Децебалы, царе Диурпанее. Целый год шли бои между римлянами и даками. Наконец римская армия оттеснила даков за Дунай и стала переправляться на землю противника.

Тогда-то Диурпаней, не имея сил продолжать борьбу, передал свою власть Децебалу. Новый вождь, начав, чтобы выиграть время, переговоры, вместе с тем стал энергично готовиться к войне. Ему удалось на время принудить к повиновению знать и поднять дисциплину в войске.

Вместе с тем он убедил соседние племена *бастарнов* и *роксоланов* заключить с ним союз. С повозками, семьями, стадами, домашним скотом шли они, чтобы расселиться на землях, которые Децебал обещал отвоевать для них у римлян. Он разослал своих послов ко многим зависимым от Рима племенам. Под влиянием переговоров с Децебалом эти племена отказались предоставить римлянам вспомогательную конницу, а затем и восстали против римского господства.

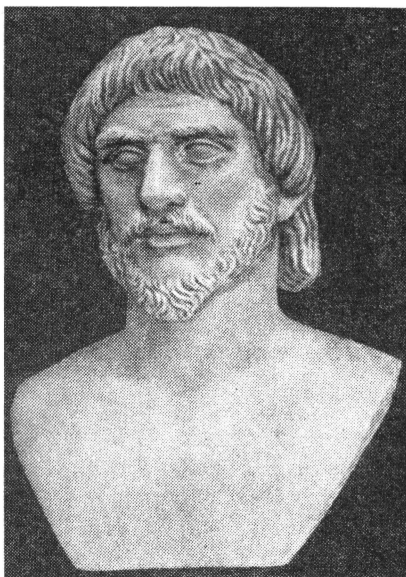

Рис. 58. Голова дака.

При первом же столкновении с римской армией даки одержали блестящую победу. Командующий войском римлян погиб в сражении; лагерь с боевыми машинами был захвачен; почти целый легион и некоторые вспомогательные части были перебиты, и — что считалось величайшим позором для Рима — знамя легиона попало в руки врага. На юге Добруджи, в Адамклизе, до сих пор стоит воздвигнутый римлянами в память павших в этой битве памятник, на котором написаны их имена.

Но Децебал не смог полностью использовать победу. Дакийская знать своим неповиновением ослабила его войско. И в следующей битве, при Тапе, даки были обращены в бегство. Победа римлян открывала им путь к дакийской столице — Сармизегетузе. Опасаясь за её участь, Децебал стал просить мира. Его брат прибыл в Рим, привёз захваченное у римлян оружие и пленных и, пав на колени перед императором, получил из его рук корону. Так Децебал признал себя зависимым от римского государства. Ценой унижения он выиграл время и даже выторговал

у Домициана ежегодное денежное вспомоществование. Рим тоже нуждался в передышке: почти восемь лет вёл он войну с восставшими германскими племенами.

Децебал внимательно следил за событиями, готовясь к новой войне. Его агенты действовали в римской армии, в провинциях, среди соседних племён. Они умело выискивали недовольных, обещали им приют в Дакии и покровительство дакийского царя. Особенно охотно принимал он дезертировавших римских солдат, ремесленников, строителей, механиков, знавших толк в сооружении военных машин и крепостей. Исподволь вёл Децебал переговоры о союзе с соседними племенами, доказывал, что если они не поддержат его, то рано или поздно сами станут жертвами ненасытного Рима. Пытался он вести переговоры и с далёкой Парфией, вечной соперницей Рима.

В Риме эти действия Децебала были известны. Правительство не могло примириться с тем, что по соседству с империей возникла сила, готовая вступать в союз со всеми, кто недоволен римским господством. Война становилась неизбежной. Она вспыхнула, когда императором вскоре после свержения Домициана сделался Траян, популярный в сенате и армии полководец.

Провозглашённый императором, Траян немедленно отправился на Дунай. Почти целый год пробыл он здесь, лично наблюдая за постройкой новых крепостей, мостов и дорог в горных районах Мезии. К девяти стоявшим на Дунае легионам он прибавил войска, вызванные из Германии и с Востока. Кроме того, было набрано ещё два новых легиона. Всего, вместе со вспомогательными отрядами, набралось около 200 тысяч солдат.

Наконец, весной 101 г. н. э. римская армия, разделившись на две колонны, перешла Дунай. Западной колонной командовал сам император. Он шёл к Тапе, на подступы к Сармизегетузе.

Ещё не дойдя до Тапы, римляне услышали звуки изогнутых труб даков и увидели их военные значки — огромных драконов с волчьими головами. Перед началом сражения одно из племён, союзников даков, прислало Траяну огромный гриб, на котором было написано, что римляне должны соблюдать мир и что поэтому им следует отступить. Но это своеобразное письмо не остановило Траяна. Завязалась кровопролитная битва. Даки, вооружённые, кроме луков, кривыми серповидными меча-

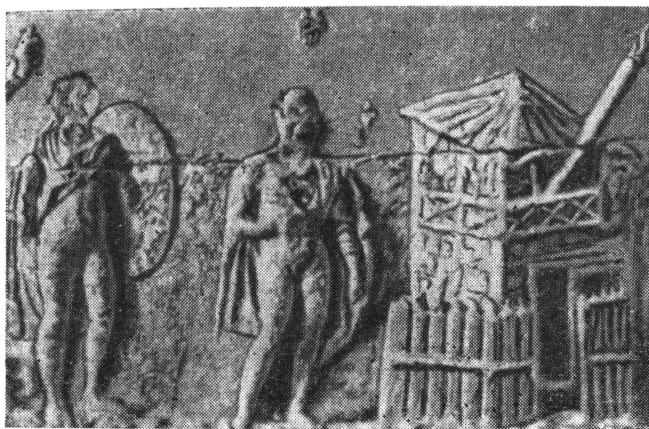
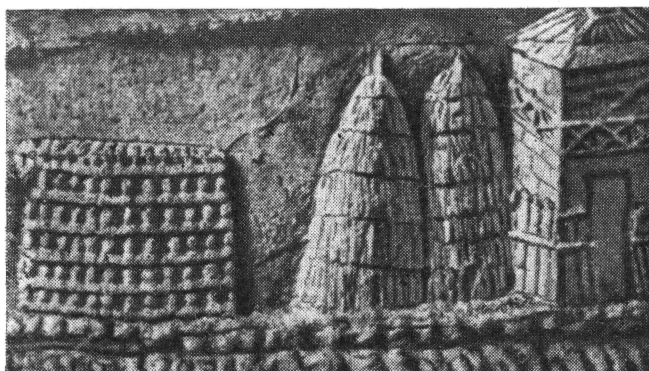
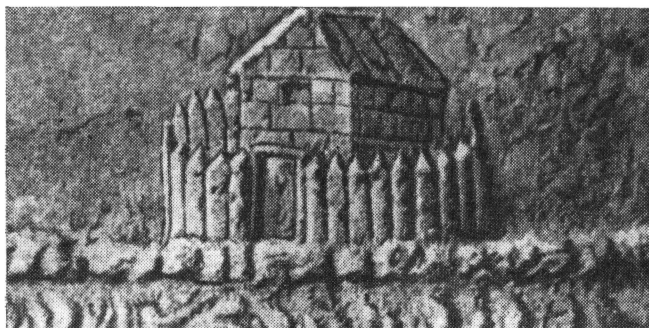

Рис. 59. Римские укрепления на Дунае.

ми, были особенно страшны в рукопашном бою. Они бились с непоколебимым мужеством, презирая смерть. Множество римлян пало в этой битве.

После сражения римским войскам пришлось приостановить наступление. Собираясь с силами, римляне в то же время стремились внушить страх дакам: на захваченной земле они уничтожали деревни, уводили жителей в рабство.

Римляне всегда славилась не только как беспощадные завоеватели, но и как ловкие дипломаты. Теперь они старались сильнее разжечь раздоры между дакийской знатью и настроить её против Децебала. То и дело в лагере Траяна появлялись люди в высоких войлочных шапках и, став на колени, заверяли его в своей преданности и готовности ему служить.

Оправившись после предыдущего сражения, римляне предприняли новое наступление на Тапу. Мужественно защищали даки каждую вершину, медленно, с упорными сражениями отступали. Они уходили всё дальше в горы, уводя с собой римских пленных.

Положение даков резко ухудшилось, когда неожиданно вспомогательная конница римлян ударила им в тыл и устремилась к Сармизегетузе. Децебал, пытаясь выиграть время, начал мирные переговоры. Но римляне продолжали продвигаться вперёд, разрушая крепость за крепостью. Всё больше знатных даков покидало Децебала и перебегало к Траяну.

Последнюю надежду вождь даков возлагал на войска, стоявшие у крепости Апулум, однако и здесь он потерпел поражение. Путь к столице был открыт. Децебалу приходилось соглашаться на любые условия мира.

Сам явился он в палатку Траяна. Отбросив в сторону свой длинный прямой меч — знак царской власти, он упал на колени. Децебал признавал своё поражение, просил снисхождения. В его присутствии сложил оружие гарнизон Сармизегетузы, где был теперь разбит римский лагерь. По мирному договору даки обязывались сдать оружие и военные машины, срыть укрепления, выдать бежавших к ним ремесленников и солдат, не принимать более перебежчиков и всегда иметь общих с римским народом друзей и врагов. Для наблюдения за выполнением этих условий в стране временно оставались римские войска.

Рис. 60. Сцена из дакийской войны: римские солдаты приносят головы дакийских вождей.

Чтобы иметь возможность быстро перебрасывать в Дакию подкрепления, Траян приказал выстроить возле крепости Дробёты каменный мост через Дунай. Ещё много десятилетий спустя этот мост вызывал удивление и восхищение путешественников. Он был длиной в километр, его поддерживали 20 каменных столбов, высотой 28 м и шириной 15 м. Они отстояли друг от друга на 50 м и соединялись арками, по которым был сделан настил.

Однако Децебал не считал себя окончательно побеждённым. Он выполнил все условия мирного договора, чтобы поскорее избавиться от римских войск. Но как только они покинули страну, Децебал снова приказал отстраивать крепости и сооружать боевые машины. Он рассчитывал неожиданно напасть на римлян, захватив их врасплох.

Собрав значительные силы, Децебал в июне 105 г. н. э. начал штурм римских укреплений. Одновременно в Сармизегетузе был захвачен римский лагерь и перебит гарнизон. Однако этот решительный натиск не увенчался успехом. Прорваться на римскую территорию дакам не удалось. Траян спешно прибыл с подкреплениями. Его почтительно приветствовали послы от его дакийских сторонников. Децебал понимал, что это первое поражение предreshало исход войны. Он знал, что на этот раз Траян не успокоится, пока не обратит Дакию в римскую провинцию.

И снова двумя колоннами римское войско потянулось к Сармизегетузе. По пути оно почти не встречало сопротивления. Наскоро построенные крепости не могли долго защищаться. Население, забрав своё имущество, уходило дальше в горы. Но столица на этот раз хорошо приготовилась к обороне. До самой Тапы тянулись бастионы, башни и рвы. Каждую скалу и возвышенность даки превратили в крепость. В городе были заготовлены огромные запасы продовольствия и золота. Свои собственные несметные сокровища Децебал зарыл в русле реки у самых стен дворца. Долго длилась осада Сармизегетузы. С запада и востока осаждала её римская армия, постепенно всё теснее смыкая кольцо. Строились осадные сооружения, рылись траншеи. То даки предпринимали вылазки, то римляне пытались штурмовать город. И у той и у другой стороны потери были очень велики. Всё больше вражеских голов выставлялось на столбах в римском лагере и в столице даков.

Децебал рассчитывал продержаться до зимних холодов, надеясь, что морозы принудят римлян снять осаду. Но измена проникла в ряды его войска. Несколько знатных даков тайно обещали Траяну открыть ему восточные ворота столицы. Чтобы отвлечь внимание, Траян приказал западной армии в условленный час начать штурм города. После упорных боёв она овладела передовыми укреплениями. Одновременно изменники пустили римлян в город с противоположной стороны.

Гнев и отчаяние овладели даками, когда они увидели врагов в своей столице. Они решили не отдавать город в руки победителям и не сдаваться живыми. Горящий факел был брошен в здание царского дворца. За ним запылали деревянные дома Сармизегетузы. На главной пло-

Рис. 61. Колонна Траяна.

щади даки выставили большой котёл с ядом. Сотни жителей столицы протягивали свои чаши за смертельным напитком. Уже множество трупов лежало около котла, но подходили всё новые толпы тех, кто предпочитал смерть рабству. Отец поддерживал умирающего сына, готовясь тотчас последовать за ним. Мать подносила чашу с ядом ребёнку, а затем пила сама.

Под звуки торжественной музыки во главе армии вступил Траян в опустевший город. Здесь, среди дымящихся развалин и трупов своих соотечественников, знатные изменники упали перед ним на колени и были милостиво приняты победителем. Один из самых близких соратников Децебала рассказал, где спрятаны его сокровища. Их извлекли из русла реки и доставили к палатке Траяна.

Это золото надолго обогатило римскую казну. В один только храм Юпитера Траян пожертвовал 50 миллионов сестерциев.

Но война ещё не была окончена. Децебалу удалось увести часть даков в горные леса. Оттуда они продолжали нападать на римские отряды. Шаг за шагом теснили их римляне. Положение даков стало почти безнадёжным, когда римляне взяли крепость Апулум, которая защищала доступ к северо-восточной, самой дикой части страны. Там ещё держались дакийские партизаны.

В глухом лесу собрались остатки разбитых отрядов. С последней речью обратился к ним Децебал. Он попросился со своими верными соратниками и отпустил их. Больше не оставалось надежды, и многие обратились к последнему прибежищу — смерти. Одни бросались на меч, другие просили друзей избавить их ударом кинжала от позора рабства. Кое-кто искал прибежища у соседних племён, чтобы начать там трудную, суровую, но свободную жизнь.

Однако измена проникла и в последнее убежище побеждённых. Некоторые знатные даки, следовавшие за Децебалом, решили снискать милость Траяна, выдав своего предводителя. Ведь триумф императора будет неполным, если за его колесницей не пойдёт в цепях некогда грозный враг. Извещённые изменниками, римские отряды преградили Децебалу путь к отступлению. Немногие его спутники были перебиты. Наконец и под ним пал конь, пронзённый копьём. Децебал упал к корням высокой ели. Уже римские солдаты протянули руки, чтобы схватить его. Быстрым движением выхватив кинжал, он перерезал себе горло. Его голова и правая рука были доставлены императору и выставлены перед столпившимися солдатами.

Война окончилась. Дакия, обращённая в провинцию, была включена в состав Римской империи.

Из огромной дакийской добычи войску были розданы богатые награды. По случаю дакийского триумфа Траян дал в Риме 123-дневный праздник. В играх участвовало 11 тысяч зверей и 10 тысяч гладиаторов. Сенат постановил на средства, взятые из добычи, воздвигнуть в честь победителя памятник — колонну. Пять лет сооружалась она под руководством грека Аполлодора и сохранилась до сих пор. Высота её достигает 40 м. Вся она покрыта рельефными изображениями военных событий и увенчана статуей Траяна. Прах императора был впоследствии погребён у основания этой колонны.

Покорённые даки, как и все провинциалы, были обложены податями. Часть их земли перешла к римским колонистам и ветеранам. Размещённые в лагерях и крепостях по всей стране, солдаты должны были наблюдать за порядком и подавлять движение недовольных.

Но народ не забыл ни былой свободы, ни боровшегося за неё Децебала. То и дело в страну вторгались выселившиеся за её пределы свободные даки. Они всегда встречали сочувствие и поддержку своих соплеменников. Когда же в III в. римское государство стало слабеть, в Дакии началось освободительное движение. К дакам присоединились и другие племена. Бессильные бороться с ними, римляне в середине III в. вынуждены были оставить Дакию.

Это была первая провинция, сбросившая с себя ненавистное римское иго.

В РИМСКОМ ГОРОДЕ

В этот день в провинциальном городе происходило торжество по случаю окончания постройки храма богини хлебных злаков Цереры. Должны были состояться цирковые игры и театральные представления, а затем пир для всех его жителей. Жители соседних городов и окрестных сёл, считавшиеся гражданами города и подчинявшиеся его властям, стекались отовсюду, неся с собой статуи богов — покровителей своих общин, как бы прибывших почтить великую мать Цереру.

У молодого крестьянина, впервые пришедшего в город со своего далёкого пастбища, разбежались глаза. Пожилой горожанин, заметив его растерянность и любопытст-

во, заговорил с ним и стал рассказывать о достопримечательностях города и его жизни.

— Видишь ли, — говорил он, — несколько десятилетий назад здесь был небольшой провинциальный городок. Жители его считались *перегри́нами*, то есть покорёнными подданными Рима. Они не имели права вступать в брак с римскими гражданами, быть собственниками земли. Земля перешла во владение к победителям, и за пользование ею приходилось платить особые подати. Жили не по римским законам, а по своим старым обычаям и не могли надеяться занять государственные должности или сделать военную карьеру. Но затем всемилостивый божественный император Траян решил устроить здесь колонию своих ветеранов, упрочивших славу Рима в войнах с даками и парфянами.

Ветеранам были розданы земли, деньги, построены дома. Приехали землемеры и разбили новый город. Вот две главные улицы, а на их пересечении — форум. Остальные улицы идут параллельно этим. Старое поселение ещё сохранилось со своими улочками и остатками городских стен, с башнями и воротами. Но теперь эти оборонительные сооружения не поддерживаются и пришли в упадок. Город процветает, много вывозится отсюда зерна и масла. Потомки ветеранов и наиболее богатые из местных жителей пользуются правами римского гражданства, некоторые из них стали всадниками, есть даже среди здешних уроженцев сенаторы.

Всё устроено у нас по образцу матери городов — вечного Рима. Видишь там, на холме, высокое прямоугольное здание с двенадцатью колоннами по сторонам? Это храм великих римских богов: Юпитера, Юноны, Минервы. При входе в город ты уже видел храм Марса. Он охраняет нас от внешних врагов и внутренних междоусобиц. У цирка ты увидишь круглый храм Геркулеса, а у театра — бога искусств Аполлона.

Обрати внимание, как прекрасно вымощены улицы большими каменными плитами, какие высокие тротуары и как удобно они через известные промежутки соединены каменными плитами равной с ними высоты, чтобы не подниматься и не спускаться, переходя улицы. Эти мостовые сделал на свой счёт богатый жрец божественного Августа в честь своего избрания на эту почётную должность. Граждане воздвигли ему за это статую с благодарствен-

Рис. 62. Акведук (водопровод).

ной надписью; ты сейчас увидишь её на форуме. Пойдём!

Ну вот и форум. Мы выйдем на него через триумфальную арку, которую городской совет соорудил в честь парфянской победы божественного Траяна. Видишь, на ней изображены различные военные эпизоды и крылатая Победа с венком, а над аркой — позолоченная бронзовая статуя императора на триумфальной колеснице. Посмотри, как правильно спланирован форум: ширина его равна двум третям длины.

В глубине храм Мерку́рия — он ведь покровитель торговцев, ораторов — словом, тех, кто чаще всего здесь бывает. Перед храмом высокая платформа, окружённая барьером. Это трибуна, с которой ораторы обращаются к народу.

Направо — рынок, дальше — крытая колоннада. Здесь гуляющие укрываются от зноя и дождя, здесь же лавки ювелиров, суконщиков, скульпторов, парфюмеров, сапожников, менял. Если есть у тебя деньги, можешь купить тут и жемчуг из Британии и шёлк из далёкого Китая.

А это здание суда. Ты ведь знаешь, что более мелкие дела разбирает выборный магистрат, дуумвир, более серьёзные — претор.

ёзные — императорский чиновник или наместник провинции. А римские граждане имеют право обращаться и к самому императору. Они и местная знать — «люди почтенные» — всегда в лучшем положении перед судом, а нас, простых людей «низкого звания», можно и высечь, и отправить на тяжёлые работы, и предать мучительной, позорной казни. Сегодня ты увидишь, как будут распинать на кресте бедняка, который украл из храма драгоценности и золотой плащ, пожертвованные одной здешней богачкой. Когда-то он был честным человеком, искусным резчиком по слоновой кости, но ему не повезло, он попал в лапы ростовщиков. Двоих его детей продали в рабство за долги, а самого жестоко избили и присудили отрабатывать долг. Но он бежал и отважился на кражу, чтобы выкупить детей. Пока что он содержится в тюрьме, которую ты можешь видеть здесь же, на форуме.

Но посмотрим, что это за толпа народа собралась возле рынка. Может быть, какой-нибудь бродяга предсказывает желающим судьбу и продаёт лекарства и любовные напитки? Или показывает чудеса чародей из Индии? Нет, вон в центре ораторствует человек со всклокоченной бородой, в рваном плаще, с сумой и дубиной. Это философ-циник Перегрин. Он странствует по городам, проповедуя на площадях и рынках. Знать его ненавидит, называет то беглым рабом, то отцеубийцей, а народ слушает его речи охотно. Он ругает даже самого императора. А уж над прочими властями как смеётся! Недавно видит, как эдил тащит какого-то бедняка, укравшего курицу, и говорит во всеуслышание: «Вот большой вор маленького воришку ведёт!» Он учит, что почтнее всего человеку быть бедняком и жить простым полезным трудом, лучше всего обрабатывать землю, а изготавливать предметы роскоши для никчёмных богачей позорно. Смеётся над философами, которые проповедуют величие духа и добродетель, а сами готовы передрасться из-за подачки богатого невежды, как псы из-за кости. Смеётся над религиозными празднествами. «Неужели,— говорит он,— какой-нибудь бездельник только от того, что узнал фокусы жрецов, станет любезнее богам, чем честный, трудящийся человек?» Говорит, что всё в мире должно быть у всех общее: и родина, и имущество, и жёны, и дети. Бедные люди отовсюду сбегаются его послушать. Раз дело чуть не дошло до мятежа. После его речи хотели выгнать из города богато-

го сенатора, на статую которому уж очень жестоко собирали с народа «добровольные пожертвования». Не выгнали сенатора только потому, что вовремя подоспели солдаты.

Но вот народ стал расходиться: скоро начнутся представления. Этими зрелищами легче всего отвлекать народ от опасных мыслей. Императоры это знают и поэтому всячески поощряют зрелища. Но не будем громко говорить об этом, ведь везде шныряют тайные соглядатаи. Нередко бывает так: зайдёт человек в таверну, выпьет лишнее, подсядет к нему какой-нибудь молодец, начнёт разговор о дороговизне, неурожаях, несправедливости в суде; слово за слово — начнёт рассказывать о тайных предсказаниях, пророчащих великие беды, начнёт и самого императора осуждать. Простофиля развесит уши и поддакивает, а собеседник-то его, оказывается, переодетый солдат; мигнёт страже — и пропал человек. Не помогут тут ему ни уверения в своей невиновности, ни клятвы Геркулесом или священным именем императора. Потому-то большинство и предпочитает говорить о цирке и о театре.

Теперь у нас амфитеатр, театр и цирк устроены по столичному образцу. И сегодня ты увидишь знаменитого римского наездника Диокла, который уже 13-летним мальчиком одерживал победы, правя четвёркой лошадей. Теперь ему 25 лет и он насчитывает уже свыше 400 побед на состязаниях. Увидишь ты также танцовщика Париса, любимца императора Луция Вера, и 30 пар отборнейших гладиаторов.

Все уже давно с нетерпением ждут сегодняшних игр, и, наверное, о них будет запись в погодной городской хронике. Надо поспешить получить свинцовый жетончик — *тэссеру* — на вход в цирк, а кстати взять такие же тессеры на право получения хлеба, вина и масла из городских амбаров. Ты тоже имеешь на всё это право, так как приписан к гражданам этого города.

Цирк у нас каменный. Скамьи идут по кругу. Внизу, у арены, места наиболее почётных лиц. Крыши нет; иногда над помещением раскрывается род шатра из алой материи, что даёт удивительное освещение. Для прохлады бьют душистые фонтаны.

Сегодня в беге колесниц будет восемь заездов, по четыре колесницы, запряжённые четвёркой, а потом Диокл

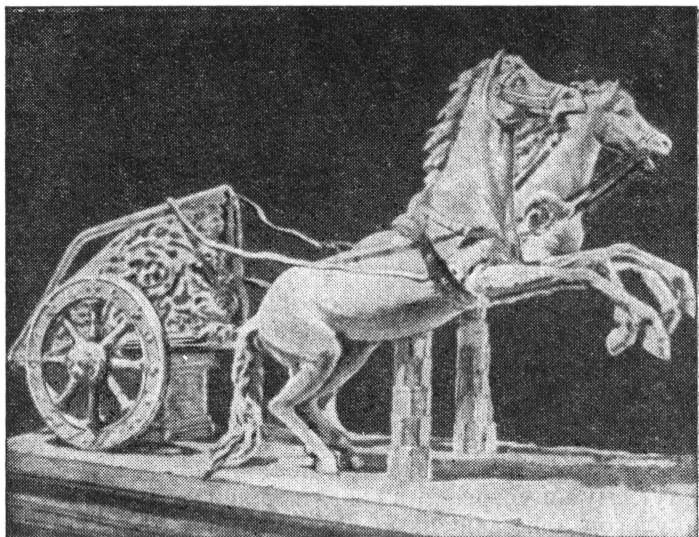

Рис. 63. Колесница.

будет править сразу восьмёркой лошадей. В нашем городе, как и повсюду в империи, зрители делятся на четыре цирковые партии: красные, белые, зелёные и голубые. И колесницы и наездники появляются в цветах своей партии. Они делают восемь кругов по арене, огибая каменную мету; побеждает тот, кто первый пришёл к черте. Победитель получает огромные деньги; его приверженцы ликуют; проигравшие вопят и бранятся. Тут стираются все различия: подростки, старики, женщины, император в Риме и последний бедняк в нашем городе одинаково увлечены состязаниями, одинаково горячо прославляют наездника своей партии. Наиболее знаменитых воспевают поэты; им и их лучшим лошадям ставят статуи. Ведь всем известно, что когда-то император Калигула, страстно увлекавшийся бегами, хотел сделать консулом знаменитого коня Инцитата. Он даже запрещал говорить громко вблизи его конюшни, чтобы не волновать лошадь перед бегами. А сколько богатой молодёжи разорилось на бегах, сколько пытается выиграть, обращаясь к колдовству! В перерывах между заездами ты увидишь также ловких

наездников, которые покажут своё искусство в верховой езде, будут скакать стоя, перепрыгивать с лошади на лошадь, прыгать через четвёрку лошадей.

Не меньше волнуются зрители в амфитеатре при боях гладиаторов. Одни сочувствуют тяжеловооружённым фракийцам, другие — ретиариям, которые сражаются только с сетью и трезубцем. Конечно, у нас не то, что в Риме. Колизей вмещает более 50 тысяч зрителей, а на арене выступают иногда до 200 пар. Я был один раз в Риме на бое гладиаторов. Какое это зрелище, когда они перед началом боя проходят по арене, сверкая дорогим вооружением, и приветствуют императора словами: «Будь здоров, император, идущие на смерть приветствуют тебя!» Но и у нас есть хорошие гладиаторы. Начальники гладиаторских школ скупают сильных рабов и военнопленных, им отдают преступников, осуждённых служить по нескольку лет гладиаторами, да и свободные бедняки, отчаявшись найти иной заработок, нередко продаются им. Зато и наживаются же начальники школ, сдавая своих бойцов магистратам, устраивающим игры! А удачливые бойцы, которым хозяин тут же, на арене, передаёт сосуд с золотыми монетами, за несколько лет богатеют, уходят в отставку, сами заводят школу или даже покупают имение и заставляют забывать, каким позорным ремеслом нажито их состояние. Многие надеются на этот удачный исход, многих привлекает самая борьба и опасность. Ведь даже знатная молодёжь втягивается иногда в это дело. Но сколько профессиональных бойцов гибнет, не дождавшись удачи! Ведь раненых без жалости добивают. И жизнь гладиаторов очень тяжела: за малейшую провинность — розги, пытки; они всегда под стражей, взаперти; их хозяева боятся, как бы не подняли мятеж эти сильные, отчаянные люди, как когда-то при Спартаке. И бежать им нет никакой возможности. Когда мёртвых бойцов уносят с арены, раб испытывает их раскалённым железом, чтобы, притворившись убитыми, они не пытались бежать.

Не знаю, как тебе понравится театральное представление. Театр у нас любят меньше, чем цирк, хотя давно уже перестали ставить утомительные и скучные трагедии. Сегодня знаменитый танцор исполнит *пантомиму* «Суд Париса». Он так искусен, что, хотя танцует один, зритель видит и Париса, и каждую из трёх богинь, которые явились ему, чтобы он рассудил, кто из них самая красивая.

Потом будет несколько коротких шуточных представлений, *мймов*. Эти будут тебе по вкусу, они из народной жизни. Увидишь там и ловкого раба, и неверную жену, и глупого судью, и умного ремесленника, и простоватого крестьянина. Насмеёшься вдоволь.

Любит народ эти праздники! Хотя, говоря откровенно, ведь на наши же денежки устраивают их магистраты. Императорам даже пришлось издать эдикт об ограничении расходов на зрелища, а то города и граждане разоряются на них,—налоги не уплачены, городские кассы пусты. Приходится назначать из Рима специальных *кураторов*, чтобы привести в порядок городские финансы.

Вот посмотришь форум и цирк да считаешь льстивые надписи на статуях императоров и наместников, так подумаешь, что все счастливы, как в «золотом веке». А посмотри-ка на окраины — какая нищета! У богатого сотни рабов для услуг, роскошные сады, внутренние дворы с фонтанами, драгоценнейшей мозаикой и статуями. В приёмных удивительная живопись, редкостные учёные птицы, в столовых мебель из драгоценного дерева и слоновой кости, серебряная и дорогая стеклянная посуда и изысканные яства. А бедняки? Бедняк теснится с семьёй в душной комнатке на пятом этаже, и ему даже негде сварить свою луковую похлёбку. Работает за несколько мелких монет в мастерской гончара или каменотёса, а там, смотришь, хозяин купил раба и его выгнал. Эти хозяева всё больше сами из вольноотпущенников. Даст ему бывший его господин что-нибудь на обзаведение, чтобы тот выплачивал ему часть дохода. Некоторым удаётся разбогатеть. Ведь свободные люди ему большей частью не конкуренты, к труду мало приучены, считают всякую работу достойной лишь раба, предпочитают жить на счёт раздач от города и частных благодетелей. За работу берутся только в крайности. А потом ещё негодуют, что вчерашний раб стал богатым человеком.

Вот, например, Септимий Фортунат. Начал рабом в гончарной мастерской, а теперь у него самого сто человек рабов, вольноотпущенников и наёмных работников изготавливают глиняную посуду, черепицу и кирпич, и во всех окрестностях встретишь ты керамику с его клеймом: из мастерской такого-то, изготовил такой-то. Он пошёл так далеко, что теперь и в коллегии виноторговцев почётное место занимает. Да вон, кстати, видишь: шесть рослых

рабов несут роскошные носилки, а четверо других расталкивают перед ними народ. Это отправляется в цирк жена Фортуната... Да, этому повезло. Но таких немного. А сколько рабов умирает каждый день от голода и побоев!

Однако вот и цирк. Зайдём-ка в одну из здешних многочисленных таверн выпить вина и съесть порцию бобовой каши и поспешим занять место на представлении. Да смотри, не зевай, после окончания будут разбрасывать в толпу тессеры с номерами, по которым можно получить богатое ожерелье, вола, дикого страуса или хоть пару кур и сотню головок луку. Тут-то начнётся драка и давка!

Да, будет о чём тебе порассказать дома!

В АМФИТЕАТРЕ

Когда господин объявил Андроклу, что намерен сослать его на мельницу, где он всю жизнь, закованный в цепи, будет вертеть жёрнов, Андрокл решил бежать. Последнее время жизнь его стала совершенно невыносима. Его прежний хозяин, в доме которого он родился и вырос, относился к нему довольно хорошо. Заметив в мальчишке живой ум и способности, он поручил рабу-педагогу обучить его чтению, письму и счёту. Затем отдал его в помощники своему отпущеннику — врачу, лечившему заболевших рабов. Под руководством хорошо знавшего медицину грека Андрокл быстро научился ухаживать за больными, перевязывать раны, составлять из целебных трав лекарства. Он знал, что многие знаменитые врачи были, как и он, по рождению рабами, и мечтал со временем усовершенствоваться в медицине, выкупиться на свободу и стать уважаемым человеком.

Но мечтам его не суждено было сбыться. Старый хозяин умер, всё имущество перешло к его сыну. Молодой человек, как и огромное большинство жителей Рима, сильно увлекался бегами. Он и сам держал дорогих лошадей и гордился своим умением править не только парой, но и четвёркой коней, запряжённой в лёгкую двухколёсную повозку. Дни бегов он с раннего утра до вечера проводил в цирке, чтобы не пропустить ни одного из 20 или 24 заездов.

Когда устраивавший бега магистрат бросал платок.

подавая знак к началу состязаний, и на арену выезжали четыре колесницы, он забывал всё на свете. Он видел только зелёную колесницу, которой правил одетый в зелёную тунику возница. Если к концу седьмого и последнего круга она вырывалась вперёд и первая подходила к проведённой мелом черте, он вопил от восторга. Но если первым приходил наездник в голубом, белом или красном, он сокрушался так, будто неприятель стоит у ворот Рима. Известных наездников, одержавших по тысяче и более побед, и их коней, из которых некоторые выиграли для своих хозяев по сотне призов, он почитал, как каких-нибудь богов. Он не жалел денег на сооружение им статуй и почётных надписей, в которых перечислялись их победы с парой, четвёркой или восьмёркой коней.

Увлечение бегами и кутежи в обществе знатной молодёжи постепенно истощили средства хозяина Андрокла. Окончательно подорвал он своё состояние, когда, занимая должность эдила, сам устраивал бега. Ему пришлось уплатить около 800 тысяч сестерциев главам беговых партий, которые содержали конюшни, коней и наездников и сдавали их магистратам для устройства бегов.

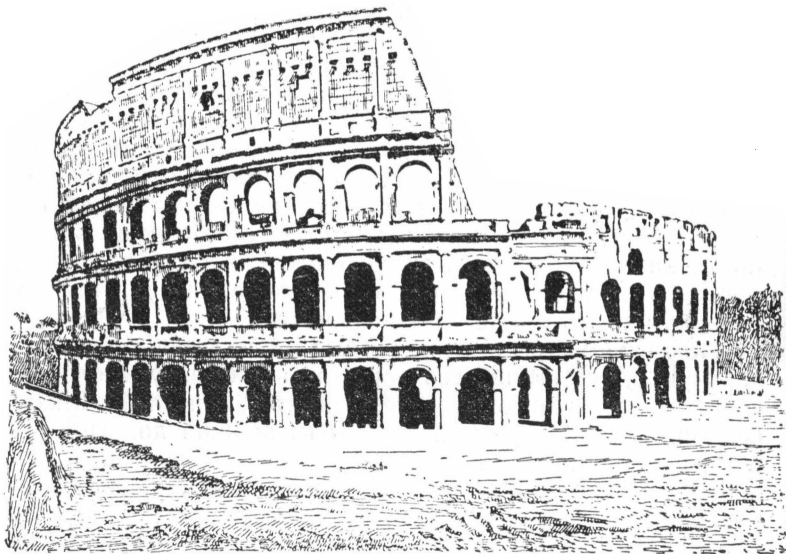

Рис. 64. Развалины Колизея (внешний вид).

Обеднев, он распродал значительную часть своего имущества. В число проданных рабов попал и Андрокл. Его купил управляющий домом одного сенатора. Сенатор был назначен наместником в Африку и желал взять с собой раба, опытного в уходе за больными.

Новый хозяин оказался чванливым, вспыльчивым и жестоким. Он считал, что всякий неримлянин, а тем более раб должен трепетать от одного его взгляда. Если раб позволял себе в его присутствии улыбнуться, сказать что-нибудь, он сейчас же приказывал пороть «виноватого».

Андроклу, человеку образованному и пользовавшемуся известным уважением в доме прежнего господина, приходилось особенно трудно. Новый хозяин думал, что знания делают раба строптивым. Чтобы «смирить» Андрокла, он постоянно подвергал его разным унижениям и наказаниям. Андрокл знал, что, если, попытавшись бежать, он будет пойман, его ждёт страшная участь. Всё же решил он отважиться на побег, лишь бы не попасть на мельницу, где самые выносливые быстро превращаются в калек и умирают.

Случай помог ему. Наместник получил известие, что его доверенный раб, отосланный с поручением, в дороге сильно заболел и нуждается в помощи. Вызвав к себе Андрокла, он приказал ему немедленно отправиться к больному и не отходить от него, пока тот не поправится.

Получив от раба-казначея небольшие деньги, Андрокл вышел из Карфагена с твёрдым намерением не возвращаться обратно. Долгое время шёл он по направлению к югу и наконец дошёл до пустыни. Здесь уже не было ни городов, ни римских вилл, кое-где стояли лишь пограничные крепости и бродили кочевники.

Измученный жарой, Андрокл набрёл на небольшую пещеру, вошёл в неё и заснул.

Вдруг он проснулся от страшного рычания и увидел входившего в пещеру огромного льва. Бедняга уже приготовился к смерти, когда случилось нечто неожиданное: подойдя к Андроклу, лев протянул ему окровавленную лапу, из которой торчал вонзившийся между когтей шип. Лев как бы просил о помощи. По-видимому, раньше он жил у одного из цирковых дрессировщиков и привык к людям. Несколько оправившись от испуга, Андрокл ловко вытащил шип, промыл и перевязал рану. Лев сразу почувствовал облегчение, растянулся и заснул.

Три года прожил затем Андрокл в пещере со своим четвероногим другом. Он питался дикорастущими плодами и охотился на мелких животных с помощью самодельного лука. Нередко и лев делился с ним своей добычей. Наконец эта уединённая жизнь стала ему невыносима. Он надеялся, что господин счёл его мёртвым и прекратил преследование. Андрокл решил дойти до ближайшего порта и наняться матросом на какой-нибудь корабль, идущий в Грецию. Там он мог бы зажить свободным человеком, зарабатывая на жизнь медицинским искусством. Выбрав время, когда лев был на охоте, он вышел из пещеры и пошёл к северо-востоку.

Но на третий день пути он встретил группу солдат. Тогда как раз по всем дорогам было расставлено много солдатских постов для борьбы с многочисленными разбойниками. К разбойникам уходили беглые рабы, крестьяне или бедняки, разорённые богатыми соседями.

Солдаты задержали Андрокла, приняв его за разведчика какого-нибудь разбойничьего отряда, и доставили в

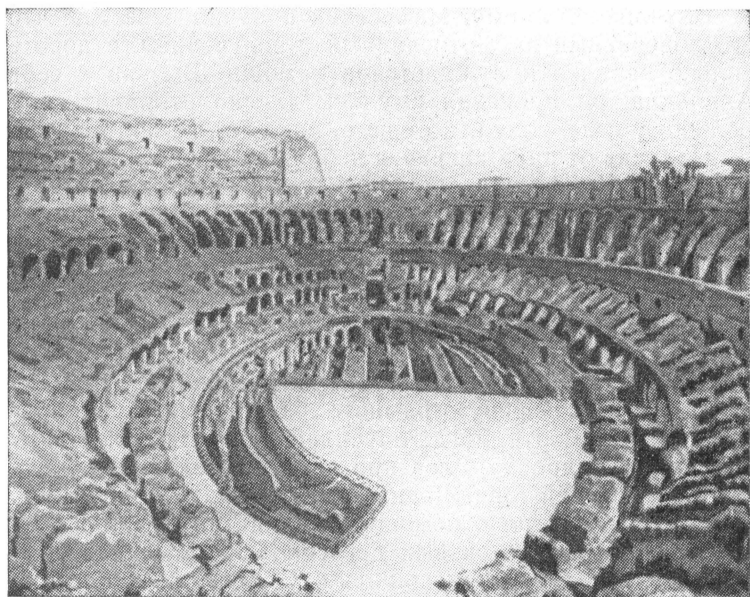

Рис. 65. Внутренний вид амфитеатра.

Карфаген. Долго не хотел он назвать себя, но плети и пытки заставили его признаться, что он раб. Наместник провинции решил отправить его в Рим, куда уже возвратился его господин. Закованный в цепи Андрокл был посажен на корабль вместе с наиболее сильными из захваченных разбойников. Они предназначались для выступления в гладиаторских боях — обычной участи преступников, осуждённых на смерть.

Андрокл знал, что ему нечего ждать милости от его жестокого господина. Скорее всего хозяин распорядится бросить его на съедение зверям или тоже отдать в гладиаторы.

Андрокл предпочёл бы последнее. Нередко бывали случаи, когда зрители требовали свободы особенно отличившемуся гладиатору. А требованию собравшегося в амфитеатре народа обычно не смели противиться даже императоры. Они знали, что великолепные зрелища в театрах, амфитеатрах и цирках — лучшее средство отвлечь простой народ от борьбы с богатыми.

Пока римляне прославляли их за щедрость в устройстве игр, правители могли быть спокойны. Поэтому они не решались раздражать зрителей отказами освободить их любимцев.

И хотя профессия гладиатора считалась позорной, Андрокл, живя в Риме, встречал нескольких бывших бойцов, добившихся свободы и богатства. Он надеялся, что, если господин отдаст его в гладиаторскую школу, он, крепкий и закалённый жизнью в пустыне, может быть,

Рис. 66. Борьба со львом в амфитеатре во время представлений.

перенесёт все испытания и со временем заслужит благосклонность римлян.

Но господин, озлобленный бегством Андрокла, решил бросить его на съедение зверям. Долго томился он в тюрьме, ожидая дня игр. Наконец они были объявлены. В Рим были свезены со всего мира звери: слоны, обезьяны, бегемоты, носороги, зубры, медведи, львы, тигры, пантеры. Одни из них, обученные дрессировщиками, будут показывать разные фокусы, другие — сражаться друг с другом и с охотниками, которые, как и гладиаторы, учились своему делу в специальных школах; остальным будут брошены на съедение те беглые рабы и разбойники, которых не взяли в гладиаторы.

Наступил второй день семидневных игр, который для Андрокла должен был стать последним. Закованного в цепи, его с группой других заключённых повезли к амфитеатру. Чем ближе они подъезжали к огромному зданию, тем гуще становилась толпа. Здесь были и римляне в белых праздничных тогах, и галлы в длинных штанах, и сирийцы в пёстрых одеждах. Были и случайно заехавшие в Рим германцы, сарматы, парфяне. Все спешили к амфитеатру, пробираясь между лавчонками, где продавались дешёвые закуски для зрителей. Кругом сновало множество гадателей, звездочётов, магов, громко предлагавших проходим за небольшую плату предсказать им будущее, продать амулет или составить заклинание к демонам. Иногда попадались носилки сенатора, знатной женщины или богатого вольноотпущенника, впереди которых шли рослые рабы, расталкивающие народ.

В амфитеатре Андрокла заперли в обширном помещении под полом. Отсюда в нужную минуту с помощью машин на арену поднимали зверей, охотников и осуждённых.

Наконец, приведённая в действие машина доставила на арену Андрокла и ещё оставшихся в живых заключённых. Был уже вечер, и не имевший потолка огромный цирк был залит светом луны. Но гораздо ярче был свет многочисленных факелов. Андрокл увидел множество глаз, устремлённых на него. Внизу у покрывавшего пол высокого настила, *пóдиума*, он разглядел балдахин императорской ложи, места сенаторов и знатных иноземцев, дальше четырнадцать скамей всадников и, наконец, поднимавшиеся ввысь, разделённые проходами и лестница-

Рис. 67. Перед состязанием в цирке.

ми, ряды скамей, где сидел простой народ, а на самом верху — места, отведённые женщинам. Проведённая по вделанным в стену трубам, смешанная с благовониями вода приятно охлаждала воздух.

Андрокл лишь беглым взглядом окинул амфитеатр, когда с разных сторон на арене стали появляться группы зверей — медведей, леопардов, львов. Давно не кормленные, они рыча смотрели на людей и были готовы на них броситься. Андрокл невольно зажмурился.

И вдруг он почувствовал, как об его тело трётся жёсткая шерсть, а его ноги лижет шершавый язык. Открыв глаза, он увидел льва, который смотрел на него. Сомнений не было: это был его друг из африканской пустыни. Он узнал его и радовался встрече. Андрокл бросился к льву и обнял его за шею. При таком невиданном зрелище весь амфитеатр на секунду замер, а затем раздался гром аплодисментов. Подозвав Андрокла, император заставил его рассказать свою удивительную историю.

Зрители в один голос потребовали, чтобы Андрокла освободили и подарили ему льва. Император поморщился, но согласился. Это было встречено шумным одобрением.

Когда Андрокл вывел из цирка своего льва, уже весь город знал о необычайном событии. Со всех сторон его зазывали в таверны, угощали, предлагали ему деньги, бросали в льва цветами. Было трогательно, что зверь оказался благороднее и милосерднее римского сенатора, проконсула Африки.

Историю Андрокла и льва нам поведал римский писатель Авл Геллий.

ПЛОТНИК ИЗ АРЕЛАТЫ

— Не укажешь ли ты мне, друг, недорогую таверну поблизости? — обратился высокий белокурый молодой человек в галльском плаще и штанах к бедно одетому старику с умными, живыми глазами, судя по наружности, греку.

— Идём со мной, — предложил тот. — Я и сам намеревался закусить и выпить после трудового дня. Таверна прямо против нас. Видишь — на вывеске изображён Меркурий, а рядом надпись: «Здесь Меркурий обещает ба-рыш, Аполлон — здоровье, Септуман (это хозяин тавер-

Рис. 68. Римские ремесленники за работой (кораблестроитель и кузнец).

ны) — приют и обед. Тот, кто войдёт, наверно, не прогадает. Заметь это, путник, кто бы ты ни был».

Собеседники вошли в таверну и, расположившись в полутёмной комнате, попросили дешёвого вина, варёных бобов и рыбного соуса. Новые знакомые разговорились.

— Ты, видно, только что пришёл в Арелату? — спросил старик грек. — Откуда ты и что намерен здесь делать?

— Меня зовут Квинт Кандидий Бенигн, — ответил тот, — я римский гражданин. Мой отец происходит из галльского племени *рёмов*. Он 25 лет прослужил в римской армии, в третьей галльской когорте. Он сражался с германцами, а затем, уже при императоре Траяне, воевал с даками. Когда мой отец ушёл в отставку, он получил римское гражданство для себя и детей. Его даже освободили от податей и повинностей и дали участок земли на Рейне. Ведь ради таких наград и идут провинциалы в римские вспомогательные войска; иначе, ты сам знаешь, простому человеку не выйти в люди.

— Ты прав, — сказал грек. — Значит, ты сын земледельца?

— Нет, отцу не повезло. Земля оказалась болотистой, урожай приносила небогатый. Тогда на скопленные во время службы деньги отец решил открыть торговлю дорогими гончарными изделиями. Вначале дело пошло неплохо. Солдаты шестого легиона, лагерь которого был поблизости от нашего участка, охотно раскупали товар, но потом легион перевели в Британию, а местные жители, бедные крестьяне, не покупают дорогой расписной посуды. Они довольствуются той, которую изготовляют сами по стародадедовским образцам. Дела пошли всё

хуже и хуже. Отец разорился. Нам, детям, пришлось искать самим средств к жизни. Когда-то я мечтал поступить в прославленную школу красноречия в Августодуне, городе эдуев, стать юристом, оратором или писателем. Ведь немало известных людей вышло из школы Августодуна. Вся империя знает их имена. Но пришлось учиться ремеслу, чтобы заработать на жизнь. Теперь я стал неплохим плотником и вот с далёкого Рейна пришёл сюда к вам, в Арелату. Ведь это один из крупнейших городов Галлии. Слышал я, что здесь на постройке кораблей всегда требуются плотники.

Город, кажется, оживлённый и многолюдный. Я уже видел, какие здесь богатые здания и как много судов стоит у пристани. Работу, наверное, можно будет найти. Но тяжело мне думать, что я стал простым ремесленником. Другие сыновья ветеранов становятся состоятельными землевладельцами, членами городских советов, магистратами, иногда даже римскими всадниками. Теперь дети бывших товарищей отца отвернутся от меня при встрече. Ведь человек, работающий своими руками, ремесленник, в глазах уважаемых людей не лучше раба. По их мнению, у него нет ни чести, ни разума. Себя они считают почтенными людьми, а мы «маленькие люди», с нами можно де-

Рис. 69. В сапожной мастерской (слева) и в мыловарне (справа). Рельеф.

лать что угодно: и зверям бросить в цирке, и на кресте распять, как рабов. Всякий, кто стоит выше, ждёт от нас раболепства и угодничества.— Кандидий тяжело вздохнул и задумался.

Старый грек некоторое время глядел на него с усмешкой.

— Перестань, мальчик, ты и сам не знаешь, что говоришь! — сказал он наконец.— Я, наверное, втрое старше тебя и во много раз больше тебя видел и испытал. Зовут меня Андриск. Я родом из Эфеса и, как мой отец и дед, скульптор. Мы делали статуэтки богов и высекали из мрамора саркофаги с изображениями картин весёлой жизни в загробном мире. Последние годы эти саркофаги раскупались нарасхват. Людям живётся тяжело, и они хотят верить, что хоть после смерти узнают радость.

Наши изделия мы сбывали в разные страны. Однажды я сам отправился с кораблём в Галлию. По дороге на нас напали пираты. Капитана и часть матросов убили, а остальных матросов и пассажиров продали в рабство. Напрасно кричали мы, что мы свободные люди, и взывали к справедливости императора. Никто не слушал нас. Богатые люди нуждаются в рабах, и ради них правительство смотрит сквозь пальцы на дела пиратов.

Меня купил подрядчик, который брал заказы по внутренней отделке домов. У него были рабы — скульпторы, живописцы, специалисты по мозаике.

Часть его рабов работала в мастерской. Они изготавливали статуи и барельефы для украшения стен и садов в домах богатых заказчиков.

Вначале хозяин, не зная ещё, каково моё умение и способности, поручал мне лишь самую простую работу каменотёса. Затем перевёл меня в мастерскую, а потом стал посылать надсмотрщиком на отделку домов. Тут я нагляделся на жизнь бездельников-богачей. Правильно говорит пословица: «Богатые дома, украшенные колоннами и драгоценностями, скрывают позор своих господ».

Когда я работал в мастерской, я подружился с одним человеком — замечательным мастером по отделке драгоценных камней. Он поставлял нашему хозяину глаза из камней для статуй. С ним мы о многом говорили. Он тоже был грек и у себя на родине часто слушал речи философов. Он говорил, что только труд достоин уважения, потому что он приносит пользу людям.

Я теперь думаю так же, как и тот грек.

На своих гробницах труженики с гордостью пишут, что они всю жизнь были бедны и честно работали. А если у них есть средства поставить себе скромное надгробие, они изображают на нём орудия своего труда: крестьяне — плуг, ремесленники — свои инструменты.

Слова и мысли Андриска произвели на Кандидия большое впечатление.

Андриск, хорошо знавший многих ремесленников города, посоветовал ему обратиться к богатому владельцу деревообделочной мастерской — Апронию Мákсиму.

Расставаясь с Андриском, Кандидий узнал, где живет его новый друг, и обещал прийти к нему и рассказать, как он устроился в Арелате. По совету Андриска Кандидий на следующее утро отправился в мастерскую Апрония и спросил у надзирателя — хозяйского отпущенника, — не найдется ли для него работы. Мастерская была сравнительно большая, в ней работало человек тридцать. Там работали рабы Апрония и других господ, которые сдавали их в наём. Рабы отдавали господам бóльшую часть своего заработка. Остальные были свободные наёмные работники. В их число был принят и Кандидий.

Мастерская производила разные изделия из дерева. Каждый работник имел свою определённую специальность. Одни делали носилки, в которых рабы носили по улицам своих богатых господ, другие — ложа, на которых те возлежали за столом, третьи — маленькие скамеечки, четвёртые — колёса для повозок и т. д.

Вскоре Кандидий узнал, что такая же строгая специализация была и в других ремёслах. Так, среди кожевников были: особые дубильщики кожи, специалисты по выработке мехов для вина, седельщики, сапожники, изготавливавшие исключительно солдатские сапоги, сапожники, делавшие особые виды сандалий, и т. д.

На обработке шерсти были заняты шерстобиты, сукновалы, валяльщики фетра, прядильщики, ткачи, красильщики шерсти, мастера по изготовлению плащей для солдат и многих других предметов. Зато каждый хорошо знал своё дело и, несмотря на то что орудия, которыми он пользовался, были очень просты, исполнял его мастерски.

Тонкие, окрашенные пурпуром во всевозможные оттенки красного и лилового цвета и расшитые золотом тка-

ни, золотая, серебряная и бронзовая посуда, украшенная искусной чеканкой, покрытая красным лаком, художественно расписанная керамика, оружие и много других прекрасных вещей выходили из подобных мастерских.

Трудно приходилось первое время Кандидию. Заработок его был очень мал, его едва хватало на хлеб и овощи. На большее работники не могли рассчитывать. Ведь стоило им заикнуться о прибавке, как хозяин грозил их прогнать и купить вместо них рабов.

Но Кандидия поддерживала дружба Андриска.

Когда Кандидий ближе сошёлся с товарищами по ремеслу, он узнал, что многие из них разделяли взгляды его друга. Ремесленники гордились своей работой. Они высоко ценили и уважали тех, кто достиг в ней большого искусства.

Кандидий полюбил своё ремесло и старался совершенствоваться в нём. Постепенно он стал одним из лучших плотников Арелаты и заслужил глубокое уважение товарищей. Со временем он женился и открыл собственную мастерскую. Но самым счастливым днём его был день, когда после долгих усилий, поисков и трудов он сделал то, что удавалось лишь немногим мастерам — водяной орган, на котором будут играть искуснейшие музыканты.

Когда орган был готов и Кандидий услышал его чистый звук, он снова вспомнил речи своего — уже давно покойного — друга Андриска. Он думал, что всё, что создали каменщики, скульпторы, живописцы, ювелиры, кузнецы, оружейники, гончары, дойдёт до отдалённых потомков и они будут удивляться их искусству тогда, когда забудут имена богатых бездельников, для которых это создавалось.

Кандидий дожил до преклонных лет, и, когда он умер, плотники воздвигли ему надгробие с надписью. В этой надписи простые люди выразили своё уважение к человеку труда:

«Квинту Кандидию Бенигну, плотнику. Он был учёным и обладал величайшим прилежанием и искусством в своём ремесле. Лучшие мастера всегда называли его своим учителем. Здесь не было никого, кто бы мог его превзойти. Не было никого, кто, подобно ему, смог бы сделать водяной орган. Он был весёлый сотрапезник и умел хорошо угостить друзей. Он любил учиться и был скромным и кратким человеком».

«БОРЦЫ»

Всё тяжелее и тяжелее становилась жизнь крестьян в Римской империи. Не проходило месяца, чтобы в село не явился императорский чиновник или военачальник всё с новыми требованиями. Сверх обычных налогов, жители должны были то поставлять хлеб и фураж для проходящих мимо солдат, то выделить рабочий скот для перевозки зерна в город или лагерь, то чинить дороги и строить укрепления. Чиновники, составляя опись земли и людей для раскладки налогов, записывали: детей — как взрослых, покойников — как живых, хилых стариков — как работоспособных мужчин. Только за большие взятки можно было от них откупиться. А денег у крестьян не было. Их давно забрали сборщики податей. Тех же, кто не мог внести в срок налоги или выполнить повинности, жестоко бичевали. Чтобы избежать наказания, приходилось идти на поклон к богатому соседу и просить у него займы денег, зерно или вола. Сосед давал, но требовал огромных процентов или залога. Залогом был скот крестьянина, его земля и даже дети. Когда бедняк не мог расплатиться, его дети становились рабами, земля переходила в собственность богача.

Вконец разорённые сборщиками податей и солдатами, многие крестьяне сами просили могущественного и богатого соседа взять их землю, а сами оставались на ней арендаторами — колонами. Но жизнь таких колонов за последнее время стала не лучше жизни рабов. Владельцы больших имений находили, что труд колона, обязанного отдавать бóльшую часть урожая владельцу, выгоднее, чем труд рабов. Они всеми силами старались привязать колонов к земле. Ведь рабов можно было заставить трудиться только под неусыпным надзором и плетью надсмотрщика. Ничего не получая за свою работу, они не хотели тщательно обрабатывать землю. Они портили орудия, не следили за скотом, небрежно производили вспашку и боронование. Рабы постоянно угрожали восстаниями. Колон, который оставлял себе часть урожая, старался лучше и тщательнее возделывать свой участок.

Рабов хозяин должен был снабжать пищей и одеждой. Увеличивая число рабов, господин увеличивал расходы на их содержание. Колоны же сами содержали и себя и свои семьи. Чем больше набирал землевладелец колонов,

тем больше он получал доходов. Поэтому владельцы обширных имений и старались как можно больше увеличивать число арендаторов. Они обращали колонов в своих должников и заставляли их отрабатывать долг на принадлежавших им землях. Императоры, победив какое-нибудь жившее по соседству с империей племя, переселяли его в римскую провинцию и обращали в колонов. У самих императоров тоже были большие имения в разных провинциях, и они нуждались в колонах не меньше других владельцев земли. Если колон из-за неурожая или других причин не мог расплатиться со своими хозяевами, то те всё равно требовали уплаты и записывали за ним долг. Из года в год долги росли, и колоны уже не могли уйти из имения, так как расплатиться с долгами были не в состоянии.

Крестьяне и колоны, жалуясь на свою участь, иногда писали императорам. В своих прошениях они жаловались, что чиновники и господа разоряют их, заставляют работать на себя, как своих рабов. Они грозили бросить землю и уйти. Но императоры были далеко, а в отместку за жалобу господа и императорские чиновники притесняли колонов ещё сильнее.

Бегство оставалось единственным путём к спасению, и колоны уходили в леса, пустыни, болотистые устья рек. Уходили также в разбойники. Некоторые, перейдя границы империи, селились среди племён, не знавших жестокого римского рабства.

И вот постепенно в Малой Азии, Египте, в Африке и Галлии крестьяне, колоны и рабы стали подниматься на борьбу. В Галлии повстанцы называли себя *багауды*. Это галльское слово означает «борцы».

Вооружаясь чем попало, восставшие собирались в отряды. Они сжигали богатые виллы, делили между собой землю и имущество богачей, а лошадей использовали для своей конницы. Число багаудов неудержимо росло, и вскоре отряды их превратились в целые армии. Тщетно правительство издавало грозные указы о поимке и казни «разбойников». Крестьяне и колоны, ещё остававшиеся на своих местах, всегда были рады приютить и скрыть от властей отбившегося от своего отряда или посланного в разведку повстанца.

В империи царила разруха, которая благоприятствовала борьбе багаудов. Все жившие с начала III в. н. э.

по соседству с Римом племена и народы пришли в движение. Столетия римляне, подавляя их своей военной мощью, отнимали у них земли, а самих обращали в рабство. Теперь, окрепнув и усилившись, эти народы нападали на империю. Сотни тысяч воинов из фракийских, сарматских, славянских, германских и других племён вторгались в пределы империи с разных сторон. На востоке наступали персы. Стонавшие под гнётом рабовладельческого Рима крестьяне, рабы и колоны с радостью встречали врагов империи.

Кроме того, империю раздирали внутренние смуты. То в одной, то в другой провинции появлялись претенденты на императорский престол, собирая вокруг себя недовольных, провинции отпадали от Рима. Восстания крестьян и колонов бушевали в разных концах империи. Восставшие одерживали победы в Африке, где соединялись с мавританскими племенами. Африканских повстанцев называли *агонистиками*, что тоже означает «борцы». Восстание агонистиков охватило большую территорию. Во главе их встал Фараксён — мавр по происхождению. Колоны, жившие на землях императоров и богатых римлян, присоединялись к повстанцам. Им удалось захватить несколько крупных городов и обложить данью самых богатых граждан. Многие из богачей были убиты или уведены в плен, а имущество их захвачено.

Правительство почти не могло сопротивляться, так как значительная часть войск была отослана из Африки для обороны дунайской границы. Борьбу с восставшими организовала своими силами местная знать. Крупные землевладельцы и городские магистраты сколачивали отряды из богатой молодёжи. Но восстание продолжалось.

Одновременно в Галлии действовали багауды. После семимесячной осады они взяли главный город в земле племени эдзев — Августодун. Жившая там богатая знать частью бежала, частично же была перебита. Имущество её досталось восставшим. На сторону багаудов переходили посланные на подавление восстания солдаты, среди которых было много колонов и крестьян.

Тётрик, правивший в это время Галлией, отпавшей от Рима, сам богатейший землевладелец, растерялся. К нему в город Бурдигалу (теперь Бордо) сбегались галльские аристократы, изгнанные багаудами из их имений. Особенно много беженцев явилось после взятия Ав-

густодуна. Напуганные багаудами, они готовы были снова подчиниться Риму. Они понимали, что только римские войска помогут им снова водвориться в их имениях и вновь подчинить себе колонов и рабов. Под их влиянием Тетрик послал письмо римскому императору Аврелиану, умоляя его явиться в Галлию. Он обещал ему сдаться вместе со своей армией, лишь для вида выведя её на поле боя. «Освободи меня, непобедимый, от этих бед» — так закончил он письмо. Аврелиан охотно откликнулся на призыв Тетрика, и, таким образом, Галлия вернулась под власть Рима.

Но «успокоить» Галлию всё же не удавалось. Союзником багаудов стало германское племя франков. Франки перешли Рейн и захватили более шестидесяти городов Галлии. К франкам присоединялись их соплеменники, ранее захваченные и обращённые в колонов.

Багаудам удалось создать сильную армию. Во главе этой армии стали Элиан и Аманд. Они были провозглашены императорами и даже чеканили собственную монету. Элиан и Аманд укрепились на полуострове при слиянии рек Сены и Марны, где ещё Юлием Цезарем была сооружена почти неприступная крепость. Снова багауды изгоняли знать из имений и городов. Войско их росло с каждым днём.

Это было время (восьмидесятые годы III в. н. э.), когда движение багаудов достигло наивысшего подъёма. Большинство галльских городов попало в их руки. Галлия снова оказалась потерянной для Римской империи.

В это время римским императором был провозглашён Диоклетиан. Сын вольноотпущенника-далматинца, он начал свою службу в армии простым солдатом, но дошёл до высших чинов. Малообразованный, но энергичный и жестокий, он казался человеком, который мог навести «порядок» в интересах знати. Своим помощником и соправителем он назначил Максимиана, своего старого боевого товарища, тоже выдвинувшегося из рядовых солдат. Ему Диоклетиан поручил подавить восстание багаудов в Галлии и агонистиков в Африке.

Начал Максимиан с Галлии. Не доверяя стоявшим там солдатам, которые набирались из местных жителей, сочувствовавших багаудам, он спешно вызвал войска с Востока. Но так как и среди них было много людей, не желавших выступать против повстанцев, то только жесто-

Рис. 70. Золотые медали с изображением императора Диоклетиана.

чайшими мерами Максимиан сумел укрепить дисциплину в войсках. Он провёл несколько *децимаций*. Так называлась казнь по жребию каждого десятого солдата.

На Галлию были обрушены страшные преследования. Деревни, заподозренные в сочувствии багаудам, предавались огню и мечу. Одновременно в римских лагерях истреблялись сотни «ненадёжных солдат».

Наконец, Максимиан решился встретиться с армией восставших. Произошло несколько сражений. Багауды были разбиты и отступили в свою крепость. Долго пришлось осаждать её Максимиану, но наконец она была взята. Максимиан казнил всех, кого ему удалось захватить, сжёг все жилища и разрушил укрепления. Но полностью подавить это движение ему не удалось.

Из Галлии Максимиан двинулся против африканских борцов. В Африке ему тоже пришлось выдержать нелёгкую борьбу. Под ударами римских войск повстанцы отступали всё дальше, в горы Атласа. Здесь, укрывшись за неприступными скалами, они с отчаянным мужеством защищали каждую пядь земли.

Несколько лет длилась кровопролитная борьба. Но силы были неравными. Армия Максимиана была хорошо

обучена и вооружена. Богатые землевладельцы из окрестных городов и сёл в изобилии снабжали её продовольствием. Повстанцы же были отрезаны от внешнего мира и лишены помощи. Шаг за шагом Максимиан теснил их всё дальше, пока не были захвачены последние убежища повстанцев и перебиты их защитники.

Богатые и знатные торжествовали победу. Они сплотились вокруг Диоклетиана и Максимиана. Они готовы были признать императоров самодержавными властителями и даже земными богами. В напыщенных похвальных речах сравнивали они Диоклетиана с Юпитером и Геркулесом.

Расправа с повстанцами была свирепой. Тысячи были перебиты или отданы в рабство. Но в народе чтили их память, и через несколько десятилетий крестьяне, колонны и рабы Африки и Галлии снова поднялись на борьбу.

ДВОР КОНСТАНТИНА

Окончив пятилетнее обучение в знаменитой школе права, в финикийском городе Берите, молодой Аристофан заехал в родной город повидаться с семьёй и отдохнуть перед поступлением на обещанную ему должность в одной из столичных канцелярий.

Дома его встретили радостно. Немало хлопот и расходов на взятки и подарки стоило его отцу разрешение отправить юношу для учения. Зато теперь он на верном пути. Императорская служба избавляла его от необходимости наследовать отцовское звание члена городского совета — звание *кури́ала*, как такие люди теперь назывались. Эта завидная и почётная некогда должность стала теперь тяжёлым бременем.

Родные и друзья, собравшиеся приветствовать и поздравить Аристофана, не могли скрыть зависти к его удаче. Наперебой рассказывали они печальные городские новости. Император Константин совсем разорил горожан. Тех из них, кто были побогаче и могли бы помочь родным городам выплачивать наложенные на них подати, он причислил к сословию сенаторов. Сенаторы же ничем не были обязаны городам, а вносили подати за свои земли прямо в казну. Он даровал христианам свободу вероисповедания и сам обратился к христианской религии. Под влиянием

христиан он стал закрывать самые богатые храмы старых богов. Имущество храмов, которым раньше распоряжались городские советы — курии, он забирал в казну. Теперь в куриях были всё больше люди среднего достатка или вовсе бедные. И всё-таки они должны были отвечать своим имуществом за своевременное поступление и доставку в императорские склады зерна, масла, овощей, сена, солдатского обмундирования, причитавшегося с города и его округи. За те пять лет, что Аристофан был в отсуствии, многих товарищей его отца по курии постигли беды, о которых он теперь узнавал от гостей.

— Помнишь Евáгрия? — рассказывал один. — В прошлом году он попал в число десяти куриалов, обязанных собирать налог. Но что они могли сделать, когда половина городских земель не обработана, жившие на них крестьяне, разорённые податями и повинностями, разбежались, а оставшиеся так бедны, что, даже продав в рабство их детей, нельзя было выручить причитающиеся с них подати. Когда наступил срок платежа, оказалось, что налог не собран. Сборщики явились к Евагрию и его сотоварищам, конфисковали их имущество, жестоко высекли и бросили в тюрьму. Месяц назад Евагрий умер там, не выдержав жизни в тесной, душной темнице, переполненной беглыми рабами и колонами, заподозренными в сочувствии разбойникам.

— Пожалуй, это всё-таки лучше, чем то, что случилось с Гесíхием, — вмешался другой гость. — Его дед и отец были арендаторами-колонами в имении, принадлежавшем семье Аврелия Пакатиána, который теперь стал сенатором. Гесихия не привлекало земледелие: он обучился ювелирному искусству и перебрался в город. Вскоре он разбогател, открыл свою мастерскую и был зачислен в курию. Теперь, как ты знаешь, при нашей бедности, мы рады и богатым ремесленникам, хотя когда-то членами городских советов могли быть только землевладельцы.

И вдруг император Константин по желанию богачей, которым всегда недостаёт работников на их огромных землях, издаёт закон, согласно которому беглый колон должен быть закован в цепи и возвращён в то имение, где он родился. В это время умер отец Гесихия. Хотя Гесихий уже двадцать лет жил в городе, Пакатиан заявил, что он его беглый колон и обязан обрабатывать оставшийся после отца участок. Его хватают, заковывают в

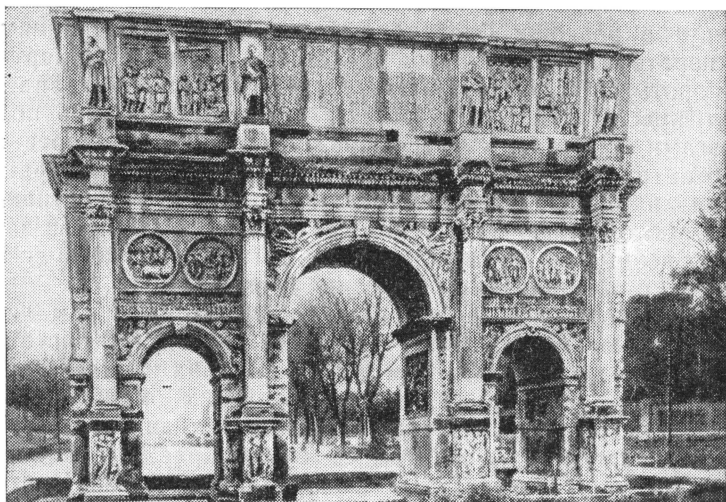

Рис. 71. Арка Константина в Риме.

кандалы и отводят в имение Пакатиана. Вот это действительно ужасная судьба! Ведь старая пословица говорит, что рабство хуже смерти, а колону теперь часто приходится ещё хуже и тяжелее, чем раньше рабу.

— Пожалуй, умнее всех поступил Макóрий, — сказал дядя Аристофана. — Когда его не приняли в солдаты и приказали вернуться в родной город и стать куриалом вместо умершего отца, он просто сбежал. Говорят, он долго скитался, пока наконец не набрёл на поселившихся в пустыне монахов. Он примкнул к ним. Теперь, когда христиане в чести, монахов не трогают и к ним бегут все, кому жизнь стала невыносима, — колоны, прикреплённые к императорским мастерским, ремесленники, сыновья отставных солдат, которые обязаны продолжать службу отцов в армии, куриалы. Правда, тяжело отречься от веры предков, но теперь ведь может выдвинуться только тот, кто вслед за императором стал исповедовать христианство.

— Ну что же, — усмехнулся Аристофан, — теперь христианские учителя не так требовательны, как лет двести назад. Тогда они предписывали своим последователям милосердие, трудолюбие, бедность. А теперь они

живут в роскоши благодаря богатым пожертвованиям императора и не считают особенным грехом до смерти заporоть раба. Константин специальным указом запретил преследовать господина, у которого раб умер под розгами. Это, пишет он в указе, не убийство, а забота о «воспитании рабов». Говорят, — продолжал Аристофан, понизив голос, — что Константин обратился в христианство потому, что его мучила совесть после убийства заподозренных в заговоре сына, жены и племянника, а священники обещали ему отпущение грехов.

— Вздор, — засмеялся пожилой гость с умным лицом и живыми глазами, — какая там совесть у Константина? Просто христианская церковь сильна и умеет держать в руках народ, маня его райским блаженством после смерти и богатой милостыней при жизни. Вот Константин и решил, что выгоднее будет поладить с ней, чем преследовать её, как его предшественники. И что же? Те называли себя богами и всё-таки не имели такой силы, как Константин. Ведь теперь и император, и его дворец, и его спальня, и его указы — всё считается священным. Священники предают проклятию солдата, отказавшегося служить в войске.

Все эти разговоры ещё больше усилили радость Аристофана. Он навсегда будет свободен от жалкой доли куриала, будет жить во «втором Риме» — Константинополе, увидит двор. Может быть, ему удастся выдвигаться. Он станет начальником какой-нибудь канцелярии, потом правителем — *президом* одной из 116 провинций, на которые теперь делилась империя, а затем — кто знает? — может быть, и *викарием диоцеза*, который объединял по несколько провинций. Мало разве было случаев, когда совсем незначительные люди доходили и до высшей должности — *префекта* одной из четырёх *префектур*? А префекты начальствовали над викариями и подчинялись только императору. Всю дорогу до Константинополя он предавался честолубивым мечтам. Но вот и новая столица.

Решив покинуть Рим и переселиться на берег Босфора — в древний Византий, названный теперь его именем, Константин не жалел средств, чтобы «второй Рим» как можно скорее смог соперничать с первым. Отовсюду сгоняли рабочих и привлекали разными льготами архитекторов для сооружения великолепных зданий.

Гордостью новой столицы были: форум, украшенный колонной высотой свыше 30 м, которая служила пьедесталом колоссальной бронзовой статуе Константина — в короне и с земным шаром в левой руке; огромный *ипподром*, соединённый лестницей с императорским дворцом; общественные бани и роскошные дворцы, которые Константин раздавал членам вновь созданного константинопольского сената, желая привлечь в город самых богатых и знатных людей. Для украшения общественных зданий и площадей опустошались древние города Греции и Малой Азии. Император приказал свозить отсюда в Константинополь все лучшие произведения искусства. Статуи богов, барельефы, треножники, некогда украшавшие храмы, теперь выставлялись в цирках и портиках.

В своей новой столице император не разрешал строить храмы старым богам, а приказал воздвигать христианские церкви.

Долго бродил Аристофан по улицам Константинополя, восхищаясь его красотой. Побывал он и в порту, где стояло множество кораблей. Они привезли из Египта зерно для народа новой столицы, который, как и в Риме, получал от императора даровой хлеб, мясо и масло. Потолкался на многолюдных и шумных рынках, ходил по лавкам и мастерским, где торговали разнообразными местными и привозными товарами съехавшиеся из разных провинций ремесленники и купцы.

Осмотрев город, Аристофан явился к своему будущему начальнику, магистру должностей, который возглавлял четыре императорские канцелярии. Там он узнал, что на следующий день, 1 января, состоится торжественная процессия по случаю назначения консулов на следующий год.

— Ты ведь знаешь, — сказал магистр, — теперь не народ и не сенат избирает консулов, их назначает император. И хотя они никакой роли в управлении государством не играют, быть консулом считается большой честью. Все высшие сановники будут участвовать в процессии, и, если ты придёшь ко дворцу, ты сможешь их увидеть во всём блеске.

— А увижу ли я святейшего императора? — спросил Аристофан.

Начальник усмехнулся наивности провинциала.

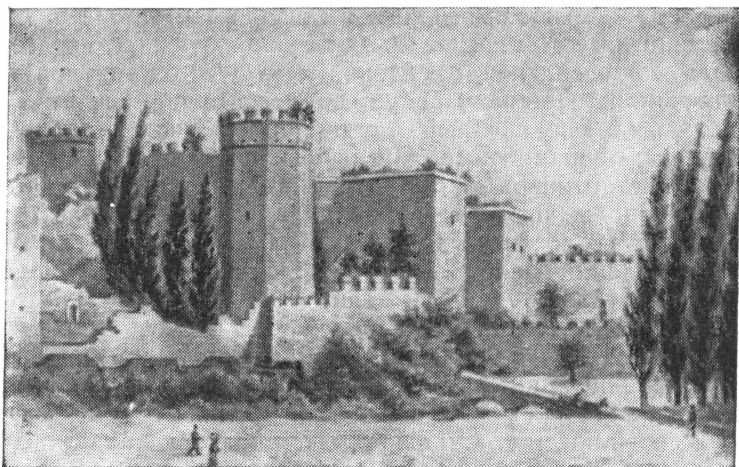

Рис. 72. Стены Константинополя.

— Что ты, что ты! — воскликнул он. — Ты думаешь, верно, что живёшь двести лет тому назад, при Траяне, который пешком ходил по улицам Рима, чтобы показать свою скромность и простоту. Наш император очень редко показывается простым смертным. Даже многие знатные люди, допущенные во дворец, могут говорить с ним только через занавес. А те, кто благодаря своему высокому чину имеют право его видеть, падают ниц, как бы поражённые его величием. Некоторым дозволяется поцеловать его усыпанную драгоценностями туфлю, другим — край его пурпурной, затканной золотом одежды, но только самым высшим и заслуженным чиновникам — его сверкающую браслетами и кольцами руку. Даже члены высшего государственного совета не смеют сесть в его присутствии, а должны стоять.

Всё это не нравилось Аристофану. В среде куриалов, из которой он вышел, возмущались новыми обычаями императорского двора, введёнными предшественником Константина — Диоклетианом — по образцу двора персидских царей. Страдая от бесчисленных налогов, куриалы негодовали, что на собранные с таким трудом средства император содержит тысячи дворцовых слуг, одевает в драгоценные доспехи свою набранную из ино-

земцев дворцовую стражу; что сам он, забросив древнюю римскую тогу, одевается с роскошью восточных царей и, следуя их обычаю, носит диадему на своей искусно сделанной высокой причёске.

На другой день уже с раннего утра Аристофан стоял в толпе народа, собравшейся около дворца, чтобы посмотреть процессию, а затем принять участие в многодневном празднестве. Его устраивали консулы на свой счёт и израсходовали 400 фунтов золота на цирковые игры, театральные представления и угощение для народа.

После томительного ожидания Аристофан наконец увидел, что дворцовые двери распахнулись. Из них вышли консулы, одетые в шитые шелками и золотом пурпурные одежды. За ними следовали, строго по рангам, высшие должностные лица, которых можно было узнать по знакам отличия и гербам, присвоенным их званию.

Сначала шли те, к имени которых прибавлялся титул «светлейших», — главы четырёх префектур империи, четверо главнокомандующих — магистров пехоты и конницы империи и семь высших придворных чинов. Аристофан знал, что двое из главнокомандующих были варвары: один — из племени франков, другой — сармат. Друзья, собиравшиеся в доме его отца, часто осуждали политику Константина, который большую часть солдат набирал за Рейном и за Дунаем и давал высшие командные должности вождям их племён и дружин. Говорили, что рано или поздно эти «варвары», как презрительно называли римляне окружающие племена, объединятся со своими соплеменниками — рабами и колонами — и перебьют всех господ. Но другие замечали, что у императора не было иного выхода: куриалы и ремесленники прикреплены к своим городам и служить в армии не могут; обязанные военной службой сыновья ветеранов всё чаще дезертируют, господа, которые должны сдавать в рекруты часть колонов, дорожа работниками, предпочитают вносить за рекрутов выкуп или подсовывают вербовщикам самых хилых и малосильных людей. Да и сражаются вышедшие из колонов солдаты неохотно, особенно если их посылают подавлять восстания земледельцев. Поэтому правительство предпочитает иноземцев.

Наблюдая, как процессия движется к форуму, где консулы в знак вступления в должность должны были

сесть на консульские кресла, Аристофан думал: сколько бесполезных людей должен содержать трудовой народ римского государства! Колоны, рабы, ремесленники, крестьяне надрываются на работе, голодают, продают детей; куриалы гниют в тюрьмах, чтобы содержать в роскоши десятки тысяч чиновников и придворных.

Когда процессия кончилась и Аристофан вышел на площадь, он увидел, что там на большой каменной плите написан ко всеобщему сведению новый указ императора: куриалы и их сыновья, принятые в армию или в число чиновников, должны быть разысканы и возвращены в родные города, чтобы нести повинности.

Так кончились мечты молодого человека о блестящей карьере.

ВОССТАНИЕ ГОТОВ НА ДУНАЕ

Положение Римской империи в конце IV в. было очень тяжёлым. Враги со всех сторон теснили её, народ повсюду восставал против императорских чиновников и владельцев огромных имений. В Африке лишь с большим трудом было подавлено опасное восстание. Берега Британии и Галлию опустошали племена германцев, которых поддерживали вновь поднявшиеся на борьбу багауды. Мало успешны для империи были и войны с народами, жившими за Дунаем. Воинственное племя *исавров*, населявшее горные районы на востоке Малой Азии, нападало на соседние сёла и города. Исавры принимали к себе беглых рабов и колонов. Правительство было бессильно в борьбе с ними. С востока постоянно угрожало могучее персидское государство.

В правление разделивших между собой империю двух братьев — Валентиниана и Валента — вспыхнуло восстание, в котором видную роль играли жители и солдаты Фракии. Поднял его некто Прокóпий, родственник императора Юлиана, погибшего во время большого (неудачного для римлян) похода против Персии. Опасаясь преследования новых правителей, Прокопий первое время скрывался.

Правивший восточной частью империи Валент быстро возбудил общую ненависть своей грубостью и ненасытной алчностью. В погоне за деньгами он увеличивал налоги и взыскивал старые, давно забытые недоимки.

Недовольны были и солдаты. Их жадные начальники присваивали присланные для выплаты жалованья деньги, крали и распродавали обмундирование и продовольствие.

Прокопий решил, что время благоприятно для восстания. Он выждал, когда Валент уехал в Сирию, явился в Константинополь и там, поддержанный двумя легионами и бедным народом, провозгласил себя императором. Вскоре на его сторону перешли войска, стоявшие во Фракии. Посланные против него Валентом отборные легионы тоже перешли к Прокопию.

В лагерь Прокопия, кроме того, толпами стекались рабы и колоны из Фракии и Малой Азии. Приходили к нему и расселённые по дунайской границе взятые в плен в предыдущих войнах различные племена. Они особенно страдали от почти рабского положения, в которое попали на римской земле. Они обязаны были обрабатывать заброшенную крестьянами землю и служить в войске. Как ни тяжела была жизнь римских крестьян и колоннов, но жизнь этих бывших пленных варваров была ещё тяжелее. Римские чиновники, купцы и даже собственные, более богатые и влиятельные соплеменники, пользуясь нуждой варваров, тысячами продавали их в рабство.

Прокопию прислали отряды и задунайские народы. Скоро войска Прокопия стали грозной силой, а сам он, вовсе того не желая, стал «разбойничьим вождём» и «возмутителем черни», как его называли знатные и богатые.

В нескольких сражениях с войсками Валента Прокопий одержал блестящие победы. Вскоре в его руках оказалась Фракия и часть Малой Азии. И только измена его военачальников дала наконец победу Валенту. Сам Прокопий был выдан ему и казнён.

Кара, которой подверг Валент участников восстания и всех заподозренных в сочувствии Прокопию, была ужасна. Во Фракию были посланы отряды; виновных и невинных хватили, пытали и отдавали палачам. Провинция была залита кровью.

Но положение оставалось беспокойным. Крестьяне, колоны и рабы готовы были восстать при первой возможности. Богатые землевладельцы боялись нового восстания доведённых до отчаяния бедняков.

В это время важные события происходили в приволжских и причерноморских степях. Из глубины Азии, от самых границ далёкого Китая, пришёл туда многочисленный народ — *гунны*. На своём пути гунны сеяли разрушение и ужас. Весть об их жестокости быстро распространилась повсюду. Рассказывали, что гунны кочуют по степям со своими стадами и не знают иного жилья, кроме кибиток, и иной пищи, кроме сырого мяса и диких трав; говорили, что всю свою жизнь гунны проводят на своих неказистых, но выносливых конях, что они непобедимы в сражениях и беспощадны к побеждённым. Продвигаясь всё далее на запад, гунны разрушили города Боспорского царства и подчинили себе соседние с ними племена.

В глубокой древности на южном берегу Балтийского моря жили *готы*. К началу II в. н. э. часть их проникла в Северное Причерноморье. Здесь они осели и смешались с более многочисленными и культурными местными племенами. Тех, кто поселился к востоку от Днестра, стали называть *остготами* (восточные готы), а тех, кто к западу, — *вестготами* (западные готы).

Прослышав о поражении остготов и приближении гуннов, против вестготов восстали подчинённые ими народности. Первыми отпали славяне. Старый царь вестготов — Эрманарих, предвидя, что не сможет защищаться против гуннов, покончил с собой. Один из вестготских военачальников попытался снова покорить славян, живших по среднему течению Днестра. Он захватил их главу — Бóжа и распял его вместе с сыновьями и семьюдесятью родовыми старейшинами. Возмущённые этой жестокостью, славяне соединились с гуннами и разбили вестготов.

Спасаясь от уничтожения, разбитые вестготы бежали по направлению к Дунаю. Часть из них искала убежища в неприступных горах Трансильвании. Другая часть обратилась к императору Валенту с просьбой разрешить им поселиться на плодородных полях придунайских провинций Мёзии и Фракии. За это они обещали выставять солдат для защиты границ империи. Это предложение было встречено с радостью; в обстановке постоянной борьбы с восстаниями императорам всё труднее стало пополнять армию. Солдаты, нанятые за границами империи, дорого стоили, а на вербованные в армию колонны

неохотно сражались за своих господ. Готы же были известны как храбрые воины.

Император обещал готам немедленно предоставить земли и продовольствие. Он отправил своих представителей наблюдать за их переправой и размещением. День и ночь на кораблях, лодках и просто на стволах срубленных деревьев переправлялись десятки тысяч готов через Дунай, надеясь найти на другом берегу безопасное убежище и новую родину.

Но вскоре готам пришлось убедиться, что их надежды обмануты. Данные им обещания не выполнялись. Императорские чиновники и не думали выдавать новым пришельцам продовольствие, а распродавали и расхищали его. Среди готов начался жестокий голод. Пользуясь безвыходным положением готов, чиновники, купцы, ростовщики скупали за бесценок их детей, жён и переправляли работоторговцам. За фунт хлеба, за кусок мяса покупали они ребёнка, родители которого таким ужасным способом стремились спасти его от голодной смерти. Многих захватывали силой и обращали в рабство. Среди готов нарастало возмущение.

Таково было положение, когда императорский наместник провинции Фракии пригласил на пир в свой дворец в городе Марцианополе двух готских вождей. Почётная стража, сопровождавшая их, осталась у ворот дворца до окончания пира. В город, чтобы закупить провизию, попытались войти и некоторые другие готские воины. Но по приказу наместника в город они не были допущены.

Возмущённые готы взяли за оружие, началась свалка. Наместник предательски приказал солдатам перебить почётную стражу своих гостей. Весть об этом новом злодеянии быстро долетела до готов, стоявших у городских стен. Долго сдерживаемое возмущение прорвалось.

Готы выступили во всей Фракии и Мезии. К ним присоединялись колонны, рабы, поселенцы из варваров, рабочие рудников Фракии.

Своим главнокомандующим повстанцы избрали Фритигёрна, который показал себя энергичным организатором и храбрым воином. Восставшие захватывали одно за другим селения и имения Фракии и Мезии. Им помогали местные жители, которые вступали в их ряды. Готы

освобождали рабов, колонов и вместе с ними вспахивали отнятые у богачей земли. Нередко в богатых домах готские воины встречали своих проданных в рабство жён, детей, друзей, товарищей. Слушая их рассказы о гнусных издевательствах и жестокостях, которые они претерпели, восставшие клялись отомстить. Захваченных господ, рабовладельцев, готы обращали в рабство, чтобы те на себе испытали всё, чему они подвергали своих беззащитных невольников.

Два года не мог император Валент собрать войско для решительного сражения. В боях, которые вели с восставшими его полководцы, готы одерживали победы, и большая часть римских солдат переходила на их сторону.

Наконец, собрав шестидесятитысячную армию, Валент подошёл к городу Адрианополью. 9 августа 378 г. н. э. выстроенные в боевой порядок войска Валента двинулись навстречу готам. День был знойный, дороги трудные. Когда римские солдаты увидели телеги, которыми был огорожен лагерь восставших, они уже были сильно утомлены и измучены жаждой.

Началось ожесточённое сражение. Восставшие бились с невиданным мужеством. Раненые, умирающие, они продолжали наносить врагам удары кинжалами и тяжёлыми дубинами. Солдаты Валента, теснимые со всех сторон, ошеломлённые натиском всё прибывающих отрядов, истомлённые жарой, жаждой и голодом, ослеплённые поднятой готской конницей пылью, начали отступать. Вскоре отступление превратилось в беспорядочное, паническое бегство. Более 40 тысяч солдат и сам император Валент пали на поле битвы. Остатки его войска с трудом добрались до Адрианополя.

Теперь под властью восставших оказались две области — Македония и северная Греция, и перед ними открылся путь к столице империи — Константинополю. Ужас охватил богатых и знатных сенаторов и чиновников.

Движение разрасталось. Восстали все придунайские области. На западе отряды повстанцев приближались к границам Италии, и на востоке армия Фритигерна была уже в виду Константинополя. Она, правда, не могла взять этот превосходно укреплённый город, но его окрестности, застроенные роскошными вилами константинопольской знати, были в её руках.

По требованию напуганной знати император Запада Грациан стал искать человека, который мог бы успешно бороться с восставшими. Его выбор пал на Феодосия. Грациан объявил Феодосия новым императором Востока.

Феодосий оказался хорошим полководцем, а главное, хитрым дипломатом. Он всеми способами боролся с повстанцами. Его задачу облегчало то, что после смерти Фритигерна среди готских вождей начались раздоры. Феодосий некоторых из них старался привлечь на свою сторону богатыми дарами, высокими придворными должностями, лестью и почестями.

Один из готских вождей не только сам перешёл на сторону Феодосия, но старался настроить и своих соплеменников в его пользу. В результате этой политики, спустя пять лет после Адрианопольской битвы, между готами и Феодосием был заключён договор, по которому готам предоставлялась часть земель в Малой Азии. Император обязался снабжать их зерном и скотом, освобождал от всех податей и повинностей. Готы подчинялись только своим племенным вождям и военным командирам. За это они должны были выставять 40 тысяч солдат. Готские солдаты получали право носить золотое ожерелье и пользоваться разными привилегиями.

Однако большая часть готов не желала примириться с императором. Вместе с местными колонами и рабами продолжали они вести партизанскую войну против Феодосия, богатых землевладельцев и своих соплеменников-предателей. Лишь с большим трудом были подавлены восстания. Свою победу Феодосий ознаменовал тем, что крестьян и арендаторов Фракии, до того пользовавшихся некоторой свободой, он обратил в зависимых колонов.

Но напрасно прославляли искусные ораторы победу Феодосия. Только опираясь на войско готов и подкупая их вождей, он мог надеяться держать в повиновении народ. А среди готов постепенно зрело недовольство. Они считали, что следует возобновить войну с империей и попытаться добиться новых успехов. И более дальновидные люди говорили, что настанет день, когда новые союзники римлян снова соединятся с римскими колонами и рабами, тогда наступит конец тысячелетнему господству Рима над поработщёнными народами.

ПАДЕНИЕ «ВЕЧНОГО ГОРОДА»

Некогда могучая Римская империя давно уже находилась в состоянии глубочайшего упадка. Варварские племена, прежде не осмеливавшиеся переходить очерченные оборонительным валом границы, ныне опустошали провинцию за провинцией. Варварам горячо сочувствовали угнетённые рабы, колоны, разорённые крестьяне. Они сами то тут, то там поднимались с оружием в руках против своих угнетателей — крупных землевладельцев, государственных властей.

Слабые и ничтожные люди сидели на императорском троне. Они были императорами лишь на словах. У них не было никакой власти. Истинная власть фактически перешла к командующим войсками. Эти командующие большей частью были не римлянами, а варварами, находящимися на римской службе. Солдаты также набирались из варваров. Франки, сарматы, готы служили в римских легионах.

Выродившиеся аристократы Рима были заняты только погоней за богатством и собственными удовольствиями. Они не хотели видеть, что враги всё больше теснят империю и что их собственные подданные встречают врагов как освободителей. Они не могли понять, что разноплеменные варварские войска стали теперь единственной военной защитой империи. Римская знать негодовала по поводу того, что варвары захватили лучшие должности, и старалась устранить их от власти. Императорский двор сделался местом бесконечных доносов, интриг, заговоров, убийств из-за угла.

После смерти императора Феодосия смуты в империи особенно усилились. Империя была разделена между малолетними сыновьями Феодосия. Восток был отдан восемнадцатилетнему Аркадию, вялому, неповоротливому и сонливому юноше, а Запад — одиннадцатилетнему слабоумному Гонорию. При нём советником и фактическим правителем являлся вандал Флавий Стилихон. Он был женат на племяннице умершего императора Феодосия Серёне, даровитой и энергичной женщине. Стилихон был выдающимся полководцем и дальновидным политиком.

В это время над Римской империей нависла новая опасность. Воинственные племена готов, жившие в вос-

точной части империи, сплотились и начали военные действия. На народном собрании готы выбрали своим вождем — *кóнунгом* — одного из самых прославленных своих воинов — Алариха. По старому обычаю, его подняли на щит при приветственных криках и звоне оружия. Восставшие готы двинулись против Константинополя и, взяв с него выкуп, обрушились на Македонию и Грецию. Без всякого труда прошёл Аларих Македонию и Грецию, везде опустошая города, захватывая богатую добычу и уводя жителей в рабство. Подкупленные или малодушные начальники римских гарнизонов не отстаивали даже знаменитые Фермопилы, где когда-то Леонид и триста спартанцев героически пали, защищая независимость родины от персидских полчищ. Аларих пощадил только Афины, внёсшие богатый выкуп.

Войска, во главе которых стоял Стилихон, начали успешную борьбу с готами. Алариху с трудом удалось уйти от поражения. Но готы решили готовиться к новому походу. Они собирали войска, заставляли греческих мастеров готовить им оружие.

В ноябре 401 г. готские полчища вторглись в Италию, которой до того времени ещё не коснулось ни одно варварское нашествие. Ужас объял страну. Богатые и знатные люди, спасая жизнь и имущество, готовились бежать в Сицилию или Африку. Трусливый Гонорий собирался искать убежища в Галлии. Энергия и мужество Стилихона и на этот раз спасли положение. Он стянул легионы с отдалённых окраин империи — Британии и Галлии. Но этого было мало. Тогда он обратился за союзом и помощью к племенам аланов. Тем временем готы, опустошая Северную Италию, подошли к Милану и осадили город Асти, где заперся император Гонорий. Аларих уже торжествовал победу. Он обещал своей жене подарить рабынь — знатных римлянок — и драгоценности римских матрон.

В это время подоспел Стилихон с войсками. Возле города Поллэнция произошла битва. Готы были разбиты и бежали. Италия была спасена. В честь этой победы Гонорий и Стилихон отпраздновали в Риме блестящий триумф. Пленных готов вели по улицам «вечного города», за триумфальной колесницей везли закованную в цепи статую Алариха (сам вождь готов спасся). На арене большого амфитеатра были даны гладиатор-

Рис. 73. Стилихон.

ские игры. Это был последний триумф и последние бои гладиаторов в Риме.

Умный политик Стилихон понимал, что, несмотря на победу, империя истощена до крайности и нуждается в помощи и защите. Поэтому он решил заключить союз с побеждённым, но ещё сильным врагом. Аларих, отступивший в Эпир, быстро собрал новую армию. Ещё не закончились переговоры между Стилихоном и Аларихом, как новое бедствие обрушилось на Италию. Теснимые гуннами и сарматами, северогерманские племена в количестве 300 тысяч человек вторглись в Италию. Их проводителем был Радагайс. Говорили, что он поклялся принести на алтарь своих богов кровь всех римских сенаторов.

Стилихон снова проявил огромную энергию. Ввиду критического положения в армию призывались даже рабы, которым обещали свободу. Во имя любви к родине всех свободных приглашали взяться за оружие. Повсюду разыскивали и возвращали в войско дезертиров. Но и такими мерами удалось собрать лишь 30 тысяч человек. Правда, и с этими небольшими силами Стилихон смог разбить войска Радагайса.

Но победа досталась дорогой ценой. Уцелевшим германцам удалось прорваться в Галлию и Испанию. Многие жители этих провинций добровольно признали их власть, чтобы избавиться от грабежа и насилий римских чиновников.

В этих районах действовали также восставшие багауды — колонны и рабы.

По настоянию Стилихона был заключён союз с Аларихом. Ему была обещана одна из западных провинций и четыре тысячи фунтов золота.

Римская знать давно уже ненавидела Стилихона. Переговоры с Аларихом и союз с ним ускорили выступление противников Стилихона. При дворе, в войске распространялись слухи, порочащие Стилихона. Говорили об его измене, о том, что он с помощью готов хочет свергнуть Гонория и сделать императором своего сына, и многое другое. Ничтожный Гонорий приказал казнить Стилихона. По всей Италии начались казни его друзей и приверженцев, избиение семей варваров, состоящих на римской службе. Возмущённые дикой расправой, 30 тысяч солдат-варваров явились к Алариху. Они потребовали, чтобы он вёл их против Рима.

Аларих возобновил войну. Его войско, состоящее из готов и гуннской конницы, вторглось в Италию. Один за другим были взяты и разграблены города на севере страны и в Средней Италии. Аларих вёл свою армию на Рим. Скоро перед глазами готов предстал «вечный город»: великолепные здания, древние языческие храмы из разноцветного мрамора, громадный амфитеатр, обширные цирки, театры, купола христианских соборов, *обелиски*¹, бесчисленные колонны, статуи, арки и т. п.

Хотя Рим уже не был столицей (правитель Востока жил в Константинополе, а император Запада — в Милане или Равенне), хотя период его процветания лежал позади, но это был прекраснейший город тогдашнего мира, с многочисленным населением. В нём насчитывалось более 45 тысяч жилых домов, около 1800 дворцов. Великолепные здания блистали драгоценными украшениями и вызывали в воображении картину сокровищ, которые должны были в них скрываться.

Впервые после Ганнибала иноземный враг подошёл к стенам древнего Рима. Готы захватили гавань Остию со всеми хлебными запасами, присланными из Африки. Среди миллионного римского населения вскоре начался страшный голод. Дневную выдачу хлеба сократили до полуфунта, затем до четверти фунта и, наконец, отменили вовсе. К голоду прибавилась чума. Люди умирали тысячами.

Между тем армия Алариха росла. Она ежедневно пополнялась бежавшими к нему из итальянских сёл и горо-

¹ *Обелиск* — высокий, суживающийся кверху, четырёхгранный столб.

дов колонами, рабами, ремесленниками, ненавидевшими рабовладельческий Рим.

Улицы и площади огромного города были усеяны трупами. Уныние и отчаяние царили в Риме. Суеверные римляне со страхом прислушивались к различным предсказаниям, видели во всём мрачные, недобрые предзнаменования. Вспоминали легенду о том, как основателю города Ромулу явилось двенадцать коршунов в знак того, что Рим простоят двенадцать веков. Говорили, что сейчас этот срок истёк и гибель города неминуема. Конечно, эти пророчества и предсказания родились в суеверных головах охваченных страхом римлян. Все, кто мог покинуть осаждённый город, бежали в безопасные места.

Среди осаждённых не было единства. Перед лицом неприятеля в городе продолжались распри, раздоры. Враждовали друг с другом различные партии. Враждовали христиане и тайные приверженцы старой религии, запрещённой императором Феодосием. Многочисленные рабы готовы были присоединиться к Алариху.

День проходил за днём. Положение ухудшалось. Готы и отряды гуннской конницы опустошали окрестности. Помощь, обещанная Гонорием, который жил в Равенне, не приходила.

Тогда сенат решил отправить к Алариху парламентёров с мирными предложениями.

Вождь готов, возбуждённый успехом, потребовал выдать ему всё имеющееся в Риме золото и серебро.

— Что же конунг предполагает оставить жителям? — с горечью спросили послы.

— Жизнь! — резко ответил Аларих.

Доведённые до отчаяния парламентёры попробовали поколебать предводителя готов угрозами. Они сказали:

— Население Рима ещё очень многочисленно. Воины проводят дни в боевых упражнениях и готовы на жестокое сопротивление. Этих воинов очень много!

— Что же, — ответил насмешливо Аларих, — тем лучше. Чем гуще трава, тем легче косить.

После долгого торга сошлись на выкупе в 5 тысяч фунтов золота, 30 тысяч фунтов серебра, 4 тысячи кусков шёлка, 3 тысячи красных кож и 3 тысячи фунтов заморского перца — дорогой и любимой готами приправы.

Собрать этот выкуп было очень трудно. Даже перед лицом грозящей гибели сенаторы не хотели расставаться

со своим имуществом, утаивали размеры своего состояния. Пришлось для пополнения суммы расплавлять статуи богов. Наконец выкуп был собран и император обещал прислать Алариху знатных заложников.

Аларих разрешил римлянам закупать в Остии припасы, снял осаду и расположился в Тусции (Тоскане). Туда к нему продолжали стекаться беглецы со всей Италии. Вскоре их набралось до 40 тысяч человек.

Аларих попытался начать мирные переговоры с Гонорием, но многие из придворных императора находили для себя выгодным затягивать переговоры. Раздражённый Аларих вновь осадил Рим. Снова овладел он хлебными запасами в гавани Остия и принудил римлян подчиниться его воле. Он заставил сенат объявить Гонория низложенным. Императором, по желанию Алариха, был провозглашён Аттал. Это был пустой, легкомысленный, тщеславный и самоуверенный человек, совершенно не способный пользоваться властью, предоставленной ему Аларихом. Вскоре вождь готов убедился, что болтливый, но не способный ни к какому делу Аттал не может быть императором. Аларих отослал знаки императорской власти Гонорию, а развенчанного Аттала оставил у себя, сделав начальником войсковых музыкантов.

Некоторое время положение оставалось неопределённым. Столкновения сменялись короткими непрочными перемириями. Наконец Гонорий получил из Константинополя долгожданное подкрепление — 4 тысячи отборных солдат. Прибыли также съестные припасы из Африки. Ободрённый этим, император Гонорий начал военные действия против войск Алариха. По приказанию Гонория глашатаи выступали против готского вождя на всех улицах и площадях Равенны, называя его преступ-

Рис. 74. Аларих.

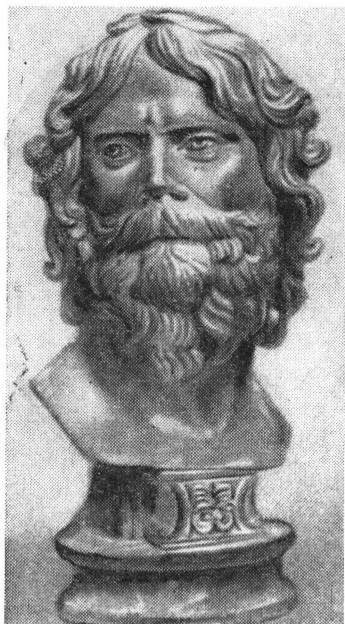

Рис. 75. Варвар.

ником, недостойным союза с императором.

Тогда Аларих в третий раз осадил Рим. Это было в конце лета 410 г. н. э. На этот раз Аларих твёрдо решил взять Рим. Своим солдатам он обещал отдать город на разграбление. Косматые и свирепые гунны, вооружённые луками и стрелами, носились на своих низкорослых выносливых конях у городских стен. Сильные, высокие, привыкшие к опасностям, одетые в звериные шкуры готы с нетерпением ждали дня, когда они вступят в столицу, в которой сложены сокровища, отнятые римлянами у покорённых народов.

Тёмной августовской ночью 410 г. римские рабы, давно ждавшие Алариха как избавителя, открыли ворота

«вечного города». При звоне оружия, резких звуках боевых труб, с воинственными криками, при блеске молний и громовых раскатах разразившейся грозы ворвались готы в город. Запылал великолепный императорский дворец. При зареве пожаров три дня и три ночи опустошали Рим солдаты Алариха.

Воины вторгались во дворцы, храмы, жилища, срывали со стен дорогие украшения, сваливали на свои высокие возы драгоценные ткани, золотую и серебряную утварь, в поисках золота разбивали статуи богов, опустошали христианские храмы. Множество римлян было убито, ещё больше было взято в плен и продано в рабство. Рабы и колоны, примкнувшие к войску Алариха, жестоко мстили своим прежним господам.

Но многие из знати успели бежать из города в свои имения. Они разнесли по всему миру потрясающую весть о падении «вечного города».

Спустя три дня готы, нагружённые добычей, начали покидать разграбленный город и на шестой день после взятия оставили его. Готы двинулись на юг Италии.

Аларих собирался переправиться в Сицилию, а оттуда в Африку, но внезапная смерть разрушила его планы. Сохранилось предание, что готы заставили римских пленников отвести реку Бузэнт и похоронили в её русле Алариха вместе с несметными сокровищами. Потом река была снова пущена по старому руслу. Чтобы тайна местонахождения гробницы осталась нерушимой, были убиты работавшие пленные. Таким образом, место погребения вождя варваров, впервые овладевших Римом, осталось неизвестным.

Готы в дальнейшем двинулись в Галлию, овладели провинцией Аквитанией с главным городом Толбозою (современная Тулуза) и основали там своё государство. Готское королевство, как и возникшее несколько ранее Бургундское королевство на Рейне, были первыми из многих варварских государств, которые постепенно образовывались на развалинах Западной Римской империи.

Когда сгладилось первое впечатление ужаса после взятия Рима, богатые провинциальные землевладельцы стали постепенно примиряться с варварами, хотя варвары и отнимали у них часть земель, рабов и колонов (правда, не знавшие на своей родине рабства варвары обращались с рабами и колонами гораздо мягче, чем римляне). Многие знатные провинциалы даже стали думать, что власть варварских правителей гораздо выгоднее для них, чем власть римского императора. Они переселялись ко дворам новых королей. Те ценили их образованность, знание римских обычаев и законов и охотно давали им высокие посты. Провинциальные епископы внушали королям, что власть их священна и неограниченна. Ещё недавно короли варваров и не думали решать важные дела, не посоветовавшись со своим войском и народом. Теперь они слушали епископов и начинали вести себя заносчиво и надменно.

Родовая и племенная знать варваров получила самые большие и хорошие участки земли. Она теперь стремилась перенять римские обычаи, нравы, выделиться из среды простого народа и держать его в повиновении. Всё крепче становился союз провинциальной и варварской знати, и уже через несколько десятилетий короли варва-

ров жестоко подавляли отряды восставших крестьян и колонов, которые недавно помогли им овладеть римскими землями.

Императоры Западной империи теряли одну провинцию за другой, а сами попадали всё в большую зависимость от своих наёмных войск и их командиров. Один из них, по имени Одоакр, лишил престола последнего императора — Ромула Августула. Произошло это в 476 г. н. э. Это событие и считается концом Западной Римской империи...

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ ¹

Август — см. *Октавиан*.

Аврелиан (Луций Домиций Аврелиан) — римский император, правивший в 270—275 гг., крупный завоеватель, изгнавший готов из Паннонии, аламанов из Италии, вновь покоривший Пальмиру и другие ранее отпавшие от Рима области. В его правление было подавлено восстание монетариев (рабов и ремесленников, занятых на монетном дворе), из Галлии изгнан местный правитель Тетрик, а Рим укреплен новой оборонительной стеной. Аврелиан был убит заговорщиками при подготовке похода против Персии. — Стр. 349.

Агриппа (Марк Випсаний Агриппа, 63—12 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, ближайший сподвижник Августа. Командовал римской армией и флотом в битве при Акци (31 г. до н. э.), принёсшей победу Октавиану. Агриппа был женат на дочери Августа Юлии, пользовался большим влиянием и обладал огромным богатством. В Риме Агриппа соорудил много замечательных зданий (термы, Пантеон, акведук и др.). — Стр. 266, 267, 270—273.

Адгербал — внук нумидийского царя Масиниссы и соперник Югурты, в борьбе с которым Адгербал надеялся на помощь римлян. Осаждённый в своей столице, городе Цирте, и не дождавшись от Рима помощи, Адгербал был захвачен Югуртой и убит (112 г. до н. э.). — Стр. 138—140.

Аид (Плутон) — владыка подземного царства мёртвых в греческих мифах. — Стр. 37.

Аларих (ок. 370—410 гг.) — вождь германских племён вестготов, овладевших странами Балканского полуострова; вторгся в 401 г. в Италию и в течение двух лет опустошал страну. Был разбит полководцем западноримского императора Гонория Стилихоном. Вторично вторгся в Италию в 408 г. (после смерти Стилихона), трижды осаждал Рим и, захватив его (24 августа 410 г.), подверг жестокому разграблению. Вскоре после этого Аларих умер в Южной Италии, готовя вторжение в Сицилию и Африку. — Стр. 365—371.

¹ В словарь, составленный М. Н. Ботвинником и М. Б. Рабиновичем, включены собственные имена, за исключением имён вымышленных лиц, введённых авторами рассказов.

Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) — царь Македонии, великий полководец древности, основавший в результате своих победоносных походов (334—325 гг. до н. э.) огромную империю, включившую страны Балканского полуострова, Египет, Малую и Переднюю Азию, Персию и другие земли вплоть до Индии. Как полководец Александр сыграл большую роль в развитии античного военного искусства: усовершенствовал вооружение и способы построения войска, установил правила взаимодействия между различными подразделениями — тяжёлой и лёгкой конницей, тяжеловооружёнными и вспомогательными отрядами пехоты. Армия Александра прошла больше 20 тысяч километров, снабжаясь исключительно за счёт покоряемых народов. Завоевания Александра расширили и усилили торговлю греков с Востоком, открыв широкий простор для проникновения достижений греческой культуры и социальной жизни в страны древнего Востока, и способствовали тем самым переходу к периоду эллинизма. Созданная Александром огромная держава оказалась непрочной и после его смерти распалась на несколько государств (Греко-Македонское царство, Египет, Сирия, Пергамское царство и другие. — Стр. 61. 97, 208, 261.

Алкей — знаменитый греческий лирический поэт, живший в конце VII — начале VI в. до н. э. на острове Лесбос. — Стр. 270.

Альбин (Авл Постумий Альбин) — брат римского консула Спурия Постумия Альбина, потерпевший в 109 г. до н. э. поражение в Югуртинской войне и вынужденный покинуть Нумидию. — Стр. 141, 142.

Альбин (Спурий Постумий Альбин) — римский консул 110 г. до н. э., командовавший римскими войсками в войне против нумидийского царя Югурты. — Стр. 141.

Аманд — вождь восставших в Галлии багаудов (80-е годы III в.). — Стр. 349.

Амулий — легендарный правитель древнего итальянского города Альба-Лонги. — Стр. 5—7.

Андрокл — герой широко распространённой в древности легенды о беглом рабе, скрывавшемся в пустыне. Андрокл встретил в пустыне раненого льва и вылечил его. Впоследствии Андрокл был пойман и брошен на съедение диким зверям на арене амфитеатра. Выпущенный из клетки лев узнал своего спасителя и не тронул его. — Стр. 333—340.

Антоний (Марк Антоний, ок. 83—30 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, сподвижник Цезаря. После убийства Цезаря пытался, опираясь на армию, сделаться его преемником. Потерпев неудачу, был вынужден разделить власть с Октавианом и Лепидом (второй триумвират — 43 г. до н. э.). После битвы при Филиппах (42 г. до н. э.) Антоний получил в управление восточную часть Римской империи. В разгоревшейся междоусобной войне был разбит Октавианом при Акции (31 г. до н. э.) и покончил с собой. — Стр. 238, 239, 242, 249, 254—264.

Анхис — легендарный царь дарданов, отец Энея, спасённый из пылающей Трои своим сыном. Умер на острове Сицилия во время странствования Энея. — Стр. 269.

Аполлодор — греческий архитектор, работавший в Риме в конце I — начале II в., планировавший форум Траяна и соорудивший знаменитую колонну Траяна — памятник победы римлян над даками. — Стр. 325.

Аполлон — греческий бог, считавшийся покровителем искусств,

предводителем муз и предсказателем судеб. Его имя связывали с важнейшими греческими оракулами (например, Дельфы). Аполлон почитался также в Риме. — Стр. 19, 278, 326, 340.

Аппий Клавдий, прозванный Слепцом (IV—III в. до н. э.) — цензор 312 г. до н. э., известен своей строительной деятельностью, (постройка Аппиевой дороги, первого римского водопровода). Будучи глухим стариком, выступил в сенате, призывая продолжать борьбу с эпирским царём Пирром. — Стр. 66.

Аппий Клавдий (II в. до н. э.) — потомок Слепца, тесть Тиберия Гракха, член комиссии, проводившей земельную реформу. — Стр. 121.

Ариадна — дочь критского царя Миноса, героиня мифа о Тесее и чудовище Минотавре. Вручив Тесею клубок ниток, конец которого он закрепил у входа в Лабиринт, Ариадна помогла герою выбраться из Лабиринта — жилища убитого им Минотавра. «Нить Ариадны» в переносном смысле — путеводная нить. — Стр. 273, 274.

Ариарат V (вторая половина II в. до н. э.) — царь Каппадокии, союзник римлян, погибший в борьбе с Аристиком. — Стр. 128.

Аристий Марк (I в. до н. э.) — военный трибун в войсках Цезаря в годы завоевания Галлии. — Стр. 222, 223.

Аристик (II в. до н. э.) — руководитель антиримского восстания в Малой Азии, сводный брат пергамского царя Атталы III, после смерти которого захватил власть в Пергаме и создал так называемое «Государство солнца». — Стр. 123—130.

Аркадий — старший сын императора Феодосия, правивший после смерти отца в Восточной Римской империи (395—408 гг.). — Стр. 364.

Архимед (ок. 287—212 гг. до н. э.) — великий греческий учёный (математик, физик, механик), жил на острове Сицилия в городе Сиракузы. Убит при взятии города римскими legionерами. — Стр. 88.

Атилий (Марк Атилий Регул) — римский полководец времени первой Пунической войны (264—241 гг. до н. э.), потерпевший поражение в Африке и умерший в плену у карфагенян. Согласно поздней римской легенде Регул после пятилетнего плена был отпущен в Рим с поручением склонить сограждан к миру. Однако Регул посоветовал сенату обратное — продолжать войну до победы. Верный своему слову — вернуться в случае неуспеха своего посольства в Карфаген, — он возвратился к врагам и был казнён. — Стр. 72, 73.

Атлант — титан; по греческому мифу он обречён был держать на своих плечах небесный свод в наказание за участие в борьбе против богов. — Стр. 278.

Аттал III (вторая половина II в. до н. э.) — последний пергамский царь, завещавший свои владения Риму. — Стр. 123—125.

Афина — в греческой мифологии богиня мудрости, покровительница искусств и ремёсел. В Риме отождествлялась с Минервой. — Стр. 269.

Ахилл (Ахиллес) — герой древнегреческих мифов, участник Троянской войны, сын морской богини Фетиды. Желая сделать Ахилла неуязвимым, богиня окунула его в воды священной подземной реки Стикса, держа за пятку. Ахилл был убит стрелой Париса, попавшей в пятку, которой не коснулись воды Стикса. — Стр. 267.

Батиат Лентул — владелец школы гладиаторов в Капуе, в которой обучался Спартак. — Стр. 169, 171.

Беллона — римская богиня войны, храм которой стоял на Капитолийском холме. — Стр. 93, 154, 165.

Бестия (Луций Кальпурний Бестия) — римский консул 111 г. до

н. э., воевавший с Югуртой. — Стр. 140.

Блоссий из Кум (II в. до н. э.) — греческий философ, учитель Тиберия Гракха. — Стр. 126, 127.

Бокх — мавританский царь, тесть нумидийского царя Югурты, выдавший его римлянам (105 г. до н. э.). — Стр. 143, 144.

Бренн (IV в. до н. э.) — легендарный вождь галлов во время нашествия последних на Рим. — Стр. 54—59.

Брут (Децим Юний Брут) — участник заговора против Цезаря, наместник Галлии, воевавший против Антония и казнённый по приказу последнего. — Стр. 251, 252, 254—259.

Брут (Луций Юний Брут) — вождь восстания против последнего римского царя Тарквиния Гордого и первый римский консул (509 г. до н. э.). — Стр. 18, 19, 21, 22, 250.

Брут (Марк Юний Брут, 85—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, один из организаторов убийства Цезаря. — Стр. 245, 248, 250—253, 254, 256, 259, 260, 263, 271.

Ваал — древний финикийский бог плодородия, вод, войны; почитался в Карфагене. — Стр. 78.

Вазак (I в.) — начальник конницы парфянского царя Вологеза I. — Стр. 289.

Валент — римский император, правивший в восточной части империи в 364—378 гг., брат и соправитель Валентиниана I, пал в битве с готами под Адрианополем. — Стр. 358—362.

Валентиниан I — римский император, правивший западной частью Римской империи в 364—375 гг. — Стр. 358.

Вариний Публий — римский претор 73 г. до н. э., потерпевший поражение в битве с восставшими рабами, во главе которых стоял Спартак. — Стр. 175, 177.

Варрон (Гай Теренций Варрон) — римский консул 216 г. до н. э., сторонник решительных действий против Ганнибала. Во время второй Пунической войны настоял на том, чтобы дать битву при Каннах, в которой римляне потерпели сокрушительное поражение. — Стр. 84—87.

Варрон (Марк Теренций Варрон, 116—27 гг. до н. э.) — римский учёный и писатель, автор многочисленных сочинений по римской литературе, языку, истории. Из его трудов до нас дошли только два: «О сельском хозяйстве» и трактат «О латинском языке» (в отрывках). — Стр. 309.

Венера — римская богиня любви и красоты (соответствовала греческой Афродите). — Стр. 208.

Вер Луций — римский император, правивший в 161—169 гг. (соправитель Марка Аврелия), умер в Альтине (Северная Италия) во время похода против германских племён квадов и маркоманов. — Стр. 329.

Вергилий (Публий Вергилий Марон, 70—19 гг. до н. э.) — один из крупнейших римских поэтов времени императора Августа. Принадлежал к кружку Мецената. Автор пастушеских песен «Буколики» и поэмы о земледелии «Георгики». Главное произведение Вергилия — эпическая поэма «Энеида», созданная по образцу великих греческих поэм «Илиады» и «Одиссеи». — Стр. 267—274, 309.

Вергилия — жена римского легендарного полководца Кориолана. — Стр. 50.

Верцингеториг — вождь галльского племени арвернов (сын Кельтилла), руководитель крупнейшего восстания галльских племён против римлян (52—51 гг. до н. э.). Разбитый войсками Цезаря, укрылся

в крепости Алезии, после падения которой был взят в плен и казнён в Риме (46 г. до н. э.). — Стр. 218—235.

Веста — римская богиня домашнего очага и огня. В храме Весты (на форуме в Риме) жрицы богини — весталки поддерживали вечный огонь. — Стр. 5, 145.

Вологез I — парфянский царь, правивший в первой половине I в. Ему удалось изгнать из Армении римлян и их ставленника царя Тирирана и посадить на армянский престол своего брата Тиридата. При Вологезе I Парфянское царство заметно усилилось. — Стр. 287—290.

Волумния — мать легендарного полководца римлян Корниолана. — Стр. 50.

Галл (Гай Корнелий Галл, 69—26 гг. до н. э.) — известный римский поэт, сподвижник Августа, назначенный правителем Египта. Утратив расположение императора, покончил с собой. — Стр. 279.

Гамилькар Барка (III в. до н. э.) — известный карфагенский политический деятель и полководец, отец Ганнибала. Командовал карфагенским войском в первой Пунической войне и в Испании. Умер в 229 г. до н. э. — Стр. 73, 74.

Ганнибал (ок. 247—183 гг. до н. э.) — выдающийся карфагенский полководец, сын Гамилькара Барки. Во время второй Пунической войны вторгся в Италию и в течение 16 лет вёл войну на её территории. Вынужденный оставить Италию, был разбит Сципионом Африканским при Заме (202 г. до н. э.). После заключения мира под давлением римлян и карфагенских олигархов Ганнибал был вынужден бежать и нашёл приют у сирийского царя Антиоха III. Когда Антиох был разбит римлянами при Магнесии (190 г. до н. э.), Ганнибал бежал в Вифинию, где был обнаружен и, не желая попасть в руки римлян, принял яд. — Стр. 74—92, 116, 178, 367.

Ганнон — карфагенский мореплаватель VI в. до н. э. Около 525 г. до н. э. на 60 судах совершил путешествие в Западную Африку. — Стр. 68.

Ганнон (II в. до н. э.) — карфагенский политик, выступивший незадолго до второй Пунической войны как сторонник мира с Римом. — Стр. 77.

Гасдрубал — карфагенский военачальник, зять Гамилькара Барки, после смерти которого (229 г. до н. э.) возглавил карфагенское войско в Испании. Убит в 221 г. до н. э. — Стр. 74.

Гасдрубал — карфагенский военачальник, брат Ганнибала; погиб в 207 г. до н. э. в битве при Метавре. — Стр. 80, 91.

Геллий Попликола (Луций Геллий Попликола) — римский консул 73 г. до н. э., разбивший у горы Гарган часть войск восставших гладиаторов и рабов, которыми командовал сподвижник Спартака Крикс. — Стр. 178.

Геркулес — римское имя героя греческой мифологии Геракла, совершившего много замечательных подвигов. В Италию культ Геракла — Геркулеса был занесён греческими колонистами. — Стр. 188, 303, 326, 351.

Гомер — согласно традиции, автор греческих эпических поэм «Илиада» и «Одиссея». — Стр. 182, 188, 270.

Гонорий — сын римского императора Феодосия и император Западной Римской империи, правивший в 395—423 гг. — Стр. 364—369.

Горацци — трое легендарных братьев-героев, отстоявших во время войны с Альба-Лонгой в поединке с тремя братьями Куриациями независимость Рима. — Стр. 11—13.

Гораций Коклес — легендарный римский воин, прославившийся во время войны с этрусским царём Порсенной. — Стр. 23.

Гораций (Квинт Гораций Флакк, 65—8 гг. до н. э.) — выдающийся римский поэт; вначале сторонник республики, затем придворный поэт императора Августа, автор «Од», «Сатир», «Посланий», «Эподов» и других произведений. Особенно известна его ода «Памятник», прославляющая поэзию и послужившая образцом для многих поэтов последующих времён (Державин, Пушкин). В «Науке поэзии» Гораций изложил свою теорию поэтического искусства. Творчество Горация оказало влияние на европейскую поэзию (особенно XVI—XVIII вв.). — Стр. 265, 270—274.

Гракс Гай (153—121 гг. до н. э.) — младший брат Тиберия Гракха, ставший народным трибуном в 123 и 122 гг. до н. э.; добивался, как и его брат, земельной реформы в интересах италийского крестьянства, стремясь приостановить его разорение и сохранить боеспособность армии. Потерпел поражение в гражданской войне и покончил с собой. — Стр. 121, 130—138, 148.

Гракс Тиберий (163—132 гг. до н. э.) — народный трибун 133 г. до н. э. Боролся против крупных аристократических землевладельцев (нобилитета) за аграрную реформу в интересах италийского крестьянства. Погиб в 132 г. до н. э. — Стр. 114—123, 130—132.

Грациан — римский император, правивший в 375—383 гг. в западной части Римской империи; соправитель сначала Валента, затем Феодосия. — Стр. 363.

Дамофил — сицилийский рабовладелец, убитый восставшими рабами в 138 г. до н. э. — Стр. 111, 112.

Дафна — в греческой мифологии нимфа, преследуемая Аполлоном и превращённая богами в лавр (по-гречески — «дафна»). — Стр. 278.

Дедал — легендарный греческий строитель, которому приписывали многие изобретения. Он построил на острове Крит для царя Миноса Лабиринт, сделал крылья, на которых улетел с Крита вместе с сыном Икаром, но в пути юноша погиб. — Стр. 278, 279.

Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, боровшийся против македонского влияния; один из величайших ораторов древности. — Стр. 62.

Децебал — царь даков, правивший в конце I — начале II столетия н. э. Вёл оборонительную войну (101—117 гг.) против римского императора Траяна; в конечном счёте потерпел поражение, после чего Дакия (современная Румыния) стала римской провинцией. — Стр. 316—325.

Дивитиак (I в. до н. э.) — вождь галльской знати и союзник Цезаря в борьбе против гелльветов (альпийских галлов). — Стр. 217.

Диоклетиан — римский император, правивший в 284—305 гг., укрепивший своими реформами (административной, финансовой, военной) мощь империи. — Стр. 349—351, 356.

Дионис (Вакх) — римский Бахус — греческий бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия. — Стр. 261.

Дионис — см. *Птолемей Дионис*.

Диурпаней (I в.) — царь даков, боровшийся против римских войск, посланных императором Домицианом; передал власть Децебалу, который продолжал борьбу с Римом. — Стр. 316.

Долабелла (Публий Корнелий Долабелла, ок. 69—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель, зять Цицерона; был избран консулом в 44 г. до н. э. — Стр. 254, 255.

Домициан — римский император из рода Флавиев, правивший в 81—96 гг. Вёл неудачную войну против даков. Стремясь установить единоличное управление империей, отстранил от власти сенат. Своей жестокостью и вымогательствами возбудил ненависть и был убит заговорщиками. — Стр. 301—303, 305, 306, 318.

Домиций Агенобарб (Гней Домиций Агенобарб, I в. до н. э.) — знатный римлянин, сторонник Антония, перешедший затем на сторону Октавиана. — Стр. 263.

Друз (Марк Ливий Друз, II в. до н. э.) — один из народных трибунов, противник Гая Гракха. — Стр. 133.

Дуилий Гай — римский консул, одержавший при мысе Милы (остров Сицилия) первую крупную морскую победу над Карфагеном в первой Пунической войне (260 г. до н. э.). — Стр. 72.

Евмен II — пергамский царь, отец Аристоника, правивший в 197—159 гг. до н. э. — Стр. 124.

Евн — вождь восставших рабов на острове Сицилия (138—132 гг. до н. э.). — Стр. 109—114.

Евридика — жена мифического фракийского певца Орфея. — Стр. 278.

Икар — герой греческой мифологии, сын Дедала. — Стр. 279.

Исида — важнейшая из богинь древнего Египта, супруга Осириса, мать Гора, покровительница плодородия, материнства, богиня жизни и здоровья. В Риме почитание Исиды начинается в I в. до н. э., а при императорах её культ стал пользоваться покровительством государства. — Стр. 261.

Калигула (Гай Юлий Калигула) — римский император, правивший в 37—41 гг. Отличался жестокостью и самодурством: например, назначил своего коня сенатором; убит дворцовой стражей. — Стр. 330.

Камилл (Марк Фурий Камилл, IV в. до н. э.) — легендарный римский полководец во время нашествия галлов. — Стр. 56, 57, 59, 60, 199.

Кассий (I в. до н. э.) — проконсул Предальпийской Галлии, разбитый Спартаксом у города Мутины. — Стр. 178.

Кассий (Гай Кассий Лонгин) — римский республиканец, один из руководителей заговора против Цезаря. Потерпев поражение при Филиппах (42 г. до н. э.), покончил с собой. — Стр. 238, 251, 254, 256, 259, 260, 263.

Кассий (Луций Кассий Лонгин) — римский консул 107 г. до н. э. (избран вместе с Марием). В том же году погиб на войне с галлами. — Стр. 149.

Катилина (Луций Сергий Катилина, 108—62 гг. до н. э.) — римский политический деятель периода кризиса республики, руководитель направленного против сенаторской олигархии заговора, к которому привлёк часть плебса, разорённой знати и др. Заговор был (в 63 г. до н. э.) разоблачён Цицероном. Катилина погиб в битве с посланными против него войсками. — Стр. 199—204, 207, 211.

Катон (Марк Порций Катон Старший, 234—149 гг. до н. э.) — римский политический деятель, консул 195 г., цензор 184 г. до н. э., защитник привилегий аристократии и ярый сторонник войны с Карфагеном. Автор трактата «О земледелии», содержащего ценные сведения о развитии хозяйства и экономики Италии во II в. до н. э. — Стр. 309.

Катон (Марк Порций Катон Младший Утический, ок. 96—46 гг. до н. э.) — римский республиканец, сражавшийся против Цезаря. Не

желая пережить гибель республики, покончил с собой в Утике (Африка). — Стр. 199, 201, 205, 206.

Кельтилл (I в. до н. э.) — вождь галльского племени арвернов, которому незадолго до прихода римлян удалось на короткое время объединить почти всю Галлию. — Стр. 218.

Кинеас (III в. до н. э.) — греческий философ и оратор, живший при дворе эпирского царя Пирра. — Стр. 62—65.

Клеон — один из вождей первого восстания рабов на острове Сицилия (138—132 гг. до н. э.). — Стр. 113, 114.

Клеопатра VII — последняя царица Египта из династии Птолемеев, правившая с 51 по 30 г. до н. э., жена Марка Антония. Покончила с собой после того, как римляне захватили Египет. — Стр. 260—265.

Клодий — римский претор, который был в 73 г. до н. э. разбит у подножия Везувия восставшими гладиаторами и рабами под предводительством Спартака. — Стр. 173, 175.

Колумелла (Луций Юний Модерат Колумелла, I в.) — римский писатель, автор сочинений о сельском хозяйстве. — Стр. 309.

Коминий Понтий — легендарный воин, отличившийся в войне с галлами (IV в. до н. э.). — Стр. 57.

Коминий (Постум Коминий Аврунк) — римский консул 501 и 493 гг. до н. э., во времена войн с вольсками и антиатами. — Стр. 42, 44, 45.

Константин (Флавий Валерий Константин) — римский император, правивший в 306—337 гг., укрепивший государственную власть. Сделав христианство государственной религией, он превратил церковь в опору трона. Основал на месте древнего греческого города Византия новую столицу — Константинополь. — Стр. 351—357.

Корбулон (Гней Домиций Корбулон, I в.) — римский военачальник, посланный императором Нероном против царя Армении Тиридата. — Стр. 287, 288.

Кориолан (Гай Марций Кориолан) — легендарный представитель патрицианского рода Марциев, которого традиция изображает сторонником патрициев в их борьбе с плебеями в Риме. Отличился в войне с вольсками при взятии Кориол (493 г. до н. э.) — отсюда полученное им почетное прозвище Кориолан. Затем, преследуемый трибунами за несправедливый раздел добычи, перебежал к вольскам и возглавил армию, осаждавшую Рим. Уступил мольбам матери и жены и снял осаду. Как изменник был убит вольсками. — Стр. 40—51.

Красс (Марк Лициний Красс, 114—53 гг. до н. э.) — римский политический деятель, крупнейший богач, составивший себе состояние во время сулланских проскрипций; командовал римской армией, разбившей Спартака; участник первого Триумvirата (60 г. до н. э.); погиб в войне с парфянами. — Стр. 166, 178—180, 203, 207, 208, 211—213, 215, 235, 236.

Красс (Публиций Лициний Красс) — римский консул 131 г. до н. э., который вел неудачную войну против Аристоники. — Стр. 128, 129.

Крикс — гладиатор, один из вождей восстания рабов и гладиаторов под руководством Спартака. — Стр. 173, 177.

Куриации — трое легендарных братьев из Альба-Лонги, погибшие в поединке с тремя римскими юношами Горациями. Поражение привело к подчинению Альба-Лонги Риму. — Стр. 11—13.

Лаокоон — троянский герой, жрец Аполлона. Лаокоон попытался

помешать троянцам втащить в город деревянного коня, в котором были спрятаны греческие воины. Боги, обрекшие Троя на гибель, послали двух огромных змей, удушивших Лаокоона и обоих его сыновей. — Стр. 268, 269.

Левин (Публий Валерий Левин) — римский консул, воевавший против эпирского царя Пирра и разбитый им в битве при Геракле в 280 г. до н. э. — Стр. 64.

Ливий Марк — римский консул 207 г. до н. э. Во время второй Пунической войны он вместе с войсками второго консула Гая Клавдия Нерона разбил при Метавре карфагенскую армию Гасдрубала, шедшего на помощь своему брату Ганнибалу. — Стр. 91.

Лукулл (Луций Лициний Лукулл, 106—53 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, консул 74 г. до н. э., воевал против понтийского царя Митридата VI Евпатора и, разбив его в 71 г. до н. э., завоевал Малую Азию; славился своим богатством и роскошью устраиваемых им пиров. — Стр. 220.

Магон — карфагенский полководец, брат Ганнибала. — Стр. 91.

Максимиан — римский император, сопровитель Диоклетиана, правил западной частью Римской империи с 284 по 305 г.; боролся с багдадами и агонистиками. — Стр. 349—351.

Манлий (Марк Манлий Капитолийский) — римский воин, благодаря мужеству и бдительности которого удалось спасти Капитолий от захвативших Рим галлов (392 г. до н. э.). За этот подвиг к его имени и к имени его потомков было добавлено почётное прозвище Капитолийский. — Стр. 58.

Манцин (Тит Манлий Манцин) — народный трибун 107 г. до н. э., который предложил передать командование римской армией, воевавшей с Югуртой, Марию. — Стр. 149, 152.

Марий (Гай Марий, 156—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, неоднократно избиравшийся консулом; победил нумидийского царя Югурту и отразил нашествие кимбров и тевтонов. Марий провёл военную реформу, способствовавшую превращению римских воинов в профессиональных солдат. Боролся с Суллой за господство в Риме. — Стр. 143—145, 148—153, 154—164, 209—211, 240.

Марс — римский бог войны, соответствовавший греческому Арею. Согласно легенде Марс был отцом основателей Рима Ромула и Рема. — Стр. 27, 154, 326.

Марцелл (Гай Клавдий Марцелл) — римский консул 50 г. до н. э., противник Цезаря. — Стр. 238.

Масинисса (конец III, начало II в. до н. э.) — нумидийский царь, союзник Рима и основатель нумидийской державы в Северной Африке. — Стр. 138.

Меркурий — римский бог — покровитель путников и торговцев, соответствовал греческому Гермесу. — Стр. 327, 340.

Мессала (Марк Валерий Мессала, I в. до н. э.) — выдающийся римский оратор и полководец, сторонник республики, перешедший на сторону Октавиана. В правление Августа, подобно Мекенату, поощрял писателей и поэтов. Среди поэтов, которым покровительствовал Мессала, был знаменитый Овидий. — Стр. 270—274.

Метелл (Квинт Цецилий Метелл) — римский государственный деятель, сторонник аристократии; вёл войну с нумидийским царём Югуртой (109—107 гг. до н. э.); сменён Марием. — Стр. 142, 143, 148, 149.

Меценат (Гай Цильний Меценат, I в. до н. э.) — знатный римлянин, близкий друг императора Августа; прославился своим богатством и покровительством поэтам и художникам. Из кружка Мецената вышли поэты Вергилий и Гораций. Имя Мецената стало нарицательным, обозначающим бескорыстного покровителя искусств. — Стр. 266—274.

Минерва — римская богиня, покровительница науки и ремесла, соответствовала греческой Афине. — Стр. 188, 281, 292, 326.

Минос — по греческим мифам — царь острова Крит, подчинивший себе Грецию; был убит на острове Сицилия, когда преследовал бежавшего с Крита Дедала, и после смерти стал одним из трёх судей подземного царства. — Стр. 274, 278.

Минотавр — мифическое чудовище, обладавшее туловищем человека и головой быка, жившее на острове Крит в специально построенном для него Дедалом Лабиринте. Сюда афиняне должны были присылать каждые семь лет юношей и девушек, которых чудовище пожирало. Минотавр был убит афинским героем Тесеем. — Стр. 274.

Митридат V Эвергет — понтийский царь, правивший в 156—121 гг. до н. э.; поддерживал римлян в борьбе против Аристоники. — Стр. 127, 128.

Митридат VI Евпатор — понтийский царь (ок. 121—64 гг. до н. э.); долго воевал против Рима и был разбит Помпеем (66 г. до н. э.); бежал в Тавриду (современный Крым), где покончил с собой. — Стр. 156, 157, 160, 164, 165, 175.

Муций Сцевола — легендарный римский герой, подвиг которого в борьбе с этрусским царём Порсенной спас Рим. — Стр. 23, 24.

Нарцисс (Наркисс) — мифический юноша, влюбившийся в собственное изображение и превращённый богами в цветок — Стр. 277.

Нептун — римский бог морей, соответствовал греческому Посейдону. — Стр. 281.

Нерон (Нерон Клавдий Цезарь) — римский император, правивший в 54—68 гг.; известен своей жестокостью в борьбе с сенаторской оппозицией. Установленные Нероном высокие поборы с провинций вызывали недовольство населения. В конце царствования Нерона вспыхнули восстания в Иудее (66—73 гг.), в Галлии (68 г.), Испании (68 г.) и др. В Риме восстали войска. Нерон вынужден был бежать и покончил с собой. — Стр. 287—290, 306.

Нерон (Гай Клавдий Нерон) — римский консул 207 г. до н. э., во время второй Пунической войны. — Стр. 91.

Ниоба (Ниобея) — персонаж греческой мифологии, мать семерых сыновей и семерых дочерей, похваляясь которыми она оскорбила богиню Лето, имевшую только двоих детей — Аполлона и Артемиду. За оскорбление матери Аполлон и Артемида поразили стрелами всех детей Ниобы. От горя Ниоба превратилась в скалу. — Стр. 277.

Одоакр (умер в 493 г.) — германский военачальник, предводительствовавший наёмниками западных римских императоров. В 476 г. Одоакр сверг Ромула Августа — последнего римского императора — и захватил власть в Италии. — Стр. 372.

Овидий (Публий Овидий Назон, 43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — римский поэт, автор поэмы «Метаморфозы» («Превращения»), в которой были обработаны греческие и римские мифы. Овидий был сослан императором Августом в город Томы (возле современной Констанцы) и написал там элегические послания («Скорбные элегии»), в которых сетовал на судьбу изгнанника. — Стр. 273—285.

Октавиан (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, 63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — внучатный племянник Цезаря, усыновлённый им. После смерти Цезаря заключил союз с Антонием и Лепидом (второй Триумvirат — 43 г. до н. э.). Постепенно оттеснил и разгромил своих противников и после победы над Антонием при Акции (31 г. до н. э.) стал полновластным диктатором Рима. В 27 г. до н. э. сенат преподнёс ему титул принцепса (главы государства) и назвал Августом (Священным). Это означало фактическое установление империи в Риме. — Стр. 253—260, 262—273, 275, 279, 280, 283.

Октавий Гней — римский консул 87 г. до н. э., сторонник Суллы. — Стр. 163, 164.

Октавий Марк — народный трибун 133 г. до н. э., сторонник римской знати и противник политики Тиберия Гракха, отстранённый по предложению последнего от власти. — Стр. 118—120, 132.

Опимий — римский консул 121 г. до н. э., ярый противник Гая Гракха; руководил борьбой знати против Гракха и его сторонников. — Стр. 134—136.

Орест — герой греческой мифологии, сын Агамемнона и Клитемнестры, отомстивший матери за убийство отца. Имена Ореста и его товарища Пилада, как неразлучных друзей, стали нарицательными. — Стр. 267.

Орфей — мифический фракийский певец, считался изобретателем музыки, стихосложения. Мифы рассказывают, что музыка Орфея укрощала диких зверей, двигала камни, успокаивала бури. Своим пением Орфей растрогал повелителей подземного царства, и они ему разрешили спуститься туда и вывести на землю недавно умершую жену Евридику, но по пути он не должен был оглядываться на неё до выхода на дневной свет. Орфей нарушил запрет и навеки потерял Евридику. — Стр. 278.

Папирий (Марк Папирий, IV в. до н. э.) — сенатор, представитель древнего плебейского рода, убитый галлами при взятии Рима. — Стр. 56.

Парис — сын троянского царя Приама. После рождения был брошен на съедение диким зверям, так как было предсказано, что ребёнок явится причиной гибели Трои. Однако Парис был спасён, воспитан пастухами. Известна также легенда о суде Париса, к которому обратились три богини — Гера, Афина и Афродита (римские — Юнона, Минерва и Венера), чтобы он решил, какая из них самая прекрасная (той должно было достаться золотое яблоко). Парис отдал предпочтение Афродите, которая стала его покровительницей, помогла ему похитить прекрасную Елену, что было поводом к походу греков против Трои (Троянская война) и гибели Трои. — Стр. 331.

Патрокл — участник Троянской войны, друг Ахилла. Был убит троянским героем Гектором. Чтобы отомстить за смерть друга, Ахилл, который из-за ссоры с предводителем греков Агамемноном перестал сражаться, вновь вступил в войну с троянцами. — Стр. 267.

Перперна Марк — римский полководец, подавивший восстание Аристоника в 130 г. до н. э. — Стр. 129, 130.

Персей — македонский царь, разбитый римлянами в 168 г. до н. э. в битве при Пидне. — Стр. 93, 94.

Пет (Гай Цезенний Пет, I в.) — римский полководец, воевавший (при императоре Нероне) вместе с Корбулоном против армянского царя Тиридата и его брата парфянского царя Вологеза I. Поход Пета

закончился неудачей: римское войско было разбито и вынуждено было оставить Армению. — Стр. 288, 289.

Пиндар (ок. 518—438 гг. до н. э.) — древний греческий поэт, крупный представитель торжественной хоровой лирики. — Стр. 272.

Пирр (убит в 272 г. до н. э.) — эпирский царь. В 280 г. до н. э. выступил (как союзник греческой колонии в Италии — Тарента) против Рима. В следующем году разбил римлян, но понёс при этом такие большие потери, которые истощили его силы. В 275 г. до н. э. был окончательно разбит римлянами у Беневента и вскоре погиб в Аргосе. — Стр. 61—67, 221.

Помпей Вар (I в. до н. э.) — друг поэта Горация, сражавшийся вместе с ним в войсках Брута против сил второго Триумvirата. — Стр. 270.

Помпей Гней (106—48 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, полководец; участвовал в подавлении восстания Спартака. Снискал большую популярность победой над киликийскими пиратами и понтийским царём Митридатом VI Евпатором, а также покорением Сирии. Вместе с Цезарем и Крассом создал Триумvirат (60 г. до н. э.), разделявший между ними власть над римским государством. После гибели Красса в Парфянской войне боролся против Цезаря, потерпел поражение при Фарсале (48 г. до н. э.), бежал в Египет и был там убит. — Стр. 188, 207, 208, 211, 212, 213, 215, 221, 235—247, 250, 252, 258, 289.

Порсенна — правитель этрусского города Клузия; вёл в конце VI в. до н. э. борьбу против Рима, в которой потерпел поражение. — Стр. 23, 24.

Прокопий (IV в.) — приближённый римского императора Юлиана; возглавил восстание во Фракии против императора Валента, был разбит и казнён. — Стр. 358, 359.

Птолемей XII Дионис — египетский царь, в правление которого (51—48 гг. до н. э.) был убит бежавший в Египет после поражения при Фарсале Помпей. — Стр. 246.

Радагайс — вождь одного из германских племён, вторгшихся в Италию в начале V в. — Стр. 366.

Регул — см. *Атилий*.

Рем — брат Ромула, один из основателей Рима. — Стр. 4, 6—8, 146.

Рея Сильвия — мать легендарных основателей Рима — Ромула и Рема. — Стр. 5, 6.

Ромул — легендарный основатель Рима и его первый царь, основал город вместе со своим братом Ремом, которого убил в споре. — Стр. 4—10, 146, 368.

Ромул Августул — последний император западноримской империи, свергнутый в 476 г. германским военачальником Одоакром. — Стр. 372.

Рупилий Публий — римский консул, подавивший восстание рабов на острове Сицилия в 132 г. до н. э. — Стр. 113, 114.

Сафо (Сафо) — величайшая поэтесса древней Греции (VII—VI вв. до н. э.), жившая на острове Лесбос; её произведения — свадебные песни, гимны, любовные стихи. — Стр. 270.

Сатурн — древний бог посевов, с которым связана римская легенда о введении в Италии земледелия и о «золотом веке», когда на земле царил мир и люди жили в довольстве. — Стр. 118, 147, 308.

Сервий Туллий (VI в. до н. э.) — один из римских царей. Ему приписывается проведение реформы, разрушившей древний родовой

строй римского общества (было установлено пять разрядов, в которые граждане включались не по родовому, а по имущественному признаку). В зависимости от нового деления граждан стала строиться и римская армия. — Стр. 10, 16, 17, 19, 32, 33, 163.

Силан (Децим Юний Силан, I в. до н. э.) — римский сенатор, консул 62 г. до н. э. — Стр. 199, 201—206.

Спартак — римский гладиатор, происходивший из Фракии. Возглавил крупнейшее восстание рабов в 73—71 гг. до н. э. — Стр. 167, 171—181, 203, 207, 331.

Стилий Флавий (конец IV — начало V в.) — полководец римского императора Гонория, происходивший из германского племени вандалов. Успешно воевал с готами, предводительствуемыми Аларихом, и разбил их. — Стр. 364—367.

Сулла (Луций Корнелий Сулла, 138—78 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель, представитель реакционных землевладельцев римской республики (оптиматов), консул 88 г. до н. э.; завершил войну с нумидийским царём Югуртой (111—105 гг. до н. э.), командовал римской армией в первой войне с понтийским царём Митридатом VI Евпатором (88—85 гг. до н. э.), закончившейся победой и присоединением к Риму Малой Азии. Вёл ожесточённую борьбу за власть с Марием и его сторонниками, и, одержав окончательную победу (82 г. до н. э.), установил свою диктатуру, сопровождавшуюся массовым истреблением противников. — Стр. 144, 153—167, 188, 209, 210, 240.

Суллиций Руф (Публий Суллиций Руф) — народный трибун 88 г. до н. э., сторонник Марии в его борьбе против Суллы. — Стр. 159, 160, 163.

Сципион (Публий Корнелий Сципион Старший) — консул 218 г. до н. э., отец Сципиона Африканского. — Стр. 81, 83, 88.

Сципион (Публий Корнелий Сципион Африканский) — римский консул 205 и 194 гг. до н. э., полководец, разбивший во второй Пунической войне Ганнибала в битве при Заме (202 г. до н. э.), за что и получил прозвище Африканский. — Стр. 88, 92.

Сципион Эмилиан (Публий Корнелий Сципион Эмилиан, 185—129 гг. до н. э.) — победитель Карфагена в третьей Пунической войне (149—146 гг. до н. э.). — Стр. 115, 116.

Тарквиний Гордый — последний римский царь. Предания рассказывают о его самовластии, жестокости, которые вызвали всеобщее недовольство, привели к его изгнанию (510 г. до н. э.) и к установлению в Риме республики. — Стр. 17—22, 250.

Тарквиний Древний — пятый римский царь, которому приписывается закладка Капитолийского храма и постройка канализации в Риме (Большая клоака). — Стр. 10.

Тацит Корнелий (ок. 55—ок. 120 гг.) — крупнейший римский историк, ярый враг деспотизма. Главные его труды — «Истории», «Анналы» (история Рима времени империи) и «Германия» — один из важнейших источников по истории социального и общественного строя древних германцев. — Стр. 305—307.

Тетрик — правитель Галлии, отпавшей во второй половине III в. от Рима и ставшей самостоятельной державой со столицей в городе Бурдигале (современный Бордо). Испуганный восстаниями крестьян и рабов, спасаясь от мятежных солдат, Тетрик перешёл на сторону римского императора Аврелиана (270—275 гг.), что привело к восстановлению единства Римской империи. — Стр. 348, 349.

Тигран II — царь Армении, правивший в 95—56 гг. до н. э. Вёл борьбу с парфянами и заметно расширил свои владения, заложил новую столицу — Тигранокерт (на границе Армении и Месопотамии). В конце своего правления, в войне с римлянами потерпел поражение и признал себя вассалом Рима. — Стр. 285.

Тиридат — брат парфянского царя Вологеза I, ставший после отпадения Армении от Рима (52 г.) армянским царём. Тиридат вёл продолжительную борьбу с Римом, закончившуюся компромиссным миром: Тиридат остался царём Армении, но знаки своей власти получил из рук римского императора Нерона (66 г.). — Стр. 285, 287—290.

Тит Таций — легендарный сабинский царь, при котором, согласно традиции, произошло слияние сабинян и римлян в один народ. До своей смерти Тит Таций был соправителем Ромула. — Стр. 9.

Траян (Марк Ульпий Траян) — римский император, правивший с 98 по 117 г.; вёл захватнические войны, расширившие границы Римской империи: покорил Дакию (современную Румынию), северо-западную Аравию и другие страны. Усилил централизацию римского государственного управления. В его честь на форуме была сооружена колонна с изображениями сцен из войны в Дакии. — Стр. 302, 304, 305, 318—325, 327, 341, 356.

Тулл Аттий — предводитель враждебного римлянам племени вольсков, к которым бежал Кориолан, чтобы поднять вольсков против своего родного города. — Стр. 48.

Тулл Гостилий — третий римский царь, в правление которого, согласно традиции, город Альба-Лонга был присоединён к Риму. — Стр. 11, 135.

Туллия — согласно легенде, дочь римского царя Сервия Туллия и жена последнего царя Тарквиния Гордого. — Стр. 17.

Фабия — жена римского поэта Публия Овидия Назона. — Стр. 280.

Фабий Максим (Квинт Фабий Максим Кунктатор) — римский полководец, который в 217 г. до н. э., в войне с Ганнибалом, получил диктаторские полномочия. Придерживался в борьбе с карфагенским полководцем осторожной, выжидательной тактики, за что и был прозван Кунктатором (медлителем). — Стр. 78, 79.

Фавн — римский бог лесов, полей, покровитель пастухов и их стад. — Стр. 308.

Фараксен (IV в.) — вождь антиримского восстания агонистиков в Африке. — Стр. 348.

Феодосий — римский император (правил в 379—395 гг.), подавивший восстание рабов и колонов; заключил мир с готами; в конце своего царствования разделил империю на две части: западную и восточную. — Стр. 363, 364.

Флор (II в.) — римский историк, автор военной истории Рима от времён царей до смерти Августа. — Стр. 130.

Фритигерн (IV в.) — вождь вестготов, восставших против императора Валента и захвативших Мезию, Фракию, Македонию и северную часть Греции. — Стр. 361—363.

Фульвий (Марк Фульвий Флакк) — сподвижник братьев Гракхов, консул 125 г. до н. э.; погиб вместе с Гаем Гракхом в 121 г. до н. э. — Стр. 122, 135—137.

Церера — римская богиня плодородия, соответствовавшая греческой Деметре. — Стр. 325.

Цезарь (Гай Юлий Цезарь, 100—44 гг. до н. э.) — римский политический деятель и полководец, участник первого Триумвирата (60 г.

до н. э.); завоевал Галлию (58—49 гг. до н.э.), с 48 г. до н. э. единовластный правитель Рима; известен как писатель, отличающийся точностью, краткостью и выразительностью языка (сохранились его «Записки о Галльской войне», «Записки о гражданской войне» и др.). Убит противниками диктатуры 15 марта 44 г. до н. э. — Стр. 202—214, 216—223, 227, 229, 230, 232—257, 259, 269, 289, 306, 349.

Цинна (Луций Корнелий Цинна) — консул 87 г. до н. э., представитель римских демократических кругов во время борьбы между Марием и Суллой. После отъезда Суллы в Азию Цинна вместе с Марием произвёл переворот и до 84 г. до н. э. был фактически единоличным правителем Рима. Был убит своими солдатами при попытке организовать карательную экспедицию против Суллы. — Стр. 163, 164, 209.

Цицерон (Марк Туллий Цицерон, 106—43 гг. до н. э.) — римский политический деятель периода падения республики, великий оратор и писатель, консул 63 г. до н. э., боровшийся с Катилиной и добившийся изгнания этого заговорщика и казни его сторонников; в годы Триумvirата сторонник Помпея, но после поражения Помпея был прощён Цезарем. Казнён в период второго Триумvirата. — Стр. 184, 201—206, 255, 257, 258, 262.

Эвергет — см. *Митридат V Эвергет*.

Элиан — вождь восставших багаудов, захвативших Галлию в 80-х годах III в. — Стр. 349.

Эмилий Павел (Луций Эмилий Павел) — римский консул в 219 и 216 гг. до н. э., воевавший против карфагенян во время второй Пунической войны. Погиб в битве при Каннах, в которой Ганнибал наголову разбил его войска и войска второго консула Теренция Варрона. — Стр. 84, 86.

Эмилий Павел (Луций Эмилий Павел Младший) — сын предыдущего; дважды избирался римским консулом. В битве при Пидне (168 г. до н. э.) разбил македонского царя Персея. — Стр. 93—95, 97, 150.

Эней — легендарный троянский вождь, бежавший из Малой Азии после гибели Трои. Испытав в пути множество приключений, высадился в Италии и поселился там. Римляне считали Энея своим родоначальником. — Стр. 5, 269, 270, 303, 313.

Эномай — гладиатор, один из сподвижников Спартака во время восстания рабов в 73—71 гг. до н. э. — Стр. 173.

Эрманарих (Германарих, IV в.) — царь вестготов. Узнав о вторжении гуннов, покончил с собой. — Стр. 360.

Эскулап — бог врачевания у римлян, считался покровителем врачей. У греков назывался Асклепием. — Стр. 100.

Эхо — в греческой мифологии нимфа (олицетворение эха). Полюбив прекрасного Нарцисса, она так высохла от мук неразделённой любви, что от неё остался только голос. — Стр. 277.

Ювенал (Децим Юний Ювенал, ок. 60—127 гг.) — знаменитый римский писатель-сатирик. В своих сатирах обличал императорский деспотизм, пороки римской знати и недостатки римского общества. — Стр. 302—307.

Югурта — нумидийский царь (внук Масиниссы), воевавший против Рима в 111—105 гг. до н. э. и добившийся в этой войне крупных успехов; затем был разбит Марием, взят в плен и казнён в Риме. — Стр. 138—144, 148, 149.

Юлий Цезарь — см. *Цезарь*.

Юлиан — римский император, правивший в 361—363 гг.; пытался восстановить языческую религию, за что был церковью прозван Отступником. Погиб в войне с персами. — Стр. 358.

Юнона — римская богиня, супруга повелителя богов Юпитера, считалась покровительницей женщин и богиней брака. — Стр. 53, 58, 292, 326.

Юпитер — главное божество римлян, владыка неба. Отождествлялся с греческим Зевсом. — Стр. 94, 276, 292, 324, 326, 351.

Ямбул — эллинистический писатель (время жизни неизвестно), автор утопического романа «Путешествия на остров солнца», в котором он рисует общество, не знающее угнетения и противоречий. — Стр. 125.

Янус — древнеиталийское божество входов и выходов. Римляне считали, что Янус открывает утром ворота неба и выпускает на землю день, а вечером их закрывает. Храм Януса на форуме состоял из двух арок, соединённых боковыми стенами. Во время мира ворота храма были закрыты, при объявлении войны — открывались и сквозь них проходили идущие в поход войска. Януса изображали с двумя лицами, обращёнными в противоположные стороны. Отсюда выражение — «двуликий Янус». — Стр. 146.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВАНИЕ РИМА <i>М. Б. Рабинович</i>	3
РИМ ПРИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЯХ <i>М. Б. Рабинович</i>	10
УСТАНОВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ <i>М. Б. Рабинович</i>	17
СОБРАНИЕ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ <i>М. Б. Рабинович</i>	24
УХОД ПЛЕБЕЕВ НА СВЯЩЕННУЮ ГОРУ <i>М. Б. Рабинович</i>	33
ГАЙ МАРЦИЙ КОРИОЛАН <i>М. Б. Рабинович</i>	40
НАШЕСТВИЕ ГАЛЛОВ <i>М. Б. Рабинович</i>	52
ПИРРОВА ПОБЕДА <i>М. Б. Рабинович</i>	60
РИМ И КАРФАГЕН <i>Д. П. Каллистов</i>	67
КАРФАГЕНЯНЕ В ИСПАНИИ <i>Д. П. Каллистов</i>	73
ПОХОД ГАННИБАЛА В ИТАЛИЮ <i>Д. П. Каллистов</i>	78
БИТВА ПРИ КАННАХ <i>Д. П. Каллистов</i>	84
ПОРАЖЕНИЕ КАРФАГЕНА <i>Д. П. Каллистов</i>	88
ТРИУМФ <i>М. Н. Ботвинник</i>	92
РАБСТВО В РИМЕ <i>М. Н. Ботвинник</i>	98
ПЕРВОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ В СИЦИЛИИ <i>Б. П. Селецкий</i>	107
ТИБЕРИЙ ГРАКХ <i>Д. П. Каллистов</i>	114
АРИСТОНИК <i>О. Н. Юлкина</i>	123
ГАЙ ГРАКХ <i>Д. П. Каллистов</i>	130
ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА И РЕФОРМА <i>МАРИЯ. Б. П. Селецкий</i>	138
НА РИМСКОМ ФОРУМЕ <i>Б. П. Селецкий</i>	145
ДИКТАТОР СУЛЛА <i>Д. П. Каллистов</i>	153
СПАРТАК <i>М. Н. Ботвинник</i>	167
В РИМСКОЙ ШКОЛЕ <i>Б. П. Селецкий</i>	182
РИМСКИЕ РЫНКИ <i>Б. П. Селецкий</i>	189
В РИМСКОМ СЕНАТЕ <i>М. Н. Ботвинник</i>	198
ВОЗВЫШЕНИЕ ЦЕЗАРЯ <i>Д. П. Каллистов</i>	207
ЗАВОЕВАНИЕ ГАЛЛИИ <i>Б. П. Селецкий</i>	213
ОСАДА АЛЕЗИИ <i>М. Н. Ботвинник</i>	223
ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ <i>Д. П. Каллистов</i>	235

ИДЫ МАРТА. Д. П. Каллистов	246
НАСЛЕДНИК ЦЕЗАРЯ. Е. М. Штаерман	253
УСТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ. Е. М. Штаерман	260
ТРИ ПОЭТА. Ю. П. Суздальский	266
ОВИДИЙ. Ю. П. Суздальский	274
ПУТЕШЕСТВИЕ ТИРИДАТА В РИМ. Е. М. Штаерман	285
ПОМПЕИ. Е. М. Штаерман	291
«БИЧИ ТИРАНОВ». Е. М. Штаерман	301
РИМСКАЯ ВИЛЛА. Е. М. Штаерман	308
ДЕЦЕБАЛ. Е. М. Штаерман	316
В РИМСКОМ ГОРОДЕ. Е. М. Штаерман	325
В АМФИТЕАТРЕ. Е. М. Штаерман	333
ПЛОТНИК ИЗ АРЕЛАТЫ. Е. М. Штаерман	340
«БОРЦЫ». Е. М. Штаерман	346
ДВОР КОНСТАНТИНА. Е. М. Штаерман	351
ВОССТАНИЕ ГОТОВ НА ДУНАЕ. Е. М. Штаерман	358
ПАДЕНИЕ «ВЕЧНОГО ГОРОДА». Е. М. Штаерман	364
<i>Краткий словарь имён, встречающихся в книге</i>	<i>373</i>

ДРЕВНИЙ РИМ

Книга для чтения

Редакторы В. И. Служанов,

Л. Н. Покровский

Художник И. Л. Ушаков

Художественный редактор В. И. Рывчин

Технические редакторы Л. Я. Медведев,

Е. Н. Холошина

Корректор Т. М. Графовская

Сдано в набор 13/1—1969 г. Подписано к печати 21/VII—1969 г. Формат 84×108¹/₂. Печ. л. 20.58 (12.25). Бумага глубокой печати. Уч.-изд. л. 21.05. Тираж 100 тыс. экз. (Тем. пл. 1969 г. № 367) А—04154.

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Заказ № 65

Цена без переплета 53 коп., переплет 15 коп.

68 коп.

ДРЕВНИЙ
РИМ